

фантастическая
история

Юрий Корнеев
Леонхард
фон Линдендорф.
Барон

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

Вот повезло так повезло! Уснул туристом в современной Германии, проснулся там же, но в четырнадцатом веке. Вокруг творится нечто, но ясно одно: тебя собираются убить! А ты не простой человек, ты барон, хоть и юный, да еще и раненый. Ты сеньор людей, что окружают тебя, и отвечаешь за них. И они погибнут вместе с тобой. Потому что это их долг, а твой долг – защитить их. Тогда прочь ненужные сейчас рассуждения и переживания и вперед, в бой! И еще. Похоже, это навсегда. Всю жизнь придется драться за свою жизнь и жизнь близких тебе людей. Ну так и дерись. И все у тебя будет: и друзья и любовь.

- [Юрий Корнеев](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Юрий Корнеев

Леонхард фон Линдендорф. Барон

Глава 1

Я очнулся от боли. От сильной боли. Болело все, но больше всего голова. Что за черт!.. Вроде вчера не пил – кружка пива не в счет. Почему тогда так голова болит? В голове какие-то дурацкие мысли бродят. Отстояли ли мы замок? Какой замок? От кого мы его должны отстоять? В голове какая-то муть. То ли я Юрий Леднев, то ли Леонхард фон Линдендорф. Какой Хард, какой такой Дорф?.. Ничего не могу сообразить. А все из-за жуткой головной боли. Может, траванулся чем? Ох уж эти хваленые немецкие колбаски... А больше я и не ел ничего. Выпил кружку пива с колбасками и лег спать. Ну да, мне же завтра, вернее – уже сегодня в Голландию ехать, а за рулем я сам, так что особо не развернешься. Полицейские тут юмора не понимают, да и самому жить еще не надоело: улететь куда-нибудь на сумасшедшей скорости – верная смерть, никакие подушки безопасности не спасут. Но что же все-таки случилось? Я наконец решил попросить воды: может, кто услышит. Но из горла вырвался лишь хрип. И тут же у меня над ухом кто-то заорал:

– Господин барон, господин барон, вы живы?! Курт, Курт, господин барон очнулся!

Мою голову приподняли и дали мне наконец напиться. Фух, немного полегчало. И кто у нас барон? Не по его ли милости я в таком состоянии? Я попытался приподняться. Кто-то мне помог, и я привалился спиной к стене. Мне мокрой тряпкой обтерли лицо, и я смог открыть глаза. Передо мной на коленях с мокрой тряпкой в руке стоял бородатый мужик со зверской рожей. Появился еще один и присел передо мной на корточки. Этот выглядел поприличнее. Но почему-то весь был в железе. На нем одет хоуберк – это такая кольчуга с длинными рукавами и капюшоном, поверх хоуберка – простенькая бригантина, тоже доспех, в виде жилетки. На ногах кольчужные чулки. На голове небольшой шлем хирнхаубе в виде детского горшка, но, правда, без ручки. На поясе меч в ножнах. С другой стороны – длинный кинжал. Да, дядя неплохо упакован. Такой прикид стоит немалых денег. Я такое видел в Мюнхене в музее на манекене средневекового рittersa. Это из-за реконструкторов, что ли, я в таком состоянии? Хотя на реконструктора дядя совсем не похож. Он вообще на современного немца не похож, а я ведь сейчас в Германии. Современные немцы – мягкие и пушистые. Даже бритоголовые у них какие-то очень уж цивилизованные. А у этого в глазах смерть. Ну ничуть не сомневаюсь – если что, он достанет

свой нож-переросток и переполовинит живого человека, даже не поморщится. Куда же это я попал?

– Что здесь происходит?.. – проскрипел я.

– Горожане сняли осаду и ушли, – ответил мужик в кольчуге – по-видимому, тот самый Курт.

– Не понял...

– А что здесь непонятного – они с утра притащили кулеврину и жахнули из нее. Вот вы с вашим батюшкой под этот залп и угодили. Вас, видно, контузило, вон на шлеме вмятина. Хорошо что под стеной телега с дровами стояла, на нее вы и свалились. Если бы на камни двора – точно убились бы. А вот старому барону не повезло – его... насмерть. Так что принимайте командование, господин барон. Теперь вы хозяин замка. А горожане ушли, когда увидели, как мы приспустили знамя в знак траура. Видно, посчитали, что вас обоих убило. Ну, они ж видели, как вас двоих со стены картечью снесло... Вот и ушли. Пошли праздновать, отрывжки дьявола. А завтра утром вернутся и разграбят замок.

– Как это?

– Ну как же – они ведь думают, что вы оба мертвы. А раз вы мертвы, то нам защищать замок уже нет смысла. Мы ведь клялись в верности вашему батюшке, старому барону, и вам. Вот они и решили, что мы сами к вечеру уйдем. В общем-то правильно решили. Если бы и вы погибли, то мы бы ушли. Но теперь с утра их ждет сюрприз.

– Выстоим?

– Нет, конечно. Но хоть заберем с собой в могилу побольше этих собак.

– Иди, я пока подумаю.

Так, похоже, это все всерьез. Мои глаза меня обмануть не могут. То, что я вижу перед собой, Германией 2017 года быть не может. Единственное, что мне знакомо, – это донжон замка. Именно в нем и был тот отель, в котором я остановился на ночь. Только каких-то пристроек не хватает, и стены не было. Да и не разглядел я ничего толком – приехал-то уже в темноте. Значит, меня из двадцать первого века притащило сюда. А «сюда» – это куда? Судя по экипировке Курта – век четырнадцатый или пятнадцатый. Нехило. Вот и съездил в отпуск в Германию. Предлагали же друзья ехать с ними на Кипр. А я уперся. Германия, Германия... Вообще-то я несколько раз уже был в Германии, в командировках. Но что там увидишь? Аэропорт – отель – завод – отель – аэропорт. Вот и решил погулять по немецким городам. Вот и погулял.

Вообще-то я москвич. Нет, родился я в южном городе еще во времена

Союза – отец там служил. А вот школу закончил уже в Москве. Успел побыть и октябренком и пионером, а вот комсомольцем уже не довелось. И служил я уже в армии РФ. После армии закончил институт и устроился на хорошую работу в солидную фирму благодаря друзьям по армии. Где и дорос за одиннадцать лет до главного энергетика. Семьи нет. Вернее, была, но – не сложилось. Родителей уже, к сожалению, тоже нет. Так что я, как говорят мои друзья, эгоист-одиночка. Может быть, и так. Хотя вряд ли – одиночество как раз меня иногда сильно угнетает. Поэтому и поехал один в Германию. Нет, не потому, что одному побыть захотелось. Просто друзья поехали к теплому морю с семьями. Что бы я там один среди них делал? Вот так и оказался здесь. Сначала неделю болтался по Мюнхену, потом три дня в Нюрнберге. А затем решил сгонять в Голландию. Взял машину напрокат и поехал. Ехал не спеша. Не доезжая Дуйсбурга, в Рурской области, решил переночевать, а утром отправиться дальше. Вот и переночевал...

Ладно, думаем о том, как из этой задницы выбираться. Так, похоже, память Леонхарда фон Линдендорфа никуда не делась. Вон как шустро я на старонемецком балаболю. Если б я говорил на современном мне немецком, который я неплохо знаю, фиг бы меня кто здесь понял. Язык я знаю, как меня зовут, знаю. Что еще я помню? Да, в общем-то, все. Сейчас 1376 год от Рождества Христова, конец июня. То-то солнышко припекает. Нахожусь я и в самом деле в замке Линдендорф. И я барон фон Линдендорф, и мне принадлежит вся округа с деревнями и хуторами. И этот злосчастный город тоже принадлежит мне. Чисто номинально, а на самом деле – черт его знает. Папаша натворил делов, фиг разберешься. Во-первых, он сдал в аренду две железнорудные шахты. Вернее, сдал в аренду еще мой дед, но он эту аренду продлил еще на десять лет. Во-вторых, он сдал в аренду и третий рудник на только что найденной богатой железной жиле. И все – бургомистру города. В-третьих, он продал почти все наши привилегии в городе. На время, конечно, но все равно. Город-то частносеньюральный, так как стоит на нашей земле, и статус города ему даровал мой дед. Но все в городе принадлежало нам: и суд, и сбор налогов, и многие другие мелочи. У города было только право гражданского суда, ну и сбор кое-каких пошлин в пользу города. А папаша почти все продал. А почему? Потому что пил много. Нет, его, конечно, можно понять: было четверо детей, жена красавица, а потом раз – и остался только один младшенький, да и то какой-то не от мира сего. Это я о себе. Вернее, о Леонхарде.

Я и в самом деле отличался от своих братьев. Железками махать не любил, пить вино не любил, охотиться не любил. Всему этому меня,

конечно, учили, но я этого не любил. Больше всего я любил сидеть в библиотеке и читать книги. Да, я ботан. А как мне им не быть, если меня собирались сделать церковнослужителем? А тут раз – и старший брат погиб в одной из войнушек нашего графа с соседним графом. И главное, погибло-то всего человек шесть с обеих сторон, я имею в виду рыцарей, простых-то кнехтов покروшили немерено. Но кто ж их считать будет? А вот рыцарей погибло всего шестеро, и среди них мой брат. Потом от какой-то болячки умерли другой старший брат, сестра и мать. Что за болячка? Кто ж его знает. Сейчас от простой простуды люди мрут как мухи. А я вот выжил. И отец выжил. Но он в это время был в очередной раз на службе в остане ^[1] у графа.

Когда он вернулся, то с горя запил. А на вино нужны деньги. Не будет же настоящий барон пить какую-нибудь дешевую кислятину или плебейское пиво. Хозяйство совсем забросил. Пока рядом был старый управляющий, баронство еще держалось. Но после того как управляющий стал отговаривать папашу от сдачи в аренду последнего, третьего рудника, тот отправил его куда-то в деревню, с глаз долой подальше. Но деньги быстро кончились, и папаша стал требовать денег с города. Грозился вернуть все городские привилегии себе. И даже пригрозил бургомистру отобрать у него рудники. Вот тут гром и грянул. Такого бургомистр – а заодно и богатейший человек города, да что там города – всего графства, местный олигарх, так сказать, – стерпеть уже не мог. Городок-то у нас металлургический. Большая часть жителей занимается именно металлом. А железо в нынешнее время ох как недешево. А со всех трех рудников денежки шли бургомистру. И аренду он платил копеечную. Вот после этой угрозы горожане на нас и навалились. Чья это затея была – понятно. Не простых же горожан. Какая им разница, кто будет собирать налоги – барон или бургомистр? Или кто их судить будет «по уголовке» – сеньоральный суд или магистральный?

Но что случилось, то уже случилось. А вот что мне делать? Остаться в замке? Так утром придут горожане, поставят свою кулеврину напротив ворот, жахнут пару раз и вынесут их ядрами. А потом нас просто массой задавят. Удрать из замка? И куда я денусь в свои четырнадцать лет? Да-да, мне всего четырнадцать. Вернее, мне-то, Юрию, как раз тридцать шесть, а вот Леонхарду – четырнадцать. И он несовершеннолетний. И что интересно, рыцарем он, вернее – я могу стать в пятнадцать лет, а раньше вообще можно было с двенадцати. Правда, сейчас стараются опоясывать рыцарским мечом после совершеннолетия, то есть с двадцати одного года, но, в принципе, все же могу. Но даже став рыцарем, все равно останусь

несовершеннолетним, и каждый будет стремиться стать моим опекуном. А что, очень удобно. Становишься опекуном, потом опекаемый случайно падает с лестницы или ему кто-нибудь горло перерезает – и ты уже барон. Да за мной вся округа гоняться будет. Нет, не для того чтобы обидеть, а наоборот – пожалеть и обогреть. Ну и опекуном стать. Рвануть к графу? Так он сам мне опекуна и назначит. Какого-нибудь своего родственника. Как будто у меня своих мало. Да и не смогу я удрать. Сразу дружины лишусь. За трусом они не пойдут. Остаться в замке и погибнуть они могут, а вот бежать за трусливым мальчишкой – нет. Ну, правильно, кому они после такого нужны будут? Время такое. Трусость не прощают. Ну что ж, если нельзя отсидеться в обороне и нельзя отступить, то остается одно – нападать.

– Курт, сколько у нас людей осталось?

– Восемь погибло, шестеро в лазарете – за ними отец Магнус присматривает, наш замковый капеллан, и тридцать шесть – в строю. Половина ранены, но драться смогут. Еще двенадцать слуг, что с нами на стенах были. Остальные по щелям попрятались.

– Понятно. А что сейчас горожане делают, как думаешь?

– Понятно что – празднуют.

– Где и как?

– Понятно где – на городской площади. И как – тоже понятно. Пивом наливаются. Бургомистр им, наверное, еще и пару бочек вина выкатил. Так что пьянка у них там знатная.

– А городские ворота открыты или закрыты?

– Ясно, открыты. Чего им бояться? День на дворе.

– Вот что, Курт. Людей покорми, и после обеда выступаем. Нечего расхолаживаться, а то попадают все с усталости. Потом отдохнем. И еще. Слуг, что были на стене, вооружи и экипируй. Если чего не хватит в замковом арсенале, возьми с убитых и раненых. Потом все вернем. Пойдем конными.

– Куда пойдем-то? – с тоской спросил он.

– Как куда? На город. Это моя собственность, и я должен ее вернуть.

Он аж подскочил. Глаза засверкали, рот в улыбке до ушей. Ведь, считай, на смерть веду, а он доволен.

– И еще. Все делай тихо. Наверняка где-то наблюдатель сидит. Должен же кто-то сообщить бургомистру, что вы убрались из замка. Поэтому сначала пойдем в сторону Берга, а за холмами повернем к городу. Троих, самых израненных, оставь в замке, на воротах. Иди разберись с людьми. И распорядись, чтобы мне что-нибудь поесть принесли.

– Так, может, вы в замок пройдете?

– Нет, там я свалюсь сразу. Лучше здесь посижу.

Курт ушел, и минут через пять мне принесли миску каши с кусочками мяса и кружку какого-то компота. Есть я вроде и не хотел, но кашу смолотил за минуту. Потом сидел и пил компот.

Так, до города всего километров пять. Вернее, один раст – это где-то четыре с половиной километра. На лошади, неспешной рысью – примерно полчаса. Но мы, как и всякие нормальные герои, пойдем в обход. Потратим на десять минут больше, но для горожан это будет большим сюрпризом. Ну а там как повезет. Или грудь в крестах, или голова в кустах. Хотя, думаю, все получится. Викинги вон одной сотней целые государства захватывали. Ну, насчет государств точно не помню, но Париж они захватывали, и не один раз. И в Лондоне отметились. А у Франции целое герцогство оттапали. Так теперь и называется – Нормандия. И Сицилию вроде захватили и создали Сицилийское королевство. А мне надо захватить маленький городишко. И трех тысяч жителей не наберется. Тем более город и так мой. Мне надо его просто вернуть. А потом уже буду думать, как от родственников и соседей отбиться. Пока что город – это наибольшая опасность...

– Ваша милость, люди готовы, – прервал мой отдых Курт. Он протянул мне руку, и, оперевшись на нее, я поднялся. – Вот ваш шлем, наденьте. Я его подправил немного, так что должен налезть.

Он протянул мне топфхелм. Ничего себе... и эту бандуру я должен таскать на голове? Ну уж нет. Хотя при въезде в город, конечно, надену. Голова-то у меня одна. Тем более ей сегодня и так досталось. Правда, досталось не мне, а Леонхарду, и он, похоже, этого не пережил, но я теперь тоже Леонхард, так что голову будем беречь, и даже очень тщательно беречь. Я осмотрел себя. На мне тоже был хоуберк. Но вязка у кольчуги более аккуратная, чем у доспеха Курта. И бригантины не было. Ну да, с моим тщедушным тельцем мне только бригантину и таскать... Сразу загнусь. И кольчужных чулок не было. На мне были надеты узкие брюки из толстого полотна, так называемые брэ, и мягкие полусапожки с длинными острыми мысками. Хоть не очень длинные, и то хорошо, а то некоторые модники имеют мыски туфель или сапог до полуметра длины. Идиоты. Вообще-то у меня прикид не для войны. Понятно, в бой меня пускать не собирались. Но теперь-то подраться придется. И меч у меня – какой-то недомерок. Вроде не очень длинной шпаги. Зато не тяжелый. Сойдет. Я все-таки собираюсь руководить, а не железкой махать.

Наконец мы сели на лошадей и выехали за ворота замка. А верхом я

держусь очень даже хорошо. Не хуже остальных. Молодец Леонхард. Хотя я и есть теперь Леонхард. Тогда молодец я. Черт, ну и имечко мне родители подобрали. Хрен произнесешь. И вообще, насмешка какая-то. Леонхард – сильный как лев. Это я-то, со своим субтильным телосложением, сильный как лев? Да уж. Но с этим и в самом деле надо что-то делать. Слишком уж Лео себя запустил. С таким слабосильным телом долго не протянешь. Как утрясется все, обязательно займусь.

Проскакав по дороге метров триста, мы повернули направо и двинулись в сторону графства Берг. Когда-то графство Берг и наше, Марк, были одним графством, но потом как-то получилось два. С тех пор они постоянно собачатся – хотят друг друга подмять. Хотя иногда и дерутся вместе. В 1288 году в битве при Воррингеме они очень здорово наkostenали архиепископу Кельнскому с союзниками. Правда, Берг уже не графство, а герцогство Юлих-Берг. Молодец мужик. Захотел стать герцогом – и стал. Не получилось с нашим графством, так он в 1348 году присоединил графство Юлих. И императору пришлось уже по факту, в 1356 году, объявлять его герцогом. Правда, как звать мужика – не помню. А ведь он еще, наверное, жив и правит своим герцогством. Вот только попадаться ему мне нельзя. Этот сожрет меня с моим баронством и не подавится. Только облизнется и скажет: «Еще хочу». Такому на все имперские законы, да и рыцарские тоже, плевать. Вот и мне надо таким стать. Чтобы не я всех боялся и от всех шарахался, а чтобы от меня шарахались и даже не думали гадости делать. Постараюсь. И стану. Если раньше не прибьют...

Тем временем мы подъехали к городу. За холмиком, метрах в пятистах, или по-здешнему – клафтерах в двухстах, были городские ворота. Открытые ворота! До чего же наглые, скоты.

– Курт, объясни всем: врываемся в ворота и несемся к площади. Там рубим всех. Женщин и детей постарайтесь не трогать, но без фанатизма – как получится, так получится. Главное, чтобы наши все целые остались. А бургомистра и членов магистрата возьми живыми.

– Зачем они вам, господин барон? Порубить, и все.

– А вешать кого будем? Нет, наказание должно быть публичным. Готовимся. Пошли четверых ребят пошустрее к воротам. Если стража у ворот есть, пусть не дадут их закрыть. А потом – вместе с нами.

Через пять минут к воротам не спеша, шагом, направилась четверка всадников. Через несколько минут они въехали в ворота. Через минуту один из них помахал нам рукой. Ну, вперед. Посмотрим, на что ты способен, Лео-Юрий. Жив останусь – буду только Леонхардом.

Вот и ворота. Еще пять минут – и мы врываемся на площадь. Галопом. А тут идет веселье вовсю. Играет музыка, танцуют люди. Так это вы мою смерть празднуете! Я взмахнул своей шпагой. А-а-а!.. Дальше не помню. Очнулся сидя на ступеньках ратуши. На коленях обнаженная шпага. Сам весь в кровище. Меня начало трясти. Подошел Курт и протянул мне бокал:

– Выпейте, господин барон. Вам сейчас надо.

Взял бокал и начал пить. Вино. Кислое, аж зубы ломит. Наверное, то, что бургомистр горожанам выкатил, но мне как раз к месту и ко времени. Выпил бокал, и сразу полегчало.

– Еще?

– Нет, Курт, хватит. Спасибо. Как у нас тут?

– Все нормально, господин барон. Наши все целы. Горожан много покروшили, человек семьдесят мужиков. И пяток баб.

– Баб? Баб – это плохо. Кто мне кнехтов рожать будет? Будут бабы – будет все, не будет баб – не будет никого и ничего. Не экономный ты человек, Курт.

Я немного помолчал, переводя дух.

– Ты хоть предупредил людей, чтоб не лезли в дома горожан? А то ведь побьют их там.

– Предупредил, конечно.

– Хорошо. Что с членами магистрата?

– Сидят все в ратуше, голубчики. И бургомистр с ними.

– Это хорошо. Кулеврина где?

– Да вон же она. – Он кивнул головой вправо, мне за спину.

На площадке, возле дверей, стояла очень симпатичная пушечка. Вернее, не стояла, а лежала на деревянной колоде. Я встал и подошел к ней. Ну что ж, очень даже неплохо. Я боялся, что она собрана из прокованных железных полос, а она литая. Из бронзы. Это хорошо. Значит, кто-то в городе может лить пушки. Это просто замечательно. Правда, именно эта не ахти. Калибр миллиметров сто, длина ствола – калибров в семь-восемь. Судя по длине ствола, бьет она не очень далеко. Картечью – метров на сто, сто пятьдесят максимум. И то если картечь железная или свинцовая, а не речная галька, которой нас с отцом приложило. А вот ядро и на двести может закинуть. Если ядро будет нормальное.

– Кузнеца, что отлил пушку, найдешь и закроешь в подвале, чтоб не сбежал. Завтра утром приведешь ко мне. А сейчас пойдем пообщаемся с нашими гостями. Да, пока не забыл. Отправь кого-нибудь в замок предупредить, что город наш. И пусть там пошлют за нашим старым управляющим, Гюнтером Вальдером. Знаешь, где он?

– Знаю.

– Завтра с утра он нужен мне здесь. Пойдем.

Мы вошли в ратушу и поднялись на второй этаж. В приемной сидели пятеро индивидуумов. Хороши. Особенно бургомистр. Шоссы ярко-красные, котта ярко-зеленая, сюрко синее. И все из расшитого золотом бархата. А гульфик – оранжевый и торчит сантиметров на сорок. Ну и бархатные туфельки, с тридцатисантиметровыми загнутыми вверх острыми носами. Как они держатся-то? Вот ведь попугай. И это он хотел меня убить? И убил моего здешнего отца? Папаша, конечно, был не ангел, но такого не заслужил. Я указал пальцем Курту:

– Бери этого, и пойдем разбираться.

Я вошел в кабинет. Следом Курт втолкнул бургомистра. Надо же, когда сидел, вид имел более благообразный. А сейчас даже смотреть на него противно. Маленький, толстый, с заплывшими глазками... Я указал на стул возле стола. Курт усадил его и привязал к стулу.

– Курт, освободи ему левую руку, положи ее на стол и придержи.

Тот сделал, что я просил.

– Вот что, свиное рыло. Слушай меня внимательно. Зачем ты устроил бунт, я спрашивать не буду – и так знаю. Зачем хотел убить нас с отцом – тоже. Даже не буду спрашивать, за сколько ты купил моих вассалов. Мне это все не интересно. А вот где ты прячешь свои деньги, мне интересно. И сейчас ты расскажешь мне о своих тайниках.

Он только нагло усмехнулся. Ну-ну... Я вынул шпагу из ножен и рубанул по его руке. Хотел отрубить мизинец, но не рассчитал и отхватил еще половину безымянного. Бургомистр заверещал.

– Ну? – И я вновь поднял шпагу.

Тут он и заговорил. Рассказал о всех своих тайниках. И в доме, и в саду. Ну, не о всех, конечно, не такой уж я наивный. Это Лео ему бы поверил, а я все-таки наши девяностые прошел. Хоть и мальцом был, а много видел. Записал все на листке бумаги свинцовым карандашом, который нашел тут же, на столе. А хорошая бумага – богато жил, гад. Так-то дефицита бумаги здесь особого нет, но вся она какая-то серая, шероховатая, а у этого жлоба чуть ли не мелованная.

– Все сказал?

– Все, все, господин барон!.. – закивал он головой, зажимая обрубки пальцев. Зачем? Лучше уж умереть от потери крови, чем быть повешенным.

– Твои близкие сидят здесь же, в подвале. Я сейчас спущусь к ним и расспрошу их как следует. И если ты что-то утаил, то висеть вам завтра

всем вместе.

– Нет, нет, не надо! Я вспомнил еще об одном тайнике...

Вот зараза. Небось самый жирный утаил.

– Курт, возьми эту свинью и отведи в подвал. Да не сам, а крикни кого из кнехтов. И пусть найдут писаря и отправят к нему. А ты, бургомистр, продиктуешь ему имена всех тех, кто участвовал в бунте. Слышал? – Он закивал головой. – Иди, Курт. На обратном пути прихвати кого из членов магистрата. И ребят своих, понадежнее – по тайникам пройдутся.

Они вышли. А я уселся во главе стола. Проверил ящики. Один был закрыт. Достал кинжал и вскрыл его. В ящике лежали мешочки с монетами. Развязал горловину у одного. Ого – золото. Любекские гульдены. Это я удачно зашел... Да, бургомистр потерял все нажитое непосильным трудом. Прямо как Шпак. Закинул мешочек в ящик и закрыл его. Завтра Гюнтер приедет и разберется.

Вернулся Курт и привел одного из членов магистрата. Вообще-то из рассказа бургомистра я уже знал, что все члены магистрата были против нападения на замок. Но они и не воспрепятствовали этому, а ведь могли. Могли выйти, объяснить людям, переубедить их. Да хотя бы для своего прикрытия постановление приняли, что они возражают против бунта. Нет, ничего не сделали. Только сказали на заседании магистрата, что они против, и все. Вот на то, что он был против бунта, сейчас и напирал этот член – старшина цеха кузнецов-оружейников.

Сейчас все ремесленники объединены в цеха и гильдии. Да и не только ремесленники. Есть, например, гильдия торговцев, трактирщиков. Даже у золотарей есть свой цех. У нас в городе больше всего цехов кузнецов. Целых три: цех оружейников, цех ювелиров и цех кузнецов, изготавливающих разную бытовую дребедень. Нет, любой кузнец сможет выковать нож или скобу, но так как цеха разные, то от кузнеца-оружейника не добьешься изготовления замка, а от ювелира – простенького ножа. Нельзя. Для себя ему сделать можно, а на продажу нельзя. Глупо, конечно, но не мне менять правила и порядки средневекового общества. Со временем все само утрясется. Вообще-то такое обилие кузнецов характерно только для нашего района. У нас вокруг залежи железных руд, поэтому весь район специализируется на выделке железа. Только в моем, не очень большом баронстве три рудника. А так их тут полно. А железо сейчас в цене. В большой цене. И тем более изделия из него. За один хороший меч можно приобрести полдеревни. А уж если меч в комплекте с доспехами, то и всю целиком, и не маленькую. Правда, и меч и доспехи должны быть хорошими. Не то, что деревенский кузнец из дрянного железа выкует, а из

стали и сделанные с высоким качеством. А сталь сейчас очень дорога. Ее сейчас получают долгой и упорной проковкой обыкновенного железа. Правда, кое-где уже должны научиться и выплавлять сталь. Но все это в очень мизерных количествах.

Вот это я и постараюсь исправить. Я, правда, ни разу не металлург, но кое-какое представление об этом имею. Много читал об этом. И даже с большим интересом читал. Глубоких знаний у меня, конечно, нет, но кое-что я все-таки знаю. Во всяком случае, конструкцию и сыродутной печи, и штукофена, и блауофена, и домны, и даже бессемеровской печи я помню. Память у меня и в прежнем теле была хорошая, а уж у Лео она вообще отличная. Недаром он ее оттачивал, постоянно просиживая в библиотеке. Правда, я не знаю самого процесса выплавки металла, так только, по краям. Это настоящий металлург знает и режим плавки, и разные там флюсы и присадки. Да как и в любой профессии, там полно разных мелочей, о которых получаешь представление только в процессе работы, на практике. А без этих мелочей сделать ничего нельзя. Это для опытного и знающего специалиста мелочь, а для человека, в этой области ничего не знающего, – это уже не мелочь, а что-то из области фантастики. Вот для этого мне и нужен настоящий профессионал. И я даже знаю, где его взять. Тот, кто в настоящее время смог отлить такую пушечку, что стоит у дверей ратуши, – просто талант. И я этот талант подгребу под себя, любимого. Барон я или не барон? С моими знаниями и его опытом и талантом мы завалим Европу и железом и сталью. Во-первых, это деньги, и очень большие деньги. А во-вторых, имея хорошую сталь, я буду иметь качественные и надежные пушки и мушкеты. И тогда мне ни одна сволочь, обвешанная железом, не будет страшна. Баронство у меня, конечно, небольшое, но пару мушкетерских рот я сформировать смогу. А с поддержкой десятка, а то и двух десятков пушек – это будет по нынешним временам настоящая мощь. Завоевать кого-нибудь с такими силами я вряд ли смогу, да и не очень-то и надо, а вот отважить непрошенных гостей от своих земель уже сумею...

Так, ладно, пора заняться делами.

– Курт, вытряси из этого и остальных все сведения о тайниках. Сможешь?

– А то.

– Хорошо. Потом вытащишь писаря от бургомистра, и пусть они все уточнят списки бунтовщиков. И в подвал их. До завтра. Завтра судить их буду. Все найденные деньги сложишь здесь. Приедет Гюнтер и разберется. Распорядись, чтобы мне принесли поесть. И найди здесь какой-нибудь

закуток, где бы я смог отдохнуть. Да, кузнеца нашли?

– Нашли. Сидит в подвале.

– Хорошо. Действуй.

Курт открыл дверь и вызвал одного из своих бойцов. Дал ему указание и вернулся к допросу, а боец подошел ко мне:

– Пойдемте, ваша милость.

Он проводил меня в соседний кабинет. Я сел за стол, и мне тут же принесли тарелку с большим куском жареного мяса и кусок хлеба. И здоровенный бокал с вином. Я отхлебнул из бокала. Хорошее вино. Добрались, наверное, архаровцы до винных подвалов местных купцов. Два кнехта притащили широченную лавку и накрыли ее медвежьей шкурой. От вида столь уютного ложа у меня глаза стали сами собой закрываться, но я все-таки доел мясо. Правда, вино не допил. Успел еще снять кольчугу и сапоги – и завалился на лавку. И сразу отрубился.

Утром проснулся рано. Очень удивительно. Дома я рано вставал с трудом. Будильник был моим злейшим врагом. А тут встал в такую рань – солнце еще не взошло – и чувствую себя прекрасно. Ну не то чтобы совсем – все-таки приземление со стены на телегу с дровами дает о себе знать, но не так чтобы очень. Ну и голова слегка побаливает, но совсем слегка. Да, организм хоть и худосочный, но крепкий. Надел сапоги и хауберк и вышел из комнаты. У двери стояли два кнехта. Молодцы, охраняют. Узнал у бойцов, где санузел. Они долго не могли понять, о каком таком санузле я твержу, но наконец разобрались. Обыкновенный нужник. Унитазов, конечно, не было, но дырки в полу были. И то хорошо. А вот умыться было негде. Двое бойцов так и ходили за мной. Велел одному из них принести ведро с водой. Потом вышел через черный ход из ратуши в небольшой дворик и умылся. Надо было видеть лица этих кнехтов. Они, видно, сочли меня сумасшедшим. Вообще-то, отношение ныне к мытью в Европе строго отрицательное. Не у всех, конечно. Только-только закончилась эпоха крестовых походов на мусульманский Восток. А там, глядя на местных, рыцари приобрели привычку мыться. Правда, она не очень-то распространилась по Европе, и виновата в этом была церковь. Она считала тело лишь временным сосудом для души и почему-то была уверена, что чем хреннее этому сосуду живется, тем легче будет потом душе попасть в рай. Отсюда все эти умерщвления плоти, вериги, истязания себя и других. Но не только церковь виновата в том, что вокруг все сплошь грязнули. Так, в одном современном медицинском трактате написано: водные ванны утепляют тело, но ослабляют организм и расширяют поры, поэтому они могут вызвать болезни и даже смерть. И что эти горе-доктора

могут рекомендовать своим пациентам? Правильно – жить в грязи. Они и живут. Так, в недалеком будущем король Франции Людовик Четырнадцатый мылся всего четыре раза в жизни. И это король... А испанская королева Изабелла Кастильская хвасталась тем, что мылась всего два раза в жизни – при крещении и перед свадьбой. Но это будет потом. А пока к мытью относятся еще более-менее лояльно. Но в основном аристократия. Хотя церковники и стараются все это, по их мнению, безобразие прекратить. К сожалению, в конце концов это им удастся. И скоро в Европе совсем прекратят мыться. Но пока еще жива память о ближневосточных банях и мыльнях, поэтому, думаю, на костер меня за мытье не потащат. Хотя лет через сто точно бы потащили. Но зато простой народ как не мылся, так и не моется. Поэтому воняют все вокруг зверски. Хотя я как-то к этому спокойно отношусь – видно, нос Лео к такому привык. Честно говоря, насколько я помню, Лео тоже был не любитель мыться. Мылся он в лучшем случае раз в месяц, и то по строгому настоянию отца. Понятно, почему бойцы столь очумело на меня поглядывали, особенно после того, как я разделся по пояс и стал не только умываться, но и по-настоящему мыться. Хотя какое уж там мытье – холодной водой и без мыла. Но папаша молодец, уважаю. Придется на уважение воли отца теперь и ссылаться. Под это дело можно заставить и других мыться. А если подвести под это, что мытье защищает от болезней, то можно многого добиться. У людей еще свежа в памяти страшная эпидемия чумы 1347–1353 годов, так что, думаю, мне многие поверят. Правда, эпидемия Германию, можно сказать, пощадила. Если в Южной Европе погибло до половины населения, то в Германии – десять – пятнадцать процентов. Но все равно ужас тех лет и здесь хорошо помнят.

Умывшись, я снова вошел в ратушу и направился в кабинет бургомистра. Там, на лавке, дрех Курт. Только я вошел, как он сразу вскочил.

– Где деньги? – спросил я.

Он встал и прошел к противоположной от входа двери, точнее – небольшой дверке. Открыв ее, он посторонился. Я зашел и огляделся. Комната была маленькая, но уютная. У стены широкая кровать, напротив шкаф. Посередине стол и четыре стула. Надо же, комната отдыха бургомистра. Знал бы, здесь бы спать улегся, а то пришлось на жесткой лавке. Хотя и выспался очень хорошо. Вся комната завалена мешками, баулами, сумками, пакетами. На некоторых еще оставалась земля. Ну, верно: банков здесь нет, так что денежки свой народ хранит в разных тайниках. Нет, сами по себе банки уже есть, но они в крупных городах, да и

то в основном в Италии. Ну а мы обходимся без них. Главное, было бы что хранить, а уж где – это мы всегда найдем. Теперь у меня есть что хранить.

Я вышел из моего деньгохранилища.

– Много там? – спросил у Курта.

– Не знаю.

– Гюнтер еще не приехал?

– Нет. Мне бы доложили.

– Поставь перед кабинетом охрану. Как Гюнтер приедет, сразу ко мне. Через пару часов начнем суд в зале заседаний ратуши. Приведи туда наиболее уважаемых людей города, ну и кто желает, пусть приходят. Сколько поместятся. Организуй охрану.

Тут в дверь заглянул кнехт:

– Ваша милость, к вам отец Бенедикт.

Вот ведь не было печали... Только этого святоши и не хватало. Лео с ним часто контактировал, так что он его хорошо знал. Как бы он меня не раскусил. Ладно, буду ссылаться на контузию.

– Пусть войдет.

Вошел священник. Маленький, толстенький, в сутане и с тонзурой на макушке. И тут же подкатился к нам.

– Благословите, отец Бенедикт, – опустил я перед ним на одно колено.

Он перекрестил меня и сунул мне под нос свою руку. Я знаю, что целовать руку священнику не обязательно, тем более здесь, в Германии. Мы ведь не в Италии и не в Испании с ее сумасшедшим католическим рвением. Ну да ладно, пусть подавится. Я коснулся губами его руки. Тьфу, гадость какая... Так и хотелось сплунуть, но пришлось терпеть. А священник уселся напротив и начал мне втирать о милосердии и всепрощении. Просил пожалеть жителей города и не устраивать массовых казней. Собственно, я и не собирался. Зачем мне убивать своих же людей? Хотя здесь это в порядке вещей и я, по идее, должен был вырезать полгорода. Ведь они убили моего отца, своего сюзерена. Даже если я вырежу весь город, мне никто ничего не скажет. Ну что ж, это даже хорошо, что этот попик ко мне заявился. Теперь всем скажу, что это отец Бенедикт уговорил меня не казнить полгорода. А то ведь не поняли бы. В конце концов он меня уговорил. Я обещал ему никого, кроме бургомистра, не казнить. Священник, довольный, вскочил и выкатился из кабинета. Помчался, наверное, успокаивать горожан.

– Курт, каналья, где ты?

В дверь просунулась голова Курта. Оглядев помещение, он вошел. Вот ведь зараза, сам смылся, а меня оставил на растерзание священнику. Хотя я

был доволен. Теперь можно было не зверствовать. Я еще не знал, как мне отправить на виселицу бургомистра. Вчера, еще не отойдя от горячки боя, пальцы рубил я ему совершенно спокойно. Да и голову бы срубил. А вот сегодня... Смогу ли отправить его на казнь? А ведь надо. Если и этого пожалею, то конец моему авторитету. Мягких и жалостливых сейчас не уважают. Ладно, посмотрим.

– Курт, тащи сюда кузнеца.

Минут через пять привели мастера. Невысокий и довольно широкоплечий. Одет аккуратно. Стоит, опустив голову. Понимает, что надо бы грохнуться на колени и молить о пощаде, но сдерживается – гордость не позволяет. Молодец, не сломался.

– Ты отлил кулеврину?

– Я, ваша милость, – тяжело вздохнув, ответил он. Понимает, чем это ему грозит.

– Понимаешь, что я должен с тобой сделать?

Он кивнул и тяжело вздохнул. По идее, я должен его казнить. Ведь из отлитой им кулеврины убит мой отец.

– Я собирался тебя повесить вместе со всей твоей семьей, но, поговорив со своим капитаном Куртом и с отцом Бенедиктом, решил дать тебе шанс. – Он поднял голову и с надеждой посмотрел на меня. Я специально приплел Курта, чтобы за свое спасение кузнец был благодарен не только Богу, но и нормальному человеку. Священника я таким не считал. – Статус города я отменяю, так что все его жители вновь становятся моими сервами, и ты в том числе. Но если остальные, уплатив штраф за бунт и выкупившись, могут идти куда угодно, то ты будешь работать на меня всю оставшуюся жизнь. И ты и твои дети. Согласен?

– Да, ваша милость, да. – Он усердно закивал головой. Ну еще бы. Всю ночь, наверное, готовился к смерти, и вдруг – помилование.

– Жить можешь, как и прежде, у себя дома. Можешь и в замке, помещение для твоей семьи выделяют. Твои мастерские за городом?

– Да, ваша милость, с северной стороны, у реки.

– Ну вот, как раз между городом и замком. Ладно, иди успокой семью и приходи сюда. Сейчас будет суд, а после суда съездим в твои мастерские. Иди.

Ну вот, один мастер у меня есть. Второй сидит в подвале. Член магистрата, старшина цеха оружейников. Раз казнить я его не собираюсь, то грех не использовать его на всю катушку. Хотя посмотрим, как с первым мастером дело пойдет, может, и одного хватит. Ладно, пора на суд. Кузнец умчался, но опять в дверь просунулась голова кнехта. Что еще? Опять

какая-нибудь неприятность?

– Ваша милость, приехал Гюнтер Вальдер.

– Давай его сюда.

Вошел не старый еще мужик. Одет простенько, но чисто. Голова наполовину седая. А вот бородка аккуратно пострижена. Молодец, следит за собой, хоть и в опале.

– Здравствуй, Гюнтер. Проходи, садись. Есть у меня к тебе дело. Я помню, что ты честно и с умом вел дела баронства. К сожалению, та глупая ссора с отцом вынудила тебя уехать. – Ну да, как будто он по своей воле уехал в деревню... но не будем на этом заострять внимание. – Думаю, рано или поздно отец простил бы тебя. Но, к сожалению, он погиб.

– Сочувствую, ваша милость.

– Ладно, я не об этом. Так вот, Гюнтер, принимай хозяйство обратно. Только оно немного увеличилось. Я собираюсь аннулировать у Людендорфа статус города. Своим бунтом и убийством сеньора они сами меня на это толкнули. Также я собираюсь конфисковать все имущество бургомистра и членов магистрата, так что это теперь тоже мое. То есть работы тебе прибавится. Да, и придется тебе побыть моим наместником в городе, пока не подберешь на это место человека. И еще. Там, в комнатке, лежат деньги. Их надо пересчитать. Здесь, в ящике стола, тоже деньги. Забери их. Пересчитай и отвези все в замок. Проведи ревизию нашего нового имущества. Особенно складов бургомистра и старшины цеха торговцев. Приступай.

Мужик сидел и чуть не плакал. От радости, наверное. Надо же, на него столько работы свалилось, а он радуется.

– Да, дом бургомистра я забираю себе, будет моей городской резиденцией. Один из оставшихся четырех возьми себе и один пусть возьмет Курт.

Они оба грохнулись на колени и принялись меня благодарить. Вообще-то заслужили. Уж Курт-то точно. И своей безоговорочной преданностью, и умелыми действиями. Хотя я до сих пор удивляюсь, что мы смогли захватить город. И ведь без всяких потерь, а это уже прямая заслуга Курта. Я-то отключился сразу после начала боя и потом уже ничего не соображал. Ну а Гюнтер получил награду авансом. Да и надо же ему где-то жить, если я его назначил здесь своим наместником. Хотя Гюнтер и в самом деле хороший специалист и по-настоящему предан баронству. Да и ко мне он всегда относился неплохо. Как и я к нему. Тем более награда эта мне ничего не стоит – не свое дарю. А продать дома сейчас по нормальной цене фиг получится. Так что пусть владеют и меня благодарят.

– А два оставшихся выстави на продажу. Теперь все. Мы на суд. Если хочешь, иди с нами.

– Нет, ваша милость, я лучше сразу приступлю к работе.

– Как хочешь. Все деньги приведи к любекскому гульдену, чтобы голову не ломать. Пошли, Курт.

С деньгами сейчас и в самом деле полная неразбериха. Какие только деньги не ходят по стране. И английские пенсы, и французские су и денье, и голландские, и итальянские, и испанские, и даже арабские. А учитывая, что каждый уважающий себя герцог чеканит свои монеты, разобраться во всем этом разнообразии практически невозможно. Хотя Лео раньше деньгами был не избалован, так что ему простительно, но ведь и матерые купцы путались во всем этом изобилии. Поэтому обычно пфенниги, пенсы и денье принимали по номиналу, а все остальное – по весу.

Мы наконец дошли до зала заседаний. Тут проходили обычно открытые заседания магистрата и суды, конечно. Иногда этот зал арендовали цеха для проведения собственных собраний. Зал был не очень большой, но человек семьдесят в него набилось. Самые уважаемые сидели на скамьях, а остальные стояли позади них. Когда я вошел, все встали. Я сел в кресло в торце зала, на некотором возвышении. Рядом со мной встал Курт. Позади – несколько кнехтов. Немного сбоку сидел за столом секретарь. Рассусоливать мне не хотелось, а хотелось побыстрее пройтись к мастерской своего кузнеца. Поэтому решил закончить все побыстрее.

– Бургомистр и члены магистрата где? – спросил я тихо у Курта, повернувшись к нему.

– Ожидают.

– Пусть введут.

Ввели пятерых связанных подсудимых под охраной кнехтов.

– Дай грамоту о предоставлении Линдендорфу статуса города и горящий факел, – приказал я громко Курту.

Курт подал мне грамоту и факел. Об этом мы договорились, пока шли к залу, и Курт заранее все подготовил. Я взял грамоту и поджег ее факелом. Весь зал молча смотрел на это. Но сказать что-то не решался никто, хотя на глазах у многих появились слезы. Понять людей можно. Статус города сейчас – это очень круто. Теряя статус городских жителей, они теряли и свободу. Теперь они вновь мои крепостные, сервы. Это, конечно, не рабы, но и недалеко от них. Но винить некого. Во всем виноваты сами.

– Вы все видели и все поняли, – сказал я громко, – города Линдендорф больше нет. Есть снова деревня Линдендорф. Мой дед, Герхард фон Линдендорф, дал вам этот статус, а мне, его внуку, приходится вас этого

статуса лишать. Но виноваты в этом только вы. За бунт и убийство своего сеньора я должен был вас всех сурово наказать. Я так и собирался сделать. Я собирался казнить всех участвовавших в штурме замка и каждого пятого городского жителя. Но отец Бенедикт долго уговаривал меня простить вас, и из уважения к нему и нашей святой церкви я решил его послушать. Повешен будет только бургомистр, который и является основным виновником произошедшего. Семья его отправится в мои деревни батраками к крестьянам. Имущество его будет конфисковано. У членов магистрата также все имущество конфисковывается, а сами они отправятся по деревням, работать на земле. Но виноват весь город, и я должен наказать всех. Поэтому решение мое такое: все жители бывшего города, а ныне деревни Линдендорф в течение одного года должны мне выплатить штраф в размере десяти гульденов. Участники штурма замка – двадцать гульденов. Оружейники, что снабдили бунтовщиков оружием, облагаются штрафом в тридцать гульденов. Податные списки всех жителей моей деревни есть, так что увильнуть от штрафа не сможет никто. Расскажите всем, кого здесь нет. Об этом моем решении будет также говорить в течение трех дней глашатай на площади. Моим наместником в Линдендорфе становится мой управляющий Гюнтер Вальдер. Все.

Я встал с кресла и вышел из зала. Курт и моя охрана последовали за мной.

– Курт, распорядись, чтобы бургомистра вздернули.

– А вы, господин барон, не будете присутствовать?

– Вот еще, время терять из-за какого-то козла.

– Слушаюсь, ваша милость.

– И приведи ко мне бывших членов магистрата, хочу с ними пообщаться.

Я прошел в кабинет бургомистра. У дверей стояли два кнехта. Это правильно, мою сокровищницу надо охранять. Открыв дверь, вошел внутрь. По всему кабинету были расставлены мешки с деньгами. Гюнтер сидел прямо на полу и пересчитывал деньги. Он поднял голову и затуманенным взглядом посмотрел на меня. Я потихоньку вышел из кабинета. Пусть работает. Приказал кнехтам никого сюда не пускать, а всех, кто ищет меня, отправлять в комнату, где я провел ночь. Только сел за стол, как пришел Курт с бывшими магистратскими. Черт, когда же я смогу просто посидеть и подумать... Мне бы денек посидеть, понять, что же со мной произошло, сделать какие-то выводы, составить наконец какой-то план действий. Пусть не долгосрочный, а хотя бы на год. Да хотя бы на месяц вперед. А то все в постоянном цейтноте. Так и ошибок наделать

недолго. А ошибаться мне сейчас нельзя. Ошибка в этих условиях может привести к гибели. Чего бы очень не хотелось... Ладно, вернемся к нашим баранам.

Четыре человека стояли напротив меня. Старосты цехов. Оружейников, шахтеров, строителей и торговцев. Бывшие старосты. И бывших цехов. Какие уж цеха в деревне. Все – взрослые люди и наверняка хорошие мастера. И моя задача – сделать так, чтобы все их мастерство суметь использовать. А дабы трудились они с полной отдачей, надо сделать так, чтобы они этого сами хотели. Из-под палки они много не наработают.

– Ну и что мне с вами делать?

– Ваша милость, мы и в самом деле были против бунта... – начал один из них, вроде старшина торговцев.

– Против были, значит, – перебил я его, – это как? Шепнули друг другу на ушко: «Я против», – и пошли спокойно домой пиво пить? А в это время толпа бунтовщиков отправилась убивать своих сеньоров? Почему вы их не остановили, если были против? Почему не объяснили пагубность их действий? Разве не для этого существует власть в городе? А ведь вы и были этой самой властью.

Они стояли молча, понутив головы. Странно, наверное, это смотрелось со стороны – четверо взрослых, убеленных сединами мужчин и отчитывающий их подросток. Но такие сейчас времена. Я барон, а они простолюдины. Они фактически принадлежат мне. И хотя продать я их не могу – католическая церковь запрещает торговать христианами, но вот убить – запросто. Могу выпороть. Могу поставить на любые работы. Хоть навоз таскать, хоть канаву копать «отсюда и до отбоя». Конечно, было бы глупостью использовать их не по назначению, но, в принципе, могу.

– Хотел я вас повесить вместе с бургомистром, но скажите спасибо Гюнтеру Вальдеру. Именно он уговорил меня не делать этого.

– Разве это не отец Бенедикт уговорил вашу милость простить нас? – удивился один из них.

– Отец Бенедикт просил за всех горожан. И это его обязанность, как служителя Господа нашего Бога. А Гюнтер просил конкретно за вас. Именно из-за вашего мастерства и профессионализма. – Пусть считают себя обязанными не священнику, а одному из моих людей. – Не знаю, какие вы мастера, но профессионалы, видимо, хреновые, судя по тому, как вы справились с управлением городом. Значит, слушайте мое решение: работать так и будете по своей специальности. Даже старшинами останетесь, хотя цехов, как вы понимаете, нет. Пока нет.

– Вы собираетесь вернуть Линдендорфу статус города, ваша милость?
– Может быть. Если его жители сумеют заплатить штраф. Зачем мне столько безземельных крестьян?

В их глазах начала появляться жизнь. Ну вот, теперь можно быть уверенным, что штрафные деньги я получу быстро и полностью. Вернуть себе свободу захотят все жители города. А те, кто не найдет денег, возьмут их в долг у своих более зажиточных соседей и влезут в кабалу уже к ним. Но это не моя забота. А статус города я им верну. Вот городские привилегии – это уж шиш. Хотят играть в свободу, устраивая выборы, – пожалуйста. Уж я-то знаю, что никакая это не свобода. А тот же хрен, который не слаще редьки. А разнесут эту весть они быстро. Уже завтра об этом начнут судачить на каждом углу.

– Продолжим. Работать вы будете как и прежде, но все мои пожелания будут приоритетны, и цену будете обговаривать с моим управляющим. По каждому виду работ. Некачественное исполнение порученных работ буду расценивать как личное оскорбление. Все ваше имущество я конфисковал, так что жилье себе подыщите сами.

– Ваша милость, а можно нам выкупить наши дома?

Я повернулся к Курту. Он стоял с выпученными глазами и красным лицом. Собственно, я и не сомневался, что они не сдадут все свои тайники. Да и у бургомистра – вернее, теперь уже у его семьи – кое-что наверняка осталось.

– Ладно уж, не кипятись... – И я рассмеялся. Уж очень забавно он выглядел. Потом обратился к этим жучилам: – Можно. Только вот два дома из четырех я уже подарил. На выбор. Один Гюнтеру Вальдеру и один Курту Бруннеру, моему капитану и динстману^[2].

– И как же быть? – спросил один из них. Кажется, старшина строителей, Ганс Циммерман. Ну да, как строитель – домик себе отгрохал, наверное, на загляденье и не сомневается, что выберут именно его дом.

– Будете выкупать у Курта или Гюнтера те дома, что они выберут. Или постройте им новые. По вопросу выкупа – к управляющему. А теперь идите успокойте семьи. Завтра с утра жду вас здесь.

Они вышли. Но тут же кнехт доложил, что меня дожидается давешний кузнец. Черт, пожрать не дадут. Уже давно обеденное время наступило. Ладно, на ходу что-нибудь перехвачу. Время терять нельзя. Велел впустить.

– Как тебя зовут? – обратился я к вошедшему кузнецу.

– Хайнц Майер, ваша милость.

– Давай-ка, Хайнц, съездим посмотрим на твое хозяйство. Курт, организуй нам лошадей и охрану. Ты с нами или здесь останешься?

- С вами, конечно.
- Тогда прихвати что-нибудь поесть. По куску хлеба и мяса хотя бы.
- Сделаю, ваша милость.

Мы вышли из кабинета и пошли к выходу из ратуши. Курт куда-то умчался, отдав предварительно какой-то приказ одному из кнехтов. Да, торкнуло мужика неслабо. Насколько я помню, ко мне, вернее, тогда еще к Лео он относился не очень. Не то чтобы плохо, а просто никак. Он просто не мог понять, почему это молодой барон, вместо того чтобы весь день размахивать боевыми железками, сидит в замковой библиотеке. Да еще и ездит за книгами к городскому священнику. Тем более после того, как стал наследником. Да, в общем-то, правильно удивлялся. Нет, книжки читать – это хорошо, но нельзя же себя так запускать. Совсем Лео у насдохлый. Придовольно высоком, по нынешним временам, росте – худосочный жутко. Ну ничего, это мы поправим. А вот Курт, по-видимому, увидел во мне настоящего барона. Ну да, для этого надо было зарубить несколько пьяных мужиков и повесить одного жулика. Но это и хорошо. Так и должно быть.

У входа нас уже ждали три оседланные лошади и четыре конных кнехта. Только мы сели в седла, как примчался Курт и сунул мне здоровенный кусок хлеба с мясом. Мы сразу тронулись. Есть на ходу было не очень удобно, но я съел все до крошки. Кузнец с подозрением на меня поглядывал.

– Тебе не предлагаю. Думаю, ты дома пообедал, а вот нам все некогда. Приходится есть на ходу.

Мы выехали за ворота и минут через пять неспешной рыси были у мастерских Хайнца. Здесь были не только его мастерские. Вдоль реки тут и там дымили трубы плавильных печей других мастеров. Кузнец сейчас не просто кузнец. Он и металлург, и станочник, и торговец. К нему привозят железную руду, а он дает на продажу уже готовое изделие. И это все один человек. Ну не то чтобы один – у хорошего мастера куча подмастерьев и учеников.

Мастерские были окружены высоким забором. Да, сейчас каждый мастер бережет свои секреты как зеницу ока. Здесь патентного бюро нет. Мы вошли в ворота. Участок был довольно большой – гектаров двадцать. На нем стояли плавильная печь и несколько довольно больших то ли домов, то ли сараев. Цеха, наверное. Я сразу прошел к печи. Ба, штукофен^[3]. Но какой-то недоделанный. Невысокий, всего метра два – два с половиной, и труба высотой метра два. А так все как на картинке. Меки небольшие, качаются одним, максимум двумя людьми.

- Сколько железа получаешь за плавку? – спросил я его.

– Триста – четыреста фунтов. Правда, много свиного железа. А остальное приходится долго проковывать.

– Как проковываешь?

– Там у меня молот. Работает от водяного колеса, – с гордостью указал он в сторону сарая у реки.

Молодец, до водяного колеса допетрил. Хотя использование водяного колеса известно с древних времен, взять ту же мельницу, но ведь он приспособил колесо к молоту... Молодец, что сказать.

– Покажи свои станки, – велел я.

Мы прошли в один из больших сараев. В нем стояло несколько станков. Вернее, их подобий. На привычные мне станки эти конструкции совсем не походили. А Хайнц с гордостью мне показывал то сверлильный станок, то токарный. Вообще-то использование станков было известно давно. Еще на рисунках Древнего Египта были изображены станки, например сверлильный. Правда, на станок он не очень-то походил, но ведь и эти конструкции можно принять за станки только приглядевшись, очень хорошо приглядевшись. И желательно, чтобы кто-то, как сейчас Хайнц, объяснил принцип работы.

– А приспособить вал к водяному колесу не пробовал? – спросил я у него. У его станков тоже были колеса на валу, но крутить их должен был человек.

– К водяному колесу? Ваша милость, это же так просто... как я мог раньше не догадаться? – Он стоял с обалдевшим видом и чесал себе затылок. Как-как... простая зашоренность мышления. Все так делают – и я так делать буду.

Хотя я и сам не уверен, что где-нибудь до этого уже не додумались. Да наверняка. Но меня не интересует это «где-нибудь». Меня интересует «здесь и сейчас».

– Какие у тебя допуски при сверлении?

– Чего?..

– Ну, с какой точностью ты сверлишь?

– На два фута могу просверлить с точностью до одной сотой части дюйма. Но только по мягкому железу или по бронзе. Сверла часто ломаются, сталь плохая.

– Диаметр сверлишь какой?

– Что за «диаметр»?

– Вот ведь деревня... Толщина у сверла какая?

– Самое тонкое сверло – в полдюйма, а самое толстое – в дюйм.

– Ясно. А кованый стальной пруток на три фута просверлить

сможешь?

– Нет, ваша милость. Сверло сталь не возьмет. Было бы сверло из хорошей стали, вроде булата, то можно. А так... Нет, не получится. А пускать булат на сверла слишком дорого. Да и где его взять?

Да, проблема. Где ж мне взять хорошую сталь? Будем думать.

– Ладно, поехали обратно. Будем вместе решать наши проблемы.

Мы отправились в город. Скоро опять уже были в кабинете ратуши. По пути я кое-что все-таки придумал.

– Курт, принеси мне всю бумагу из кабинета бургомистра и свинцовый карандаш, – сказал я, усевшись за стол. – Хайнц, присаживайся рядом. Так, Хайнц, слушай меня внимательно. Все, что ты от меня услышишь, должно остаться тайной. Если узнает кто посторонний, повешу и тебя, и всю твою семью. Сколько у тебя детей?

– Четверо. Три сына и дочь, – насупившись, ответил он.

– Ну вот и не забывай о них. Первое. Ты мне отольешь три кулеврины из бронзы. Пока из бронзы. Потом будешь лить из стали.

– Это невозможно... – возразил он и тут же получил подзатыльник от Курта.

– Не смей перебивать господина барона! – рявкнул он на кузнеца.

– Успокойся, Курт. Так вот, Хайнц: это возможно. Потом я тебя научу. Но сначала – кулеврины из бронзы. Они мне нужны срочно. Но не такие, как та, что ты уже отлил, а немного другие.

И я нарисовал ему шуваловский «единорог» с конической зарядной камерой. Калибром в шесть дюймов и длиной ствола в десять калибров. Нарисовал также колесный лафет.

– Вот эта тележка называется «лафет». Его детали закажешь по отдельности у разных плотников. Потом сам с подмастерьями соберешь. Все это надо сделать быстро. У тебя сыновья взрослые?

– Да. Все они – мои подмастерья.

– Вот и хорошо. Кто из них лучше всего соображает в металлообработке?

– Средний, Дитмар. Он и работает на станках. У него лучше, чем у меня, получается, – ответил он с гордостью.

– Прекрасно. Потом познакомишь меня с ним. Дальше. Как тебе получить хорошую сталь для инструмента... В своей печи поменяешь мехи на большие. Приспособишь к ним колесо, к колесу – лошадь или мула. Смотри...

Я нарисовал ему систему передач от горизонтального колеса к вертикальному и кулачковый вал для привода мехов.

– Удлинишь трубу у своей печки на пять-шесть футов. Понимаешь зачем?

– Конечно, чтобы жар в печи поднять.

– Именно. Потом закажешь у горшечника тигли, то есть горшки из тугоплавкой глины. В форме цилиндра с крышкой. В крышке должны быть отверстия.

Я снова взялся за карандаш. Нарисовал ему тигли с указанием размеров. Описал ему также всю технологию варки стали в тиглях. И как дробить руду, уголь и доломит, и до каких размеров, и как смешивать. В общем, все, что помнил. Для него это было настоящее откровение. Да, правильно говорят: все новое – это хорошо забытое старое. О таком способе еще Аристотель писал в своих трудах за четыре века до рождения Христа. А Хайнц смотрит на меня открыв рот.

– И что из этого получится, ваша милость?

– А получится у нас булатная сталь. Индусы именно из такой стали куют свои знаменитые клинки.

Хайнц аж подпрыгнул. И Курт с большим интересом стал прислушиваться к нашему разговору, а то прежде совсем заскучал.

– Можно вместо руды использовать мягкое железо, тогда плавка пойдет быстрее. Часа за четыре. А вот с рудой – не знаю, надо все проверять опытным путем. С одного горшка будет получаться стали немного – восемь-девять фунтов, но на хороший инструмент хватит.

– Ваша милость, вы озолотитесь! Такая сталь стоит по весу золота...

– Поэтому и предупредил тебя, чтобы язык держал за зубами.

– Да, ваша милость, – проговорил Курт, – а я все удивлялся, что это вы постоянно в библиотеке сидите. Теперь вижу, что и от книжек есть толк.

– Есть, Курт, есть. Дальше, Хайнц. Можно добавлять еще немного марганца. Это такие кристаллики, которые, растворяясь, делают воду красноватой. Поищи, может, у аптекарей есть. Когда получишь хорошую сталь, извести меня.

– Спать не буду, ваша милость, но сделаю.

– Хорошо. Дальше. На берегу реки построишь еще одну печь, чтобы привод мехов был от водяного колеса. Если надо еще земли – бери. Но печь построишь немного по-другому. Высотой четырнадцать-пятнадцать футов. Вот смотри...

И я нарисовал ему конструкцию простейшей доменной печи. Ну, не такой простой, какой китайцы пользовались еще тысячу лет назад, а века восемнадцатого-девятнадцатого. Но тоже ничего сложного. До простой домны европейцы дойдут лет через семьдесят – восемьдесят. Это если без

меня. Но теперь – быстрее. Домну не спрячешь. Увидят и разберутся. Для специалиста и издали все понятно будет. Но вот как из чугуна получать сталь – это пусть еще попробуют догадаться.

– В этой печи мы будем варить чугун, то есть свиное железо. Очень хорошего качества. А вот как из свиного железа быстро получать хорошую сталь, я тебе потом расскажу. У тебя и так заданий много. На строительство печи своих людей не отвлекай, только на доводку. Людей возьми у Циммермана. Скажешь, что я велел. И не стесняйся – сколько надо, столько и бери. Помни, что все надо делать быстро. И не экономь. Все расходы я возмещу сразу. Иди пока. Если что будет неясно – приходи, тебя всегда ко мне пропустят.

Кузнец вскочил, схватил листки и умчался. Ну, теперь точно спать не будет. Фанатик. Хотя настоящий мастер таким и должен быть.

За окном уже начало темнеть.

– Пойдем-ка, Курт, проведем нашего счетовода.

Мы с ним прошли в кабинет бургомистра, вернее, теперь уже кабинет Гюнтера. Он сидел за столом с отсутствующим выражением лица.

– Ау, Гюнтер, очнись.

Он тут же вскочил:

– Ваша милость, я никогда в жизни не видел столько денег.

– Еще и не то увидишь, – ответил я ему, садясь на стул. – Присаживайся, Курт. Будем вместе думать думать, как нам избежать встречи с безносой, что с косой. Так сколько там, Гюнтер?

– Если все перевести в любекские гульдены, то двадцать три тысячи четыреста пятьдесят семь золотых гульденов. Но золота немного. Всего три тысячи пятьсот тридцать. Остальное – серебро.

– Ну что ж, неплохо. Мы этим деньгам применение найдем. Я хотел с вами поговорить о другом. Как думаешь, Курт, когда нас убивать придут?

– Не раньше сентября. Пока урожай не соберут – не придут.

– Точно? А мои вассалы? Они ведь понимают, что я предательства не прощу.

– Эти могут и раньше заявиться, но вряд ли. По одному они не пойдут, а чтобы пойти вместе, им еще договориться надо. А они друг друга не очень-то любят. Но договорятся, конечно. Но пока будут договариваться, подойдет время сбора урожая. Сначала овощей, а потом и зерна. А без ополчения они не пойдут. А все ополчение – на полях. Нет, раньше сентября не заявятся. Но на всякий случай я пошлю людей в их деревни. Поговорят там с крестьянами. Если что – предупредят.

– А мои родственники и соседи?

– Эти тоже не раньше сентября. Если только кто особо наглый решит малыми силами нас взять. Но о таких и говорить не стоит.

– Ясно. Значит, два – два с половиной месяца у нас есть. Выходит, к сентябрю мы должны быть полностью готовы. Какие мысли на этот счет?

– Набрать наемников. Деньги у вас есть, – предложил Гюнтер.

– Ага, и они нам за эти деньги потом глотки и перережут. Нет, это не выход. Значит, так. Курт, завтра с утра поговори с нашими людьми, пусть они пошатаются по городу, посидят в кабаках и везде пусть рассказывают, что барон набирает себе кнехтов. Кто придет, тот освобождается от штрафа и получать будет на время учебы по два пфеннига в день, а потом и по три, а некоторые, кто посообразительнее, – и по четыре. Обмундирование и кормежка – с барона. Но принимать будут только молодых ребят от пятнадцати до двадцати пяти лет. И здоровых, без всякой заразы. Я думаю, пойдут.

– Еще как пойдут. Отбиваться будем...

– Вот ты и будешь. Станешь руководить набором. Но отбирай только здоровых и не особенно тупых. Пусть будут недокормленные, не страшно – откормим. Гюнтер, а ты не знаешь, сколько жителей всего в городе?

– Если верить податной книге – две тысячи семьсот девяносто три человека.

– Ну, с сотню мы покрошили... Так что примерно две тысячи семьсот. Это еще около двадцати семи тысяч гульденов. А если учесть, что некоторые должны заплатить двойной и тройной штраф, то тысяч двадцать восемь выйдет.

– Вы думаете, заплатят? – усомнился Гюнтер.

– Уверен. В течение пары месяцев. Я им обещал восстановить статус города. Согласно эдикту Фридриха Второго от тысяча двести тридцать второго года, имею право. Но вот восстановить их привилегии – не обещал.

– Да, хитро. Я тоже думаю, что заплатят. Но потом опять начнут просить привилегии.

– Пусть просят. Да, Гюнтер, разошли людей по нашим деревням, пусть тоже расскажут о наборе. Курт, а тебе и твоим людям надо будет из всего этого сделать бойцов. Настоящих кнехтов за два месяца по-любому не получится, но хотя бы держать строй и не пораниться самому и не поранить соседа они должны уметь. И отмечай самых сообразительных, они мне потом понадобятся. И еще. Гюнтер, отсчитай всем нашим кнехтам по десять гульденов. И тем, что оставались в замке, тоже. Если у убитых есть родственники, то передать им. Курт, проследи. Гюнтер, а Курту выдай полсотни.

– Ну все, господин барон, завтра к вечеру тут будет толпа добровольцев.

– Ну и хорошо. Будет из кого выбрать. Нам нужно сотни три.

– Ого, целое войско!

– Если бы еще это войско успеть вооружить и обучить... Ладно, не будем о грустном. Надо работать – и все будет. Все, господа, я иду отдыхать, завтра будем с остальным разбираться.

– Спасибо, ваша милость! – вскочил Гюнтер.

– За что?

– За то, что назвали нас господами.

– Брось, Гюнтер. Вы мои ближайшие помощники. Тем более Курт уже произведен мною в динстманы, а тебя я произведу в министриалы^[4]. К сожалению, я сам не рыцарь и не могу никого посвящать в рыцари. Курт за эти дни этого заслужил. Кстати, Курт, подбери мне умелого бойца из своих ребят, пусть меня немного погоняет.

– Я сам с вами займусь.

– Нет, Курт, у тебя и так дел выше крыши. Все, до завтра.

Я поднялся и пошел в свою комнату, на свою лавку, спать. Ноги уже еле передвигались. Черт, опять без ужина... Так я долго не протяну. Велел одному из своих охранников найти что-нибудь поесть, но как только добрался до лавки, сразу вырубился.

Глава 2

Проснулся я опять ни свет ни заря. Небо только начало сереть. Надо же, вчера едва до лавки добрался, а сейчас как огурчик – свеж и бодр. Это у меня, видимо, от Лео осталось. Он в это время всегда поднимался на молитву. Да, это мое упущение. Столько времени проводить в молитвах, как раньше Лео, я, конечно, не собираюсь, но игнорировать церковь нельзя. Так можно и на костре оказаться. Правда, сейчас церковь не очень-то свирепствует – это время наступит лет через сто, но все равно побережься надо. Плохо, что я не знаю всех католических ритуалов. Все-таки раньше я был православным. Ну как был – чисто номинально. Церковь за всю жизнь я посетил два раза. Один раз, по-видимому, при крещении, а второй раз зашли с друзьями из любопытства. И Лео мне здесь не помощник. Молитв он, конечно, знает много, но все его общение с церковью проходило в замковой часовне и с замковым капелланом отцом Магнусом, добродушным старичком. Встречался он и с отцом Бенедиктом, когда брал у него книги, но так, эпизодически. А вот как себя вести во время службы в настоящем соборе, ни Лео, ни тем более я не знали. Ладно, буду поступать как все. Прорвемся.

Только я вышел из комнаты, как ко мне подошел кнехт:

– Ваша милость, господин Курт поручил мне составить вам компанию в тренировке с мечом.

Вот ведь дипломат, блин. «Составить компанию»... Да меня гонять надо и учить чуть ли не с самого начала. Нет, меня, конечно, пытались приучить к мечу, все-таки я барон по рождению, но я так усиленно этому сопротивлялся, что от меня в конце концов отстали. Тренировать тренировали, но так, без фанатизма. Теперь придется заняться этим серьезно. Хорошим мечником мне не стать, да и не нужно, но обращаться с мечом я должен уметь. Хотя бы на уровне, так сказать, «чайника».

– Как тебя зовут?

– Элдрик Зейлер, ваша милость.

– Хорошо, Элдрик. Пойдем.

И мы все вместе отправились на выход из ратуши. Все – это я, Элдрик и двое кнехтов, моих охранников. Со мной постоянно находилась охрана. А я и не возражал. Город хоть и исконно мой, но все равно только недавно завоеванный. Найдется еще какой-нибудь чокнутый мститель из местных... Все-таки при захвате города мы многих порубили, а ведь у них были

родственники, друзья. А пришибить такого пацана, как я сейчас, – много ли надо? Вот и таскаюсь с охраной.

– Элдрик, организуй лошадей, в замок отправимся.

А сам рванул в «санузел». Когда вышел из ратуши, лошади уже были у входа. Мы все сели в седла и поехали к воротам. За воротами я соскочил с лошади и побежал рядом, держась рукой за луку седла. Вот так и добрались до замка – они верхом, а я пешком. Вопросов мне никто не задавал – хочет молодой барон побегать, ради бога, пусть бегаёт. Как я смог добежать до замка, сам удивляюсь. Просто из упрямства. Пока бежал, проклял все – и свое упрямство, и свое худосочное, нетренированное тело, и даже свои полусапожки. Сапоги-то были без подметок и каблуков. И подошва, и голенища шились из одной и той же кожи. Так что все камушки на дороге были мои. Да еще и эти длинные носы у сапог... А кольчуга? Жуть. Но добежал. Правда, перед самым замком я все-таки взгромоздился в седло. Негоже, чтобы слуги видели задыхающегося сеньора. Наконец-то я мог в спокойной обстановке осмотреть свой замок. Нет, из памяти Лео я знал о нем все, в детстве облазил его полностью. Но вот так, воочию, посмотреть на него было интересно. Все-таки я не совсем Лео. Или совсем не Лео? А, не важно. Замок был красив. Высокие стены с башнями. Две воротные башни. Дубовые ворота, окованные железом. А над всем этим возвышается шестиугольный донжон. Замок был построен еще в десятом веке моими предками. Надо же, ему уже почти четыре сотни лет... Обалдеть.

Ворота начали медленно открываться. Мы въехали сразу во двор, так как герса была поднята. Я соскочил с коня и направился к донжону. Подошел к старшей служанке:

– Через два часа приготовь бочку с горячей водой для мытья и чистую одежду. После мытья – завтрак. Элдрик, за мной.

Мы прошли на площадку для тренировок. Бег от города к замку я теперь воспринимал легкой разминкой. Элдрик гонял меня целый час так, что я в конце концов просто свалился. Но долго отдыхать мне не дали. Зейлер меня поднял и вложил в руку свой меч. Он был тяжелее моего раза в два. И вот эту железную дубину я следующий час просто держал. В вытянутой руке. То острием вверх, то горизонтально. Час я, наверное, все-таки не выдержал. В конце концов рука разжалась и меч упал на землю. Рука наконец-то опустилась и повисла безжизненно вдоль тела. На заплетающихся ногах я добрал до бочки с горячей водой и, раздевшись, залез в нее. Бочка стояла во дворе, и вокруг сновали люди, но мне было наплевать. Вообще-то мылись обычно на кухне, но сейчас, по летнему времени, бочку вытащили на улицу. И только погрузившись по шею в воду,

я начал вновь ощущать свое тело. Возле меня стояла молоденькая служанка. Ну, не возле меня, а возле бочки с водой. Симпатичная девица. Невысокая, стройная, и все округлости при ней. Но мне, честно говоря, сейчас было не до нее. Мышцы, конечно, немного расслабились, но как они поведут себя, когда я вылезу из воды? Но вылезать все равно надо. Просидев в бочке минут двадцать, я потребовал мыла. Девчонка притащила мне какой-то полужидкой массы в плошке. Пришлось мыться таким мылом. Я вылез из бочки и стал намыливаться. Девчонка намылила мне спину. Велел ей принести сухого сена и использовал его как мочалку. Обмываться пришлось той же водой, что была в бочке. Вот ведь дикари, нормальной мыльни построить не могли. Я уж не говорю про баню. Ну ничего, я им тут устрою банный праздник. Варвары. А еще кичатся тем, что они переняли культуру Древнего Рима. Да в Риме было тысячи полторы терм. А тут ни в городе, ни в замке помыться негде.

Потом я позавтракал. Наконец-то как белый человек, в большом обеденном зале, за столом. Правда, посуда была глиняная и никакого разнообразия в еде. Кроме обязательной каши с мясом, еще и яичница. Хлеб и вино. Совсем озверели, с утра – и вино. Как говорится, с утра выпил – и весь день свободен. Нет, это не для меня. Мне расслабляться рано. Но ни чая, ни кофе не было. Пришлось пить вино, основательно разбавив его водой.

После завтрака были похороны старого барона. Ну как похороны – отец Магнус прочел над телом коротенькую молитву, и его отнесли в нашу родовую усыпальницу. Вот и все. Но после похорон я таки толкнул речь. Всем напомнил, как я не любил раньше мыться и как отец меня заставлял это делать хоть раз в месяц. Но сейчас, в память об отце, я даю обет, что мыться буду каждый день. Но так как они все – наши верные слуги, то им придется разделить со мной эту тяжелую ношу. Им тоже придется мыться. Но я разрешаю им мыться не каждый день, а раз в неделю. Но обязательно с мылом и мочалкой. Если кто будет отлынивать – выпорю. И еще приказал всем чистить каждый день зубы порошком мела. Ну, вот, хоть вонять перестанут. А чтобы было где мыться, велел построить мыльню во дворе замка. Народ, конечно, обалдел. Но слова против никто не сказал. Даже отец Магнус промолчал. Хотя, насколько я помню, именно церковники больше всех препятствовали мытью. Якобы нельзя смывать святую воду, в которой человек крестился. Идиоты. Ничего, я все свое баронство мыться приучу. Пусть меня считают самодуром, переживу. Тем более что дал обет, а к таким вещам сейчас относятся очень серьезно.

После этого поднялся в кабинет отца, забрал баронскую печать в виде

перстня, которую повесил на шнурке на шею – на моих тонких пальцах перстень не держался. Потом сели на лошадей и отправились обратно в город. Правда, по пути я решил заскочить к Хайнцу. Передвигался опять на своих двоих, бегом. И стоило мыться, в самом деле? Опять весь пропотел. Еще эти сапоги... Нет, с этим решительно необходимо что-то срочно делать. Иначе я без ног останусь. Вернусь в город – первым делом вызову к себе сапожника. И пусть только попробует не сшить мне нормальную обувь. На кроссовки я, конечно, не рассчитываю, но уж сапоги-то с нормальной подошвой сшить можно?

Тем временем добрались до мастерских Хайнца. Ворота нам сразу открыли. Еще за забором я слышал ор Хайнца, а тут увидел, как он носится по территории мастерских с палкой и охаживает ею всех встречающих. Наконец он увидел нас и подошел.

– Что случилось, Хайнц?

– Ваша милость, вокруг одни лодыри и безрукие разгильдяи. Колеса для мехов еще не готовы, мехи еще не сшили, горшечники вообще обнаглели. Обещали привезти мне первую партию горшков, как вы говорили – тиглей, только сегодня к вечеру. Никто работать не хочет.

– Хайнц, закажи еще три больших меха, понадобятся. Потом расскажу для чего.

– Ну, одни для той большой печи, что строят на берегу...

– Так и есть. Про другие потом узнаешь. Циммерман строителей дал?

– Да куда он денется...

– Что с моими кулевринами?

– Все готово, ваша милость. Форму из глины я уже приготовил. Сейчас сохнет. Стержень для ствола из глины тоже сохнет. К вечеру обожгу его в печи и отполирую. Утром отолью кулеврину.

– Отольешь – и займись другими делами. Я ее испытаю. Если меня все удовлетворит, отольешь еще две.

– А я уже заказал медь и олово на бронзу для двух кулеврин. Для первой-то у меня и своего материала хватит.

– То, что заказал, – это хорошо. Закажи еще на две-три. И еще свинца, и побольше.

– Закажу. Но очень уж он дорогой.

– Ничего, не обеднею. И если встретится где порох, то бери сколько дадут. Что с лафетом?

– Заказ разным плотникам сделал. Обещали завтра все подвезти.

– Вот и прекрасно. Соберешь лафет, устанавливай на него сразу кулеврину, как только она остынет. Ты внутри ствол отшлифовать не

забудь.

– Обижаете, ваша милость. Я все-таки мастер.

– Ну ладно, ладно... Как все будет готово – дай знать. Удачи тебе.

Мы развернулись и отправились в город. Да, именно город. Верну я ему все-таки его статус. Зачем мне еще одна деревня? У меня их и так много. А я там и не был ни разу за всю свою жизнь. Вернее, Лео не был. А я тем более. Нет, конечно, надо будет как-нибудь заскочить в какую-то из них: посмотреть, как мои крестьяне живут. Да и налоги им надо бы уменьшить. Сейчас они отдают мне треть урожая. И это еще по-божески. Некоторые сеньоры вообще половину забирают. Вот и мрет народ с голоду. А мне этого не надо. Пусть лучше их будет побольше, тогда и налогов платить они будут больше. Простая арифметика. Так что хватит мне с них и четверти. Да и деньги у меня пока есть. А если смогу наладить производство стали, то в золоте купаться буду.

Вернулся в ратушу как раз к обеду. Хотя где тут можно пообедать, я до сих пор не выяснил. А питать мой молодой организм надо усиленно. А то и на барона-то совсем не похож. Нет, для окружающих-то я все рано барон и их сеньор. Маленький или большой, худой или толстый – не важно. Важен собственно статус. Но я и сам должен чувствовать себя их сеньором. А вот с этим пока проблема. До сих пор не могу привыкнуть к тому, что я взрослых и заслуженных людей называю просто по имени, а они меня – «ваша милость». Как-то корбит. Но по-другому нельзя, не поймут. Велел Элдрику организовать обед, а сам отправился к Гюнтеру. Тот сидел за столом в своем кабинете, просматривая какие-то бумаги.

– Привет, Гюнтер. Как у тебя дела?

– Здравствуйте, господин барон. У меня все нормально. Вот просматриваю списки вашего нового имущества.

– Есть что интересное? Дай-ка взглянуть.

Он протянул мне бумаги:

– Вот на этих трех листках – то, что на складах бургомистра. На этих четырех – что конфисковали у членов магистрата. Дома свои они уже выкупили, но со складов мы у них все выгребли. Ведь вы разрешили им выкупить только их дома, а не все имущество.

– Правильно, Гюнтер, так их! – И я рассмеялся.

– Ваша милость, простите меня... может, я и не прав, но не слишком ли вы – по десять гульденов каждому кнехту? Им бы и по одному за глаза хватило.

– Гюнтер, самому жалко. Сам полночи ворочался, заснуть не мог, – по-другому с этим сквалыгой нельзя, не поймет, – но они и в самом деле

заслужили. Ведь мы сюда шли умирать. Никто не знал, что так получится и мы так легко сможем захватить город. И ни один не сбежал, не струсил. Преданность и храбрость надо поощрять. Так что все правильно я сделал. А о деньгах не жалею, еще будут. Вы, кстати, со своими домами что с Куртом решили?

– Решили взять деньгами. Все равно нам привычнее жить в замке. Зачем нам дома в городе?

– Ну, дело ваше.

Я стал просматривать бумаги. Чего только не было на этих складах... Конечно, больше всего – металла, особенно у бургомистра, но и других товаров было полно. Металл ведь не только продавался за деньги, но и менялся «по бартеру».

– Так, Гюнтер... Продавать со складов пока ничего не надо. Все может пригодиться. Особенно оружие и ткани. Порох в четырех бочонках на складе бургомистра – уже смешанный?

– Да, господин барон.

– Отправь его сегодня же в замок. И пусть там с ним поосторожней, а то без родового поместья меня оставят. Пусть запрут его в дальнем углу замка, в каком-нибудь сарае. И половину свинца отправляй туда же. Что-то свинца у него много, аж две тысячи фунтов.

– Крышу хотел себе покрыть свинцом.

– Совсем сбрендил, он же ядовитый...

– Почему это ядовитый? – удивился Гюнтер. – Совсем не ядовитый. У многих знатных людей крыши свинцом покрыты.

Да, что-то я туплю. Откуда им знать, что свинец здоровью очень не благоприятствует? А крыши сейчас свинцом крыть – самый шик. Именно потому, что это дорого. Всегда так было. А со своими сентенциями надо бы поосторожнее, а то ляпну еще что, для меня и моего времени безобидное, а меня – на костер.

– Ядовитый, ядовитый. Так писал еще арабский ученый и врач Абу Али ибн Сина, известный нам как Авиценна. А ему верить можно. – Так, надо уводить разговор в сторону, а то сейчас как прицепится, он ведь известный зануда... – Кстати, жить нам здесь, я думаю, предстоит довольно долго. Я, правда, свой дом продавать не собираюсь, но одному мне там будет скучно. А вы, как я понял, собираетесь с Куртом жить здесь?

– Ну да. У меня в соседней комнате и кровать есть.

– Вот-вот, об этом и хочу сказать. Организуй и в мою комнату кровать с матрасом и подушкой. И одеяло чтоб было. И чистое постельное белье. И не дай бог, если я хоть одного клопа там найду: всем не поздоровится.

И еще. Я сегодня, на похоронах отца, дал обет – каждый день мыться.

– Да, серьезный обет, – проговорил он, – я помню, как вас ловили по всему замку, чтобы помыть. А что же нас с Куртом не позвали на похороны?

– Отец Магнус решил поспешить. Жарко, сам понимаешь. Кнехтов-то еще раньше похоронили. Так к чему я это... Так вот, дал я такой обет, и исполнять его придется. Поэтому организуй мыльню где-нибудь на первом этаже в отдельной комнате. А еще я приказал мыться всем своим людям, не реже одного раза в неделю. С мылом и мочалкой. Вас с Куртом это тоже касается. Так что организуй мыльню и для кнехтов. И чтобы все одевали чистое белье. И одежда у всех и всегда должна быть чистой и опрятной. Это что касается моих людей. Теперь касательно жителей города... Пиши указ. «Запрещается выливать помои и выбрасывать мусор на улицы. Кто будет в этом замечен, с того взимается штраф в размере одного гульдена. Все помои и отходы должны вывозиться золотарями рано утром за город в специально отведенное место. Мусор также. Сточные канавы вдоль улиц должны быть прочищены, углублены и накрыты деревянными решетками, и предназначены они не для помоев, а для стока дождевых вод». Оформи это позакowyристей, и завтра глашатай пусть весь день зачитывает этот указ на всех перекрестках. И заниматься всем этим придется тебе как моему наместнику в городе. Так что подобрал бы ты себе помощников... Но это дело твое. Спрошу все равно с тебя, и спрошу строго. Ну, я пошел к себе. Не забудь про кровать.

У себя в комнате на столе я обнаружил свой обед завернутым в холстину, чтобы не остыл: горшок с той же кашей и огромный кусок мяса. Рядом стояли два кувшина – с вином и водой. Ну и пустая кружка, конечно. На завтрак вино, на обед вино, на ужин вино. Спить они меня хотят, что ли? Вообще-то народ здесь пьет пиво, но мне пиво нельзя. Благородные должны пить вино. Пиво – напиток плебеев. Благородным его пить неуместно. Хотя я бы сейчас с удовольствием выпил кружечку... Ан нет, мне и пиво нельзя. Моему тощему организму и пиво и вино противопоказаны. Но и сырую воду лучше не пить. Так что буду вино разбавлять водой. Пить-то что-то надо. Потом вызову к себе какую-нибудь травницу и попрошу у нее какой травы для заварки... Нет, лучше сам к ней схожу. А то обидится и подсунет что-нибудь – потом с горшка не слезешь. Все равно идти к сапожнику.

Переобуть бы всех своих кнехтов... Почему кнехты, а не солдаты? Когда, интересно, появилось название «солдат»? И кто придумал? Не помню. Ну, значит, я и придумал. А солдатам нужна нормальная обувь. Это

сейчас у меня все конные, а наберу еще несколько сотен – где я им лошадей найду? И чем кормить этих лошадей буду? Солдат корми, лошадей корми... Да и не нужны им лошади. Я же планирую сформировать пехотные роты, в перспективе – мушкетерские. А пехоте нужна хорошая обувь. Она все время на своих двоих. И одежду какую-никакую однообразную надо. Сейчас-то мои люди и одноцветным сюрко обойдутся, а вот для пехоты нужен будет полный комплект. И обувь, и брэ, и камизу, и котту, и сюрко^[5]. И латы хоть какие. Простенькую кирасу на каждого и самый простой шлем. Какой – это я еще подумаю.

Да, тут на одном обмундировании разоришься. А ведь еще и оружие надо. Во сколько мне обойдется один мушкет – и подумать страшно. А ведь еще и мечи надо, и не какую-нибудь деревенскую поделку, а качественные клинки, ведь ими мою жизнь защищать будут, так что на этом не сэкономить. Нужны еще кинжалы или штык-ножи. Кавалеристам неплохо бы иметь пистолеты. Как у немецких рейтар. Нет, до рейтар мне далеко. Их учить несколько лет надо. Одно только верховое кароколирование чего стоит... А кто учить будет? Я-то это все поверхностно знаю. Конечно, со временем все бы пришло в норму, всему бы научились. Но кто ж мне это время даст... Поэтому рейтары отпадают. И кирасиры тоже. По той же причине. Так что кавалерия у меня пускай остается какая есть. А вот над пехотой я поработаю. Эх, мне хотя бы годик – я бы из них настоящих солдат сделал. Недаром же срочную сержантом закончил. Нет, без собственной стали я все это не потяну. Будет сталь – будут и дешевые латы, и мечи, и кинжалы, и мушкеты с пушками. И на обмундирование деньги будут, и на хорошее питание. А то эта каша уже достала... Я посмотрел в горшок. Пустой. Достала не достала – а смолотил все. Надо будет местных поваров научить готовить щи, суп, борщ. Ведь для этого все есть, а вместо картошки можно использовать репу. А по утрам – омлет. Яйца есть, молоко есть, и желудок его лучше усваивает. Хотя и каша неплохо идет. Ладно, это все потом. А сейчас – поход к сапожнику.

Мы отправились в город. Лучшего башмачника мне сразу назвал Элдрик. Вот к нему и пошли. Башмачник, именно башмачник, а не сапожник, так как в основном здесь все носят башмаки, сапоги слишком дороги, ведь кожи на них уходит намного больше, – вон у меня и то только полусапожки, – так вот, башмачник долго не мог понять, что я хочу. А когда понял, не мог понять, зачем мне это. Подошву из толстой кожи – это он еще понимал, а вот зачем шить для каждой ноги отдельный сапог – не понимал. Да еще и по размеру. Сейчас можно сшить башмаки с длинными носками, и они на любую ногу налезут. А я себе хотел для каждой ноги отдельно. В

конце концов я ему смог объяснить, что хочу. Просто разулся, поставил на лист бумаги сначала левую ногу и обвел ее карандашом, потом правую. Затем приказал – просьб он просто не понимал – сшить башмаки по этому размеру. Напортачит – заставлю все сожрать. Вот это он сразу понял. Но в виде бонуса я пообещал, что если мне его башмаки понравятся, то закажу ему и сапоги – с короткими голенищами и с длинными. А в перспективе – изготовление нескольких сотен пар обуви. Тут он чуть в обморок не свалился и чуть ли на пузе передо мной ползал. Правда, я и сам еще не решил, какую обувь готовить для моих пехотинцев. Башмаки дешевле, зато сапоги, даже коротенькие, хоть и дороже, но удобнее. Ладно, потом решу. Башмаки приказал принести завтра к полудню.

Потом отправились к травнице. Она мне подобрала несколько сборов и обещала к вечеру принести еще. Ну не ходить же нам с охапкой сена в руках... Да и денег у меня не было. Да, вот именно так. Ни копейки, вернее – ни пфеннига. А у кнехтов брать было как-то неудобно. Поэтому взял травок немного, только на пробу. Сначала она начала допытываться, от какой болезни они мне нужны, но я ей смог объяснить, что трава нужна не от болезней, а для вкусного и приятного питья, так как пиво и вино я не люблю, а пить что-то надо. Ну а если травка будет давать и общеукрепляющий эффект, то и замечательно. Наконец договорились с ней и отправились к аптекарю. У него я заказал камфорное масло. А вот марганца у него не было. Было нечто подобное, но все выгреб еще вчера прибежавший ученик Хайнца Майера. И не только у него. Он пробежался по всем аптекарям и даже к алхимику местному заскакивал. Вот ведь ушлый мужик. А алхимик? Да, алхимик в городе был. Сейчас это довольно уважаемая профессия. Правда, скоро за ними начнет охоту инквизиция и изведет почти всех, но пока они чувствуют себя довольно неплохо.

Шататься по городу надоело, поэтому решил возвращаться. Надо бы еще к ткачам заглянуть, но лучше вызову к себе их старосту и дам ему поручение, а дальше уж пусть он занимается. В первую очередь надо сшить сюрко для всех моих кавалеристов, ну и в перспективе – обмундирование для пехотинцев. Но спешить не буду. Месячишко они и в своем рванье походить могут. Тем более поначалу будут в основном тренировки на силу и выносливость – изорвут всю одежду к чертовой матери. Но договариваться с ткачами надо уже сейчас. Пошить обмундирование на триста солдат – дело не одного дня.

А городишко мне понравился. Не такой уж и грязный. Пованивало, конечно, особенно в переулках, но терпимо. Да, надо будет сегодня издать указ, что замеченный за справлением нужды на улице будет облагаться

штрафом в десять гульденов. А то переулки здорово «заминированы». И Гюнтеру надо втык сделать, чтобы он быстрее организовал городские коммунальные службы. Вон пусть вызовет старшину строителей и поручит это ему. Он бывший член магистрата, да еще и проштрафившийся, так что пусть отрабатывает.

Добравшись до ратуши, сразу прошли на задний двор. Там Элдрик с часок погонял меня, и пошли ужинать. На ужин опять каша из близлежащего трактира. Поужинал – и пошел скандалить к Гюнтеру. Он как всегда сидел в кабинете и рылся в бумагах.

– Слушай, Гюнтер, что за хрень, – наехал я на него, – утром каша, в обед каша, вечером каша!.. Если уж мы все здесь живем, то найми кухарку, что ли.

– Хорошо, ваша милость. Только в ратуше кухни нет.

– Так организуй. В конце концов, ты управляющий или где?

– Что «где»?

– Ну... или как?

– Что «как»?

– Тьфу, проехали.

– Куда проехали?

– Никуда. Работай. – Вот ведь дубина германская, простого армейского юмора не понимает... – Где Курт?

– Он рекрутами занимается.

– И где рекруты? Что-то я никого не видел.

– Я его попросил, чтобы не было столпотворения в ратуше, принимать людей в соседнем трактире. И ему хорошо, и трактирщику.

– Резонно. Как вернется, пусть ко мне зайдет и доложит.

– Хорошо, господин барон.

Потом продиктовал ему новый свой указ и ушел к себе. Раз уж выдался свободный вечерок, то надо бы полежать, подумать. План своих дальнейших действий составить. Но как только лег на лавку, сразу и уснул.

Проснулся опять ранним утром. Как и вчера, сразу же отправились в замок. Моя охрана верхом, а я бегом. Прибыв в замок, сразу прошли на тренировочную площадку. И опять два часа мучений. Только сегодня я орудовал не своей шпажкой, а тяжеленным мечом из замкового арсенала. И в вытянутой руке тоже его держал. Правда, сегодня Элдрик разрешил держать его попеременно то в правой, то в левой руке.

Мылся я уже не во дворе, а в мыльне. Вплотную к замковой стене лепилась небольшая пристройка, вот там и устроили. Помогала мне все та же служанка. Мне она понравилась. Стройная, симпатичная, спокойная. И

не особенно стеснительная. В настоящее время созерцать голое тело, даже свое, считалось грехом. А она смотрела на меня голого совершенно спокойно. Хотя в замке все такие. Отец Магнус фанатиком не был, так что особо сильно мозги им не промывал. И это хорошо. Не люблю фанатиков. Особенно зараженных какой-нибудь идеей. Или царствия божьего, или всеобщего светлого будущего. От них одни неприятности.

На завтрак опять каша и яичница. Вызвал кухарку и дал ей рецепт омлета и некоторых других блюд. Особым спецом в кулинарии я не был, но более-менее состав и способ приготовления, хотя бы приблизительно, помнил. Сказал, что прочитал об этих рецептах в трактате великого врачевателя Авиценны. Чтобы не удивлялась таким специфическим моим знаниям. Специфическим для барона. Пил опять разбавленное вино. Интересно, принесла травница заказанные сборы? Нехорошо получилось – заказал и уснул. Надеюсь, Элдрик с ней разобрался. Надо будет у него спросить потом.

После завтрака вызвал старшую служанку:

– Порох вчера привезли?

– Да, ваша милость. И порох и свинец. Мы все сложили в кладовке рядом с мыльней.

– Хорошо. Сток воды из мыльни куда сделали?

– В замковый ров.

– Значит, так. Спустите воду из рва и прочистите его как следует. Потом снова заполните водой. Из мыльни и прачечной воду можно спускать в ров, а вот все нечистоты из нужников вывозить в специальной бочке. Выройте яму подальше от замка и сбрасывайте все туда. Нечего тут вонь разводить.

– Ваша милость, слуг мало осталось. Из тех, что вы забрали, ни один не вернулся.

Да уж. И фиг теперь вернутся. Почувствовали вольную жизнь. Хотя и риск постоянный. Но, видно, люди такие. Те, кто риска боится, по щелям сидели во время осады, а эти были на стенах. И отправлять их теперь обратно будет неправильно, хотя и воины они, понятно, никакие. Ладно, дам команду Курту, чтобы приставил к ним воинов поопытнее, пусть мужиков подучат.

– Людей набери из близлежащих деревень. На постоянную работу. Пошли, порох покажешь.

Мы прошли в кладовку. Ничего себе кладовка... Целый склад. Метров полста площадью. Правда, захламлена изрядно. В уголке стоят четыре бочки. Я указал на одну Элдрику. Тот поддел крышку кинжалом, и она

отошла. Я посмотрел на порох. Да, хреновато. Темно-бурый порошок, почти пыль. Таким много не навоюешь.

– Значит, так. Кладовку от всего освободить. Оставить только порох и свинец. Вон у той стены, под окном, поставить длинный стол. Распорядись.

Она подозвала какого-то мужичка и дала ему несколько указаний.

– Позови девицу, что мне прислуживала при купании, и пошли куда-нибудь, где стол есть. Элдрик, набери немного пороха в какую-нибудь посудину. Веди.

Мы прошли в донжон, в довольно большое помещение на первом его этаже. Посредине стояли длинный стол с лавками. Столовая для слуг. Я сел на лавку. Прибежала давешняя служанка.

– Как зовут?

– Эльза, господин барон... Вы же знаете – я ведь вам и раньше прислуживала.

– Я много чего знаю. Спрашивают – отвечай. – Да, прокололся. Только теперь ее вспомнил. Веселая, смешливая девчонка, которая в самом деле мне и раньше прислуживала. Папаша ко мне ее, наверное, специально приставил, чтобы я ее как-нибудь в постель затащил. Только у меня были другие интересы. Я больше о книгах и о Боге тогда думал. – Что-то ты, Эльза, больно уж серьезная стала. Раньше повеселее была. Ты грамотная?

– Ой... Просто вы такой серьезный, и я стараюсь тоже серьезной быть, – заулыбалась она, – и писать и читать я умею. И даже считать.

– То, что стараешься, – это хорошо. Стараться тебе придется много. И то, что грамотная, – хорошо. Назначаю тебя старшей по производству пороха. Подберешь еще пятерых девушек. Старательных, аккуратных и не глупых. Будешь среди них старшей. А теперь слушай, что надо делать.

Я ей стал объяснять способ приготовления из имеющегося пороха сферического пороха, или так называемого жемчужного. Хорошо, что у них была ручная мельница, в которой перемалывали зерно в крупу для каши. И без единой металлической детали. Только камень и дерево.

– Смотри, ничего сложного здесь нет. Вот видишь – в крынке порох. Сначала смачиваем его водой и размешиваем. Потом вываливаем тестообразную массу на стол. Но стол должен быть чистым. Можно взять и отдельные чистые доски. Потом эту массу сильно сдавливаем другой доской, чтобы выжать из нее как можно больше влаги. Полученный блин оставляем сушиться – на солнце или в помещении. Когда он высохнет, разламываешь его на куски и пропускаешь через свою мельницу. Полученную пороховую крупу просеиваешь, чтобы пыли не осталось. Эту крупу надо будет отполировать. Для этого возьмете дубовый бочонок, через

крышку пропустите вал с ручкой. Засыпаете туда пороховую крупу и вращаете бочонок часа три-четыре. Для этого нужно пару мужиков – тоже старательных, аккуратных и не глупых. Потом опять просеиваете. Крупинки размером побольше в одну кучку, мелкие – в другую. И засыпаете в отдельные бочонки. Все это надо делать очень осторожно. Чтобы рядом не было огня, даже искры.

Я попросил Курта разжечь фитиль и поднес его наколотым на шпагу к кучке пороха, специально оставленного мной как наглядное пособие. Порох полыхнул.

– Видите? А если будет много пороха и на него попадет искра, то поубивает всех вокруг. Поэтому надо быть очень осторожным. Работать весь световой день. Как начнет темнеть – работу прекращать. Никаких свечей и лучин. Узнаю – запорю. – Я повернулся к старшей служанке: – Сегодня все подготавливаете, а завтра люди должны уже работать. Проверю.

Потом поднялся в кабинет отца. Полазил по шкафам и нашел несколько мешочков с деньгами. Взял один с золотом, другой с серебром. Карманов не было, так что пришлось подвязать их к поясу. Спустился вниз, и мы отправились в город. Я, конечно, опять бегом.

Заскочили в мастерские к Хайнцу. Сегодня криков не было. Хайнц подошел к нам со счастливой улыбкой на лице:

– Получилось, ваша милость, все получилось!

– Что получилось? Кулеврину отлил?

– Да кулеврину-то – само собой... С плавкой все получилось. Пять горшков в печь поставил. Два с рудой и три с железом. И во всех получилась хорошая сталь. В тех, что с рудой, – шесть-семь фунтов. А в тех, что с готовым железом, – восемь-девять. А в одном из трех получилась такая сталь, что просто чудо. Настоящее чудо. Лучше даже булата.

– Ну вот видишь... А ты сомневался. Теперь лей по этому образцу и делай из этой стали инструменты. В первую очередь сверла. Разного диаметра и разной длины. Меня интересуют диаметром в полдюйма и длиной в фут и три фута.

– Ваша милость, этот инструмент вы можете теперь продавать по весу золота. А клинки и латы я даже не представляю сколько будут стоить.

– А нисколько.

– Как это?

– А вот так. Как думаешь, что будет, когда на рынке появятся и инструменты и оружие из этой стали?

– Как что? Хорошо будет.

– Может, и хорошо – кому-то. А нам никак не будет. Потому что мы будем мертвые.

– Это почему?..

– Как думаешь, что сделают знатные и сильные владельцы, когда узнают, что в маленьком баронстве научились варить такую сталь?

– Они придут сюда, – сразу погрузился он.

– Вот именно. Будет война. Меня с моими воинами сразу убьют, потому что мы без боя не сдадимся. Из городских тоже мало кто в живых останется. Тебя тоже грохнут. Ведь заставить тебя работать на них трудно – в любой момент можешь сбежать. Проще выбить из тебя все твои профессиональные секреты и передать их своим мастерам, а тебе горло перерезать. Ну и всем твоим, кто может знать секрет выплавки такой стали. А это все твои домочадцы, подмастерья и ученики. Поэтому работаем пока только на собственные нужды. Пока мы не вооружим и не обучим собственную маленькую, но очень кусачую армию, о торговле сталью придется забыть. И смотри, чтобы в городе о твоих успехах никто не прознал. А то, сам знаешь, языки у людей длинные. Дойдут слухи не до тех ушей – и нам всем не поздоровится.

– Ну что вы, ваша милость... Мы свои секреты хранить умеем. Да и все мастера умеют. Так что на этот счет не переживайте.

– Ну, смотри. Ты мне скажи – что со сталью из четырех горшков сделал?

– Ничего. Лежит в кузнице.

– Кто, ты говорил, у тебя хороший специалист по металлообработке?

– Мой сын, Дитмар, ваша милость.

– Зови его. И выдели нам место, где можно было бы поговорить. Без лишних ушей.

К нам подошел молодой мужчина, лет двадцати пяти – двадцати восьми. Мы прошли в один из сараев. Там была оборудована небольшая конторка. Стол, стулья есть, а больше ничего и не надо. Я уселся за стол и усадил подмастерья.

– Дитмар, возьми у отца четыре куса стали, что остались с сегодняшней варки. Кстати, отец хоть спал сегодня?

– Нет. И нам никому не дал.

– Да. Настоящий мастер. Так, дальше. Возьми эту сталь и откуешь четыре прутка. Два длиной в три фута с половиной и два в фут с четвертью. Диаметром... то есть толщиной в дюйм. Можно круглые, а лучше восьмиугольные, чтобы не заморачиваться. Но они должны быть идеально ровные и толщина должна быть везде одинакова. Потом рассверлишь

длинные прутки на глубину три фута, а короткие – на фут. Сверла тебе отец сделает. Это будут стволы ручных аркебуз. Внутри стволы тщательно отшлифуешь, а потом и отполируешь. Потом сделаешь нарезы.

Я стал объяснять ему устройство ружья и пистолета. И как делать нарезы, объяснил, и устройство колесцового замка, и кремневого замка.

Себе я собирался заказать два пистолета с колесцовыми замками. Конечно, кремневый замок намного проще колесцового. Ну что там сложного: нажимаешь на спусковой крючок, подпружиненный курок с зажатым кремнем бьет по огниву, высекает искры, и ба-бах – выстрел. Все просто, но иногда он давал осечки. То кремнь выпал или стерся, то затравочный порох с полки просыпался, то вообще намок. Единственным его преимуществом перед колесцовым замком была его дешевизна. Изобрели его в 1504 году братья Маркуарте в Испании. Такими замками я планировал оснастить свои мушкеты. Все-таки мушкетеры будут вести залповую стрельбу, и если у кого и случится осечка, то это не страшно. А вот у меня осечек быть не должно. Мои пистолеты – это мой последний шанс остаться в живых. Если уж какая вражина прорвется ко мне, то пристрелить я ее должен обязательно, без всяких осечек. Для этого идеально подходит колесцовый замок. Он хоть и дорог в изготовлении, но зато не дает осечек. Надо только не забывать заводить замок. И не потерять ключ для заводки. Буду носить его на шнурке на шее.

Со штыками я решил пока не заморачиваться, хотя и собирался применять тактику шведского короля Густава Адольфа, которую он использовал в Тридцатилетней войне и благодаря которой накомстылял всем своим врагам. Он применял линейную тактику. То есть мушкетеры выстраивались в линию, в три-четыре шеренги, и вели практически непрерывную стрельбу. Но сначала испытаю свои мушкеты, а потом уже озадачу кузнецов. Хотя и тактика австрийского генерала фон Тилли неплоха. Он использовал пикинеров и мушкетеров одновременно. Пикинеры защищали мушкетеров от кавалерии, а мушкетеры в это время вели огонь. Благодаря этой тактике он крепко и часто лупил турок. Эта тактика для меня сейчас даже предпочтительнее. Но где взять хороших пикинеров? Да и где взять столько людей, чтобы хватило и на пикинеров и на мушкетеров? И как их потом содержать? У меня все-таки всего лишь маленькое баронство, а не королевство. И даже не герцогство...

Пока я сидел задумавшись, Дитмар с увлечением изучал мои рисунки.

– Кстати, Дитмар, забыл тебя спросить: ты свои станки к водяному колесу подключил?

Он некоторое время смотрел на меня затуманенными глазами, потом

наконец ожил.

– А? Да, уже заканчиваем.

– Ну и прекрасно. Постарайся выполнить эту работу побыстрее. Если что будет неясно – обращайся. Пошли, Элдрик.

Мы вышли из конторки и пошли искать Хайнца. Нашелся он, конечно, у печи.

– Хайнц, что с пушкой?

– Завтра к вечеру будет готова. Сейчас она остынет, и мы отшлифуем жерло ствола. Потом установим ее на лафет.

– Понял. Ну тогда старайся. Будут вопросы – я в ратуше. И начинай отливать вторую пушку, раз уж ты так уверен в первой. Но смотри: если разорвет, то убытки – с тебя.

И мы наконец отправились в город. По пути я поинтересовался у Элдрика травницей. Он сказал, что она вечером приходила, но я уже спал, и будить меня не стали. Она оставила несколько мешков с травой. Да, придется заехать и расплатиться. Так и сделали. Благо город небольшой. Его и пешком из конца в конец можно за полчаса пройти, а уж на коне – до всего рукой подать. В ратуше я первым делом узнал, нанял ли Гюнтер кухарку. Оказалось, что нанял. Но обед будет опять из трактира, так как печь для готовки еще не доделана. Черт, опять каша...

В моей комнате уже стояла кровать. Вот после обеда и обновлю ее... Но не удалось. Только поел, как пришел Курт. Я как раз примерял обувь, обнаруженную мной у кровати. Башмачник, видно, приходил, пока я был у Хайнца. Ну, с ним, думаю, Гюнтер расплатился. И сапоги и башмаки были мне как раз по ноге. Еще портяночки намотать – и самое то, что доктор прописал.

– Здравствуйте, ваша милость.

– Здравствуй, Курт. Ну как твои успехи?

– Все нормально. Как вы и говорили – народ так и валит. Набрал уже больше сотни человек. И это только за вчерашний вечер и сегодняшнее утро. И из деревень еще не подходили. Думаю, наберем больше трех сотен. Только вот куда их всех девать?

– Наши где сейчас живут?

– В казарме городской стражи. Тесновато, конечно, но разместились как-то.

– Понятно. Назначь из наших людей командиров рот – лейтенантов. И командиров взводов – прапорщиков. У тебя там один молодняк записывается?

– Нет, встречаются и ветераны, осевшие в городе. Но им больше

двадцати пяти лет. Даже и не знаю, что с ними делать.

– Бери. Но смотри, чтобы были надежными. Их ставь командирами отделений.

Я объяснил ему структуру создаваемого подразделения. Полк. По численности, конечно, меньше батальона, но пусть будет полк. Так красивее и внушительнее. Командир полка Курт – капитан. Три роты по сто солдат. Командир – лейтенант. Рота делится на три взвода по тридцать человек. Командир – прапорщик. Взвод делится на три отделения по десять солдат. Командир – сержант, входит в десяток. Итого в роте сто четыре человека: сто солдат, вместе с сержантами, и четыре офицера. Десять солдат в роте, не входящих во взводы, – восемь снайперов и два посыльных.

Потом. Орудийная батарея из трех орудий... нет – из четырех. Одну пушку Хайнц уже отлил. За неделю отольет еще три. Если орудия пройдут испытания, то закажу ему еще восемь орудий. Будет у нас три батареи. По батарее на роту. На каждую пушку расчет из четырех человек. Итого шестнадцать. И командир батареи, семнадцатый. Тоже прапорщик. Еще пятьдесят один человек. Из них три офицера.

Всего получается триста пятьдесят три человека. Все офицеры должны быть из наших людей. Еще должен быть хозвзвод. Это еще от двадцати до тридцати человек. И еще нужен кавалерийский эскадрон. Хотя бы с полсотни клинков...

– Наших людей сколько?

– Сорок пять в городе. Трое легкораненых в замке. Сорок восемь кнехтов.

– Вот и считай, сколько нам надо людей. Надо набрать примерно триста восемьдесят человек. А размещать их будем в лагере возле замка. Завтра утром подберем участок, и пусть строители Циммермана поставят там сараи. Сейчас лето – не замерзнут. Закажи для каждого толстый тюфяк, набитый соломой, чтоб не на голой земле спали. Отправляй людей туда уже завтра, и пусть твои ребята начинают их гонять. Гонять нещадно. С раннего утра и до позднего вечера. Но кормить хорошо. Чтобы мясо было каждый день. Денег на это не жалеи. И закажи сотню пик. Из хорошего сухого дерева. Без наконечников. Наконечники свои будут. Пусть тренируются с пиками. У тебя есть люди, умеющие работать с пиками?

– Найду с полдюжины. Да и из города ко мне пара пикинеров подходила.

– Вот. Пусть они людей и гоняют. И подбирают наиболее способных к этому. В каждой роте будет один взвод пикинеров. Если не два. Изготовить

мушкеты – дело не быстрое, так что когда еще мы ими своих солдат вооружим... А пики мы всегда найдем. И примечай самых сообразительных. Пойдут пушкарями. За деньгами обращайся к Гюнтеру.

– А что с оружием?

– Пока им оружие и не нужно. Хотя можешь использовать конфискованное. Которое подешевле, конечно. Дорогое пока не трогай. А скоро уже пойдет свое оружие. Тогда всех вооружим однообразно.

– А обмундирование?

– Пока пусть тренируются в своем. Но как только устроятся в лагере, пришлю портных. Снимут мерки. Хоть приблизительно. Для каждого индивидуально шить, конечно, не будем. Ткань у нас есть. Не хватит – еще купим. Все, Курт, иди работай. После ужина встретимся у Гюнтера. Подведем итоги дня.

Курт ушел, а я задумался. Так, одна нормальная пушка у меня, считай, уже есть. В течение недели Майер отольет еще три, никуда не денется. А вот чем стрелять? Порох мне в замке приготовят. Нормальный порох, а не то безобразие, чем пользуются остальные. А вот что делать с картечью? Делать из свинца – слишком дорого. Резаная проволока – весь ствол раздерет. Можно ее паковать в тканевые мешочки, но это не поможет. Если только из чугуна круглую отливать и паковать ее в мешки из ткани? Это еще куда ни шло. Лучше всего, конечно, делать короб из картона или жести. Но картона сейчас и нет вообще, наверное. А вот жечь есть. Но очень уж она дорогая. Хотя коробка из жести – это самое то. Лучше ничего не придумали. Так и решим. Закажу завтра у Хайнца жестяные коробка с утяжеленным дном. Как раз по калибру пушки. А саму картечь пока придется отливать из свинца. Ладно, это пока домна не готова. Потом будем лить из дешевого чугуна. На этом пока и остановлюсь.

А вот какие пули использовать для мушкетов? Пули Минье или сжимательные. Лучше, конечно, сжимательные. Обыкновенная остроконечная свинцовая пуля. При выстреле она сжимается, при этом расширяясь, и сама входит в нарезы ствола. Дешево и сердито. Но один недостаток есть. По длине она должна быть больше двух калибров ствола. То есть в моем случае – не меньше дюйма. И в толщину полдюйма. Слишком уж тяжелая тогда пуля получается. А значит, чтобы она не теряла своих баллистических свойств, надо увеличивать навеску пороха. Что грозит разрывом ствола. Не считая того, что увеличение веса пули и расхода пороха тоже денег стоит. Зато если уж такой пулей попасть, то мало не покажется. Если латы и не пробьет, то под латами все кости переломает. И изготавливать ее просто. Но слишком тяжелая получается, зараза. Пуля

Минье в этом отношении, конечно, лучше. В своих пистолетах я буду использовать именно такую пулю. А если в нее еще стальной сердечник вставлять, то не пуля, а ягодка просто. Любые доспехи пробьет. Но вот изготавливать ее трудно. И опять жечь нужна. В выемку сзади пули вставляется жестяной стаканчик или жестяной конус, и при выстреле под действием пороховых газов он врезается в пулю, расширяя ее тыльную часть, и она входит в нарезы. Насколько я помню, во время Крымской войны именно такие пули были у англо-французской коалиции. А у наших солдат были обыкновенные пули, которыми стреляли метров на двести. А ружья коалиции били в четыре раза дальше. Наши солдаты и на расстояние выстрела подойти не успевали – их просто издали расстреливали. Так что пуля очень хорошая. Но вот с изготовлением – затык. Все ведь придется делать ручками: сейчас никакой автоматизации нет. Хотя и в девятнадцатом веке с автоматизацией производства было не очень, а ведь делали такие пули для целых армий. Но у меня ведь не армия... вернее, армия, но совсем, совсем маленькая. Неужели не справлюсь? Ладно, поговорю еще с Хайнцем, может, он что посоветует.

Так, с пулями вроде разобрался, с картечью – тоже. А ядра мне сейчас, в принципе, и не нужны. Ни города, ни замки я захватывать не собираюсь – свое бы сохранить. Четыре пушки у меня будут через неделю, тогда же начнут поступать первые мушкеты. Так что одну роту через месяц я вооружить смогу, как минимум. Да и научатся они за этот месяц хоть чему-то. Так что своих вассалов я уже встретить смогу. А если они мне дадут еще месяц-полтора, то и сам к ним наведаюсь. Оставлять их за спиной никак нельзя. Мне еще с родственниками и соседями разбираться, а эти предатели всегда в спину ударить могут. Так что с вассалами я по-любому разберусь, а вот как быть дальше? Нападать я, конечно, ни на кого не буду, но ведь сами же припрутся... Особенно когда узнают о нашей стали. А об этом так и так узнают. Не можем же мы работать только на склад, торговать все равно придется. Так что припрутся гости дорогие, обязательно припрутся – от такого лакомого куска никто не откажется. Значит, будем обороняться. Но обороняться можно по-разному. И кто этим всем будет руководить? Из меня командующий – никакой. Нет, отделением и даже взводом я покомандовать смогу, а вот армией, хотя и небольшой, уже нет. Кое-чего я, конечно, из книг нахватался, но это все ерунда. Ни тактически, ни тем более стратегически мыслить я просто не смогу.

Поставить командовать Курта? А сможет ли он? Что я вообще о нем знаю? Да ничего. Я с ним знаком только три дня, а Лео он раньше был просто не интересен. Отец его назначил командовать своей дружиной.

Значит, доверял. Ну, доверять ему можно – это я уже понял. Он честный и преданный служака, но сможет ли он командовать нашим войском? Не угробит ли его? Сейчас ведь принято воевать лоб в лоб. У кого копья длиннее и доспехи крепче, тот и победил. Ну и количество этих копий должно быть побольше, чем у противника, конечно. Если и он так будет воевать, то нам хана. Придется командовать самому, а он пусть учится. Если талант к воинскому делу есть, то все мои знания быстро впитает, а потом и разовьет. А если нет, то будем искать другого командира. Без таланта тут никак. Вот у меня его нет. У меня даже склонности к военной службе нет. Я бы лучше сидел в городе или своем замке и занимался хозяйством. Да я бы здесь целый металлургический комбинат отгрохал. Ведь все же есть. И железо и уголь под ногами. И мастера хорошие есть. Им только намекни, до остального сами додумаются. Ух, и развернулся бы я! Но придется пока покомандовать. А на хозяйстве оставить Гюнтера. Хотя и его я тоже ни фига не знаю. Мужик вроде честный и с хозяйством баронства не плохо справлялся. Но что у него за душой? Не поедет ли крыша от такого обилия денег? Но выхода у меня все равно нет. Один я вообще ничего не смогу. А Курт и Гюнтер – это единственные, кому я хоть как-то могу доверять. Так что прочь всякие сомнения и будь что будет.

Пока сидел и размышлял, время подошло к ужину. Крикнул кнехта и вызвал к себе кухарку. Потом с час рассказывал ей о различных блюдах. Ужинать-то так и так придется кашей из трактира, но вот завтра... Потом съел миску этой чертовой каши, выпил вина с водой. Даже травки от травницы заварить не могу – плиты-то еще нет. Эх, тяжела ты, баронская доля... Пошел к Гюнтеру. Посидели с ним, поговорили. Обсудили, что из конфискованных товаров можно продать, где и по какой цене, а что лучше пока придержать или вообще себе оставить и в замок отправить. Стали считать расход ткани на обмундирование кнехтов. Пришел Курт и подключился к нам. Я велел с сегодняшнего дня называть кнехтов солдатами. Свою конницу – кирасирами. Нет, настоящими кирасирами они, конечно, от этого не станут, вооружить всех пистолетами я пока не смогу. И обучить кирасирской тактике не смогу – сам мало что знаю. Но зато звучит красиво. А вот кирасами обеспечу всех. Как только пойдет нормальная сталь. Механический молот у Хайнца есть, так что наладить штамповку вполне нам по силам. Велел Гюнтеру договориться с несколькими купцами о покупке пороха. В Страсбурге с 1340 года работает пороховой завод, а это здесь рядышком, за неделю обернуться. Только чтобы брали не смешанный. Сам мешать буду. А то сейчас смешивают порох кто как хочет. И 60–20–20 и даже 40–30–30. А вообще, оптимальным

считался английский порох, 70–15–15. Попробую смешивать именно так. Как раз за недельку девчонки мои четыре бочонка обработают, руку набьют. Потом попрощался и пошел спать. Завтра дел полно. Да и хотелось поспать на нормальной кровати.

Утром встал и пошел на выход. Спать не хотелось, но и бежать никуда тоже не хотелось. Повалиться бы еще в постели... Все-таки удобная и мягкая постель расхолаживает. Вышел на улицу. Там меня уже поджидал Элдрик.

– Ваша милость, а вы на мессу пойдете здесь или в замке?

– Какую еще мессу?

– Как какую? Сегодня же воскресенье.

Вот те на. Дел полно, а тут воскресенье. И ведь никого работать не заставишь, тут с этим строго – положено идти в церковь, значит, надо идти.

– В замке сходим. Наш отец Магнус ничуть не хуже ихнего отца Бенедикта. А по мне, так и лучше. И проповеди он читает интересные.

Сели на лошадей и отправились в замок. Хотел было сачкануть в честь воскресенья и добраться до замка не слезая с коня, но потом себя переневолил и побежал. Один раз сачканешь, второй, третий, а потом вообще себя ничего делать не заставишь. Нет уж, решил так решил. Пока не сделаю из себя нормального парня, не успокоюсь. Тем более в новых нормальных сапогах бежать было очень удобно.

До замка добрались быстро. Сразу отправились на тренировочную площадку. Сегодня тренировались только час. Воскресенье все-таки. Отправился в мыльню. Прислуживала мне опять Эльза. Посидев в бочке, я вылез и стал с ее помощью намыливаться. Рубашка у нее намокла, и она стояла передо мной практически голая. У меня просто сорвало крышу. Ничего не поделаешь, пубертатный период. Да и не вымотался я сегодня совсем. Вот и... Очнулся я только через час, когда уже все случилось. И не один раз. Мы с ней сидели на лавке, голые и разгоряченные. Соображать я уже был в состоянии, поэтому приступил уже к более вдумчивым ласкам. Из мыльни мы вышли только еще через час. Эльза тут же куда-то умчалась, а я пошел завтракать. На завтрак был наконец-то омлет. Ну и неизменная каша.

После завтрака все собрались в нашей замковой часовне. Правда, месса проводится в полдень, но я решил, что ничего не случится, если мы проведем ее пораньше и вкусим плоть и кровь Христову сразу после завтрака. Отец Магнус возражать не стал. Ему, видно, тоже хотелось отбарабанить все побыстрее и пойти отдыхать. Кто не поместился – стоял у дверей. Я-то сидел на лавке в первом ряду. Прослушали длинную и нудную

проповедь. О чем она, я даже не разобрал. Опустив голову, я незаметно подремывал. Вообще-то должны быть различные песнопения, но ничего такого не было. Наверное, это в больших соборах. Ну и ладно, мне же лучше. Потом причастились, и я отправился на исповедь. Грехов за мной не было. Ну не считать же за грех то, что хотел перевешать половину города. Это сейчас нормально. Тем более повесил я только одного человека, и то за дело. А вот за блуд с Эльзой получил строгий выговор, но был в конце концов прощен. Про Эльзу пришлось рассказать. Все равно узнает, если уже не знает. Такое в замке скрыть невозможно. А как я помню, у Лео от него секретов не было. Так что пришлось соответствовать. Потом с час сидел на лавке, склонив голову и молитвенно сложив руки. Типа молюсь.

Выйдя из часовни, позвал Эльзу и пошел с ней инспектировать свой пороховой цех. В сарае работы шли полным ходом. Надо же, я думал, сегодня работать никто не будет, а тут работы прервались, наверное, только на время службы. Серьезно тут все у Эльзы, молодец девочка. Стол был заставлен пороховыми блинчиками.

– Как только слегка подсохнут, мы их выносим и раскладываем на крыше сарая. Там на солнце они высохнут быстрее. Думаю, к вечеру по бочонку крупного и мелкого будет готово. Пороховые блинчики мы начали лепить еще вчера, так что к обеду они уже должны просохнуть.

– Молодец, Эльза. Я тобой очень доволен.

Прозвучало это весьма двусмысленно, и она густо покраснела. Но, судя по выражению лица, она была рада моей похвале и за одно и за другое. Ну что ж, и в самом деле молодец. И если в сексе она вообще ничего не умеет, но это ничего, научится, то в руководстве людьми у нее все получается хорошо. К завтрашнему испытанию пушки я почти готов. Сейчас еще наделаю пороховых фитилей – и можно отправляться к Хайнцу. Хотя нет, они там наверняка пойдут на обеденную службу в городской собор и объявятся у себя только после обеда. Так что обедать я буду здесь. Потом часок отдохну и отправлюсь.

Приказал принести мне веревку и клей и приступил к изготовлению фитилей. Распустил веревку, обмазал нити клеем и обвалял их в порохе. Потом снова сплел. Все, готово. Хорошо бы нити пропитать калиевой селитрой, но где ж ее взять? У меня только готовый порох. А, ладно, и так сойдет. Проверил свои фитили. Отрезал кусочек в дюйм длиной и поджег. Сгорает за девять-десять секунд. Прекрасно. Свернул его и передал Элдрику. Мой бодигард везде следовал за мной. Уже начал напрягать, честно говоря. В городе – понятно, а здесь-то чего? Хорошо хоть в мыльню со мной не ходит.

Помыл руки в бочке с водой и пошел в столовую. Вот полдня и пролетело. А мне еще к Хайнцу заскочить надо. Опять буду к вечеру как загнанная лошадь.

На обед сегодня были пельмени. Ну, не совсем пельмени, конечно, но что-то очень похожее. Объедение. Смолол сразу две порции. Хотел попросить еще добавки, но передумал. И так еле из-за стола вылез. Поднялся в отцовский кабинет. Надо бы разобраться с отцовскими бумагами, но сил заставить себя что-то делать не было. Зря я кашу перед пельменями съел. Зря. Я сидел на лавке и отдувался. Так просидел с полчаса. Даже задремал. Потом наконец очнулся и встал. Чем заняться? С бумагами разбираться или вызвать Эльзу? Нет, с бумагами возиться не буду. Отправлю сюда потом Гюнтера, пусть он и разбирается. С Эльзой покувыркаться, конечно, очень хочется, но нужна вода. Неплохо бы помыться и перед этим и после. А воды тут нет. Организовывать все? Да ну его. До завтра потерплю. Пойду-ка я к Хайнцу. Именно пойду. Не бегом, не верхом, а потихоньку, прогулочным шагом. Я уже и отвык от того, что можно просто не спеша пройтись. Все бегом и бегом... Решено.

Я спустился вниз и дал команду на выдвижение. Так мы и добрались до мастерских Хайнца. Я не спеша шел по дороге, а за мной на лошадях ехали Элдрик и два солдата. Мою лошадь держал на поводу Элдрик. Интересно, почему мне подгоняют все время разных лошадей? То лошадей, то коней. Разве мне не положено иметь постоянного коня? Эдакого Буцефала. Безобразие. Барон, а своего коня не имеет. Ездит все время на подменных. Нет, обязательно заведу.

Народ в мастерских уже был. Видно, только перед нами подошли, так как работать еще никто не начал. Расселись кто где в тенечке и наслаждались теплым летним деньком. Хайнц сидел возле печи и задумчиво на нее поглядывал. Я подошел к нему.

– Что такой задумчивый, Хайнц?

– Здравствуйте, ваша милость. Да вот думаю, проводить сегодня еще одну плавку или нет.

– Так ты уже одну сегодня провел? – удивился я.

– Ну да, с раннего утра.

– И как?

– Прекрасно. Сто фунтов прекрасной стали.

– Ну вот и успокойся. Займись лучше изготовлением инструмента.

А плавку можно проводить один раз в день. Стали тебе хватит. Изготавливай пока инструмент и дорогое оружие и убирай все на склад. Только без фанатизма, не спеша. Пусть накопится, потом пустим понемногу

в продажу. Как там моя кулеврина?

– Нормально. К вечеру будет готова.

– Прекрасно. Завтра будем ее испытывать. А сейчас у меня к тебе такое дело – у тебя свинец есть?

– Есть, конечно.

Я ему объяснил, что мне надо. И как отливать картечь, и каким должен быть жестяной короб, и как его этой картечью заполнять.

– И откуда только вы все это знаете, ваша милость?

– Все это уже использовали до нас, Хайнц. И арабы, и китайцы, и индусы. А все эти знания привезли наши крестоносцы. Просто надо уметь правильно читать умные книги. Вот ту печь, что сейчас достраивают на берегу, древние китайцы использовали еще полторы тысячи лет назад. А так, как ты варишь свою замечательную сталь, варили еще древние индусы. Ну, это я тебе уже говорил. Просто читая книги, я замечаю то, что пропускают другие. Отсюда и все мои знания.

– Понятно. То-то говорили, что наш молодой барон – заядлый книгочей. Только еще говорили, что вы по церковной стезе хотите пойти.

– Хотел, Хайнц, хотел. Но видишь, как все вышло. Теперь придется мне настоящим бароном становиться.

– Оно и неплохо. Вы меня простите, ваша милость, но я скажу. Давно у нас настоящего барона не было. Даст бог, исполнятся все ваши задумки. И вам будет от этого хорошо, и нам.

– Дай-то бог. Хайнц, начинай отливать вторую кулеврину. Точно такую, как и первая. Один к одному. Калибр чтобы до сотой части дюйма совпадал. Во всяком случае, постарайся. Всего мне надо будет четыре таких кулеврины.

– Вы же говорили – три?

– Нет, Хайнц, четыре. Это пока. А потом еще восемь. Но это потом. Вот начнем варить сталь – и, может, из стали их получится отлить. Но четыре кулеврины мне нужны уже сейчас. Вот завтра, после испытания кулеврины, я тебе кое-что и расскажу о том, как из чугуна получать сталь. Чугун – это свиное железо, по-твоему. А теперь проводи меня к Дитмару. И не забудь про картечь, чтоб завтра три заряда было готово.

Мы прошли в сарай со станками. Там у верстака на табурете сидел Дитмар и что-то обтачивал напильником.

– Привет, Дитмар. Что скажешь?

– Здравствуйте, ваша милость. Два ствола под пистолы уже готовы. Даже и нарезы сделал. Вот теперь разбираюсь с замком.

– Знаешь что, Дитмар, пожалуй, пока с колесцовым замком не

заморачивайся. Долго это и муторно. И на пистолы и на мушкеты делай кремневые замки. И поставь их изготовление на поток. Один ученик пусть вытачивает одну деталь, другой – другую, третий – третью, а ты будешь только собирать. Так будет быстрее. И еще. У вас ведь есть своя сталь?

– Есть, конечно.

– И у меня на складах есть. Сегодня же распоряжусь привезти ее к вам. Попробуй из этой стали отковать стволы для мушкетов. Она, правда, не очень хорошего качества, но, может, что и получится.

Сам я в это время рассматривал пистолетный ствол. А ничего так. Восьмиугольная тридцатисантиметровая болванка. Вернее, уже не болванка, а настоящий ствол. Я засунул в него мизинец. Хотя туда и мой указательный спокойно влезет. Поверхность внутри ствола гладкая, аж палец скользит. И нарезки чувствуются. Весит грамм восемьсот-девятьсот. Нормально. Еще замок, ложе, рукоять... весить будет всего пару кило. Да я меч тяжелее по часу в вытянутой руке держу. Все, трепещите враги. И я рассмеялся.

– Молодец, Дитмар. Постарайся закончить хоть один пистоль до завтра. И еще. Дай-ка листок бумаги и карандаш.

И я нарисовал ему пулю Минье, с жестяной втулкой и стальным сердечником.

– Посади ученика, и пусть отольет мне таких пуль сколько успеет. И вообще, пусть пулями только и занимается. Лучше даже пару учеников на это дело поставить. Пока пару, а потом их количество придется увеличивать. Мушкеты ведь тоже такими пулями будут стрелять. Только для мушкетов не обязательно все пули делать со стальным сердечником. Половину на половину.

Для рыцарей в латах – с сердечником, а для слабоодоспешенной пехоты и без сердечника пойдет.

– Ваша милость, да где ж мы столько учеников найдем?

– Я говорил твоему отцу, чтобы набрал еще учеников. Вот пусть и поспешит, пока вся молодежь ко мне в дружину не ушла. Ну все, завтра буду.

Да, придется ребятам ночь не поспать. Ничего, потом отоспят, когда-нибудь. Перед отъездом еще велел Хайнцу приготовить мне к завтрашнему дню банник, обернутый на конце куском бараньей шкуры, и бочонок с уксусом. И уехал. Вот черт, опять забыл у него про марганец спросить... Неплохо бы его в мой порох добавлять. Он при горении выделяет кислород, так что порох еще лучше будет. Завтра спрошу. Да, надо позаботиться, чтобы о приготовлении пороха никто не пронюхал. Пусть это будет только

моим секретом. Про пули-то вражины рано или поздно узнают. Тут большого ума не надо. Выковырять ее из тела убитого или раненого – и специалисту все сразу станет ясно. И про мушкеты узнают. Или выкрадут, или с убитого снимут. Так что рано или поздно все равно узнают. Правда, не факт, что смогут изготовить, а если и смогут, то уж вооружить большое число солдат вряд ли – слишком дорого. Это у меня пока денег много, да и не много-то мне и надо. Тем более выхода у меня все равно другого нет. И я, конечно, помнил, что такие ружья назывались штуцерами, но «мушкет» звучит как-то красивее. И потом: мушкетерская рота звучит намного лучше, чем штуцерниковская рота. Так что пусть будет мушкет, а не штуцер.

Приехали в город. У сточных канав копались рабочие. Это хорошо, это правильно. Молодец Гюнтер. Как говорили в мое время, уважуха. Мой город должен сверкать чистотой. Как те немецкие города в далеком будущем.

Добрались до ратуши. До ужина время оставалось, и я час простоял с мечом в вытянутой руке. Правда, меч был мой, а не тот дрын, которым мне приходилось махать в замке, но рука все равно чуть не отвалилась. Даже ложка в руке за ужином дрожала. А ужин сегодня был шикарным. Жареная рулька с тушеной капустой. Съел все мгновенно. Правда, на первое была каша, но и ее съел. Мне надо вес набирать, так что есть придется много.

После ужина отправился к Гюнтеру. Похвалил его за работы в городе. Он меня заверил, что завтра все канавы вычистят. Сегодня из-за воскресного дня много людей на улицы вывести не удалось. Я ему продиктовал свой новый указ. За грязь возле дома домовладелец платит штраф в один гульден. Пусть горожане сами за чистотой следят. Им же в этом городе жить. Гюнтер сообщил, что после обеденной литургии к нему приходили старшины всех цехов. Обещали заплатить половину штрафа сразу и остальное в течение пяти лет. Лишь бы я вернул Линдендорфу статус города. Он им ничего не ответил, ждал меня.

Я согласился на три четверти сразу и одну четверть в течение года, но под их ответственность. Договор подпишут все старшины, и если через год не вернут остаток долга, то сдеру с них со всех в три раза больше. Если согласятся, то пусть совместно с Гюнтером готовят договор. Но если мне не понравится – сожгу, как и предыдущий. Ну надо же мне посамодурствовать... Тем более настроение стало очень хорошим. Теперь мне на все хватит. Тут подошел Курт. Хотел ему вставить пистон за опоздание на наши ежедневные совещания, но он выглядел таким измученным, что я решил сегодня помолчать. Да и завтра тоже помолчу.

Вся работа по формированию полка легла на его плечи, я только ЦУ иногда выдаю, и все.

– Курт, ты хоть ужинал?

– Спасибо за заботу, ваша милость. Перекусил на ходу.

– Гюнтер, налей ему вина, что ли. А то на нем лица нет. Как у тебя дела-то?

– Спасибо, ваша милость. Все нормально. Сегодня отправил первую партию рекрутов в лагерь. Двести двадцать человек. Все офицеры и сержанты назначены. К строительству лагеря приступили. Работают и нанятые строители, и сами рекруты. Решили сразу строить теплые казармы. Все равно им и зимой где-то жить надо.

– Где лагерь находится?

– Недалеко от города, но за холмом его не видно. Зато рядом большой ручей протекает.

– Прикажи воду для питья кипятить.

Я ему рассказал кое-что о гигиене. Пояснил, где и как строить нужники, умывальники. Приказал каждый вечер перед ужином всем мыться в ручье и стирать одежду хотя бы раз в неделю. Дал ему указание, как только укомплектует полк, вести в лагерь портных и башмачников, снимать размеры. С каждого снимать не надо. Несколько размеров на всех. Не девки. Главное, чтобы малó не было. Особенно сапоги. Обещал через пару дней заехать.

– Курт, тебе там смысленных ребят не попадалось?

– Есть такие. И даже грамотные. Но это городские. Деревенские все неграмотные.

– Подбери мне четверых самых смысленных и грамотных. Буду из них пушкарей делать.

– Кого?

– Из кулеврины учить стрелять. Пусть с утра подойдут к мастерским Хайнца и ждут меня там. Но не очень рано.

– Хорошо. Сделаю, ваша милость.

– Да, Курт, запиши. Капитан получает в месяц сорок гульденов. Лейтенант – десять. Прапорщик – пять. Сержант – один гульден. Пушкари – полгульдена. Рядовые – сто пфеннигов.

Гюнтер только головой покачал. В принципе, я собирался платить столько же, сколько и везде платят кнехтам. Разве только офицерам побольше. Но везде обмундирование было за счет кнехтов, только сюрко в цветах и с гербом хозяина выдавали. Вооружались кнехты по большей части тоже за свой счет. Ну и питались обычно сами. В походе иногда

кормили за счет хозяина, но так, что все равно приходилось продукты докупать. А у меня за все платил я. И за вооружение, и за обмундирование, и за питание. Так что получалось, что плачу я очень хорошо.

Поговорили еще немного, и я пошел спать: все-таки ночь на дворе, а завтра у меня важный день. Не каждый день я пушки испытываю.

Утро началось как всегда с пробежки. Потом тренировка с Элдриком. Сегодня он гонял меня на всю катушку. Вот ведь зараза, а у меня были такие планы на сегодняшнее утро... Да, не срослось. До мыльни я добирался на полусогнутых при помощи своего мучителя. Заведя меня в мыльню, он нагло ухмыльнулся и ушел. Но пошалить с Эльзой я все-таки смог. Правда, совсем чуть-чуть. На что-то основательное сил просто не было. А я собирался устроить ей сегодня мастер-класс... Ну ладно, у меня еще все впереди.

Поинтересовался у Эльзы, не боится ли она залететь? Она только рассмеялась, сказав, что нужные травы она приготовила еще два года назад, как только ее забрали из деревни и определили ко мне в услужение. Только я почему-то на нее не обращал совсем никакого внимания. Велел ей обновить эти самые травы, на всякий случай. Мне только бастардов сейчас и недостает...

Потом был завтрак. После завтрака пошел в свой пороховой цех. Старшая служанка увязалась со мной. Как же ее звать-то? Все время из головы вылетает. Какое-то заковыристое имя... А, Вилда. Какое-то непривычное на слух имя. Ну, Вилда так Вилда. Постараюсь запомнить. Все-таки старшая служанка, и «эй, ты» здесь не годится. В цеху было как и вчера. Люди работали, и очень старательно работали. В углу стояли два бочонка. Открыл крышки – в одном порох мелкими горошинами, как просо, в другом покрупнее. Спросил у Вилды, есть ли у нее, вернее, у меня в хозяйстве небеленый шелк? Узнав, что есть, приказал сшить по-быстрому самые простые мешочки из него. И дать нам с собой ниток и иглу. Отсыпал себе в небольшой мешочек мелкого пороха, а крупного приказал забирать весь бочонок. Пока грузились, Вилда принесла пять мешочков. Сшиты очень аккуратно. Правда, крупными стежками и разных размеров, но это не беда. Отправились к Хайнцу. У ворот мастерских, на обочине, сидели четверо пареньков. Забрав их с собой, зашли в ворота.

Там нас уже ждали. Во дворе стояла готовая к переходу пушка. Правда, в упряжке две лошадки, а не одна. Возле пушки стоял довольный Хайнц. Я обошел вокруг пушки. Да, красавица. Все на месте, все как в музее. И крепления к лафету надежные, жесткие. И цапфы^[6] выдвинуты достаточно. Даже зарядный ящик присобачили. И банник на лафете закреплен. Открыл

ящик: там шесть контейнеров с картечью и бочонок с уксусом. Эх, жаль, у меня бомб нету, как гаубицу ее не испытаеть. Ничего, сделаем.

– Длина каморы какая?

– Около двух калибров.

– А дно у каморы?

– Круглое... то есть сферическое.

– Вот, правильно, учись грамотно говорить. Толщина стенок у каморы?

– Два с половиной дюйма.

– Я же говорил, в полкалибра делать.

– Не волнуйтесь, ваша милость. У меня бронза хорошая, любой заряд выдержит.

– Ну смотри, под твою ответственность. Дитмар где?

Тут же подскочил Дитмар и протянул мне на двух руках настоящий пистоль. Красота. Правда, как я и просил, никаких украшений на нем не было, только легкая резьба на рукоятке и по ложу. И даже кожаная кобура и небольшая кожаная сумка для зарядов. Буду носить рядом с эскарселем^[7]. Молодец, угодил.

– Спасибо, Дитмар. Что с остальным?

– Второй пистоль почти готов, ваша милость. Один мушкетный ствол уже рассверлили.

– Хорошо. Все, вперед.

Мы сели на коней и выехали за ворота. Пушка на своих высоких колесах затряслась за нами. Очень уж далеко отъезжать не стали. Проехали километра полтора и остановились у небольшого холма, поросшего лесом. Велел готовить пушку. Хайнц с одним из своих учеников выпряг лошадей и направил пушку в сторону холма. До него было метров четыреста пятьдесят – пятьсот. Я послал солдат в лес нарубить кольев. Отсчитал от пушки четыреста шагов и велел вбить колья по фронту метров в пятнадцать. Вернулся к пушке. Эдрик уже достал наш бочонок пороха и вскрыл его. Я подозвал Хайнца.

– Ты сколько пороха в свою кулеврину засыпал?

– Вот такую мерку. – И он подал мне деревянный стакан с ручкой.

Ага, у него был калибр сто миллиметров, у меня – сто пятьдесят. Значит, надо пороха на треть больше. Но мой порох намного лучше, значит, треть долой. Итого та же мерка и получается. Подозвал парнишек:

– Следите за мной внимательно. Вам все это потом придется проделать самим, и не один раз.

Взял банник и пробанил ствол. В этот раз без уксуса. Потом засыпал порох в мешочек. Велел одному из пареньков зашить мешочек. Затем

опустил его в ствол и другим концом банника дослал его до упора. Потом взял войлочный пыж и его тоже дослал до упора. Все это сопровождал объяснениями. Отрезал кусок фитиля дюймов в шесть и вставил его в затравочное отверстие, проколов перед этим мешочек с порохом через отверстие шилом. Велел Элдрику запалить небольшой факел. Отправил всех лишних подальше. Предупредил парней, что, когда я подожгу фитиль, нам надо отбежать метров на сто. И на счет «тридцать» открыть рот и держать его открытым. И всегда при выстреле держать рот открытым, чтобы слух не пострадал. Потом поджег фитиль, и мы рванули бегом от пушки. Отбежал метров на сто, открыл рот и стал ждать выстрела.

Грохнуло хорошо. Пушка подскочила и откатилась назад. Я оглянулся. Вокруг был полный разброд. Лошади мотали головами и пытались вырвать поводья из рук. Люди тоже с очумелыми лицами трясли головами. Только Хайнц, его ученик и Дитмар держались спокойно. Я пошел к пушке. Промерил толщину казенной части. Она не изменилась. Оглядел пушку и лафет. Вроде все целое. И это хорошо. Опять подозвал парней. Они с опаской подошли. Снова стали заряжать пушку. Только в этот раз я банил с укусом. И пороха насыпали в мешочек в два раза больше. Сейчас заряжал один из парней, под моим руководством, конечно. В этот раз грохнуло еще сильнее. Опять промерили казенную часть и провели осмотр. Ну что ж, можно сказать, что испытание пушка прошла. Поздравил с этим Хайнца. Теперь надо провести испытания выстрела картечью. Заряжал уже другой паренек. Зарядили контейнер с картечью. Стал наводить пушку на колья вдали. Ребята двигали пушку, обеспечивая мне наводку по горизонтали. Потом я слегка подбил клин, немного приподняв ствол. Вставил двухдюймовый фитиль и поджег его. Метров на двадцать мы все-таки отошли. Пороха засыпали как в первый раз, так что никаких неожиданностей я не опасался.

Грохнула пушка. Все колья как ветром сдуло. Сначала мы подошли к пушке и осмотрели ее. Все было в порядке. Потом пошли к нашим мишеням. Ни одного колышка целым не осталось. В ста шагах начинался лес. Прошли туда. Деревья в лесу тоже были здорово посечены. Прекрасно. Значит, до кольев было четыреста моих шагов. Это метров триста. До леса еще сто шагов. Это где-то метров шестьдесят-семьдесят. То есть на триста пятьдесят метров у пушки убойная сила очень хорошая. Ну что ж, отмерим еще метров сто. Велел оттащить пушку еще на полтораста шагов и вбить новые колья. Пробанили, зарядили. Теперь я вообще ничего не делал, а только наблюдал за ребятами. Проверил прицел. Еще чуть подбил клин и приподнял ствол. Объяснил почему. Выдал фитиль длиной в дюйм. В этот

раз далеко не отходили.

Выстрел. Остался стоять только один кол, и то какой-то перекошенный. Понятно. На четыреста пятьдесят метров стрелять тоже можно. Но оптимальная дистанция – четыреста. Высокая убойная сила и не такое большое рассеивание. Конечно, практика внесет свои коррективы, но это будет потом. А пока все прекрасно. Вернемся в мастерские и составим с ребятами небольшую инструкцию для начинающего артиллериста.

Теперь займемся пистолетом. Ребят поставил чистить пушку, а сам пошел к лесу. Так, а какую навеску пороха брать? Вроде пистоль заряжали двумя-тремя граммами пороха. А два грамма – это сколько? Как определить-то? Насыпал на листок бумаги небольшую кучку пороха и подозвал Дитмара.

– Дитмар, сколько здесь пороха? По весу.

Он внимательно посмотрел на кучку.

– Пятая часть унции, ваша милость.

Ну что ж, поверим на слово. Унция – это двадцать восемь граммов. Пятая часть – это около шести граммов. Много. Но для проверки ствола на прочность – самое то. Отсыпал чуть на полку и прикрыл ее крышкой. Остальное засыпал в ствол. Бумагу использовал как пыж. Привязал пистоль к бревнышку. К курку привязал длинную веревку. Потом взвел курок, отошел метров на десять и дернул за веревку. Грохнуло, и из ствола вылетел язык пламени. Бревнышко подскочило и отлетело на пару шагов. Да, с такой навеской и руку оторвать может... Отвязал пистоль от полена и внимательно осмотрел его. Измерил толщину ствола. Проверил, на месте ли кремнь. Потом зарядил. Пороха засыпал чуть меньше половины той кучки. Грамма два – два с половиной. Пуля проскочила до конца сама. Но пыж я забил. Не сильно, чтобы только пуля из ствола не вывалилась. Решил стрелять с руки. Отошел от толстого дерева на пятнадцать шагов, прицелился и выстрелил. Руку высоко подбросило вверх. Да и меня качнуло назад нехило. Но отдачу, в общем, терпеть можно. А если бы не мое хилое тело, то на нее можно вообще внимания не обращать.

Подошел к дереву. Прямо посреди ствола, но на полметра ниже, чем я целился, была довольно большая дыра. Я обошел дерево. Нет, насквозь не пробило. Слишком уж дерево толстое. Но все равно неплохо. Снова стал заряжать. Отстрелял десять пуль. Все, что Дитмар положил мне в подсумок. Выяснил, что с сорока метров я мог бы поразить бездоспешного человека. Может, и с полусотни метров, но попробуй с такого расстояния попади... А вот с тридцати метров мне и воин в доспехах не страшен. Если уж пуля пробивала дерево диаметром сантиметров в сорок насквозь, то и

доспехи пробьет. Надо будет еще бумажных патронов наделать. Не самому, конечно.

Хотя ничего сложного тут нет. Склеивается бумажная трубка. Кончик склеивается или подвязывается. В эту трубку вставляется пуля, потом засыпается порох. Кончик загибается и приклеивается. Заряжая, приклеенный кончик отрывается зубами, или, как говорили раньше, скусывается. Немного пороха насыпается на полку и накрывается крышкой, остальное высыпается в ствол. Туда же отправляют и пулю вместе с бумагой, которая служит пыжом. Правда, подвязанный кончик лучше отрывать, особенно заряжая пистоль, чтобы он не влиял на меткость. Для мушкета это будет не так существенно. Заряжание происходит быстро и удобно. За минуту спокойно можно выстрелить два раза. Где-то читал, что умельцы и три раза за минуту выстрелить могли. Надо будет в замке еще один цех открыть, для набивки патронов. Но это когда мушкеты будут. Надо еще навеску пороха определить. А для своих пистолетов я и сам патронов наделаю. Много-то мне не надо. Вообще-то нет, лучше кого-нибудь припахать. Мне сотни две только для тренировки нужны. Ну и с полсотни – так, на всякий случай. Буду в замке – озадачу Эльзу.

Принялся чистить пистоль. Все приспособления Дитмар мне подготовил, так что управился за пять минут. Двинулись обратно. Парней пока отпустил в лагерь. Их время еще придет. Будут готовы все четыре пушки – сформирую батарею и тогда уже начну их гонять по-настоящему. Добравшись до мастерских, сходили с Хайнцем посмотрели домну. Строители свою работу уже закончили и ушли. Доделками занимались уже люди Хайнца. В принципе, завтра или послезавтра уже можно начинать выплавку чугуна. Пошли в контору к Хайнцу и закрылись там. Он с нетерпением ерзал на стуле. Очень уж хотелось ему узнать, как из чугуна получать хорошую сталь.

– Хайнц, сейчас все вокруг принадлежит мне. Ты это, надеюсь, понимаешь? – Он кивнул. – Да и вы все, по существу, принадлежите мне. Но я хочу это изменить. Негоже, когда такие мастера кому-нибудь принадлежат. Поэтому мы с тобой заключим договор. Официальный договор, зафиксированный на бумаге. По этому договору мы с тобой организуем предприятие, четыре пятых которого будет принадлежать мне и одна пятая – тебе. Не куксись. Одна пятая – это много, очень много. Через год ты станешь самым богатым человеком во всех германских княжествах. Даже богаче меня. Мне ведь надо содержать замок и целую армию, а тебе нет. Согласен?

– Да, ваша милость. Конечно же согласен.

– Вот и прекрасно. После подписания договора мы с тобой станем партнерами. Но учти, все задумки, о которых я тебе рассказываю, так и будут принадлежать мне. Никому о них рассказать ни ты, ни кто-то из твоих подмастерьев и учеников не имеет права. А сейчас я тебе расскажу, каким образом из свиного железа, как ты его называешь, делать отличную сталь.

И я ему рассказал о конвертере. Объяснил конструкцию классического конвертера, даже нарисовал. Как помнил, конечно.

– Но можно сделать намного лучше. Изготовишь большой сосуд грушевидной формы из стального листа. Внутри сделаешь футеровку. Цилиндрическую часть сосуда охватываешь опорным кольцом, к которому крепишь цапфы. На них конвертер будет поворачиваться вокруг горизонтальной оси. Как только чугун превратится в сталь, просто наклоняешь сосуд-конвертер, и расплавленная сталь выливается в приготовленные лотки или даже литейные формы. Но запомни, дутье должно поступать в конвертер через фурмы в футеровке днища до заливки туда расплавленного чугуна – а то он забьет фурмы, – и происходить непрерывно и под большим давлением. И самое главное. Чтобы получалась очень хорошая сталь, надо добавлять десять-пятнадцать процентов негашеной извести, тогда фосфор, сера и другие ненужные примеси выгорают и получается прекрасная сталь. Этим занимайся сам, чтобы никто этого секрета не знал. Про конвертер конкуренты рано или поздно разнюхают, а вот этот секрет поможет нам всегда бить качеством своей стали. Поэтому – только сам. Все понятно?

– Да, ваша милость, понятно, – он сидел просто обалдевший, – и угля не надо – само горит. Господи, как все просто-то... И как люди до сих пор не догадались?

– Почему не догадались? Догадались. Давно уж. Но далеко на Востоке. А к нам в Европу это знание пришло только что.

– Ваша милость, да я этот бак за два дня выкую. Еще день на все остальное. Два запасных колеса на речке стоят уже, как вы и велели. Через три дня можно начинать плавку.

– Ну так и начинай. А сейчас пойдем в ратушу договор подписывать.

И мы пошли, вернее, поехали. На конях ведь ездят? Или скачут? А-а, какая разница...

Глава 3

Прошло полтора месяца. Прошли они очень плодотворно. Покрутиться пришлось много. Войско свое я сформировал. Хотя какое это войско – до батальона не дотягивает, но по нынешним временам это армия: пусть маленькая, но армия. Ни одно баронство не сможет содержать столько солдат. Вот графство сможет. Большие и богатые графства собирали армию и в несколько раз большую, чем у меня. Но она у них временная – собрались, повоевали месячишко и разбежались по домам. А у меня постоянная, можно сказать – профессиональная. Хотя до профессионализма моим бойцам ой как далеко. И хотя полтора месяца муштры даром не прошли, идти в бой с серьезным противником я бы не рискнул. Вот, например, сейчас идет Столетняя война, французы с англичанами уже лет пятьдесят режутся. Так эта война таких бойцов выковала, что моему недоученному войску с ними лучше не встречаться. Нет, с равными нам силами мы еще пободаться сможем, и даже раз побьем их, за счет лучшего вооружения, но вот если их будет раза в два больше, чем нас, то ничья – и это в лучшем случае. Со своими доморощенными германскими вояками я справлюсь при соотношении один к трем спокойно, даже сейчас. А через годик я буду лупить всех, в любых соотношениях. Главное, чтобы этот год мне дали. Но пока не трогают, и слава богу.

От тактики с пикинерами я решил все-таки отказаться. Пикинеры хороши в крупных сражениях, а я в таких участвовать не собираюсь. Но и убрать пикинеров не могу – тупо не хватает мушкетов. И хоть мой завод вышел на производство пяти мушкетов в день – все одно не хватает. Еще пара месяцев – и я смогу применять линейную тактику Густава Адольфа. Я и сейчас первую роту учу именно этой тактике. Эта рота у меня полностью вооружена мушкетами. Да не простыми, а со штыками. Правда, штыки удалось пока сделать только с трубчатой втулкой, которой они и насаживались на ствол. Клинок был длинный, четырехугольный, для удобстваковки, и тонкий, для снижения веса. В длину он был восемнадцать дюймов, то есть сорок сантиметров. Теперь мушкет с примкнутым штыком в длину составлял шесть футов, около ста восьмидесяти сантиметров. Небольшое копье. Штыковому бою учил солдат я, что помнил еще со срочки, и опытные пикинеры. Были у нас и такие. Да и стреляли в моей роте лучше всех. Ну так больше всех патронов и сожгли на тренировках.

А как пехота взаимодействовала с пушками! Любо-дорого посмотреть.

Не одну палку мне пришлось обломать об их тупые головы. И доставалось не только солдатам, офицерам тоже перепадало. Зато теперь – лучшая рота, и ее уже можно вести в бой, что не скажешь о других. Ничего, обучим и остальных. Главное, чтобы мушкеты поступали побыстрее. Правда, люди на заводе и так стараются. Но людей, как всегда, не хватает. Первое время с людьми был вообще затык. Из города-то я почти всех молодых и свободных выгреб, и набирать учеников стало очень трудно. Ко мне прибежали даже несколько учеников от известных мастеров, и те приходили ко мне ругаться и требовать выдать их. Но я послал мастеров лесом. Бывшие ученики теперь люди барона, и никто не может претендовать на них.

А проблему с людьми я решил путем диверсии. Против себя. Правда, с моего ведома и с моей же подачи. Гюнтер разослал по моим деревням, и не только моим, своих людей, которые стали сманивать крестьян к нам в город, обещая золотые горы. Во всяком случае, свободу – наверняка. И народ повалил. В основном молодежь. И из моего баронства, и из соседних. Ну за своих-то я не волновался, никто их не тронет. На них могу наложить лапу только я сам, а я, естественно, этого делать не буду. А вот с людьми из других баронств было сложнее. Согласно принятому в 1232 году Фридрихом Вторым «Закону в пользу сеньоров» принимать чужих крепостных в своем городе я не мог и должен был вернуть их хозяевам. Ну так пусть придут и возьмут...

Город благодаря этому вырос в полтора раза. Да, именно город. Статус этот я ему вернул. Но большая часть налогов все рано шла в мой карман. Правда, я значительно снизил эти самые налоги, так что больших поступлений пока не было. Но это пока. Свои указы о чистоте приказал соблюдать неукоснительно. На первом же своем заседании магистрат их утвердил. И не только их. Я еще издал несколько указов. О том, чтобы в каждом доме была организована мыльня и чтобы все горожане мылись и одевали чистое белье и одежду не реже одного раза в неделю, по субботам. В противном случае – изгнание из города. Еще был указ о том, чтобы перед едой все мыли руки. Еще один – чтобы пили только кипяченую воду или воду, разбавленную вином. И еще о борьбе с насекомыми, о чистке зубов... Народ от всех этих указов ходил ошалелый, но все исправно выполнял. Меня хоть и считали чудаком (а в некоторых кабаках даже и заменяли первую букву в этом слове), но чудаком полезным: вешать никого после бунта не стал, да еще и налоги понизил и о городе заботится. Так что некоторые безобидные чудачества сеньора можно и перетерпеть.

Поэтому, хотя людей на моем заводе вроде хватало, все равно постоянно набирали новых. Так как включались в работу все новые и

новые проекты. Да и производство мушкетов надо было увеличить. И изготовление холодного оружия. Сейчас все существующие мощности по производству «холодняка» работали в основном на изготовление штыков для мушкетов, но ведь нужно было и другое холодное оружие. И мечи и кинжалы. Стали-то у нас было – завались. Все склады забиты стальными брусками. Хайнц выдавал по пять-шесть тонн в день отличной стали. Хотя и на собственные нужды уходило не мало. Все мои воины носили отличные кирасы. Кирасы и шлемы мы изготавливали путем штамповки. Кованые доспехи считались немного лучше, но, учитывая качество нашей стали, наши доспехи были намного прочнее, чем кованые из обычной стали.

А сейчас начинался новый аврал. Гюнтер наконец обзавелся несколькими помощниками. Одного из них он послал через Голландию в Кале, где тот и договорился с англичанами на поставку нашего оружия. Сто полных рыцарских доспехов по двести фунтов, то есть гульденов, за доспех. Триста комплектов доспехов для оруженосцев и конных копейщиков. Пятьсот мечей из нашей стали, наконечники для копий и стрел. Всего на тридцать тысяч гульденов. Все это мы должны были поставить к концу зимы. Мы даже небольшой аванс взяли, шерстяной тканью. У англичан она очень даже ничего. А одевать мне свое воинство надо.

Другой помощник Гюнтера смотался к французам в Тулузу и с ними тоже договорился о поставках оружия. Даже побольше, чем англичанам. Аж сто пятьдесят комплектов рыцарских доспехов. И еще они заказали два комплекта из булата. Ну, булата у нас нет, но наша тигельная сталь и получше будет. А эти два комплекта идут по тысяче гульденов каждый. Ну, один комплект король Карл Пятый себе приберет, а вот второй кому? Хотя сейчас какой-то французский генерал громит англичан и очистил почти всю Францию. При помощи артиллерии, кстати. Так что я тут не такой уж новатор. Правда, мои пушки намного лучше других нынешних, и это дает мне какой-то шанс. Вот так, производство опять надо увеличивать. Заказ-то мы выполним. Месяца за три или даже два, если поднапрячься. А зачем нам напрягаться? Но зато потом, когда народ распробует качество наших доспехов, заказы так и посыпятся. Так что надо к этому подготовиться. Набрать новых людей, обучить их. Поставить еще людей на производство мушкетов. Да и пистолеты не плохо бы начать производить. Все-таки кирасиры без пистолетов – это и не кирасиры вовсе.

Ничего, деньги теперь будут. Семьдесят тысяч гульденов я планирую выручить за первые поставки оружия. К этому времени можно выкинуть на рынок и другие наши изделия из металла. Даже небольшое количество

инструмента. Вот ажиотаж начнется... Да, придется укреплять город. Замок-то я укрепил. Хайнц отлил пятнадцать стальных шестидюймовых пушек. Восемь я забрал в войска, а семь установил на башнях замка. Теперь к нему лучше близко не подходить. А учитывая, что мы уже научились изготавливать пушечные бомбы, то и далеко тоже лучше не подходить. Правда, бомбы у нас проблемные. Некоторые взрываются, не долетев до цели, какие-то вообще не взрываются. Процентов тридцать брака. Но ничего, над этим работают. Картечь у нас теперь чугунная, так что свинец идет только на изготовление пуль.

Пули льют теперь в замке. Там я вообще устроил небольшую патронную фабрику полного цикла. И порох в замке готовим, и патроны крутим. И руководит всем этим хозяйством Эльза. И хорошо руководит. В донжоне, в погребе, уже стоят шестьдесят бочонков с прекрасным порохом. И ружейным и пушечным. И с патронами она неплохо справляется. Хотя их и не хватает все время и запас пополняется с трудом. Расход-то огромный. Чтобы научить мушкетера более-менее стрелять и не бояться своего же выстрела, ему надо отстрелять хотя бы пять патронов. А в первой роте солдаты отстреляли вообще уже по двадцать. Особо же метким я разрешил отстрелять до десяти патронов в день. Правда, первые выстрелы делают холостыми патронами, без пули, а потом – с пулями без стального сердечника. Я вообще решил выдавать пули со стальным сердечником только снайперам и особо метким стрелкам во взводах, а остальные и простыми обойдутся. Да и все равно мушкетов не хватает. Вот когда вооружу всех мушкетами, тогда и буду проводить полноценные учения, а пока только первая рота тренируется по полной. Ну и артиллерия, конечно. В артиллерии я здесь был единственный специалист. Хреновенький, конечно, но что есть, то и есть.

Себя я тоже немного привел в порядок. Теперь уже не выглядел будто только что справившийся с тяжелой болезнью. Немного вытянулся, и рост мой теперь составлял сто семьдесят пять сантиметров, что по нынешним временам было очень хорошо. Сейчас средний рост, особенно у крестьян, сантиметров сто шестьдесят – сто шестьдесят пять. Хотя встречались и настоящие громы. У меня в артиллерии почти все такие. Вертеть тяжеленную пушку, особенно при прицеливании, не каждый сможет. Правда, и толстяком я не стал, а просто сухим и жилистым. Ежедневные тренировки дали себя знать. Я все так же по утрам бегал, потом тренировался с Эдриком. По вечерам с час держал на вытянутой руке свой пистоль. То в одной руке, то в другой. Иногда сразу в обеих по пистолю.

И с личной жизнью у меня все наладилось. Теперь я был, можно

сказать, многоженцем. Нет, жен у меня, конечно, не было, но зато были аж две девушки. В замке – конечно, Эльза. Там я бывал каждый день и иногда оставался ночевать. Эльза расцвела. Стройная, красивая, в хорошем платье, с властным взглядом. А в постели – настоящий ураган. Мастер-класс я все же провел. И не один раз. И еще одна девушка, Беата, была у меня в городе. В моем доме, ранее принадлежавшем бургомистру. Из ратуши нам пришлось уйти, раз уж в городе опять начал действовать магистрат. Правда, я настоял на том, что до ближайших выборов бургомистра, а они пройдут через год, бургомистром останется Гюнтер. Так никто и не возражал: все видели, что он мужик толковый и заботящийся о городе. Забот на нем правда висела уйма. Он и бургомистр, и управляющий всего баронства, и директор моего завода. Да, именно ему и приходилось им руководить. Дитмар, Хайнц и другие его сыновья – просто мастера, я вообще, когда появлялся там, выдавал какой-нибудь приказ или новую идейку – и убегал. А основная работа легла на плечи Гюнтера. Ничего, со всем справляется. Правда, постоянно просит меня, чтобы от чего-нибудь его освободил, на что всегда получает ответ – воспитывай помощников и перекладывай наиболее трудоемкие дела на них, а сам только руководи.

Так вот, уйдя из ратуши, мы заняли мой дом и теперь все жили там. Ну, то там, то в замке. А чтобы жить комфортно в доме, нужны слуги. Вот Гюнтер и набрал слуг. Одну девицу определил лично ко мне в услужение. Это и была Беата. Но если Эльза была шатенкой, то Беата – блондинка. Кто из них красивее, сразу и не скажешь. Обе хороши. Но если Эльза напористая в делах и страстная в постели, то Беата всегда мягкая и нежная. Так что я очень неплохо устроился. Но, похоже, спокойная жизнь заканчивается, именно по этому поводу мы и собрались в совещательный комнате, то есть в гостиной моего дома.

– Курт, ну что скажешь? Какие новости из стана врага?

– Что-то ваши рыцари-вассалы зашевелились, ваша милость. Часто ездят друг к другу в гости, хотя раньше терпеть друг друга не могли. Новые воины во всех замках появились. Готовятся – это точно.

– Как думаешь, когда двинут?

– Урожай овощей уже собрали. Зерновые собирать заканчивают. Озимые сеять еще не скоро. Так что, думаю, к концу месяца пожалуйут.

– Значит, от недели до двух... Ну и ладно. С этими мы без труда разделаемся. А вот не нагрянет ли кто другой сразу после них?

– Может, и нагрянет. Но вряд ли. Купцы ни о каких нигде военных приготовлениях не сообщали. А это ведь дело заметное и не быстрое, такое не скроешь. Да никто и скрывать не будет. Нас ведь всерьез не принимают.

Для всех мы просто мелочь, которую в любой момент можно прийти и подчинить. Для баронов нашего графства, конечно. Из других мест к нам пока и не полезет никто – зачем из-за такой мелочи с графом Марком ссориться?..

– Если это так, то очень хорошо. Моих вассалов-предателей мы быстро изничтожим, и если до весны к нам никто не полезет, то армию свою привести в полную боевую готовность мы успеем. А вот весной и летом надо ждать гостей. Много гостей. В конце зимы мы отгрузим оружие англичанам и французам. Когда узнают, каким оружием и доспехами мы торгуем, от желающих поживиться за наш счет отбоя не будет. И пока мы не вломим как следует особо наглým, не успокоятся. Да и потом не успокоятся, но наглеть, думаю, перестанут. Меня больше тревожат крупные владельцы. Герцог Юлих-Берг совсем безбашенный, может нагрянуть. А нашему графу наложить лапу на такой лакомый кусок сам бог велел. Назначит какого-нибудь хлыща мне в регенты – которого я пошлю, конечно, – так оскорбленный граф тогда может и сам нагрянуть. По отдельности и с Юлих-Бергом и с Марком мы справимся. Если не разгромить, то хотя бы отогнать сможем. А вот если они объединятся, нам будет очень трудно.

– Господин барон, думаю, все будет нормально, – заметил Гюнтер, – прошлые противоречия не дадут им объединиться. Да и против кого им объединяться – против маленького баронства? Да их вся империя засмеет.

– Ну что ж, будем надеяться. Но ты все-таки, Курт, озаботься формированием еще пары рот. Не спеша, тщательно подбирая людей. Поищи среди пришлых крестьян – может, кто толковый и попадется... Гюнтер, как там наши крестьяне?

– Ваша милость, богу на вас молятся.

Ну еще бы. Я ведь снизил им налог с трети урожая до четверти. И разрешил отдавать продуктами, а это для них очень выгодно. Раньше они платили налог деньгами, а для этого надо было продать свою продукцию. Скупали у них все посредники за треть цены, так что убытки они несли огромные. Теперь привозят в замок положенную часть продуктов, и все. И мне хорошо – армию-то кормить надо. Налог я решил снизить, когда побывал в тренировочном лагере. Все деревенские ребята были худющие, сгорбленные, с землистыми лицами. Поговорил с ними и ужаснулся. В деревнях голодают все и почти всегда. Мясо многие видят раз в год, на Рождество. Смертность, особенно среди детей, огромная. В этот же день издал указ о снижении налогов на крестьян. Ну и городских не забыл. Им тоже немного снизил. Совсем чуть-чуть, но сколько радости в городе было!

Целые гуляния устроили. Да, следовало горожан поощрить. Теперь город не узнать. Чистенький. Нигде не воняет. В некоторых местах, где была возможность, высадили деревья. Да и сами преобразились. Чистые, аккуратные. При встрече с заезжими купцами зажимают носы. Как будто сами не смердели так же чуть больше месяца назад.

А купцов в нашем городе становится все больше и больше. Массово мы свою продукцию на рынок не выбрасываем – так, понемногу, только чтобы производство убыточным не было. Расходится все влет. Кстати, один из помощников Гюнтера ездил в Любек, договариваться с ганзейцами. Скоро наша сталь и в Русь пойдет. Хорошо бы завести свои корабли и торговать своей сталью самостоятельно, но нет, не моряк я нисколько, не потяну. Ну и ладно, пусть ганзейцы тоже что-нибудь поимеют с нашего товара, земляки все-таки. Хотя таких земляков давить сразу при рождении надо – продадут и даже не поморщатся. Господи, а что в городе начнется, когда мы весной станем выбрасывать на рынок свою продукцию... Надо сказать Гюнтеру, чтобы построил несколько новых трактиров и таверн. Да и укрепить город не помешает. Стены строить смысла нет, а вот поставить вокруг города несколько фортов – это можно. Не так дорого, и хорошо прикроет город.

– Ну все, пора расходиться. Мое решение таково: за следующую неделю привести все наши войска в полную боевую готовность. Пополнить боезапас и проводить усиленные учения в условиях, приближенных к боевой обстановке.

Я встал и пошел к себе. Собирались мы, как всегда, после ужина, так что пора было ложиться спать. В спальне меня ждали тазик и пара ведер воды. Ну и Беата, конечно. Мыльня в моем доме тоже была, но спускаться туда не очень-то охота, поэтому по вечерам я мылся вот так, по-простому. А в мыльню – с утра. Мы с Беатой помылись и залезли под одеяло. И Эльза и Беата знали, что, не помывшись, ко мне лучше не подходить. Поэтому такие тазики и ведра присутствовали и в моей спальне в замке. Долго мы не безумствовали. Да с Беатой это и невозможно. Она была настолько ласковой и нежной, что ее хотелось тоже нежно ласкать и целовать. И от этого она уходила в полную нирвану. Ну и сама, конечно, очень старалась, очень. Так что удовольствия я получал максимум, как и она, впрочем, а утром вставал свежий и бодрый.

Утром, как всегда, помчались в замок. Я, естественно, бегом. Теперь бег мне доставлял только удовольствие. Правда, я планировал в скором времени бегать не только в кольчуге, но и в кирасе, ну так что ж, служба и не должна медом казаться. Привыкну и к кирасе. Кольчуга-то теперь для

меня как вторая кожа, я ее и не чувствую. А это не просто какая кольчужка – это настоящий хауберк, из стальных колец, удлинённый и с капюшоном, и весит совсем не мало. Добрались до замка – и сразу направились на тренировочную площадку. Теперь я не выглядел как мальчик для битья. Правда, ни одного поединка у Элдрика я выиграть так и не смог, но уже хотя бы огрызался. Так два часа и прошло. Элдрик теперь ко мне относился с уважением. Не так, конечно, как к заслуженному воину-ветерану, но уже и не как к новичку. Я теперь для него тоже воин, которого просто еще чуть подучить надо. Именно подучить, а не погонять. Я как-то подслушал разговор между Элдриком и Куртом. Через неделю после моего появления.

– Ну как он? – спросил Курт.

– Знаешь, Курт, железный пацан. Я думал, он в первый же раз свалится и больше не придет на тренировку. А он падает от усталости и боли, встает и снова дерется. Падает и встает. Падает и встает. Да еще сам этот бег придумал, никто же не заставляет. А он морщится, ругается, но бежит. Через пару лет это будет такой воин – не нам чета.

– Вот и надо сделать, чтобы у него была эта пара лет. Береги его пуще собственного сына. С ним мы станем настоящими людьми, а без него мы никто. Подрасться, конечно, придется, куда ж без этого, но зато он своих людей никогда не бросит и не предаст. Помни это и береги его. Может, тебе еще людей добавить?

– Не надо, справимся, не война же.

– Ну смотри.

Вот так вот. Все трое, вместе с Элдриком, были лучшими мечниками в отряде Курта. Мне бы их еще пистолетами вооружить. Но пока никак. Все силы уходят на производство мушкетов. Потом – да, потом и пистолеты наклепаем. И для моей охраны, и для кирасир.

После тренировки отправился в мыльню. Прислуживала мне, как всегда, Эльза. Вроде большой человек теперь в замке, а в мыльне всегда со мной. Обычно после мыльни и завтрака мы поднимались в мою спальню, но я ей сообщил, что спальня сегодня отменяется, так как дел много. Поэтому любовью мы занялись здесь же, на лавке. Правда, лавка была другая, широкая, с тюфяком, набитым сеном и накрытым простыней. Хотел управиться за полчаса, но куда там – и через час еле отбиться смог. Потом завтрак, и после завтрака прошел в цеха.

Работа везде спорилась. Я уже рассказал Эльзе, как можно улучшить качество пороха, покрывая его камфорным маслом и добавляя в него немного марганца. Камфорное масло, застывая, препятствует

проникновению в порох влаги, и тот можно хранить спокойно даже во влажных помещениях, хотя это и нежелательно. А марганец при горении выделяет кислород, что в свою очередь способствует горению пороха. Она уже и приготовила все, но я пока менять что-то запретил. Под новый порох придется снова проводить пристрелку и мушкетов и пушек, а у нас вроде как война на носу. Переработка пороха проходила очень быстро и запас все время пополнялся. И это хорошо. Если вдруг мне перекроют доставку пороха с завода в Страсбурге, что вполне возможно, то запас у меня будет. А там и нового поставщика найду. Пусть подальше и подороже, но найду. А если где смогу добыть селитру и серу, то и сам прекрасно справлюсь.

Прошли в патронный цех. Здесь тоже люди не сачковали. Тут работали тройками. Один скручивал и склеивал бумажную трубку, подвязывая ее кончик, другой на небольших весах определял навеску пороха, третий вкладывал в бумажный цилиндрок пулю, пользуясь для проталкивания ее обструганной деревянной палочкой, потом засыпал порох, загибал кончик и подклеивал его к патрону, затем готовый патрон укладывал в небольшой деревянный ящичек. Таких троек было четыре. И один человек на подхвате. Он же занимался укладкой таких ящичков, по сто патронов, в большие просмоленные короба, которые затем хранили в погребе донжона, куда никому, кроме меня и Эльзы, хода не было.

Поблагодарив Эльзу за работу, я уехал. Молодец девчонка, как работу наладила... Правда, и платил я за работу неплохо. Если остальные слуги в замке получали не больше одного пфеннига в день, то эти рабочие – по два и очень этой работой дорожили. А Эльза получала десять пфеннигов в день. Правда, большую часть отдавала в деревню своей многочисленной семье, но и ей тоже оставалось. На тряпки хватало.

Следующая неделя пролетела как один миг. Я с первой ротой и со всей артиллерией мотался по полям и холмам. Отрабатывал с ними линейную тактику. И перестроение при выстреле. И построение в каре и в походную колонну. И взаимодействие с пушками. В принципе, все это они уже знали, но я доводил все действия до автоматизма. Чтобы команда выполнялась без раздумий. С пушками тоже постоянно возился. Но тут были ребята более-менее смышленные, потому с ними оказалось проще. Два выстрела в минуту из пушки у нас делать пока не получалось, но три в две минуты – спокойно. Думаю, достаточно. Хотя я где-то читал, что опытные пушкары из таких же пушек умудрялись делать по три выстрела в минуту. Вранье, наверное. Почти на всех учениях присутствовал и Курт. Я ему терпеливо объяснял, что и как собираюсь делать. Что ж, пусть учится, не все же время мне солдат в бой водить...

А в начале следующей недели прибежал паренек и сообщил, что в замке их рыцаря собралось большое войско и завтра с утра оно собирается выступать. Я дал пареньку шиллинг, и он умчался обратно. Мы с Куртом тут же сели совещаться.

– Высказывай свои соображения, Курт.

– Ну, тут все ясно. Этот замок – ближний к нам. Если выйдут рано утром, то к вечеру будут у наших стен. Были бы они все конные, то к обеду были бы у нас. Но ополчение быстро гнать они не смогут. Дорога тут только одна. Не пойдут же они в обход по лесу – там кони могут и ноги переломать...

– Ага, ага. А вот тут, на этой дороге, насколько я помню, есть очень интересное место. Слева речка, а справа, клафтерах в ста, – лес, и от замка недалеко, всего пара растов. Вот здесь мы их и встретим. Как раз пообедаем, отдохнем – и они подойдут. Только обязательно надо выслать дальние дозоры на легких и быстрых конях.

– Согласен.

– Хорошо. Отправляемся в лагерь и готовимся.

В лагере приказал всем солдатам первой роты помыться, поужинать и ложиться спать.

– А остальные роты? – спросил Курт.

– А зачем? С этим сбродом мы и одной ротой справимся. И одной батареей. А вот кирасир придется брать всех. Кто-то же этот сброд должен потом сбивать в кучу...

– Вы так спокойны, ваша милость?

– Из-за чего волноваться? Разве не для этого мы столько тренировались? Все, ужинаем, и спать.

В дом, который построили в лагере специально для меня, принесли ужин. Я поужинал и лег в кровать. Сказать, что я не волновался... Еще как волновался. Мандраж так и колотил. Жаль, Эльзу нельзя сюда привезти, хотя замок и недалеко. Лежал – и обыгрывал план завтрашнего боя. Не знаю, правильно ли мы с Куртом просчитали. Ну не полководец я совсем. А он в рот мне смотрит. Но проиграть мы завтра никак не можем, просто не имеем права. Если уж этой шпане проиграем, то... Но это невозможно. Главное, чтобы солдаты не побежали. Если не побегут, то раскатаем вражин. Так, думал, думал... и уснул. Утром встал и пошел к ручью. Снял с себя все, кроме штанов, и умылся как следует. Да, и я и все мои люди теперь щеголяли в нормальных штанах. Я их назвал мавританскими штанами. Просто название понравилось и знак, что эти штаны рыцари притащили с востока. Обыкновенные штаны, из плотного крашеного

полотна черного цвета. С кожаной завязкой на поясе и длиной до щиколоток. Не узкие и не широкие. Нормальные и очень удобные. Заправлялись они в короткие сапожки у пехотинцев и в длинные сапоги у кирасир. Сапоги, кстати, носили с портянками.

Потом оделся и пошел завтракать. Народ просыпался и бежал кто к умывальникам, а кто и к ручью. Замеченные не умытыми или не вымытыми руки перед едой сразу штрафовались. Из ручья пить тоже запрещалось. Воду для питья кипятили в полевых кухнях. Да-да, мне Хайнц из нашей стали и полевых кухонь наделал. Пока четыре штуки, но нам за глаза хватает. Зато солдаты сыты всегда. Наконец все позавтракали, первая рота построилась и вышла из лагеря, за ней попылила первая батарея, а уж потом две телеги обоза. Я с кирасирами поджидал их за лагерем. Уже все знали, что мы идем воевать, но никаких криков с пожеланиями победы не было. Все провожали нас взглядами молча.

Шли не спеша около двух часов. Наконец прибыли к намеченному месту. Установили пушки в ряд. Потом я построил между пушками мушкетеров. В три ряда. Потом распустил. Потом опять построил. Так потренировались с час. Затем приказал людям отдыхать. Со старшими орудейных расчетов прошли и наметили ориентиры. Замерили до них расстояние. На всякий случай через каждые сто метров воткнули по ветке. Пришли обратно, проверили прицел пушек. Зарядили их. Правда, фитили пока не вставляли. Отправились отдыхать. Полчаса поболтали с Куртом, пока не приготовили обед. Пообедали вместе с солдатами. Что они, то и мы. Ничего, есть можно. Каша, густо сдобренная салом и мясом. Очень сытно. Запили заваренными травами. Моя знакомая травница теперь стала «генеральным поставщиком» заварки в нашу армию. Не чай, конечно, но тоже очень ничего. После обеда лег на травку подремать. Чтобы избавиться от мандража, стал представлять, как вернусь в замок, вызову Эльзу, пройду с ней в спальню и что мы там будем делать... На самом интересном месте примчался дозорный и сообщил, что вражины в двух километрах от нас. Не спеша поднялся и приказал строиться. Мушкетеры построились и зарядили мушкеты. Я с кирасирами находился на правом фланге, ближе к лесу.

Наконец показался противник. Подойдя к нам метров на четыреста, они остановились и стали о чем-то совещаться. В принципе, и отсюда можно было накрыть их картечью и всех положить. Я совершенно успокоился и смотрел на них уже как на покойников. Но было интересно, что они дальше делать будут. Конных было с сотню, но по-настоящему опасных тяжелых копьеносцев всего человек тридцать. Остальные просто конные мечники и лучники. Они посоветовались немного и стали строиться

для атаки. И в самом деле, что им противостоит – жиденькие шеренги пехотинцев, и даже без пик. Да такие тяжелая конница просто порвет...

Вот они выстроились. Впереди рыцари, на тяжелых дестриэ, все в железе, с длинными копьями. За ними все остальные. Рыцарей почему-то пять. У меня же в вассалах было только три. А впрочем, это теперь не важно, захотели умереть – так умирайте. Ну вот, тронулись. Сначала шагом. Потом перейдут на рысь, затем – галоп.

– Пушкари, готовься! – крикнул я. – Огонь!

Грохнул залп. Почти одновременно. Наши позиции заволокло дымом. Но так как мы стояли на фланге, все хорошо было видно.

– Пушки пробанить и не заряжать! – крикнул я.

Стрелять из пушек больше было не в кого. Несколько конников еще сидели на беснующихся конях и пытались их успокоить. Часть ополчения уже побросала свои дубины и пыталась рвануть обратно по дороге.

Дым наконец рассеялся.

– Первая шеренга – цельсь... огонь! Вторая шеренга – цельсь... огонь! Третья шеренга – цельсь... огонь! Примкнуть штыки. Вперед. Раненые нам не нужны. Курт, твой выход. Собери это разбегающееся стадо в одну кучу. Постарайся не калечить. Будут сопротивляться – убивайте, а калечить не надо, они работать не смогут. Вперед.

Курт с кирасирами умчались. Остались мы вчетвером – я, Элдрик и двое кирасир из моей охраны. Вернулись в наш походный лагерь. Я спешил, лег на травку и задремал. Разбудил меня опять Курт. Он соскочил с коня рядом со мной, подошел.

– Всех собрали, ваша милость, никто не ушел.

– Собери всех прапорщиков.

Буквально через минуту рядом со мной стояли четыре прапорщика. Пушкарь тоже пришел.

Обратился я сначала к нему:

– Пушки почистили?

– Так точно, ваша милость. – Вот, правильный ответ. Надо будет ввести перечень воинских ответов и вопросов, чтобы все было ясно и понятно даже для деревенского парня. Вернусь домой, обязательно займусь.

– Молодец. Об оружии надо заботиться прежде всего, даже прежде, чем о себе. Что у тебя, Курт?

– Пригнали всех, ни один не удрал.

– Это хорошо. Значит, нас не ждут. Курт, берешь два взвода, две пушки – и иди разори их замки. Возьмешь их обоз, все равно он пустой –

грабить же шли. Две телеги нам оставь, в остальные сложи все, что найдешь в замках. Там должны остаться голые стены. Живность тоже гони к нам в замок. Ну и тех, кто за ней ухаживал. И еще... – Я поманил его пальцем поближе и тихо сказал: – Живые мне в тех замках не нужны. А слуг можешь разогнать... Так, теперь с вами, – обратился я к прапорщикам. – Раздеть всех убитых и их барахло погрузить на телеги. Оружие и доспехи отдельно от тряпок. Тряпки отдать в замке, чтобы их как следует проварили и вывели всех насекомых, потом отстирали и раздали всем желающим. Все оружие отвезти на завод и сдать там мастеру Хайнцу. Дальше. Всю толпу пленных, после того как они закопают покойников, гоните к реке. Пусть как следует отмоются и выстирают свои тряпки. Предупредите их: у кого завтра найду хоть одно насекомое – тут же повешу. Идите занимайтесь. Ночевать все равно здесь останемся.

Сходил проверил полевую кухню. Она уже дымила. Поторопил кашевара. От нечего делать прогулялся до поля боя. Черт, лучше бы не ходил... Жуткое зрелище. Даже одна картечина может наделать много дел, а уж если в человека попадали две картечины, его просто на куски разрывало. Ужас. Чуть не стошнило. Пошел к речке, разделся и помылся; вроде полегчало. Теперь даже не знаю, смогу ли поесть... Однако смог. Очень даже хорошо смог. Каша пошла – только так. Да еще с мясом, с большими его кусками. Ну да, лошадей-то сегодня много побил... Наелся и пошел спать. Завернулся в плащ и завалился на кем-то уже заботливо подстеленную попону. Хорошо... Хоть и конским потом отдает, зато тепло и мягко.

Утром проснулся и пошел осматривать свое хозяйство. Походная кухня уже дымилась, телеги нагружены. Пленных согнали в кучу и пытались выстроить в две шеренги. Стал проходить вдоль ряда. Один мужичок мне дюже не понравился своим наглым взглядом. Подошел ближе. По бороде у него ползла какая-то блеклая мерзкая тварь. Ага, значит, самый умный и на мои приказы тебе плевать...

– Что это? – спросил у Элдрика, показав на насекомое.

– Вошь, ваша милость.

– Повесить. – И пошел дальше.

На многих пленных была мокрая одежда: значит, и мылись, и одежду простирнули, а вот на некоторых, как и на этом наглom, одежда была сухая; ну что ж, вам же хуже. Это не я к вам пришел грабить и убивать, а вы. Значит, будем воспитывать. Остановился перед толпой:

– Через полчаса выступаем. Кто не успеет избавиться от живности – повиснет рядом с ним. Все, разойдись.

Они тут же рванули к реке. Даже те, кто был в уже мокрой одежде. Через полчаса мы и в самом деле выступили. За нами, под охраной мушкетеров, шлепала босыми ногами толпа пленных. Некоторые надели свежестирнутое, но в основном шли голые, а свои сырые тряпки несли в руках.

До лагеря шлепали около трех часов. Пленных заводить в лагерь я не стал, въехал только со своей охраной и пушками. Что тут началось! Люди от радости размахивали руками, подпрыгивали, кричали, бросали вверх шапки... Вообще, бардак какой-то. Надо принимать меры, а то словно толпа бандитов встречает удачливого атамана из набега. Никакой армейской дисциплины. Ладно, вернется Курт – накропаем с ним небольшой устав. Времени у нас немного есть.

Вызвал к себе лейтенантов.

– Учебу – продолжать. Еще интенсивнее. Манфред, ты как командир второй роты – сейчас старший. Организуй строительство лагеря для пленных. Поставь забор и выдай им шанцевый инструмент, пусть себе землянки выроют. И следи, чтобы они мылись каждый день. Я отправляюсь в замок. Курт вернется – найдет меня там.

Вышел из дома, сел на коня и не спеша отправился в замок. Спешить не хотелось. Вообще ничего быстро делать не хотелось. А вот в бочку с горячей водой залезть – очень. И сидеть там целый час.

– Элдрик, отправь одного кирасира в город, пусть ко мне приедет старшина строителей. Я буду пока в замке.

В замке уже знали о нашей победе. Как только мы въехали, вокруг нас закрутился народ. Я тут же направился в мыльню. Горячая вода как будто поджидала меня. Нет, все-таки надо заказать Хайнцу ванну из чугуна, и побольше. Лежа расслабляться все же лучше. А то в бочке стоишь на полусогнутых, неудобно. Хотя все равно хорошо. Эльза крутилась тут же. Да, сегодня до спальни не дойдем. Соскучился. Когда же у меня эта юношеская сексуальность пройдет, – а то все время хочется... перед собой неудобно. Пока я отмокал в бочке, Эльза быстро обмылась в тазике и уже поджидала меня. Ну что ж, не буду заставлять себя ждать, тем более такую прекрасную девушку. Она на меня просто накинулась, и лишь через час мы смогли перекинуться парой слов. Она все твердила, как она боялась, что меня убьют, ну а я, соответственно, успокаивал ее.

Через полчаса пошли обедать. Я к себе, она к себе. За столом со мной мог находиться только равный мне, в крайнем случае – опоясанный рыцарь. Даже Курт и Гюнтер, хотя они уже и не были простолюдинами, за стол ко мне сесть не могли. Не то чтобы мне это нравилось, но поделаться я

все равно ничего не мог. И вообще, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. И так на меня многие косо посматривают. Слишком уж я умный. Барон должен быть хорошим рубакой. Но умным он быть не должен. Пока выручает, что меня готовили в монастырь, и не простым монахом, конечно, поэтому и дали хорошее образование.

После обеда вызвал Вилду и распорядился устроить мою мыльню в донжоне, где-нибудь на первом этаже, чтобы не бегать по холоду от нее к замку. Мыльню для слуг велел утеплить и сделать к ней небольшую пристройку, где люди могли бы отдыхать после мытья. И поставить и там и там небольшие печки, которые обещал прислать. И вообще все щели в замке законопатить. Окна зимой прикрывать плотными ставнями. И установить везде печи. Насчет печей я решу со старостой строителей. Как только он придет, следует проводить его ко мне.

И пошел в спальню отдыхать. Не то чтобы я был особенно уставшим, но, видно, сказалась вчерашняя нервотрепка. Да и сегодняшняя тоже. Полежал в постели с час и понял, что не усну, тем более что мне становилось все муторнее, поэтому оделся, кликнул Элдрика и пошел с ним на тренировочную площадку. Через пару часов я полностью пришел в себя. Слегка ополоснулся. Старшина строителей уже поджидал меня.

– Поздравляю с блистательной победой, ваша милость.

– Какая же это победа, Ганс, – поубивать кучу собственных подданных? Еще несколько таких побед – и я останусь в баронстве один. Пойдем в кабинет и поговорим там спокойно.

Когда мы поднялись наверх и расселись на стульях, я приступил к делу:

– Ганс, как ты, наверное, знаешь, мы взяли много пленных. Другой на моем месте их всех перевешал бы, чтобы другим бунтовать не повадно было. Но вас-то я не перевешал... Поэтому и им решил дать шанс. Пусть отработают свою глупость. Они должны построить форты вокруг города, чтобы наш город стал неприступным. Что для этого надо... С четырех сторон города устроить насыпь, под нею выкопать рвы. На насыпи сделать валы, на них я установлю пушки. И город станет неприступным. И никаких стен строить не придется. Каждый форт должен иметь колодец и склады с продовольствием и военными припасами. В таком форте службу должны нести по сорок человек. Снабжение их мы делим пополам – половина ложится на город, половина – на меня. От тебя требуется снабдить их лопатами, тачками и еще чем – это уже ты сам разбирайся. И, естественно, несколько твоих специалистов. Где строить форты, я уже наметил, держи – это схемы фортов, и тут же описано их местонахождение. Строить быстро,

чтобы до холодов казармы были готовы, а то поморозишь народ. И еще. Мне в замок нужны печи, – подал ему схему обыкновенной «голландки», – их нужно установить быстро, во всех основных помещениях замка. Вилда тебе укажет где. И, Ганс, чтобы завтра уже пленных возле нашего лагеря не было. И не забывай кормить их, хоть иногда. Иди.

Пошел ужинать. После ужина решил выспаться как следует, чтобы отойти наконец от этой кровавой каши. Заснул быстро, но среди ночи проснулся от какого-то дребезжания и схватил с тумбочки пистоль. И чуть не засмеялся: комичная картина – любовница пробирается к своему любовнику с ведром воды и тазиком. Да, нагнал я на них страха... А вообще, все правильно. Лишнее потом все равно уйдет, а вот привычка содержать свое тело в чистоте – останется. И это хорошо. Глобальное наступление церковников на чистоту начнется лет через сто, хотя и сейчас они твердят, что мыться – это грех, но тогда наступит просто мрак. Так, московские послы, побывавшие на приеме у французского короля Людовика Четырнадцатого – того самого, который ассоциировал себя с Солнцем, – потом писали в Москву, что король смердит, аки зверь лесной. Может, я что смогу изменить, и церковникам через сотню лет уже ничего не обломится. Ведь все начинается с малого. Сначала мой город, потом купцы разнесут это по другим городам – тем более, чтобы торговать с нами, им и самим мыться придется. Я не поленюсь, издам указ, что чумазым и вонючим купцам наш товар продавать будем на треть дороже. Сразу мыться научатся.

Тем временем Эльза уже разложила меня и приступила к своим «пляскам». Потом поменялись местами, потом еще раз. И так чуть ли не до утра. Хорошо стены у замка толстые, каменные. Криков слышно не было. Хотя уверен – многие специально приближались к дверям послушать, чтобы завтра было о чем поговорить. Правда, я ничего предосудительного не совершаю. Церковь, конечно, такое осуждает, называет блудом. А право первой ночи? Почему бы и это не осудить и не запретить? Козлы.

Утром вскочил, едва светать начало. И чувствовал себя прекрасно. Вчерашняя подавленность полностью ушла. Но вот чем себя занять? Надо ведь Курта дождаться. Черт, лучше бы я с ним пошел. А теперь ходи переживай. Сходил в цеха Эльзы. Велел увеличить количество рабочих в обоих цехах. Тем более что световой день уменьшается, но выработка сокращаться не должна, а наоборот, должна увеличиться. Если мало места, то пусть занимают и соседнее помещение. Вилду предупредил, что это мой приказ.

Потом решил смотаться-таки на завод. Сказал Вилде, что как

объявится Курт, чтобы тут же посылали за мной туда. Вскочили на коней и помчались на завод. Здесь все крутилось и все были при деле. Завалился в конторку к Хайнцу и стал его ждать. Он появился минут через пять.

– Слушай, Хайнц, построй наконец нормальное здание заводоуправления, а то ютимся все время в кладовке какой-то. Не жмоться... Ладно, я к тебе с несколькими вопросами.

Я ему объяснил про чугунные ванны для замка и своего городского дома. Рассказал о чугунных трубах для канализации. Опять же для замка и дома. Количество я уже просчитал – приблизительно, конечно, но заказал с запасом. Потом объяснил устройство печек-буржоек. Заказал таких аж десятков. Отапливаться они должны углем... А потом меня как торкнуло – черт возьми, мы же ходим по залежам каменного угля, тут его полно! Даже крестьяне топят свои печи не дровами, а каменным углем. Я же собирался рассказать ему об этом и все время забывал. Вот ведь голова садовая... Я взял листок бумаги и карандаш.

– А теперь, Хайнц, пришло время открыть тебе еще одну тайну.

И я ему стал рассказывать о процессе коксования. Правда, помнил я не много. Да не понимал кое-что из этого. Но рассказал все, что помнил. Он человек умный – разберется. Набросал эскиз конструкции щелевидной печи, сообщил ее размеры. Рассказал, что в простенках проходят каналы из огнеупорного кирпича и что именно в них горит и нагревает печь газ. То ли доменный, то ли коксовый, то ли еще какой. Да, поступления воздуха в печь не должно быть. И тогда получается кокс, который даже лучше древесного угля. А учитывая, что каменного угля у нас тут везде навалом и если он сможет добыть этот самый кокс, то себестоимость стали упадет вдвое.

Хайнц ошалел. Он сидел, тупо уставившись в чертежи. Потом встал, собрал аккуратно все листки и нерешительно спросил:

– Ну так я пойду?

Ну конечно, сейчас помчится новую игрушку для себя строить... А вот фиг тебе.

– Иди, Хайнц, иди. Но не забывай, мои заказы – в первую очередь. Скоро зима, а я не позволю своим солдатам мерзнуть. Как все будет готово – сообщи. Да, и если сможешь, отлей мне из чугуна вот такую штуку...

И я ему подал рисунок и чертеж обыкновенного унитаза. А вот потом уже ушел окончательно. Поскакали опять в замок. Успели как раз к обеду. После обеда провалялся с полчаса на кровати, но потом все-таки не выдержал и пошел на площадку. Там выкладывался до самого вечера.

После ужина опять валялся на кровати. Какая же скотина этот Курт. Хоть бы гонца прислал, что ли. Пришла Эльза – и меня немного отпустило. А потом совсем отпустило. Думать с ней о чем-то было совершенно невозможно. Иногда я даже забывал, как меня зовут. И это серьезная и строгая начальница цеха, которую работники как огня боятся? Ну надо же. Развратная кошка. Но мне сейчас именно она и нужна. Наконец под утро мы уснули. И, о чудо, я проспал – встал не в серую предрассветную муть, а когда уже краешек солнца появился из-за горизонта. Неужели нормальным бароном становлюсь? А то раньше крестьян поднимаюсь. Даже неудобно как-то.

Провел тренировку, позавтракал, поболтался по замку и только решил подняться в библиотеку посмотреть, над чем я-Лео корпел столько времени, как появились наконец наши. Сначала примчался Гюнтер. Тоже, наверное, изнервничался. Потом и Курт с войсками. Я вскочил на коня, и мы бросились им навстречу. Курт был доволен, как кот:

– Все в порядке, ваша милость. Сопротивления никто не оказал. Замки обчищены до голых стен. Только, ваша милость, промашка вышла. Пока мы занимались первыми двумя, из третьего родные рыцаря удрали в Берг. Там граница в двух растах всего.

– Жаль... нажалуются герцогу, и у того будет предлог нагряться к нам, якобы для восстановления справедливости. Но, может, и обойдется. Все равно раньше весны не объявятся. А вот как там наши соседи и мои родственнички?

– С ними сложнее. Об их замыслах нам ничего не известно.

– Ну что ж, первый раунд за нами.

– Чего?..

– Говорю, что начало для нас благоприятное. Теперь можно спокойнее заниматься своими делами. Но дозоры на всех дорогах держи, чтобы нас не застали со спущенными штанами. И еще... Мы тут задумали построить четыре форта вокруг города, вот пленные и будут строить. Пушки туда Хайнц отошьет. Но на каждый форт нужно по тридцать солдат как минимум. И это одна смена. А если их менять, то по шестьдесят на форт. Так что набирайте еще людей. Не обязательно молодежь, но людей серьезных, надежных.

– Ваша милость, а деньги откуда? – возмутился Гюнтер.

– Форты строим совместно с городом, расходы – пополам. Так что не стенай. И еще, Гюнтер, начинай потихоньку выдвигать на рынок наши изделия. Только старайся подальше отсюда. Везите в Любек, Гамбург, Мюнхен. Можно в Голландию. Неплохо бы и в Испанию, но туда, боюсь, не

прорвемся. В Италию вообще идти через все имперские земли, точно нарвемся. Нет, куда я сказал, туда и вези. А там они к нам и сами повалят. Прятаться толку нет. Не будем торговать – с голоду подохнем. Но помни мой указ – вход в город только в чистой одежде, вымытым и без насекомых. Иным все торги – за территорией города. Определи участок. И там цены на наши товары должны быть на треть выше, чем в городе... Так, Курт, а ты что притих, давай хвались трофеями.

– Да какие там трофеи... слезы одни. Денег взяли гульденов полтора. Живности всякой много. Продуктов. Еще там чего-то в телеги набросали. Вот и все. Еще с полсотни телег реквизируют пришлось.

– Крестьян с телегами отпусти. Еще и заплати им по обычной таксе. Объясни, что они теперь все баронские крестьяне, и о налогах расскажи. И пошли своих кого поязыкастее, пусть сманивают ребят в армию, а более-менее работающих – в город, а лучше сразу на завод. Ладно, пошли обедать.

Усадил их в этот раз за свой стол. Вилда, правда, ходила поджав губы, да и они отнекивались, но потом все утряслось.

С этого дня началась наша торговая экспансия. Сначала товар выбрасывали на рынок небольшими партиями. Потом все больше и больше. Затем купцы к нам просто повалили. Особенно ганзейцы. Мы, в общем-то, никому не отказывали. Правда, был небольшой нюанс. В город чумазных и покрытых разной живностью купцов и всех остальных просто не пускали. У обоих ворот выстроили таверны, в которых можно было отмыться и привести в порядок одежду. А не хочешь мыться, так и не надо. Прямо тут можно было заключить сделку. Но в городе она обошлась бы на треть дешевле. Вот и приходилось купцам и мыться, и одежду выпаривать, и даже стричься. И все это стоило довольно недешево. Мало кто из горожан хотел возиться с грязью и насекомыми. Как-то быстро они привыкли к чистоте.

Купцы, попадавшие в наш город, просто обалдевали. Кругом чистота, цветы на всех балконах – это было еще одно мое новшество, в приказном порядке, конечно. В кабаках тоже чисто и благопристойно. Публичные дома, по настоянию отца Бенедикта, я запретил. Ну а почему бы не пойти навстречу такому хорошему и нужному человеку? Тем более мне этого и не надо было, у меня и так с этим все в порядке, а остальные пусть сами как-то выходят из положения. Вон у нас в СССР секса не было, но ведь никто на его отсутствие не жаловался. Называли только по-другому. Вот и тут публичные дома закрылись, зато открылись какие-то клубы с зубодробительными названиями. Гюнтер их, конечно, не забывал обкладывать налогом.

Город стремительно рос. Когда я его захватил, число жителей едва достигало трех тысяч, а сейчас перевалило за пять. И, главное, безработных не было. Наоборот, всегда требовались рабочие руки. Нет, встречались, конечно, и асоциальные элементы, которые отказывались работать в принципе, но с такими разговор был короткий – выводили за ворота и давали пинка. С обещанием в следующий раз просто повесить. По этой причине и нищих не было. Так что купец в городе просто офигевал. Все сделки проводились в лавках, в деловом квартале. Там можно было посидеть за столиком, утолить жажду вином, разбавленным водой. Если интересовал какой-то штучный товар, его тут же приносили. Если опт, то плати – и завтра у ворот получай свой заказ. А товаров у нас было разных – завались. В основном розница, но для серьезных и дальних купцов мы отпускали и опт. Нет, был в городе и нормальный рынок, но там в основном торговали продуктами питания. Если что-то нужно из промышленных товаров, то иди в деловой квартал и там тебе отпустят как жителю города, с большой скидкой. Но только в розницу.

Хайнц все-таки разобрался с коксованием каменного угля, я же говорю, талантливый человек – он во всем талантлив, и теперь гнал дешевую и очень хорошую сталь в огромных количествах. Мне он, кстати, перевооружил армию. Вернее, не перевооружил, а украсил. Все доспехи теперь были воронеными. Черные кирасы, черные шлемы, черные поножи – в общем, все железо черное. Смотрелись все в нем обалденно. Только кое-где выглядывала синяя котта. Сюрко я отменил, нечего такую красоту под тряпкой прятать. Зато ввел широкий, длинный и теплый шерстяной плащ. Темно-синего цвета. Из ткани, полученной от англичан в счет аванса, кстати. Вообще-то мои цвета как раз синий и черный, так что сразу было видно, что это воины барона Линдендорфа.

Подкинул Хайнцу идею миланского доспеха. Он хотя и больше металлург, чем простой кузнец-оружейник, но идеей заинтересовался и обещал за пару месяцев наладить производство доспеха. Всех своих пушкарей я вооружил кацбальгерами из прекрасной стали, и теперь каждый день по два часа их гоняли мечники Курта. Мушкетеры были вооружены кинжалами и длинными игольчатыми штыками. Втулка могла служить и рукояткой. Не очень удобна, конечно, но что есть, то есть. А у кирасир были тяжелые палаши и пики. До пистолетов дело еще не дошло, хотя производство мушкетов возросло до восьми штук в день. Но учитывая, что мы формировали еще две мушкетерские роты и пехоту для фортов, мушкетов требовалось еще очень много. А принимая в расчет, что со временем они начнут выходить из строя, – их надо еще больше. Но,

думаю, к концу января мушкетами будут вооружены все, и мы начнем заполнять склады. Заказ и для англичан и для французов был практически готов, и к началу января мы могли, в принципе, отгрузить им все. Но я решил так не подставляться. Верить королям – себе дороже. Так что решил отправлять небольшими партиями. Сначала деньги, а потом товар – и никак иначе. Если и кинут, то на небольшую партию и не так обидно будет.

Сам я постоянно пропадал с первым батальоном в поле. Их я выдрессировал на славу. Теперь это была настоящая армия. Все эти «хорошо», «постараюсь», «сделаю» я запретил. Теперь только как в будущей регулярной армии: «есть», «так точно», «будет исполнено», «разрешите доложить». И знамена у нас появились. На черно-синем полотнище мой герб. Очень простой: щит, на щите на синем фоне буква «игрек» рогами вниз. Что это означает? Понятия не имею. Лео не помнил, а мне и на фиг не надо. У моего батальона цифра «1» в правом верхнем углу, у второго – цифра «2». Но второй батальон был еще в процессе формирования. С оружием-то и обмундированием все в порядке, а вот с умениями хреновато. Они были в основном из вновь присоединенных деревень, да и половина из пленного ополчения изъявила желание послужить в армии. А ведь все они были деревенскими. Так что нелегко приходилось их командирам. Я треть своей первой роты отдал на командные должности во второй батальон. Сейчас там свирепствовал Курт, так что за них я не очень волновался. Ну а за первый батальон – тем более.

Учения у нас проходили каждый день. В основном марши. И пешком и бегом. От завтрака и до позднего ужина. С небольшим перерывом на обед. Походная кухня-то всегда с собой. Так что пятнадцать минут на обед – и опять вперед. Я частенько слезал с коня и шел, а иногда и бежал вместе со всеми. И питался из того же котла. Но панибратства не было. Да и какое может быть панибратство, когда у меня в руке всегда была палка, которой я охаживал без жалости нерадивых солдат. Прошло всего-то несколько месяцев, а кто бы смог узнать в этих здоровенных мужиках прежде худеньких и затуканных парнишек...

Я тоже окреп. Правда, в Шварца я не превратился, оставался таким же сухим и жилистым, но силушки прибавилось. Теперь я мог держать на вытянутой руке меч или пистолет сколько угодно, при этом беседуя с кем-нибудь. И эта железяка меня совершенно не напрягала. И с мечом я обращался довольно неплохо. До настоящего мечника мне было, как до Пекина, так сказать, ползком, но я и не расстраивался. Основное мое оружие лежало у меня в кобурах. Два в набедренных и два в седельных. И владел я теперь этим оружием виртуозно. С тридцати шагов белке в глаз,

конечно, не попаду, а вот башку точно отстрелю. С таким-то калибром. 12,5 миллиметра. Хотя сейчас и позже делали пистолы с калибром и в 18 и даже в 22 миллиметра. Вот это дуры... Нет, я даже сейчас такой после выстрела в руке не удержу. И из мушкета я стрелял чуть ли не лучше всех. Были, конечно, уникамы, которые даже из наших мушкетов попадали в прорезь рыцарского шлема с шестисот метров. Вот для них я просил Дитмара сделать четырехфутовые мушкеты. Вот это у меня и будут штуцеры и штуцерники. Из таких штуцеров мои уникамы будут ссаживать рыцарей метров за семьсот. Вот десяток таких ребят я и хотел собрать вокруг себя. Но пока рядом со мной находились двое таких стрелков. Правда, у Дитмара еще что-то не получалось, но это именно пока. Он парень толковый и упорный, своего все равно добьется. Проверено.

На личном фронте у меня все было вообще великолепно. Эльза выросла в настоящего руководителя. Я даже как-то посоветовал Гюнтеру обратить на нее внимание. Как-нибудь потом. Сейчас у нее работали больше полусотни человек, и прекрасно работали. Погреб был забит бочонками с порохом и ящиками с патронами. Она, кстати, научилась покрывать пороховые ядра камфорным маслом и добавлять туда марганец. Сама, без подсказок. Я ей только намекнул на это когда-то, а она взяла и сделала. Теперь этот порох хранился в самом дальнем углу погреба, так как мог храниться вечно. Только в моих пистолетных патронах использовался именно этот порох, так как он был самого лучшего качества. За это получила от меня в подарок десять гульденов и маленькую смирную лошадку. На которой я чаще всего и ездил прежде. Пришлось мне взять себе коня. Не боевого рыцарского, конечно, таких и было-то у нас всего семь голов, да и то три от вассалов достались, а простого верхового коника. Но мне он понравился. Главное, что смирный. Ну а в постели она, как всегда, была ураган. После нее я утром ходил шатаясь. Но и Беата от нее не отставала. Нежная и всегда веселая, покладистая и ласковая, утром я от нее тоже еле уползал. Своими ласками она меня заводила так, что я орал едва ли не громче нее. Поэтому, чтобы не свалиться как-нибудь обессиленным, я частенько ночевал со своими солдатами в походах.

Шучу – не от этого, конечно. Просто иногда мы уходили от замка довольно далеко. За эти осенние и зимние месяцы мы обошли все баронство вдоль и поперек. Курт свой батальон дрессировал точно так же. А уж сколько мы патронов сожгли – не сосчитать. Зато теперь я в своих солдатах был уверен. Пушки двигались вместе с нами. Пушкари тоже многому научились. Правда, и пороха пожгли немерено. Теперь мешочки с порохом были холщовыми, шелка на них не напасешься. Даже хозвзвод

был вместе с нами. И они тоже многому научились. И лагерь разбить, и солдат вовремя покормить, и лафет, если надо, подремонтировать. Сколько грязи перемесили – ужас. Это хозяйственникам хорошо – заскочили в свои телеги и едут посмеиваются, а мушкетерам приходилось очень нелегко. Это не летние сухие дороги. Тут на сапоги столько глины нацепишь, что получается вес троих сапог. Но ничего, выдерживали.

Рождество проводили в лагере. Я тоже. Пришлось. Отправься я в замок, Беата обидится, а если уйду в город, то обижу Эльзу. Так что пришлось встретить Рождество с солдатами и отцом Магнусом. Он меня даже похвалил, что я в такой светлый праздник не занимаюсь блудом, а провожу время в молитвах. С церковью у меня отношения были хорошие. Только в декабре я им отвалил в виде церковной десятины аж пять тысяч гульденов. Правда, отдавал я не с оборота, а с прибыли, но и от этого кошки на душе скребли, так жалко было. Отец Бенедикт при виде таких денег чуть в обморок не свалился. Нет, к церкви сейчас отношение довольно трепетное, и крестьяне, например, почти всегда платят десятину – когда есть чем платить, конечно. А вот власть имущие... Могут дать, а могут и послать. Я же, наоборот, старался с церковью поддерживать всегда хорошие отношения. Посещал воскресные мессы, исповедовался всегда; правда, кроме блуда, грехов за мной не водилось, и этот грех мне легко прощался. А тут еще и такой денежный куш...

Отец Бенедикт тут же собрался строить еще один собор в городе. Мы с ним даже сходили выбрали место под него. Решили весной начать рыть котлован под фундамент. Кстати, в одной из бесед с отцом Бенедиктом выяснилась интересная деталь. Мы поспорили с ним, когда Карл Четвертый подписал «Золотую буллу». Он утверждал, что в 1357 году, а я – что в 1356-м. Сходили даже в ратушу и посмотрели в бумагах. В самом деле: в 1357 году. Отец Бенедикт только снисходительно похлопал меня по плечу, а я «завис». Ведь прекрасно помню, что он подписал ее в 1356 году. И экскурсовод в Нюрнберге об этом же говорил. Значит, или я совсем дурак, или я не в своей реальности. А потом подумал немного и решил – а какая мне, на хрен, разница, какая сейчас и здесь реальность? Живу-то я именно сейчас и здесь. А остальное пусть идет лесом. И я выкинул весь этот бред из головы.

А так все шло у нас довольно неплохо. Дитмар заканчивал вооружать мушкетами второй батальон, вернее – полк, и обещал в скором времени приступить к пистолетам. Именно кавалерийским пистолетам. Ствол я решил у них делать не в один фут, как у меня, а в полтора. Метров на сорок-пятьдесят они доспех будут пробивать – только так. А больше и не

надо. С кавалерией противника им лучше не встречаться – слишком большие потери будут, а вот спокойно расстреливать издали пехоту противника – самое то.

К концу января закрыли оба контракта. И с англичанами и с французами. По моему настоянию, Хайнц отослал миланский доспех французам и запросил за него две тысячи фунтов серебром. И что удивительно – получил. И заказ еще на три таких доспеха. И что интересно, расплатились с нами именно французскими фунтами. Мы-то пользовались каролингским фунтом, 408 граммов, а французский фунт составлял 489 граммов, так что и в этом мы здорово выиграли. Да, неплохо мы на этих вояках наварились. Более 75 тысяч фунтов. А ведь английский фунт даже больше, чем французский, так что сколько это будет в гульденах – и сосчитать трудно. Это только Гюнтеру по плечу.

А через две недели заявила делегация от графа. Об их приближении я узнал от дозорных. Они были километрах в двадцати от нас, так что я вызвал Курта, приказал взять десяток кирасиров и ехать встречать гостей. Везти их прямо в замок, никуда не сворачивая. Потом послал человека в город за Гюнтером.

Ну вот и начинается... Видно, графушка узнал об оружии, что я продал англичанам и французам, и решил с этого что-то поиметь. Желательно всё. Вместе с баронством. Но без меня. А вот хрен он угадал. Я сидел на ступеньках донжона и поджидал гостей. Переодеваться не стал – как был в форме кирасира, так в ней и оставался. Сначала примчался Гюнтер.

– Что случилось, ваша милость?

– Послы от графа.

– И что они хотят?

– Они еще не подъехали, но что они хотят – и так ясно. Баронство они хотят. Не они, а граф. И, думаю, его он хочет без меня. Или по дороге прирежут, или при дворе графа. А вернее всего, женят на какой-нибудь профурсетке, а потом или отравят, или глотку перережут. А безучастная вдова выйдет замуж за ближайшего родственника графа и вскоре сама скончается от горячки. И все. Баронство у графа в кармане.

– И что думаете делать, ваша милость?

– Бороться, что же еще. Граф об меня еще зубы обломает. И не только граф.

– Спасибо, ваша милость. Я рад, что вы не собираетесь сдаваться.

Ну еще бы ему не радоваться. Если грохнут меня, то первым делом зачистят всех моих ближников, и он это прекрасно понимает. Так мы и

сидели с ним на ступеньках. Устраивать какие-то там приемы я не собирался, обойдутся. Обедом, может, еще и накормлю, но на этом все.

Наконец прибыли гости. Соскочив с седел, они сразу пошли ко мне. Впереди шел какой-то расфуфыренный юнец с наглым выражением лица. Не доходя до меня метров трех, он остановился, достал из-за обшлага камзола скрученный лист бумаги, развернул его и стал читать. Читал он долго и нудно, но я понял только одно: мне предписывалось незамедлительно прибыть в столицу графства город Хамм ко двору своего сеньора, графа Марка. Он свернул писульку и протянул ее мне. Я немного постоял молча и ответил:

– Так как во время нападения на наш замок взбунтовавшихся горожан граф не счел нужным оказать нам помощь, что был обязан сделать как наш сюзерен, вследствие чего погиб мой отец, считаю, что граф тем самым нарушил вассальную клятву между нами. Я по этой же причине с этого момента больше не считаю себя вассалом графа. Прощайте, господа. И не забывайте: вы находитесь на чужой земле.

Они помялись немного, потом поняли, что в донжон их пускать не собираются, развернулись и, зло сверкая глазами, сели на коней и умчались. Даже не в сторону города, а вон из баронства. Я повернулся к Курту:

– Проводи. На пару растов. И проследи, чтобы ничего лишнего не увидели. А потом пусть взвод кирасир проводит их до границы баронства, и чтобы никуда носы свои не совали. Мы тебя здесь подождем.

– Ваша милость, вы их хотя бы к обеду пригласили, что ли... Нехорошо как-то получилось, – попенял мне Гюнтер.

– Ага, а потом гонять насекомых по всему замку... Нет уж, грязнулям в моем замке не место.

– Господин барон, все забываю у вас спросить: как быть, если в город придет кто-то из благородных? Купцов-то не мытых у ворот разворачивают, а как быть с благородными?

– Так же. Даже если придет сам император – пока не помоемся и не выведет всех насекомых, в город не пускать. Подготовь указ, я подпишу. А копии повесить прямо на воротах.

– И что теперь будет, ваша милость?

– Будем ждать в гости графа, с войском. Сам он вряд ли придет, не по чину ему какого-то баронишку усмирять, а пришлет кого-нибудь из своих родственников с небольшим отрядом. А вот когда этот отряд исчезнет, то заявится уже сам.

– И когда?

– Ну, родственничек, а скорее всего – соседний барон, науськанный графом, заявится в марте. А самого графа с основными силами надо ждать в июне. В апреле и мае – посевная. Не будут же ради нас отменять такое важное мероприятие... Многие рыцари и бароны сами стараются контролировать этот процесс и на призыв графа просто не откликнутся. А вот после этого подрасться, размять косточки – это они с удовольствием. Тем более они будут думать, что это просто прогулка. Прийти, выпороть зарвавшегося мальчишку и уйти. Ну и пограбить попутно.

– Как думаете, ваша милость, отобьемся?

– Запросто. У нас сейчас около тысячи прекрасно вооруженных солдат. Правда, в бою мало кто из них побывал, но это пока, а потом это будут лучшие солдаты Германии, да и всей Европы, пожалуй. Жаль, у нас кавалерии маловато, всего-то два взвода. Надо хотя бы до сотни ее довести. Хороших лошадей не хватает. К сожалению, после пушечных залпов лошади в первую очередь погибают. Я вон даже для себя хорошего коня добыть не могу.

– Так возьмите у наших кирасир. Там есть неплохие.

– Нет, Гюнтер, так нельзя, отбирать у кирасира его четвероногого друга я не могу. Неправильно поймут. Сам себе в бою добуду. Ну ладно, Гюнтер, продолжаем работать. Вечером соберемся в замке и еще раз все продумаем. Может, наш вояка что дельное подскажет.

– Он подскажет... Кроме как мечом махать, что он еще умеет?

– Не скажи, Гюнтер. Курт за это время здорово подтянулся. Уж один-то полк ему смело доверить можно. Горяч иногда, конечно, но это пройдет. Пусть учится. И еще. Скупай порох везде, где только сможешь. Как можно больше. Пусть даже дороже будет. Бери все. Боюсь, расход у нас будет немаленький. Все. До вечера.

Я сходил в пороховой цех. Потом в патронный. Затем взял Эльзу и отправился с ней в спальню – нервы после встречи с представителем графа надо было успокоить. А какой самый лучший способ? Правильно. Или хорошее пойло, или хорошая женщина. Насчет пойла я не любитель, а вот хорошая женщина у меня была. Очень хорошая. Она мне нервы и успокоила. Так успокоила, что к обеду я вышел на подгибающихся ногах. Курт с Гюнтером понятиливо ухмыльнулись.

– Чего лыбитесь? Сами-то когда семьями обзаведетесь?

– Да староваты мы для этого, – сказал Курт.

– Ага, как служанок тискать по углам, так не староват, а как жениться, так староват. Ничего, вот полезут на нас какие соседи, побьем их, я вас на рыцарских дочках и оженю. Жаль, своих под корень вырезали. Там, небось,

тоже молодые девки были. Жаль, не сообразил тогда. Но вы не переживайте, невест у нас еще навалом будет. Кстати: то, что мы режем молодых наследников, – это правильно, а вот девчонок-то зачем? Они ведь пока замуж не выйдут, наследницами не являются. Давайте мы у нас в баронстве откроем небольшой женский монастырь и будем сплавлять их туда. Замуж после этого они уже никогда не выйдут, на наследство претендовать не смогут, и на нас крови меньше. Сегодня же переговорю с отцом Бенедиктом. Думаю, он меня поддержит. Он сейчас бредит тем, чтобы сделать наше баронство центром католической веры в Германии. Как раз в тему будет.

– Как же архиепископство Кельнское и епископство Мюнстерское, разве не они – центры?

– Отец Бенедикт говорит, что они погрязли в грехах.

– А нам нужна эта свара?

– Нужна, нужна. Папа не очень любит этих архиепископа и епископа. А у отца Бенедикта хорошие связи в окружении папы. Может, и подсобит когда чем. Если вдруг епископу тоже захочется проглотить наше баронство – может, окрик сверху его и остановит. Хоть на одного врага меньше будет.

– А ты что думаешь, Курт?

– Думаю, через речку к нам сейчас не полезут. Весна, броды ненадежные, – наше баронство как раз упиралось в реку Рур, а другой стороной граничило с герцогством Юлих-Берг, – а вот с юга местный барон с разрешения графа может и нагрянуть. У него с вашим батюшкой постоянные нелады были.

– Это хорошо.

– Что же здесь хорошего?

– Как что? Раз уж мы теперь не вассалы графа, то можем поотгрызать кусочки от его вассалов. А земля нам нужна. Нужны новые рудники, шахты. Да и пахотные земли тоже. Должен же кто-то кормить рабочих и солдат... Да и денег у нас слишком много. Куда-то же их вкладывать надо – не дело их в подвале держать. Гюнтер, а ты подумай об открытии в нашем городе банка, типа ганзейского или итальянского. Денег у нас полно, а будет еще больше – обеспечить векселя золотом и серебром всегда сможем. А это тоже неплохой доход... Короче, все ясно. Курт, отправь усиленные дозоры на границу с нашими южными соседями. Там вроде два баронства с нами граничат? Вот пусть их и контролируют. И пошли дозоры к границе с Бергом. Не доверяю я его герцогу. Слишком он шепутной. Я сейчас на завод, оттуда в город. Если что, ищите меня там.

Отправился на завод. Красота. Завод все рос и рос. Заканчивали строительство второй домны. Если сейчас отобьемся, то нашу сталь и на Востоке отрывать с руками будут. А там Левант: разные специи, шелк... Эх, наладить бы морскую торговлю! Но тут вряд ли получится. Ганзейцы не дадут. А воевать с ними – себе дороже. Они даже королей на колени ставили. Меня же просто раздавят. Только недавно, в 1370 году, они здорово навалили Вальдемару Четвертому, датскому королю, монарху очень сильного и крепкого сейчас в Европе королевства. Если только заключить с ними торговый договор... так ведь обманут – не мне с ними тягаться в торговых делах. И даже не Гюнтеру. Мы для них как дети. На Юг через Францию не прорваться. Там война. Правда, скоро должно наступить перемирие, но знаю я, что это за перемирие. И те и эти будут грабить всех подряд. По Дунаю, через Вену? Так там мой сюзерен. Самый главный. Император. Он грабить не будет. Просто отберет, что захочет, – и все. Даже и не пикнешь. Так что торговать по своим правилам и не с кем. Ладно, подумаем еще с Гюнтером, может, и придумаем что путное.

Хотя денег и так навалом. Те же ганзейцы и наш металл, и изделия из него с руками отрывают и только требуют еще. Таки да, надо развиваться дальше. Нужна еще земля. А где ее взять? Покупать замучаешься. Значит, отобрать. Так и решил: кто первый сунется ко мне с недобрыми намерениями, у того землю и отберу. Наследников, как всегда, – под нож, сам себя объявлю наследником, отец Бенедикт в своих книгах найдет упоминание о каком-нибудь нашем дальнем родстве, ведь если хорошо поискать, все мы здесь в Германии родня. Так и стану законным владельцем. А там пусть попробуют отобрать. Я не бандит какой, у меня все на законных основаниях. Ну вот, план действий на ближайшую перспективу наметил – и сразу полегчало. Надо только не забыть отвалить еще пару тысяч отцу Бенедикту.

Я ходил по заводу и удивлялся переменам. Всего несколько месяцев назад это были заурядные мастерские. А теперь это был завод. Не такой, конечно, как в двадцатом или двадцать первом веке, но все равно завод. И все это благодаря мне. Хотя что нового я привнес в нынешние технологии? Практически ничего. Все это уже было. В Китае, Индии, у арабов. Единственное – конвертер. Да и то не факт. Генри Бессемер был англичанином. Вроде он в девятнадцатом веке придумал конвертер. Но англичане как раз в это время шастали по Индии и грабили ее без зазрения совести. Вполне возможно, что и этот способ получения стали из чугуна они притащили из Индии. Это как с порохом, которым пользовались в древности и китайцы, и индусы, и арабы. Даже пушки у них были. Но в

1320 году Бертольд Шварц написал свой трактат «О пользе пороха», и все стали считать изобретателем пороха именно его. С какого такого перепуга? Так и здесь могло быть. Впрочем, могло или не могло, а конвертер у меня есть. И это замечательно. Придержаться бы его за собой еще лет двадцать-тридцать – и достаточно. Мне этого времени хватит. Для чего? Не знаю. Но то, что сидеть сложа руки не буду, – это факт. Просто не дадут. Ну а с деньгами все делать легче – и воевать и мириться.

Погулял еще по заводу. Зашел к Дитмару. Он уже наладил производство пистолетов. Пока только пару в день, но ведь и производство мушкетов никто не отменял. Просто теперь не восемь мушкетов в день выпускали, а шесть. Остальных людей он перекинул на изготовление пистолетов. А сам же колдовал над штуцером. Ну, не буду отвлекать. Походил еще и отправился в город. Моего участия в процессе не требовалось, что и хорошо. Приятно просто сидеть в кабинете и подсчитывать со своего предприятия денежки. Но зато я в свое время здорово наломался. Теперь можно и отдохнуть...

Отдохнуть мне, конечно, никто не даст, найдут чем занять своего барона, но хотя бы завод в моем участии уже не нуждается. Что интересно – я ведь и в прежней жизни был довольно ленивым человеком. Нет, не законченный лентяй, но и трудоголиком не был. И Лео все время просиживал штаны в библиотеке или лежал на кровати с книжкой в руках. А тут кручусь как белка в колесе, и мне это даже нравится.

В городе, как только добрался до дома, первым делом залез в ванну. Все мне казалось, что какая-нибудь блоха с этого графского посланника перепрыгнула на меня. Ну, это бзик на несколько дней, мойся не мойся. Хоть до дыр себя протри... Так, хватит ерундой заниматься. Нет на мне никаких блох. Позвал Беату. Мы с ней долго и упорно искали эту блоху. Сначала у меня, потом у нее, потом у обоих вместе. В общем, до ужина время провел довольно весело.

Глава 4

Больше недели было спокойно. Мы уже думали, что до лета нас оставили в покое, но тут гром грянул с другой стороны. Прискакали дозорные и доложили, что со стороны герцогства к нам движется довольно большой отряд какого-то барона. Одну нашу деревню они уже сожгли, а крестьян угнали на свою территорию. Ну, это уже свинство... Я приказал поднять по тревоге оба полка. Третью роту второго полка приказал оставить на защите города, а с остальными двинулся навстречу агрессору. Плохо, что до города от границы герцогства было всего километров тридцать. День пути. Значит, они уже на подходе. Ну, какое-то время у них заняло разорение моей деревни, но все равно уже где-то рядом.

Прискакал один из дозорных и доложил, что вражеское войско находится в двух растах, это почти девять километров. К сожалению, особо удачных мест поблизости не было, но я решил остановиться тут. Впереди те же поля. Ни леса, ни речки. Дорога проходила прямо посреди поля. Я приказал остановиться и расставить пушки. Двенадцать пушек поставили по фронту, перпендикулярно дороге, и по четыре – по флангам, расставив их вдоль дороги. Это если там кто-то окажется умный и решит ударить нам во фланг. Мушкетеров расположил повзводно, по десять человек в ряд. Один полк. Еще две роты оставил в тылу, по роте на каждом фланге в колоннах. Будут моим резервом. Кирасир тоже оставил в тылу. Нам противостоял противник посерьезнее прошлого, но тоже не особо уж грозный. Хватило бы и одного полка, но хотелось, чтобы в бою поучаствовало как можно больше людей. Пусть сами увидят, что хваленую рыцарскую конницу можно спокойно бить без особого ущерба для себя.

Конница в этот раз и в самом деле была по-настоящему рыцарской. Дозорный доложил о девяти рыцарских значках на копьях. Еще около семидесяти тяжелых копьеносцев на крупных конях и сотня легкой конницы – мечники, лучники. Пехоты было немного – около двух сотен, но хорошо вооруженной, в доспехах и с пиками. У некоторых заметили даже арбалеты. Сила, в общем, серьезная. Но даже для моего полка – на один зуб. Пушки уже зарядили, а мушкетеры свои мушкеты – еще раньше.

– Курт, ни один не должен уйти – ни один. Я им своих крестьян не прощу.

Мы стояли вплотную к шеренгам, так что мой голос слышали практически все. Пусть слушают. И пусть потом рассказывают по кабакам,

что их барон даже за своего крестьянина готов любому пасть порвать.

Наконец показалась вражеская колонна. Вернее, толпа. Конница шла по дороге, а пехота – чуть поодаль вдоль нее, чтобы пыль не глотать. Хотя и ранняя весна, но солнце уже припекает. Еще минут десять они шли спокойно, потом остановились и начали выстраиваться для боя. Четыреста метров до ближайших. Мои артиллеристы уже сбегали и воткнули прутики с тряпочками на концах через каждые сто шагов, то есть семьдесят метров. До первых рядов было пять веточек, шестую те уже затоптали. Значит, около четырехсот метров, чуть меньше или чуть больше. Но это уже несущественно. Они уже все покойники. Та же ошибка, что и в прошлый раз. Хотя им-то о ней откуда знать?.. А так все верно. Из лука до них не добить, и конница как раз успеет разогнаться, и кони не устанут.

От вражеского войска отделились пять расфуфыренных индивидуумов. Ну как же, а поговорить?..

– Курт, остаешься за меня. Элдрик, возьми трех кирасиров и за мной. – Я достал пистолеты и проверил их. Мало ли. Потом вложил в кобуры.

Мы встретились посредине, даже ближе к нашим рядам – мы-то выехали позже... Остановились друг от друга шагах в шести-семи. Один из них, самый молодой, тут же начал качать права:

– Мы пришли восстановить справедливость: ваш барон совершил бесчестный поступок. Он убил родственников рыцарей. Слава богу, родственники одного из подло убитых рыцарей смогли добраться до нас и попросить у нас защиты. Мы пришли вернуть им их замок и их землю.

– И поэтому разграбили мою деревню? Вы просто воры и разбойники, и место вам на виселице.

– Да как ты смеешь, щенок, – взвился самый молодой «попугай», – да я тебя на куски порублю! Поединок. Я, барон фон Кестлин, вызываю тебя на поединок.

– Я правильно понял – вы, барон фон Кетлин, вызываете меня, барона фон Линдендорфа?

– Да, щенок, ты все правильно понял.

– Хорошо. Поединок немедленно. Здесь. С оружием, которое при себе. Я, как вызванная сторона, имею право ставить такие условия.

– Я согласен. Мне все равно, где и чем разделать тебя на куски.

– Разойдитесь все в стороны. Все в стороны! Элдрик, как только все отъедут на десять шагов, подавай сигнал.

Все стали съезжать с дороги. Я тем временем достал один пистолет и еще раз проверил подсыпку пороха и кремень. Все было в порядке. Я взвел курок. Элдрик крикнул: «Начали!» Кестлин мгновенно выхватил меч и

тронул коня в мою сторону. Но конь – не пуля. Он сделал только шаг, а голова молодого барона уже взорвалась. Высокая задняя лука не дала ему вылететь из седла, лишь шейные позвонки хрустнули, и он свалился вперед, на гриву коня.

– Элдрик, возьми коня и доспехи – это мои трофеи.

Элдрик подъехал, сдернул труп с коня, вытряхнул его из доспехов, перерезав кинжалом крепежные ремни, прихватил меч, загрузил это все на баронского коня, и мы отправились обратно. Шлем Элдрик оставил, он был безнадежно испорчен. И зачем они выехали? Что сказать хотели? Глупо как-то получилось. Зато я хорошим конем обзавелся. Наверняка барон рванул бы в первых рядах и попал под картечный залп. Самого не жалко, а вот коня бы точно убило. Слишком он большой. Уж две-три картечины словил бы наверняка. А теперь живой. Его бы приручить как-то. Где-то я слышал, что таких коней хозяева приучают к себе с детства, вернее – с жеребьчества. Если это так, то трудновато мне будет. Но ничего: как говорится, ласка и труд все перетрут.

Мы заехали за ряды своих мушкетеров. Им, конечно, хотелось поорать, выразить мне свое восхищение, но все молчали. Дисциплина. Вот что доброе слово и крепкая палка делают. Наши противники тоже добрались до своих. Тело молодого барона утащили куда-то в тыл.

– Кто ими теперь командовать будет? Барона-то я грохнул... – спросил у Курта.

– Ты застрелил молодого барона, а рядом с ним был и старый, его отец. Не хотел бы оказаться на его месте. Единственного сына убили прямо на глазах.

– И что, больше детей нет?

– Есть еще дочка на выданье. Говорят, красавица, но очень уж разборчива. Всех женихов отправляла восвояси, а папаша ей потакал. Теперь герцог выдаст за какого-нибудь своего бедного родственника, и нос уже не поворотишь. Вот так. И принесло же их сюда...

– Да уж. Но и отпустить их мы теперь не можем. Да они и не уйдут. Старый барон наверняка захочет отомстить.

– Ну да. Вон уже строятся для атаки.

Так и есть. Впереди встал сам барон, по краям выстроились другие рыцари, дальше другие тяжелые конники. Вот конь барона сделал первый шаг. Еще и еще. Сначала шагом, потом перейдут на рысь. Это если я им позволю.

– Пушки, товсь! – закричал я. – Нечетные номера – огонь!

Грохот.

– Четные номера – огонь!

Все заволочло дымом. Я подождал Элдрика и встал на круп его коня, держась за его плечи. Так было видно лучше. Конницы у противника уже не было. Никакой. Ни тяжелой, ни легкой. Ну еще бы: по плотным рядам да чугунной картечью, да почти в упор... Крутились на одном месте около десятка ошеломленных, ничего не понимающих всадников, и все.

– Мушкетеры, на пять шагов вперед. Лейтенанты, командуйте. Пушки банить и чистить.

Мушкетеры сделали несколько шагов вперед. Залп. Еще залп. И еще. Еще три... и тишина. До пехоты было далеко для меткой стрельбы, но стреляли залпами. Больше половины пуль, конечно, уходили в молоко, но и тех, что попали, хватило. От пехоты осталась едва треть. Они побросали пики и помчались назад. Курт с кирасирами их быстро нагнал, и началась обыкновенная мясорубка. Мушкетеры тем временем примкнули штыки и пошли добивать раненых. Две резервные сотни шли за ними и вытряхивали всех из доспехов. Покойников складывали в кучу с одной стороны дороги, их барахло – с другой. Ко мне подбежал лейтенант.

– Ваша милость, баронская печать, с пальца барона сняли. – И протянул мне массивный перстень. У меня был почти такой же, болтался на шее на шнурке.

– Спасибо, лейтенант.

Он убежал. Я сунул перстень в эскарсель. Потом развернул коня, отъехал немного, слез с него. На пробивающуюся травку бросили теплую попону, и я завалился на нее.

– Курт вернется – разбудите... – И смежил веки. Кто-то накрыл меня теплым плащом.

Я лежал и думал. Что делать дальше – вернуться? Враг уничтожен, мы победили, ура-ура! А крестьяне? Если узнают, что у меня можно угонять крестьян, то так дальше и будет продолжаться. Только никто подставляться не будет. Угонят крестьян на свою территорию, и все. Вроде все шито-крыто. Здесь это часто проделывают. Но допускать этого нельзя. Так я без крестьян останусь. Кто нас всех кормить будет? И так кое-что из продуктов приходится покупать. Нет, так нельзя. Крестьян надо возвращать. Но их наверняка угнали на чужую территорию. Как только я сунусь туда – считай, объявил войну герцогу Юлих-Бергу. Не на это ли и был расчет? Мог ли герцог знать, что я отказался от графского вассалитета? По идее, нет – слишком мало времени прошло. Но могли быть у герцога свои люди при дворе графа? Наверняка. А могли они послать ему весточку? Обязательно послали. А тут уже дело техники. Герцог дает команду одному из своих

вассалов пощупать меня. При случае и пограбить можно. Я сейчас бесхозный. Жаловаться на вассалов герцога куда помчусь? Ну, конечно, к герцогу, ведь только он может найти управу на своих разбойников-вассалов... и вот я уже вассал герцога. Кое-что из разграбленного мне, может быть, даже и вернут. Как все красиво. И, главное, всем хорошо. Я обретаю сильного и справедливого сеньора. Герцог получает мою сталь, со мной или без меня – это уже не имеет значения, раз я его вассал. Соседний барон получает навар с похода в мое баронство.

И наверняка ведь герцог приложил руку к этой глупой вылазке. Ну откуда у барона столько прекрасно вооруженной пехоты? Обычно бароны пользуются ополчением, то есть мужиками с разным дубьем. А тут настоящие профи, хорошо одоспешенные и вооруженные. Одного не учел герцог – и баронская дружина, и его пехота остались лежать здесь, и их сегодня заруют. А вот мне волей-неволей придется идти в баронство Кестлин. И не просто забрать своих крестьян, а дойти до замка и взять его. Взять также город, если он есть на баронских землях, хотя про это я, честно говоря, ничего не слышал. А что я вообще знаю об этом баронстве? А ничего. Ладно, сейчас объявится Курт – уж он-то хоть что-нибудь да знает об этом злосчастном баронстве... Вон, кстати, Курт и ругается – видно, хочет ко мне прорваться, а Элдрик его не пускает. Придется вставать. И я поднялся.

– Громче скандалить не могли? – сурово спросил у них, хотя самому хотелось расхохотаться, такие потешные и виноватые лица у них были.

– Простите, ваша милость, что прервал ваш отдых, но мы закончили. Всех порубили, ни один не ушел.

– Как не ушел? А где пленные? Кто яму под покойников копать будет? Ты сам, что ли? – Я даже опешил. Вот ведь дуболом... А мне так хотелось пообщаться хоть с одним пехотинцем. Хотел узнать, откуда они вообще взялись у барона фон Кестлина. И мушкетеры уже всех покололи. Да, «Ordnung ist Ordnung» – «порядок есть порядок»; что приказали, то и делай и не умничай. Ладно, в следующий раз буду отдавать более вразумительные приказы.

– Да сейчас отправлю кого-нибудь в город. Пришлют рабочих и закопают. Все равно святого отца надо, чтобы молитву прочитал.

– Пусть передаст там, что все тряпки с покойников достанутся рабочим.

– Ну, тогда работников набегит больше, чем покойников! – рассмеялся Курт.

– Дальше. Обоз захватил?

– Да какой там обоз... Пустые телеги, грабить ведь шли. Там лишь то, что в нашей деревне взяли. Вернее, только продукты. Остальное с крестьянами, видно, отправили.

– Ясно. На телеги грузи доспехи и оружие и отправляй все Гюнтеру, он найдет куда пристроить. А лучше сразу на завод, пусть отремонтируют сначала. Ездовых хоть не перебил?

– Никак нет, ваша милость. Помяли слегка, и все.

– Отправляй с ними десяток из второй роты, а лучше всю роту. Непокойно что-то на душе. Пусть останутся охранять город. Десяток кирасир оставь дожидаться городских, потом нас догонят. А мы собираемся – и вперед.

– Куда, ваша милость?

– Нанесем ответный визит. И там наши крестьяне.

– Но это ведь уже герцогство...

– А мне плевать. Моих крестьян угонять никому не позволено.

Пока я приводил себя в порядок, полк был построен, и мы двинулись вперед. Километров через пять, или меньше чем один раст – никак не приучу себя пользоваться местными мерами расстояния, – остановились на привал. Плотно пообедали и отдохнули с полчаса. Люди еще не вышли из горячки боя, поэтому решил успокоить эту горячку их потом. Поднялись и пошли. Взвинтил темп до максимума, так что к вечеру все еле стояли на ногах. Сожженную деревню прошли не останавливаясь. Встали только на границе с герцогством. Никаких пограничных столбов здесь не стояло, и пограничники с собаками тоже не ходили. Просто все знали, что здесь еще графство Марк, а вот там – уже герцогство Берг. Только в деревне, недалеко от границы, находился таможенный пункт, который взимал пошлину за провоз товаров через границу. А если ты без товара, то иди куда хочешь, никто тебя не остановит. В моей сожженной деревне тоже был такой пункт. Что, интересно, случилось с таможенниками? Могли и перебить их, сволочи. Они хоть вояки так себе, но прибежали бы и пожаловаться на разбой могли. Но не прибежали. Ладно, разберемся.

Утром перешли границу и двинулись уже по герцогству. Шли совершенно спокойно, как по своему баронству. Вокруг были поля, поля, поля... Курт мне объяснил, что баронство Кестлин имеет очень хорошие и плодородные земли. Снабжают чуть ли не всю округу зерном. Довольно крепкое и богатое баронство. И с чего их на подвиги потянуло, непонятно. Они вообще со всеми мирно всегда старались жить. Нет, воевать, конечно, воевали, тут без этого никак, но первыми ни в какие заварушки не лезли. Вот так. Один раз полезли – и нет баронства. Что с ним делать, я уже

решил. Раз уж все равно с герцогом бодаться, так хоть будет за что. Оставляю это баронство себе. Теперь это баронство Линдендорф-Кестлин. А пахотные земли мне ой как нужны. Рабочих все больше и больше, да и армия меньше не становится. И все хотят кушать. А у меня в баронстве все больше железо да уголь. Хотя, думаю, и здесь этого добра полно. Копать только надо поглубже. Только кто ж этим заниматься будет? Вот лет через пятьсот и здесь все раскопают. Все-таки Рурская область.

К замку Кестлин подошли на третий день к вечеру. Кирасиры тут же его окружили, чтобы никто не удрал. А мы встали лагерем в километре от замка. Задымили походные кухни. Продукты у крестьян покупали, отбирать что-то я строго запретил. Зачем грабить теперь уже своих крестьян? Угнанных, кстати, обнаружили в большой деревне недалеко от замка. Не в самой деревне, конечно, а рядом – в поле, в шалашах. Отвезли им одну полевую кухню и накормили от пуза, а то они там голодали. Кормить-то их никто не собирался.

Утром отправил одного кирасира с предложением открыть ворота. Его обстреляли из луков. Хорошо что у него щит был, а то грохнули бы парня. А вот коняшка таки словила стрелу. До лагеря-то дошла – и свалилась. Ну вот, и на мясо тратиться не придется. Я расставил лучших стрелков вокруг замка с приказом снимать любого, кто высунет свою дурную голову. Потом поставил две пушки напротив ворот метрах в трехстах и долбанул по воротам ядрами. После второго залпа ворота – вернее, то, что от них осталось, – влетели во двор замка вместе с герсой. Пушки зарядили картечью и, когда защитники замка выстроились напротив ворот для их защиты, дали залп. Потом вперед пошли мушкетеры с приказом стрелять во все, что шевелится. Мне лишние потери не нужны. Но все это не понадобилось. Сначала на донжоне стали размахивать какой-то тряпкой, потом прибежал трясущийся толстячок в сутане и объявил, что замок сдается. Ну, сдается так сдается. Я пошел внутрь.

Да, картечь шуток не понимает. Весь двор замка был завален кусками тел. Приказал своим мушкетерам поковылять из щелей слуг и заставить их тут прибраться. Жары еще нет, но через день вонять наверняка начнет. Так что приказал воды не жалеть. Оставшихся в живых воинов велел разоружить и запереть в подвале. Не бить. Разрешил только набить морду тому лучнику, что подстрелил лошадь. И то только одному – хозяину лошади. Потом вошел в донжон. Такой же, как и у меня, только четырехугольный. Поднялся наверх. В гостиной стояла девушка с гордо поднятой головой. Видно, это и есть та самая недотрога, дочка барона. А и в самом деле очень даже ничего. Да чего там – просто красавица. Хотя

наверняка не студентка и уж точно не комсомолка. Что и к лучшему.

– Что с моим отцом? – довольно твердо спросила она.

– Погиб в бою.

– А брат?

– Его я убил в поединке.

– Вы?.. Кто вы?

– Я барон Линдендорф. Тот, кого ваш отец с вашим братом шли убивать.

– Неправда.

– За вашей деревней – мои крестьяне. Все, кто остался в живых после того, как ваш отец сжег их деревню. Их уже три дня не кормили, а ведь с ними маленькие дети. Идите и поговорите с ними. Впрочем, мне на ваше мнение плевать. Сейчас я думаю, что же с вами делать.

– Будете сами насиловать или отдадите своим кнехтам?

– Нет, насиловать вас никто не будет. От вас слишком дурно пахнет. И насекомых на вас чересчур много. Мои солдаты слишком чистоплотны. Не говоря уж обо мне.

– Я слышала что-то о бароне-чудаке, помешанном на чистоте.

– Я этот чудака и есть. И всякую грязь я и в самом деле не переношу.

– Но святая церковь осуждает частое мытье...

– Осуждает, но не запрещает. Выбор делает сам человек. Но хватит об этом. Я еще не решил, что же мне с вами делать. Убивать вас сейчас уже не очень хорошо. Жаль, что вы не погибли при осаде. Придется подстричь вас в монахини. У меня в баронстве есть один маленький женский монастырь. Сестрам там, конечно, нелегко – приходится много трудиться, но живут же... И милостыня выжить помогает. Думаю, вам хорошо будут подавать.

Она застыла от ужаса. В глазах плескался страх. Даже не просто плескался, а выплескивался из глаз, и его можно было ощутить.

– Да вы присядьте, баронесса, а то грохнетесь еще в обморок, голову разобьете, а меня потом обвинят в убийстве беззащитной девушки.

Она осела на стул. Я сел напротив и стал довольно нахально ее рассматривать.

– Почему вы так на меня смотрите?

– Да вот думаю: если вас отмыть, причесать, приодеть – симпатичная девица получится. Может, жениться на вас?

– И мое баронство станет вашим? Никогда.

– Это баронство уже мое. Отдавать его я никому не собираюсь.

– Герцог так этого не оставит.

– Плевать я на него хотел.

- Надеетесь на своего сюзерена?
- Я отказался от вассалитета.
- Вы сумасшедший?
- Немного. Ну так что: в монастырь или под венец?
- Да.
- Что да?
- Я согласна.
- На что вы согласны?
- Под венец, – тихо ответила она, низко склонив голову.
- Хорошо. У вас в замке есть мыльня?
- Она вылупила на меня с непониманием глаза.
- Вызовите своих служанок.

Она подошла к маленькому столику, взяла с него колокольчик и потрясла им. Тут же в комнату влетели две девицы.

– Так, курицы, принесете в спальню к госпоже большую бочку, наполните ее горячей водой и отмоете хозяйку как следует, с мылом. Сами тоже не забудьте вымыться. Все ваши наряды прожарите на горячем пару. Увижу на ком хоть одно насекомое – вас повешу, а вашу госпожу подстригу в монахини в самый захудалый монастырь.

Потом нашел попика, вернее, священника: попы – это у православных, хотя мне, как говорится, что в лоб, что по лбу. В будущем-то я на них не очень и внимание обращал. Это здесь приходится постоянно подмазывать, чтобы на костер вдруг не угодить. Вот и этот тоже сначала начал упираться. Стал мне доказывать, что венчание – это очень важный ритуал и его нельзя проводить вот так, с бухты-барахты, что должна быть сначала помолвка... и так далее. Но мешочек с сотней золотых гульденов мгновенно решил все вопросы, и он тут же умчался готовиться к этому столь сложному таинству. Через час показалась наконец невеста. Совсем другое дело. Волосы приобрели легкий золотистый оттенок, а раньше была просто серая блонди. Щечки зарозовели. Даже глаза, казалось, стали синее. Камиза и котта на ней после прожарки были чуть влажными, но я накинул на нее свой шерстяной плащ, чтобы не застудилась.

– Фройляйн^[8], теперь вы и в самом деле стали настоящей красавицей, а то выглядели как лесная жительница какая, ей-богу. Пойдемте, священник ждет нас.

- Как ждет?.. Зачем?
- Как это «зачем»? Венчаться.
- Но так же нельзя! – Ну вот, опять та же песня... – У меня даже подружек нет!

– Служанки сгодятся.

Я подхватил ее под руку, и мы пошли в часовню. С моей стороны были Курт и Элдрик. Венчание прошло довольно быстро, я и заскучать не успел. Наконец мы оба сказали свое: «Да», – и вышли на воздух. Часовня хотя и была довольно большая (для часовни, конечно), но людей набилось много, и дышать было тяжело. Близко к нам никого не подпускали мушкетеры, опасаясь блошиной диверсии. Не хватало нам еще при венчании нахвататься блох и вшей... Выйдя из часовни, немного отдышались и отправились праздновать.

Праздновать пришлось в донжоне, хотя планировалось в шатре за замком, уж очень запах в донжоне был специфичный. Но меня отговорил Курт. Все-таки начинать жизнь с женой с оскорбления – ведь игнорирование дома жены из брезгливости будет настоящим оскорблением – нехорошо. Интересно, а то, что я несколько дней назад пристрелил ее брата и, можно сказать, убил ее отца, – это не оскорбление? Нет – оказывается, это просто война, такое бывает. Тем более я тогда еще не знал, что захочу на ней жениться. Пришлось с ним согласиться. Пиршественный зал хоть немного привели в порядок, и можно было хотя бы не опасаться, что тебе в кубок свалится клоп или еще какая гадость. За столом Курт сидел рядом со мной. Улучив момент, я у него тихонько спросил:

– Слушай, Курт, я в часовне не расслышал... ты не подскажешь, как ее зовут?

– Кого?

– Кого, кого... Жену мою.

У него глаза вылезли из орбит, и он закрыл рот рукой. Потом согнулся и стал сотрясаться, как от рыданий. Я пнул его ногой под столом. Вот сволочь, у сеньора проблемы, а он ржет. Наконец он выпрямился, потом прокашлялся. Затем наклонился к моему уху и сказал:

– Амалия фон Кестлин.

– Ну вот, сразу бы так. А то веселится незнамо с чего...

Народу было совсем немного, только мои офицеры и две подружки невесты. Они же ее служанки. Ну и священник, конечно. Кухня была так себе. С моей не сравнить. Тем более после того как я надиктовал своим поварам кучу рецептов. Но ничего – сидели, ели, пили. Я, правда, пил, как всегда, вино, разбавленное водой. Амалия наклонилась ко мне:

– Баронство – ваше. Теперь вы меня убьете?

– С какой это стати? Баронство и так было мое. А женился я на вас потому, что вы и в самом деле замечательная девушка. – Женился я на ней,

в общем-то, и в самом деле из-за баронства, вернее, чтобы придать легитимность захвату баронства. А в остальном я говорил правду – она и в самом деле очень даже ничего. Как раз в моем вкусе. Конечно, если б не баронство, я бы и не подумал жениться. Рано мне еще. И я загрустил. Надо же, ведь осенью мне исполнилось пятнадцать лет, и никто об этом не вспомнил. Я-то забыл – ладно, а другие?

– Вас что-то гложет, муж мой? Вы вдруг загрустили...

– Да вот вспомнил – осенью мне исполнилось пятнадцать лет, а я об этом только сейчас вспомнил. В день своей свадьбы.

– Вам всего пятнадцать?.. Я думала, вам не меньше двадцати. И как это вы только сейчас вспомнили? Вас что, никто не поздравлял? И как можно забыть про свой день рождения?

– Значит, можно. Я очень занятой человек и о пустяках частенько забываю. А поздравлять меня просто некому.

Она уткнулась в тарелку и долго сидела молча. Наверное, думала, что ее теперь, в общем-то, тоже некому поздравлять с днем рождения.

– Знаете, Амалия, раз уж мы теперь женаты, то давайте перейдем на «ты». И еще. Я буду называть тебя Ами, а ты можешь называть меня Лео. Я себя сам именно так и называю.

Она вроде начала улыбаться. Тут приоткрылась дверь и в нее просунул голову кирасир, подав какой-то знак Курту. Тот встал и вышел. Через несколько минут он вернулся.

– Что случилось, Курт?

– Нападение. Два барона с юга объединились и вторглись в наше баронство.

– Проклятье. Только праздник испортили, скоты. Хотя это и к стати.

– Как это? – удивился Курт.

– Просто. Сейчас у меня два баронства, а скоро будет четыре, и я спокойно могу надеть графскую корону. Жаль только, праздник испортили и оставили нас с моей женой без брачной ночи. – Амалия сразу покраснела. – Ничего, Ами, мы с тобой еще наверстаем.

Я поднялся. Поднялись и все офицеры.

– Нападение на баронство. Объявляю боевую тревогу. Выступаем через час. Вторая рота второго полка остается здесь. Лейтенант Зиммель, в ваше распоряжение поступают пушки первой роты вашего полка. Замок укрепить. При нападении превосходящих сил противника в сражение не вступать, удерживать замок. Слать мне гонцов с докладами. Учения проводить ежедневно. И наведите в замке порядок, а то свинарник какой-то. И постройте две мыльни, одну для солдат, другую для слуг. Это теперь

наше баронство, и законы здесь действуют наши. Объясните это слугам и жителям близлежащих деревень. Мою жену с подружками усадите в возок, они едут с нами.

Через час мы выступили. Время было послеобеденное, и, наверное, лучше было бы переночевать в замке и выступить рано утром, но я опасался, что солдатики в честь свадьбы своего барона примут лишнее на грудь и завтра будет не марш, а клоунада. А сейчас все трезвые. Народ только примеривался кто к пиву, а кто к вину, а тут тревога. Кайф я им, конечно, обломал, но ничего, злее будут. Тем более они видят, что их барон не нежится в объятиях молодой жены, а топает вместе с ними. Я и в самом деле то шел пешком вместе с солдатами, то ехал рядом с ними же на коне. Коника я оставил прежнего. Не хотел Ами расстраивать. Все-таки видеть перед глазами мужа, сидящего на коне убитого им брата, – это как-то... Ничего, я себе другого добуду. Тем более что появилась возможность.

В принципе, ничего такого неожиданного не случилось. Ведь я ожидал нападения южных баронов? Ожидал. Правда, не так скоро. Я рассчитывал, что недели две-три у меня есть. Пока граф очухается от моей наглости, пока примет решение, пока гонец доберется от Хамма до южных баронов, пока те прочухаются и соберут силы... А оно вон как получилось. Хреново. Сколько же деревень они разорят? Хорошо хоть не забыл и дал команду Зиммелю кормить наших крестьян и выдать им материалы для постройки временного жилья. Надо бы отправить их обратно, но там опять война. Нарвутся еще на каких отморожков...

Ну что ж, бароны сами подписали себе смертный приговор. И себе, и своим близким. Мне скандальных наследников не надо. А баронства хороши. И в одном и в другом – выходы как железной руды, так и угля. Это я теперь развернусь! Только бы от герцога отбиться. Баронства Кестлин он мне не простит. И хотя я владею баронством теперь по праву, но признавать себя его вассалом не собираюсь. А это ему как серпом по одному месту – вдруг еще кто такой умный и наглый найдется? И где тогда будет герцогство? Нет, обязательно припрется. Вот летом и припрется. Граф-то теперь вряд ли сунется. Если этих двух баронов я прищучу, то сил у него справиться со мной уже не будет. У меня ведь уже четыре баронства будет. Нет, он, конечно, может попытаться, и, может быть, у него что и получится, но сил он потратит столько, что ближайшие соседи его сразу проглотят. А соседи у него еще те. Один герцог Юлих-Берг чего стоит. Да и епископ Мюнстера не лучше. Епископ-то он епископ, но прибрать что плохо лежит – всегда первый. И вояки у него тоже неплохие. Так что нет, граф не сунется. Будет выжидать. Вот если герцог меня раздавит, то тогда поднимет

хай и потребует возвращения своих исконных земель. Но уже у герцога. А там как император решит.

Шли мы долго, даже ночью, при свете факелов. На привал встали поздней ночью. Заставил всех людей плотно поужинать и только потом лечь спать. Ами со служанками уже давно спали, поэтому будить их не стал, а завалился на попону, как всегда.

К вечеру второго дня перешли бывшую границу между баронствами. Прошли при свете факелов еще пару растов, устроились на ночлег. Ами за эти дни я видел всего несколько раз, да и то мельком. Утром желал доброго утра, ночью ничего не желал, потому что, когда мы останавливались на ночлег, она уже спала. Лезть к ней в кибитку не захотел. Она бы мне, конечно, не отказала, но заниматься любовью с немойтой девушкой, да еще и в скрипучем возке.... Брр. Да и служанок девать некуда было. Не спать же девчонкам на земле? Застудят еще себе все что можно застудить, потом рожать не смогут. А это не дело.

Поднялись еще до рассвета, быстро позавтракали и пошли дальше. В принципе, через два – два с половиной часа подойдем к городу. Что нас там ждет? За сам город я не волновался, туда хрен прорвешься. Я переживал за завод. По суше к нему не подойти – форт не даст. А вот с реки могут. Это слабое место. Пушки туда только ядрами добьют. А это для противника не так страшно. Можно и бомбами попробовать достать, но ведь надо еще и попасть, а это на таком расстоянии не так просто. Если найдут лодки, то могут быть неприятности. У Хайнца вроде была пара уже готовых пушек. Мог выкатить на берег и встретить картечью. Картечь у него есть, сам делает. Пороха, правда, нормального нет, но можно и дрянным пару залпов дать. Там речка не широкая – метров сорок всего.

Примчался разведчик и доложил, что армия двух баронов подошла к городу только вчера вечером. У меня от сердца отлегло – ничего страшного натворить, сволочи, еще не успели. Остановились они в километре от форта. Это был не дальний к нам форт, но и не ближний. Как раз посередине. Только-только начали подниматься. Мы тут же изменили направление движения. Зайдем им в тыл и зажмем между нами и фортом. Двигаться нам как раз за холмами чуть больше часа. Пока они все проснутся, пока позавтракают, тут и мы подоспеем.

Так и вышло. Когда мы вынырнули из-за холма, они только начинали седлать лошадей. Мы подошли к ним на расстояние метров четырехста и начали устанавливать пушки. Мушкетеры уже заняли свои места. Наконец пушки установили и зарядили. Тут от войска противника отделились несколько человек и собрались направиться к нам. Но я ждать не стал – к

чему ненужная говорильня, тем более, пока мы будем языками чесать, они выстроятся для атаки.

– Пушки, товсь, – закричал я, – нечетные номера – огонь! Четные номера – огонь! Пушки банить и заряжать. Мушкетеры, пять шагов вперед. Лейтенанты командуют.

Ами залезла на крышу возка и наблюдала оттуда. Оставлять возок и наши телеги с боеприпасами где-то в тылу я не решился. Вдруг кто-то из разбегающегося воинства нарвется на них? Мы с кирасирами стояли с фланга, поэтому все было хорошо видно. В лагере баронов творилось что-то ужасное. Картечь накрыла большую часть лагеря, но так как солдаты стояли не в плотном строю, то было много живых, которые просто не понимали, что вокруг творится. Да еще и лошади взбесились и носились по лагерю, давя всех подряд. А рыцарский дестриэ – это около тонны живого веса, и если с такой тушей столкнуться, то мало не покажется.

Пушки дали еще два залпа. Командовал в этот раз Курт. А я стоял и наблюдал. После этих двух залпов сопротивляться противник уже не мог. Разрозненные группы расстреливались нашими мушкетерами. Другие стали разбегаться в разные стороны. Я подозревал Курта:

– Бери кирасир и обойди лагерь с двух сторон. Живых быть не должно. Будут они сдаваться или нет, мне все равно. Живые мне не нужны. Вперед.

Я повернул коня и подъехал к возку. Ами сидела на его крыше, поджав колени к подбородку и обхватив их руками. Она с ужасом взирала на то, что происходило в лагере. Картина была и в самом деле жутковатая. Строй мушкетеров, уже в одну шеренгу, охватил лагерь и спокойно расстреливал тех, кто еще подавал признаки жизни. Стреляли они теперь не залпами, а били на выбор. Едва заметив где-то шевеление, в ту сторону сразу посылали пулю. Потом они примкнули штыки и пошли по лагерю, то и дело протыкая кого-нибудь острием.

Ами закрыла лицо руками. Я не стал ее успокаивать и говорить какие-то глупые слова утешения. В конце концов, она живет в то же время, что и я. И она прекрасно знала, что ее папаша с братцем отправились в мое баронство не ромашки собирать. Я понимал, что она сейчас видит на месте этих несчастных своего отца, брата и их солдат. Что с ними случилось, было понятно из увиденного.

– Лео, разве твои солдаты не могли быть не столь безжалостны?.. Ведь там были и раненые, и многие хотели сдаться, я сама видела, как они бросали оружие, садились на землю и закрывали голову руками...

– Нет, Ами, не могли. Не вини солдат. Это мой приказ – пленных не брать. Они пришли на мою землю грабить, убивать, насиловать и должны

здесь остаться навсегда, в земле. Чтобы другим неповадно было.

– Но бароны всегда ходили походами друг на друга. Дрались, мирились и снова дрались. Так всегда было.

– Пусть так и будет, но не на моей земле. Кто придет на мою землю незванным и с оружием, тот умрет. Когда твой отец пришел на мою землю, он сжег первую же попавшуюся ему деревню, половина крестьян погибла. Всех женщин изнасиловали.

– Но это же были простые крестьяне...

– Это были мои крестьяне, мои люди. Господь поставил меня над ними для того, чтобы я заботился о них и защищал их. Я так и делаю. Я еще не знаю, что натворили эти ухари на моей земле. Говорили о нескольких разоренных деревнях. Если пострадали мои люди, то я пойду в их земли.

– И будешь жечь их деревни и убивать их крестьян?

– Разве я разорил хоть одно селение в твоём баронстве, пока шел к твоему замку? Разве пострадал хоть один безвинный? Мы даже продукты у крестьян не отбирали, а покупали. И в их землях будет так же. Будут наказаны только виновные и их семьи.

– И привезешь оттуда еще одну жену?

– Не волнуйся. Таких, как ты, больше нигде нет. Сейчас тебя отвезут в мой замок. Вилда там тебе все объяснит. Я к ночи вернусь.

– Кто такая Вилда?

– Вилда – старшая служанка. И вообще, в замке она всем заправляет.

– Но она же женщина...

– Ну и что? Все, лезь в возок – и езжайте. У меня еще много дел.

Потом началась обычная рутина. С покойников сдирали доспехи, собирали оружие, ловили выживших лошадей. Примчался Хайнц:

– Ваша милость, вы, как всегда, вовремя. Не успею вы подойти, неизвестно, что было бы.

– А ничего не было бы. Замок им никак не взять. К городу бы их форты не подпустили. Но бед натворить могли много. И о заводе я беспокоился. Вот смотри, с суши к заводу форт бы их не подпустил. А река?

– Что река? – И он стал скрести свой затылок.

– А то. Нашли бы они десяток лодок да переправились бы прямо на завод. Спустились бы сверху по течению и высадились на заводскую территорию. Или поднялись бы снизу. Поэтому надо будет на берегу, повыше, подготовить площадки и держать там пушки. Четыре или даже шесть. Стрелять среди заводских многие могут, да и подучить кого еще можно. Тогда к заводу вообще никто не прорвется. Так что действуй.

Объявился наконец Гюнтер. Этот был совершенно спокоен.

– Так, Гюнтер, а ведь с обороной у нас кое-какие проблемы есть. Форты, конечно, перекрывают все подходы к городу, но конница все же между фортами прорваться могла. Большую часть противник потерял бы, но остальные могли бед натворить. Город-то уже давно за стены вылез. Представляешь, что бы они наделали, пока их не перебили? Сколько людей погибло бы? Поэтому надо между основными фортами, поставить небольшие, на пару пушек, чтобы те, кто прорвался мимо основных фортов, нарвались бы на малые. Тут им и конец. Реши это на заседании магистрата. Половину затрат я беру на себя.

– Хорошо, ваша милость. Говорят, вы с молодой женой вернулись?

– Есть такое. Теперь баронство Кестлин тоже наше. Так что принимайся за работу.

– Ваша милость, как же так, – аж подпрыгнул от известия о моей женитьбе Хайнц, – что же вы не сообщили?.. Мы бы подарок приготовили. Нехорошо как-то, без подарка-то.

– Так уж получилось, Хайнц. Выхода другого не было. Надо было быстро решать.

– Так быстро, что даже имени невесты не узнал. Только после венчания поинтересовался, – ляпнул Гюнтер и захохотал.

– Курта, что ли, встретил?

– Ну да. Пока ехал из города сюда, как раз и встретились. Он тоже скоро будет.

– Трепло он, твой Курт. И знал я ее имя, забыл просто. На венчании его святой отец произносил.

– А ты не расслышал и переспросить постеснялся, да?

Теперь хохотали они оба. Ну, Курт, скотина... Встретился на полминуты – и все растрепал.

– Ладно вам, девчонка и в самом деле вроде неплохая. И баронство ее теперь мое на законных основаниях.

– А герцог?

– А идет он лесом.

И они снова расхохотались. Тут как раз подскакал Курт. Соскочил с коня и подошел.

– Господин барон, ваше приказание выполнено. Ни один не ушел, – произнес он обычную уже фразу.

– Ладно, трепач, молодец. Так, Курт, сегодня все отдыхают. Завтра тоже. А послезавтра с утра пораньше выступаем. Хотя нет. Одного дня отдыха хватит. Надо ковать железо, пока горячо. Так что завтра выступаем.

Распорядись. Гюнтер, горожан сюда. Хоронить этих. Все тряпки – горожанам. Вечером оба подойдете, посовещаемся. А ты, Хайнц, лей еще пушки, и Дитмар пусть делает мушкеты. Земли у нас теперь много, а будет еще больше, и везде надо гарнизоны держать. Ну все, я в замок.

– Ваша милость... – И Курт протянул мне еще две баронские печати.

– На стену их вывешивать, что ли?.. – проворчал я, засовывая их в эскарсель. – И еще, Курт: подбери мне коня посolidнее, а то вечно подсовываешь каких-то кляч.

Сел на коня и поскакал в замок. Здесь теперь и без меня разберутся.

В замке все бегали, суетились. Вилда просто сияла. Видно, не очень-то ей нравилась моя связь с Эльзой. Кстати, об Эльзе. Надо сходить проведать. Прошел в пороховой склад. Эльза была там. Как всегда, красивая и строгая. А вот глаза были красные. Видно, что только что плакала.

– Здравствуй, Эльза.

– Здравствуйте, ваша милость, – склонила голову она.

– Пойдем, покажешь свое хозяйство.

Мы прошли по цехам. Работа кипела. Патроны теперь клеили аж десять троек работников. Да и с порохом все было хорошо.

– Молодец, Эльза. В наших победах есть и твоя заслуга, и твоих людей. А потому премия всем работникам по гульдену, а тебе – полсотни.

– Благодарю, ваша милость.

Мы прошли в ее маленькую конторку, огороженную в углу сарая.

– Ваша милость, вы меня теперь выгоните?

– С чего это ты взяла? Что за глупость...

– Но как же: молодая жена...

– Ну и что? Ты прекрасно справляешься с порученным тебе делом. Работай дальше и не беспокойся ни о чем.

Она засияла. Я повернулся к выходу, потом оглянулся и подмигнул ей. Притянул к себе и шепнул в ушко:

– Мы с тобой еще и помоемся вместе как-нибудь...

Потом мы вышли из конторки.

– Какие запасы у нас уже имеются?

– Один погреб занят полностью, теперь заполняем второй. Если вы позволите, то лучше бы в одном погребе хранить только порох, а в другом – только патроны.

– Хорошо, так и делай. И еще: подготовь помещение, можно и наверху, но сухое и с хорошей вентиляцией. Прикажу завозить сюда картечь и бомбы. Бомбы пустые, наполнять их порохом и картечью будем уже здесь. К сожалению, с запалом пока не ладится, но ничего, придумаем что-нибудь.

– Позвольте, ваша милость, и мне над этим поработать.

– Хорошо, работай. Но не во вред основному производству. И будь осторожной. Сама знаешь, порох шуток и разгильдяйства не прощает.

Повернулся и ушел. Ну вот, одну успокоил и даже обнадежил. Вот бы так просто и с Беатой обошлось... Хотя с ней полегче, она не такая импульсивная и примет все более спокойно. Вообще, странный я какой-то барон: другой бы и не думал об этом вообще – подумаешь, служанки... а я хожу переживаю. Наверное, больше, чем сами девчонки. Для них-то это все в порядке вещей. Ладно, потом и с Беатой поговорю, успокою. Все равно таким, как другие, мне не стать, так что буду поступать так, как считаю нужным и правильным.

Пошел в донжон. Поднялся на второй этаж – никого. Прошел на женскую половину. Сюда я как-то заходил, но тут было полное запустение, одна пыль повсюду. Сейчас пыли не было. Все сверкало чистотой. Мимо проносились служанки с какими-то тряпками, щетками. Заглянул в одну комнату – пусто, заглянул в другую и... Это я удачно зашел. Моя благоверная стоит в одних коротеньких брэ, а вокруг нее суетятся ее служанки. Прикладывают к ней какие-то куски материи, что-то измеряют веревочкой. Все трое как-то сдавленно пискнули. Ами прикрылась руками, а служанки забились в угол. Почему-то они меня боялись до ужаса – наверное, считали каким-то малолетним чудовищем. Ну да, все верно, сначала перебил до единого все их воинство и даже, трудно представить, их баронов. Потом нагло, без всяких куртуазностей, затащил их госпожу под венец. Затем, никого ни о чем не спрашивая, потащил их всех бог знает куда. А теперь еще врывается к знатной даме, не выспрашивая полчаса разрешения под дверью.

– Чего попрятались, курицы? – спросил я служанок. От этого они затряслись еще сильнее. – Ами, а ты чего вся скукожилась?

– Но, господин барон, так же нельзя – это просто неприлично...

– Что неприлично? Зайти к собственной жене? Что за глупость?

– Но я же не одета...

– Ну и что? Ты моя жена, и раздетой я тебя буду видеть намного чаще, чем одетой. Тем более что выглядишь ты и в самом деле прекрасно, – говоря это, я обошел вокруг нее, – да, прекрасно. Грудь, правда, хоть и красивой формы, но маловата. Но после первых родов она увеличится. Да, кстати, глядя на твою грудь, я придумал интересную штуку. Ну-ка вели своим курицам принести листок бумаги и карандаш.

И бумага и карандаш у меня всегда были с собой, но надо же было как-то их расшевелить. Тут же нашлось и то и другое. Я сел за стол, смахнув с

него какие-то тряпки.

– Иди сюда, Ами.

Она, все так же прикрывая грудь руками, подошла к столу и встала у меня за плечом. Я нарисовал обыкновенный бюстгальтер. Не надо думать, что его изобрели в будущем. В будущем его только немного облагородили. Уже сейчас существовали некоторые его подобия. Например, в женских коттах делали специальные мешочки, которые поддерживали женскую грудь. Я только изобразил эти мешочки отдельно от котты, с твердыми вставками, с застежкой на спине и с бретельками.

– Можно эту штуку шить из шелка, он мягче и нежнее. Ну что, твой муж молодец или нет? Достоин он поцелуя? Остальное, думаю, оставим на ночь, – сказал я, улыбаясь и глядя на нее.

Она держала рисунок в руках и даже забыла об открытой груди. Зато я не забыл, и мне нестерпимо хотелось хотя бы прикоснуться к ней, а лучше... Нет, оставим это все и в самом деле до ночи, а то только перепугаю ее. Обе служанки разглядывали рисунок из-за ее плеч.

– Если возникнут трудности с изготовлением, обращайся. Все, Ами, я пошел. Пообедаю с солдатами. Встретимся за ужином.

Я повернулся и вышел из комнаты. Ну, теперь она будет очень занята этим, несомненно очень нужным женщинам, новшеством и за этими заботами немного успокоится. Хотя бы не так сильно будет переживать о погибших родственниках и далеком родном доме. Ну, и я, конечно, ночью ей в этом помогу.

Спустился вниз, сел на коня и не спеша отправился в воинский лагерь. Надо было посмотреть, не добрались ли до него захватчики. Там все-таки было много складов. В основном продовольственных и вещевых, но и порох там хранился, уже развешенный для пушек, и картечь. Но, к счастью, до него они не добрались. Опоздай мы на день – все бы разграбили. Мы бы все вернули, естественно, но порушенное пришлось бы восстанавливать. А то, что они бы все разрушили, – это понятно. Да, лагерь тоже надо укреплять. Надо, надо, все надо. А когда? Завтра надо идти в эти баронства и застолбить их за собой, пока граф не подсуетился и не поставил туда своих людей. Да и наследники могли остаться. Надо как можно быстрее с этим разобраться.

Пообедал в первой роте первого полка. Солдаты, правда, уже поели, но и мне осталось. Готовили много, так что есть можно было сколько влезет. Сначала солдаты так и делали, обжирались до одурения, но теперь, слава богу, это ушло. Люди уже поняли, что еда будет и завтра, и послезавтра, и вообще всегда, и наедаться впредь смысла нет. Хотя к еде относились

очень аккуратно и бережно – сколько положил в миску, столько и съедал, ни крошки не оставляя. А уж выбросить кусок хлеба – такое и в голову никому прийти не могло.

Пообедав, поехал посмотреть, что там на поле боя происходит. А там уже ничего не было. Ничего и никого. Лагерь баронов полностью разобран и вывезен. Даже землю песком посыпали, чтобы скрыть следы крови. Где закопали всех этих ушлепков, мне было неинтересно, но не здесь – это точно. Видно, вывезли куда подальше. Ну и правильно, нечего рядом с городом могильники устраивать. Потом проехал на завод и пообщался с Хайнцем и Дитмаром. Походив вместе с ними по заводу и решив некоторые мелкие вопросы, отправился в замок. По пути встретил Курта и отправил его за Гюнтером. Посидеть и посоветоваться надо было до ужина, а не после, как мы привыкли. После ужина я буду занят. Ухмыльнувшись, Курт ускакал в город.

Прискакав в замок, нашел Вилду и приказал ей, чтобы бак над моей ванной все время, пока я в замке, был наполнен теплой водой. И после моего отъезда тоже, так как моей ванной будет пользоваться молодая госпожа. Потом пошел сам повалялся в ванне и переоделся в чистое платье. Признаться, камиза и котта уже немного поднадоели. Камиза еще ладно – рубаха и рубаха. Но вот вместо котты хотелось что-нибудь другое, поинтереснее и поудобнее. А то получается, что две рубахи на себя напяливаешь, одна на другую. Только одна толще другой. В принципе, котарди подойдет. Вернусь – надо будет напрячь портных. Солдатам-то и так сойдет, наоборот, удобно – ни пуговиц, ни завязок каких. А вот офицеров можно и приодеть. А главное, себя не забыть.

Подъехали Курт с Гюнтером. Первым докладывал Курт:

– Ваша милость, у нас все закончилось хорошо. Ранен один солдат. При зачистке неудачно напоролся ногой на валяющийся меч. Отвезли к травнице. Она промыла рану, зашила и перевязала. Говорит, что через пару недель бегать будет.

– И что ты из этого понял, Курт?

– Как что? Осторожнее надо быть и под ноги внимательно смотреть.

– Это все верно, но не это главное. Солдат поранился и его отвезли к местной травнице. А где полковые травницы? Есть? И кто будет обихаживать наших раненых вдали от дома? Что хочешь делай, но добудь хотя бы по одной травнице на полк. Но боже упаси тебя действовать угрозами. Беды потом не оберешься.

– Да, они все ведьмы.

– Глупости, никакие они не ведьмы. Церковь за этим следит. Просто

они хорошо знают травы. Сунут тебе в котелок травку незаметно, и будешь ты весь день по кустам комаров голым задом кормить. А вот пользы от травниц может быть очень много. Сам говоришь: и промыла рану, и зашила, и перевязала. Так что пошли по деревням толковых людей, пусть уговаривают. Хоть жениться пусть обещают, но чтобы травницы были. А я еще со своей знакомой травницей в городе поговорю, может, сумеет нам и ребят обучить. И еще. Это и тебя, Гюнтер, касается. Пошлите своих людей по деревням нашего нового баронства. Пусть сманивают молодых парней к нам в армию. Солдат нам скоро понадобится еще больше. Сами видите, если б мы вовремя сюда не подоспели, много гадостей гости могли наделать. Кстати, Гюнтер, сколько эти разбойники наших деревень разорили?

– Три деревни, ваша милость. Крестьян угнали, а деревни сожгли.

– Вот. Форты надо ставить. И по границе тоже. И держать там крепкие гарнизоны. На всех центральных дорогах. Чтобы могли некоторое время продержаться и дожждаться помощи. А то так и будут наши деревни жечь. И лагерь совсем не укреплен. А там склады. Мы с Куртом завтра уходим, так что лагерь на тебе, Гюнтер. Оставим тебе весь второй полк. Пусть приходящих новичков гоняют как следует. Курт, назначь командира на полк. И потолковее. Чтобы дров не наломал, пока нас не будет. Хотя нет, оставим не весь полк, только вторую роту. Пушки для нее у Хайнца уже готовы. Первую роту возьмем с собой. Надо же кого-то гарнизоны в замках оставить.

– Так мы что, будем эти баронства оставлять себе?

– А зачем же мы туда идем? Конечно, оставим. Курт, всю баронскую родню – под нож. В обоих баронствах. Всех рыцарей с домочадцами – тоже. Но. Подбери из рыцарских дочек парочку поприличнее. Для себя и для Гюнтера. Оженю вас наконец. Хочу, чтобы у вас была приставка «фон». А после венчания делайте с ними что хотите. Хотите – живите и детей рожайте, хотите – в монастырь отправьте. А можете и придушить. Жены-то ваши. И никаких возражений – это мой приказ. Теперь ты, Гюнтер, докладывай.

Он сидел, выпучив глаза и открыв рот. Почему он до сих пор не женат, я даже не интересовался. Не старик вроде. Чуть за сорок. Хотя для этой эпохи возраст довольно солидный, но сохранился хорошо. Так что деток наделать еще успеет. В нем я был уверен, свою скорую жену он в обиду не даст. С Куртом вот посложнее. Ему что человеку горло перерезать, что курице... Да здесь все, в общем-то, такие.

– Да, пока не забыл. Дочек рыцарей, пожалуй, всех в живых оставляй.

По возможности, конечно. Сегодня на ужине будет отец Бенедикт, уговорю его открыть у нас небольшой женский монастырь. Туда сдавать их будем. Все меньше крови прольем. Может, и зачтется когда. Все, Гюнтер, докладывай. Тем более ты уже вроде очухался.

– Да, ваша милость, умеете вы удивить... А докладывать, в общем-то, и нечего. У нас здесь все по-прежнему. Торговля нашими товарами разрастается. Купцов даже вторжение баронов не отпугнуло. А теперь их еще больше прибавится. Постоянно строим новые таверны и постоялые дворы. Работников опять не хватает. Заезжие купцы к нашим порядкам уже привыкли и ведут себя прилично. В каждой таверне за городом есть своя мыльня, так что, перед тем как отправляться в город, обязательно моются и выпаривают всех насекомых. Штраф-то платить неохота... А вот с благородными – беда. Один пытался прорваться в город силой, пришлось прострелить ему ногу. В ближайших к городу тавернах такого грязнулю принимать отказались. Где теперь обретается, неизвестно. Ускакал куда-то.

– Ну и бог с ним. Может, и помер уже где от заражения крови. Нам таких наглых скандалистов в городе не нужно. Что еще?

– Ну что еще, ваша милость... Прибыли растут, денег все больше, а вкладывать их некуда.

– Да, проблема. Денег мало – плохо, много – еще хуже. – Да, как говорила незабвенная Фаина Раневская: «Деньги, конечно, грязь, но до чего же лечебная!» И она права. Но ведь и в лечебной грязи можно захлебнуться. – Не знаю, что тебе посоветовать. Вернусь – подумаем. Кстати, мы сегодня с моей женой разработали одну интересную штучку для поддержания женской груди. Поговори с ней, может, и откроете новый цех. Уверяю тебя, товар будет просто разлетаться. Особенно во Франции и в Бургундии. Там модниц много.

– И когда вы все успеваете, ваша милость?..

– Даже и не знаю. Само как-то получается. Но это все ерунда. Главное – готовься, Гюнтер, к приему еще двух баронств. Набирай себе толковых помощников.

– Ваша милость, но четыре баронства – это будет уже графство, небольшое, но графство.

– Именно, Гюнтер, именно. Но надо, чтобы это подтвердил император. А император очень любит деньги. Так что на избыток денег не жалуйся, хватило бы...

– Хватит, ваша милость, хватит. В тех баронствах полно железа и угля. Откроем еще заводы. На все денег хватит.

– Дай-то бог. Ладно, пойдемте ужинать.

Мы отправились в столовую, или, как ее тут называли, – пиршественную залу. Земляного пола, устланного соломой, и своры собак, как на картинках, тут, конечно, не было. Пол выложен каменными плитами, чисто вымытыми. Это тоже не очень хорошо, все-таки от камня постоянно идет холод, но пока только так. Потом я все досками покрою. До паркета тут еще не додумались. А может, и есть уже где-нибудь в Италии. В Византии точно есть, но туда соваться не тянет. Там уже везде турки хозяйничают. Только сам Константинополь еще не под их властью, да и то ненадолго. Хотя если базилевсу предложить оружие и доспехи, он обеими руками за это ухватится. Правда, платить ему нечем. Может, картины или скульптуры какие с него потребовать? Нет,дохлый номер. Все более-менее стоящее разграбили крестоносцы в 1204 году, и осело это все в сокровищницах папы Иннокентия Третьего и Бонифация Монферратского, ну и у венецианских дождей, конечно. Так что тут я в пролете.

Прибыл отец Бенедикт. Я подошел под благословление, а потом стал убеждать его в полезности основания женского монастыря на территории баронства. Пусть пока небольшого. Уж я позабочусь, чтобы он небольшим и остался. Рассказал ему о незавидной судьбе дочек-сирот и вдов погибших рыцарей и простых воинов. И так далее. Обычное бла-бла-бла. Но он вдохновился. Тем более денег обещал дать я. Так сказать, из милосердия и по велению Божьему. И сразу же своим указом выделил землю под монастырь. Договорились, что строительство начнется завтра же. Деньги будут идти от Гюнтера, а контролировать все станет сам отец Бенедикт.

Потом появилась Ами. Вернее – явилась. Девушка сегодня просто блистала красотой. Все стояли открыв рты. Я познакомил их друг с другом. Потом сели за стол. Ничего особенного я велел не подавать. А то отведавшего наших новых блюд, сготовленных по моим рецептам, отца Бенедикта отсюда потом не выгонишь. Чуть позже к нам присоединился и отец Магнус, и они тут же с отцом Бенедиктом стали жарко обсуждать что-то. Я много не ел, Ами тоже проглотила пару кусочков, и все. Посидев еще немного, я встал, пожелал всем приятного аппетита, взял за руку Ами, и мы ушли. Сразу в мою спальню. Там я показал ей, как пользоваться унитазом, умывальником. Потом очередь дошла до ванны. Водой она уже была заполнена, и та потихоньку парила. Я потрогал рукой – в самый раз. Стал раздевать Ами. Она стояла как деревянная. Раздев, я отнес ее на руках в ванну и уложил там. Потом разделся сам и нырнул к ней. Вот там, в ванне, и началась наша первая брачная ночь. Конечно, в ванне я ничего лишнего себе не позволил. Так, легкие ласки, чтобы она только ожила. Потом достал ее, обтер мягкой простыней и отнес в постель. Я старался быть очень

нежным и аккуратным, но один раз до пика ее все-таки довел. А потом уложил спать. Мне после Эльзы и Беаты всего этого было, конечно, маловато, но ничего – все еще впереди.

Проснулся, как всегда, до рассвета. Тихо поднялся и стал одеваться. Ами тоже проснулась. Я присел на край кровати:

– Мне пора, дорогая. Постараюсь побыстрее вернуться. Слушайся Вилду и Гюнтера. Спи.

Наклонился, поцеловал и ушел. Элдрик и два кирасира уже были у дверей донжона с оседланными конями.

– Я думал, ваша милость, что хоть сегодня вы выйдете попозже... – пробурчал Элдрик.

– Дело прежде всего, Элдрик, дело прежде всего.

И мы поскакали к лагерю. Там тоже все было в движении. Солдаты уже доедали свой завтрак. Не прошло и получаса, как колонна выходила из ворот лагеря.

Глава 5

Мы шли не спеша. В баронствах вряд ли уже знали об уничтожении их отрядов. Небось, думают, что их brave воины еще резвятся в баронстве глупого мальчишки. Ну-ну. Будет вам сюрприз. Прошли мимо одной из сожженных деревень. Неприятное зрелище. Полное запустение вокруг. А ведь крестьяне сейчас как раз должны пахать и сеять. Что мы есть-то будем? Надо озаботить потом Гюнтера, чтобы закупил побольше продовольствия. Когда еще баронство Ами начнет нас снабжать продуктами – мне еще голода на моих землях и не хватало...

Наконец перешли границу баронств. Я-то тут совсем не ориентировался, но Курт эти места знал неплохо и сообщил, что до замка барона еще два дня пути. Ну, два так два. Прошли деревню. Таможенники спрятались в свою будку и носа не показывали. Трогать кого-то воинам я запретил. Продукты у нас еще были свои, так что покупать ничего не пришлось. Просто прошли мимо, и все. На второй день пути подошли к развилке. Одна дорога вела к маленькому городку, другая – к замку. Мы сразу направились туда. Подойдя к нему метров на пятьсот, остановились. Я подозвал Курта:

– Действуй сам, а я здесь постою, понаблюдаю.

Смотреть особо было не на что. Все как всегда. Сначала Курт послал к воротам кирасира с предложением открыть ворота. Его обстреляли из луков. Слава богу, не попали ни в него, ни в коня. Потом подогнали две пушки, и после первого же залпа ворота унесло во двор замка. Хлипковаты оказались. В замке Ами только после второго залпа вылетели. Потом ударили картечью. С донжона уже размахивали какой-то тряпкой, но Курт, невзирая на это, послал людей на штурм. Ну правильно – живые нам тут не нужны. Через полчаса все было кончено. Курт подскакал ко мне:

– Ваша милость, замок наш. Живых в замке не осталось.

– Почему так долго?

– Сын барона с несколькими воинами забаррикадировались на верхнем этаже донжона. Пока всех перестреляли, троих наших ранили. Из арбалетов. Один не жилец. Вот и отстреливали всех постепенно, чтобы больше людей не терять.

– Жалко парня. Если не выживет, выдашь семье десять гульденов. Замок очистить и укрепить. Здесь останется первая рота второго полка с дополнительной батареей. Над замком водрузить мое знамя. То, новое,

с графской короной. А мы пока наведемся в город.

От замка к городу тоже шла дорога. Вот по ней мы не спеша и двинулись. Меньше чем за час добрались до городских ворот. Отправил нашего переговорщика к воротам. Это был тот же кирасир, что и в оба прошлых раза. Придется вводить новую должность: озвучиватель ультиматумов. В этот раз ультиматум был простой: или через полчаса ворота откроются, или через час города не будет. Наверняка ведь от замка уже примчался наблюдатель и сообщил, что там власть поменялась. Так что, думаю, упрямиться городские власти не будут. Им что один барон, что другой – какая разница? Лишь бы налоги новые не вводил. Но тут ничего не поделаешь – защитить-то их некому. Так и вышло. Минут через двадцать ворота открылись.

– Ну что, Курт, пойдем пообщаемся с местным магистратом? С собой берем первую роту, без пушек. Остальные в полной боевой готовности.

Курт отдал команды, и мы тронулись вперед. Впереди двигался кирасирский взвод и мы, а сзади, с примкнутыми штыками, шла рота мушкетеров. Мы вошли в ворота и проследовали к ратуше. Соскочили с коней. Рота позади нас выстроилась в две шеренги – спиной к ратуше, лицом к городу. Я с Куртом – с нами десять мушкетеров, ну и, конечно, Элдрик с парой кирасиров – зашли в ратушу и прошагали в зал заседаний. Там находилось все руководство города, аж шесть человек. Надо же, городишко чуть ли не в три раза меньше моего, а руководителей больше. Ну, это их дело. Все они стояли посреди зала и внимательно следили за мной. Я подошел к столу, выдвинул один стул, развернул его и уселся на него лицом к ним.

– Слушайте меня внимательно. Ваш барон вторгся на мои земли, и теперь его нет. Как нет и тех, кого он повел за собой. Погибли при штурме замка и остальные его родственники. Остался только один, правда, дальний, но это роли не играет. Как вы догадались, это я. Теперь это баронство – мое. Город тоже мой. Но менять в городе я ничего не собираюсь. Как жили, так и живите. Кроме одного. В городе должен быть наведен порядок, и он должен блистать чистотой. Как и его жители.

– Знаем, бывали в вашем городе, ваша милость!.. – раздались возгласы.

– Тем более. Раз бывали, то и правда все знаете. Если же кто не знает, то я оставляю вам свои указы, ознакомить несведущих. Через три месяца город должен измениться так, как этого требую я. В противном случае бургомистр и члены магистрата будут повешены, а город станет деревней. Действуйте – это в ваших интересах. Если мы сработаемся, то ваш город станет таким же богатым и уважаемым, как Линдендорф. Если понадобится

какая-нибудь помощь – в замке остается мой гарнизон – обращайтесь к его начальнику. Всё.

Я встал со стула и пошел к выходу. Черт, не нахватать бы здесь блох, потом замучаешься выводить. То, что они сделают все, что сказал, я был уверен. Даже если меня где-нибудь грохнут, все равно дело доведут до конца. Многие были в моем городе, благо тут недалеко, и сравнить есть с чем. Они бы и сами занялись этим, но видевших мой город не так уж много – купцы, мастера... Вот они с удовольствием взялись бы за перемены. А остальным горожанам все по барабану. Им и так хорошо. Грязь, вши, блохи? Ну и что? Деды так жили, и нам не зазорно. А вот теперь и простым горожанам деваться некуда. В моих указах все ясно сказано. А платить за найденную блоху или за грязную рожу бешеный штраф никто не захочет. А уж за грязь возле дома – вообще разориться можно... Так что все будет сделано. Да мне, собственно, как-то это и не важно. Меня больше интересуют местные рудники и шахты. Если они принадлежали барону, то замечательно. Значит, они теперь мои. А вот если кому из горожан или, не дай бог, цеху, то тогда намучаюсь я.

Так же чинно и спокойно покинули город. Жители уже повылезали из домов и с удивлением смотрели вслед уходящим войскам. А где же грабежи, где изнасилования? Тут так принято... Ну ладно, грязнули. Вас ждет неприятный сюрприз. Уверен, что магистрат свои денежки вкладывать не будет, и придется жителям облагораживать город за свой счет. Ничего, это всем только на пользу.

Вернулись в замок. Порядок здесь более-менее навели. Трупы все убрали, кровь где зарыли, где присыпали песком. Да и вообще, в замке шла генеральная уборка. Гарнизону же здесь жить, а они уже привыкли к чистоте. И блох и вшей они сейчас боятся больше вражеских солдат. Думаю, через недельку замок будет не узнать.

– Курт, первая рота второго полка, как мы и решили, размещается здесь. Оставишь им дополнительную батарею. Если припрется какой баронишка с дружиной, они его и сами раскатают, а если вторгнутся крупные силы, то пусть запираются в замке и шлют нам гонцов. Половину боеприпасов оставь им. Где помощники Гюнтера?

Ко мне подвели двух мужичков. Вот ведь жмот, всего двоих выделил. Получается по одному управленцу на баронство. И что он один тут сможет сделать? На местных-то надежды никакой.

– Кто из вас остается в этом баронстве?

– Я, ваша милость.

– Как звать? И почему именно ты?

– Эрих Крюгер, ваша милость. Я сам из здешних мест. Бывший крестьянин. Этот город меня не принял, пришлось бежать в ваш. Там и прижился.

Ух ты, целый Крюгер, да еще и злой на местных... Да, не завидую я им.

– Остаешься здесь моим наблюдателем. Присматривай за городскими. Потом возьмешь десяток мушкетеров и объедешь с ними все деревни. Расскажешь людям о наших законах, объявишь о снижении налога. И еще. Везде, во всех деревнях старайся сманить смышленных парней к нам в армию. Все понятно?

– Все, ваша милость.

– Иди. Долго не раскачивайся, быстрее приступай к работе.

Он развернулся и ушел. С ним отошел и второй мужичок, и они начали что-то обсуждать.

– Дальше, Курт. Отправляй третью роту по баронству. Все рыцарские замки – разгромить. Если получится, то и разрушить. Пусть пушкари потренируются в стрельбе ядрами. Девочек из рыцарской родни пусть тащат сюда, а потом отправляют к нам в баронство.

– Зачем вам столько девочек, ваша милость? Это какой же монастырь придется отгрохать?

– Они не мне нужны, а вам. В любом баронском отрядике куча благородных, а у меня на все графство один «фон», и тот я. В этом баронстве было пять рыцарей. В соседнем – четыре. Да еще в баронстве Кестлин – пять, до которых мы еще не добрались. Итого четырнадцать невест. А у нас все офицеры – простолюдины. Вот переженю их, и будет у меня четырнадцать «фонов». Но вас с Гюнтером – в первую очередь. Выбирайте. У вас обоих есть на это право. Не сделаете сами – выберу я. Самых страшных и злобных. И заставлю с ними жить, пока пару наследников не сделаете. Так что имейте в виду.

Курт сразу загрустил. Жениться ему, видно, не очень хотелось, но вот приставку «фон» к фамилии приобрести хотелось, тем более что он меня знал, я ведь не шутил. В самом деле самую страшную и вредную выберу и заставлю жениться. И ведь не отказаться. Отказ сюзерену – это бунт. А за бунт он знает, как я наказываю. Вот я, отказывая своему бывшему сюзерену, графу, был формально прав. И это совсем не бунт. В вассальной клятве ясно сказано, что он меня, как и я его, обязан защищать. Не защитил? Значит, пошел на фиг. Но это формально. Вообще-то бароны постоянно собачатся, и вступаться все время за кого-то – обалдеешь. Поэтому и графы и герцоги на эти баронские дразги смотрят сквозь

пальцы. Да и сами они не лучше. Постоянно друг с другом воюют. И это в пределах одной империи. Так что я знал, что делаю, отказываясь от вассалитета. Если еще и с графством прокатит, то вообще прекрасно будет. Врагов у меня сильно поубавится. Во всяком случае, ни один барон ко мне не полезет, помня, что произошло с теми, кто решился нанести мне визит без приглашения.

– Не грусти, Курт. Отгрохаем тебе дом в городе. Получишь кусок земли и за городом, построишь себе там виллу, как у древних римлян, и будешь на солнышке пузо греть, – он все больше и больше грустнел, – лет через тридцать, может быть. Если жив останешься, конечно.

Он сразу вскинулся и повеселел. Огладил бороду и орлом огляделся вокруг. Мол, поживем еще, не все еще потеряно.

– Курт, вот скажи, зачем ты бороду носишь? Молодой вроде мужик, а выглядишь как образина какая. И вообще, что это у нас за армия такая – кто с бородой, кто без бороды? Значит, так: вернемся к себе – издам указ: бороды всем армейцам брить. Усы – кто как хочет, а вот бороды брить, однозначно. А то не поймешь, то ли офицер моей армии, то ли купец какой. Так что, Курт, имей в виду. Теперь по делу. Пора нам прогуляться до следующего баронства... как бишь его?

– Зиверс.

– А это как называется?

– Эттингер.

– Эттингер. А что, неплохо звучит. Граф фон Эттингер. Как? Нет. Лучше так и останусь Линдендорфом. Ладно, Курт, поднимай две первые роты, и отправляемся. Отойдем на раст и остановимся на обед, а то не хочется в этом бардаке обедать. Лучше на травке расположимся. Как-никак весна на дворе.

Пообедали и в самом деле на природе. Здесь уже всю царила весна. Недаром же здесь так много виноградников. Еще помню, в будущем пил неплохие рейнские вина, а ведь они как раз отсюда. Правда, культура виноделия здесь еще не доросла до французской или итальянской, но и так неплохо. Хотя народ все-таки предпочитает пиво. Я, в общем-то, тоже, но приходится соответствовать и пить вино. Хоть и разбавленное.

Пообедали и отправились дальше. Так, не спеша, за три дня дошли до замка Зиверс. Повторилась та же история, что и прежде. Парламентер, стрелы, пушки. Правда, в этот раз я запретил рисковать и хотя бы за одного раненого обещал лишить месячного жалованья его командира-прапорщика. Так что штурм продлился дольше, но зато все наши были целыми. Нет, конечно, если бы в замке был сам барон с дружиной, мы бы, несмотря на

наши мушкеты и пушки, кровью тут умылись. Но в том-то и дело, что и барона и его дружину уже черви доедали, а из защитников было несколько инвалидов да вооруженных слуг. И то в прошлом замке одного солдата умудрились потерять.

Даже не заходя в замок, отправились в город. Хотя какой это город – городишко, жителей сотен пять-шесть. Видно, барон приказал именоваться самой большой деревне городом, и все, вот он – город. А что – у всех есть, а у него вдруг не будет... Горожане выкаблучиваться не стали и сразу открыли ворота. Но въезжать в город я не стал. Неохота блох собирать, да и вообще неохота. Вызвал бургомистра и членов магистрата прямо к воротам. Когда они пришли, всучил им свои указы и объяснил, какая у них теперь наступает замечательная жизнь. Потом развернулся и в сопровождении своей охраны отправился в замок. Его еще не успели привести в порядок, поэтому мы с Куртом расположились на травке, недалеко от замка.

– Ну все, Курт, тут наши с тобой дорожки расходятся. Я с первой ротой возвращаюсь в Линдендорф. Ты оставь пару взводов гарнизоном в замке, а сам с кирасирами и одним взводом мушкетеров пройдишь по баронству и разгрои все рыцарские замки. Представителя Гюнтера возьми с собой. Пусть он поработает в деревнях с крестьянами.

– Да крестьяне, ваша милость, вам ноги целовать должны, что еще с ними работать-то?

Вообще-то, Курт был прав. Сейчас над крестьянами творили полный беспредел. Если на востоке страны, на землях, недавно отвоеванных у славян, поселившиеся там крестьяне еще владели какими-то свободами, хотя и их уже начали закабалить, то на севере все крестьяне были в крепостной зависимости. У нас им было полегче. Были и полностью закабаленные, и полукрепостные. Хотя платили они ужас сколько. Например:

- поголовной чинш, так называемый Kopfzins;
- земельная рента;
- судебные и другие платежи фогту, то есть мне;
- налог территориальному князю, опять мне;
- поборы за предпочтительное право господина при продаже надела и другого имущества. То есть без моего разрешения крестьянин ничего продать не мог.

И еще куча разных поборов. Крестьянам приходилось отдавать господину половину урожая, а особо жадным господам – и больше. Но совсем труба крестьянам наступала, если их господин продавал взимание

налогов ростовщикам. Ведь ростовщик не только собирал налоги для хозяина, но и себя, любимого, не забывал. И как еще после всего этого крестьяне умудрялись выживать, удивляюсь.

Я же полностью разогнал всех ростовщиков и определил простой и не особенно обременительный налог – четверть с урожая, и все. Больше никаких выплат. Даже было обговорено, что больше четверти крестьянин платить не может. То есть если теперь я захочу отжать у него денег за продажу какого-то имущества, то он мне недоплатит эти деньги при выплате основного налога. И еще я им сделал огромное послабление. Налог они мне платили натурой. Им это было очень выгодно. Ну и мне, впрочем, тоже. Заплати они деньгами, мне пришлось бы продукты покупать, а так они мне сами все привозят и еще благодарят за щедрость. Правда, улучшая жизнь крестьян, я вроде бы торможу технический прогресс. Ведь чем меньше крестьян бегут в города, тем меньше там рабочих рук. Это да, это я уже в своем городе испытал. Но ничего, выкручусь как-нибудь. Крупные предприятия, требующие большое количество рабочих рук, я строить не собираюсь, а для существующих неплохо действует программа сманивания крестьян именно на те предприятия, где они и требуются. Зато в городе нет праздношатающегося люда, разных попрошаек и жуликов.

– Так, Курт, дальше. Новобранцев пусть начинают гонять здесь же. Построят небольшой лагерь у замка и начинают учить. Тем более из Этингера новобранцев тоже сюда приведут. А через месяц пусть отправляют их в основной лагерь. И сам здесь особо не задерживайся. Дел полно. Нечего прохлаждаться. Дождешься роты из Этингера и вместе с ней возвращайся. Ну все, я на тебя надеюсь.

Я поднялся, сел на коня, дождался, когда рота построится, и мы тронулись в путь. В замок я даже заходить не стал – чего я там не видел? Колонна довольно сильно вытянулась. С нами еще шли восемь телег с трофеями. Уж чего туда Курт мог напихать – не понимаю. Ну ладно, Гюнтер разберется. Хотя он теперь такими мелочами не занимается. На это у него помощники есть.

Двигались мы не спеша. Выходили, когда уже было светло, и останавливались на ночной привал еще засветло. Правда, шли без остановки на обед. Зато вечером солдаты подолгу сидели у костров и наслаждались покоем. Все-таки побегать им пришлось. И что будет дальше – тоже никто не знал. А сейчас можно было просто посидеть, попить вкусного отвара и поболтать. Я тоже подолгу сидел то у одного, то у другого костра, а потом уходил спать. На одной из телег были уложены

тюки с чем-то мягким – наверное, Курт отрезывал ткани у баронов прихватизировал, вот на них я и спал, укрывшись теплым плащом. Останавливались мы обычно у речек или ручьев, но купаться никто не решался, все-таки еще холодно.

На четвертый день мы наконец прибыли в замок. Вернее, полк пошел в лагерь, а я с охраной рванул в город. Во-первых, надо было встретиться с Гюнтером и узнать все новости, а во-вторых, у меня было дело к отцу Бенедикту.

Гюнтера я нашел дома – у себя дома, я имею в виду, – но он моим пользовался как своим. И не только как домом, но и торговым представительством баронства. Да и ладно. Мне не жалко. Как говорится, легко пришло, легко ушло. Встретил Беату. Она меня тут же ухватила за руку и потащила в какой-то закуток. Я остановился, погрозил ей пальцем и сказал:

– Только после жены.

Она улыбнулась, кивнула и куда-то упорхнула. Как же легко с умными женщинами... Гюнтера нашел в моем, теперь уже его, кабинете. Он, как всегда, изучал какие-то бумаги.

– Здорово, крыса бумажная, – рявкнул я, – как же я рад тебя видеть!

– Здравствуйте, ваша милость. Или уже ваше сиятельство?..

– Не знаю, Гюнтер, не знаю. Как получится. Рассказывай, что у нас нового?

– Ничего. И слава богу. Город потихоньку растет и хорошеет. Завод тоже растет. Вторая домна уже дает чугун. Хайнц там носится и днем и ночью. Пушек еще восемь штук отлил. Сколько на складах мушкетов – не считал, но все равно будет мало. Из баронства Кестлин притащились больше двух сотен новобранцев. Хорошо Хайнц пару десятков сманил к себе, а то на одной кормежке разоримся. Едят-то они за троих.

Я рассмеялся. Вот ведь скупердяй. А две сотни новобранцев – это хорошо. Если столько же с тех двух баронств будет, то можно еще один полк сформировать. А то все войска по гарнизонам растащили. И все равно будет мало. Нужны гарнизоны в форты по всей границе. Ладно, Курт вернется – сядем и все тщательно просчитаем.

– Гюнтер, я понимаю, что у тебя дел полно, но надо бы тебе проехаться и посмотреть хотя бы на два других наших города. Наметить перспективы их развития, что ли. А то там совсем беда. И ведь богатые баронства, не беднее нашего. И железа полно, и уголь есть, а развития никакого.

– Это потому, ваша милость, что там все рудники принадлежали

баронам, а они не очень заботились о добыче руды и выплавке железа.

– Это, значит, благодаря бургомистру наш город стоял на ногах?

– Да, ваша милость. Хотя он и был жулик и вор, но хватка у него была крепкая. Но теперь, благодаря вам, город развивается так, что и не уследишь. Каждый день что-то меняется. Людей становится все больше и больше. Ганзейцы даже хотят открыть у нас свое представительство.

– Ну что ж, город растет – это хорошо. Хорошо ли, что ганзейцы здесь хотят обосноваться, – не знаю. Это такие ухари, им мизинчик покажешь – они руку по локоть откусят. Так что будь с ними поосторожнее. Ладно, Гюнтер, главное я узнал – все спокойно и ничего непредвиденного не случилось. А разные мелочи потом обсудим. Подъезжай вечером в замок. Хотя... знаешь, сегодня, пожалуй, не надо. Завтра лучше встретимся.

Я отправился к отцу Бенедикту. Нашел его в местном соборе, вернее – соборчике. Но для небольшого города и такой смотрелся очень даже внушительно. Ну, сначала, конечно, помолились вместе, потом я исповедовался, и он отпустил все мои грехи. Хотя грехов с последней нашей встречи и не было. Я даже не блудил. Но прощение все равно получил. Ну и ладно. Потом сели беседовать. Сначала поговорили о женском монастыре. Я ему сообщил, что скоро привезут бедняжек, лишившихся кормильцев. Я бы их, конечно, мог поселить у себя в замке, но на фига мне столько озлобленных баб, у которых я поубивал отцов, братьев, женихов?.. Отец Бенедикт сообщил, что, в принципе, монастырь уже может принимать послушниц, даже небольшая часовенка есть и несколько домов для проживания монахинь и послушниц. Но в том-то и дело, что монахини еще и не прибыли, а селить там одних только послушниц, без пригляда опытных монахинь, будет неправильно. Но они уже скоро должны прибыть. Как скоро? Господь знает... Потом приступили к основному разговору.

– Отец Бенедикт, вы, наверное, знаете – так получилось, что под моей рукой сейчас четыре баронства.

– Знаю, сын мой, знаю.

– И теперь я могу претендовать на графскую корону. Я даже объявлю себя графом, и это не будет самозванством. По праву сильного. Но это будет и не вполне законно, пока не утверждено императором... – Я замолчал, а эта сволочь сидела и молча пялилась на меня. – У вас ведь, отец Бенедикт, есть хорошие знакомые в папском окружении. Если святейший папа обратится с такой просьбой к императору, думаю, тот не откажет ему в такой мелочи...

– Сто тысяч фунтов.

– Отец Бенедикт, побойтесь бога! Если даже я возьму в долг у всех германских ростовщиков, то едва наберу пятьдесят тысяч...

– Семьдесят тысяч, и ни фунтом меньше. И то лишь благодаря твоим богоугодным делам, сын мой.

Ни хрена себе... Семьдесят тысяч! Да это тридцать тонн серебра!.. Вот ведь хапуги... Я рассчитывал тысяч на тридцать, максимум сорок. Но деваться некуда. Придется соглашаться. Ну, погоди, святоша, хрен ты от меня теперь хоть пфеннига дождешься.

– Хорошо, святой отец, согласен. Могу в виде аванса привезти половину завтра в собор.

– Не надо, сын мой, я тебе верю. Завтра привези мне десять тысяч золотом. Сам к папскому двору поеду. И не волнуйся, я все решу.

– Хорошо, отец Бенедикт, завтра до полудня золото я привезу.

– Ну, тогда до завтра, сын мой.

– До завтра, отец Бенедикт.

Я вышел из собора и опять поехал к Гюнтеру. Даже страшно ему такое говорить. Он мне и прошлые-то пять тысяч, что я презентовал святошам, до сих пор забыть не может. Но надо, надо. Иначе от двух последних баронств придется отказаться. А без их ресурсов мы не выстоим ни против графа Марка, ни против герцога Юлих-Берга. Придя к Гюнтеру, все это ему объяснил. На удивление, он не стал ни ныть, ни возмущаться:

– Что вы удивляетесь, ваша милость? Эти деньги пойдут на дело. Жалко, конечно, но без этого никак. Это еще дешево. Просто отец Бенедикт к вам очень хорошо относится. Вы ведь с детства вокруг него крутились, вот он и полюбил вас как сына. Вы ведь тоже собирались стать священником, и он прочил вас на свое место. А оно вон как получилось.

Да уж, ободрал на семьдесят штук – и это считается дешево... «как сына». Нехило.

– Да не переживайте вы так, ваша милость. У нас в подвалах сейчас около трехсот тысяч лежит. И почти треть – золотом. Я же вам уже сколько твержу, что денег у нас полно, а вкладывать их некуда. А эти семьдесят тысяч мы месяца за четыре отобьем. Если заработает в полную силу вторая домна, то и быстрее. Завтра с утра заеду в замок и выдам вам десять тысяч золотом. Вы можете и сами взять, но зачем вам сидеть и несколько часов все пересчитывать? А я там все знаю.

– Хорошо, Гюнтер. Жду тебя завтра с утра.

Наконец-то я отправился домой. Приехав в замок, первым делом обнял молодую жену. Это уж как полагается. А то как же – вернулся из похода и не обнял? Нонсенс. Хотя, надо признаться, сделал я это с удовольствием.

От всех ее прекрасных выпуклостей у меня аж голова закружилась. Я ведь все это время ей не изменял. Вот такой я верный муж. Хотя, если честно, заниматься сексом с грязными и вонючими женщинами – и не смог бы. Но это не имеет значения. Не изменял? Не изменял. Верный муж? Верный. Так что вперед, в спальню. Я взял ее за руку и повел наверх.

Первым делом разделся и залез в ванну. Ох, какое блаженство... О том, что я вернулся, знали с утра, так что ванна уже давно была готова. И, видно, в нее периодически подливали горячую воду. Хорошо... Потом ко мне залезла и Ами. И стала меня мыть. Получалось у нее это, конечно, хуже, чем у Эльзы, но от этого она не стала менее желанной, а даже наоборот. Я еле дотерпел до конца купания, потом подхватил ее на руки и понес в постель. Но по дороге запнулся и вместе с ней грохнулся на пол. Хорошо, что на полу была мягкая медвежья шкура, встать с которой уже не хватило сил ни мне, ни ей. Там мы и начали отмечать нашу долгожданную встречу. Не надо было ни вина, ни разговоров – ничего. Только я и она. Потом мы перебрались на кровать. С кровати свалились опять на шкуру, да там и остались. И хотя она была очень неопытна, но весьма быстро училась и к ужину довольно многое освоила.

Да, на обед мы не попали. И на ужин бы не пошли – во всяком случае, она была против, – но есть хотелось уже зверски, а предупредить кого-нибудь, чтобы нам принесли поесть в спальню, я не успел, а она не догадалась. Так что пришлось вставать и одеваться. Ами мне, кстати, показала сшитый ею самой бюстгальтер. Только упругие вставки притащили откуда-то служанки. Они себе тоже такие же сшили. И еще к ней подходил Гюнтер с предложением открыть цех по изготовлению этих самых бюстгальтеров. Но она пока думает. Вообще-то она не против, но ей стыдно о таких вещах говорить с посторонним взрослым мужчиной. Тогда я спросил, сколько ей лет. Она от удивления даже рот раскрыла:

– Ты что, не знаешь?.. Шестнадцать.

Да, заневестилась девушка. Обычно сейчас замуж выскакивают в четырнадцать-пятнадцать лет. Это у благородных. У крестьян – еще раньше.

– Значит, правду болтают, что ты даже не знал моего имени, когда повел под венец? – Она чуть не плакала.

– Не знал. Ну и что? Женился-то я на тебе, а не на имени. И люблю я тебя, а не имя. Хотя и имя мне твое очень нравится.

Она со счастливой улыбкой подскочила и схватила меня за руки:

– Это правда? Ты правда меня любишь? Скажи, правда?

– Конечно, правда. Еще как люблю.

Она опять счастливо засмеялась и закружилась по комнате в коротеньких брэ и бюстгальтере. Я даже начал подумывать о переносе ужина на утро... но благоразумие взяло верх, и я продолжил одеваться. Она, по-прежнему счастливая лицом, тоже начала одеваться. Странная какая-то... Хотя как и все женщины. Разве может мужчина в такой ситуации сказать: «Нет, я не люблю тебя»? Конечно же соврет. Хотя я не врал. Я и в самом деле любил ее. Может, мне это и казалось, может быть. Но в данный момент я был уверен, что по-настоящему люблю ее. Хотя в голове иногда и проскальзывали образы то Эльзы, то Беаты... Но такие уж мы, мужики, сволочи, и никуда от этого не деться. А эту девочку я и в самом деле люблю. И никогда никому не позволю ее обидеть. Если только сам ненароком обижу... Ну так я знаю способ, как эту обиду загладить.

Наконец мы оделись и отправились ужинать. После ужина просто лежали на кровати и даже не раздевались. Потом поднялись на верхний этаж донжона и долго стояли на крыше, взявшись за руки и любуясь заходом солнца. С одной стороны, я был уже взрослым, прожженным циником, и все эти романтические бредни мне были по фигу. А с другой – я был пятнадцатилетним восторженным юношей, стоящим рядом с любимой женщиной, и млел от ее близости. Как это во мне уживалось? Не знаю. Но мне и в самом деле было приятно вот так просто стоять и ни о чем не думать. Просто стоять и держать девушку за руку. Оказывается, это может быть так приятно – просто держать свою девушку за руку...

Потом Ами начала мерзнуть, и мы спустились вниз. Чтобы согреться, залезли в горячую ванну. А дальше в голове все перемешалось. Помню, что из ванны мы вроде переместились в постель, потом опять в ванну, потом в постель, потом на пол, потом.... Но проснулся я как нормальный человек, у себя в постели. Рядом посапывала Ами. Надо же, ведь и не спал почти, а все равно вскочил вместе с рассветом... Что значит привычка. Быстро оделся и спустился вниз, скоро должен подойти Гюнтер.

Он подъехал, и мы с ним спустились в подвал. Под деньги Гюнтер приспособил самый нижний подвал донжона. Но, на удивление, сырости тут не было. Видно, вентиляцию прокладывали настоящие мастера. А ведь замку уже скоро четыре века исполнится... Зашли в помещение. По всему полу стояли сундуки и бочки. Иногда даже друг на друге. Да, я как-то и не представлял, что денег у нас так много. Вроде Гюнтер говорит, что деньги девать некуда, а я только головой киваю – мол, что за глупость, «девать некуда»... А теперь – да, теперь понимаю, что с этим и в самом деле надо что-то делать. Если про этот подвал узнают – замок по камешку разнесут. И никакие пушки не спасут защитников. Просто их трупами завалят, и все.

Надо и в самом деле куда-то эти деньги вкладывать. А куда? Вложишь в нормальное производство – так их еще больше будет. Вкладывать в какую-нибудь ерунду – так скажут тоже, что деньги девать некуда, вот мальчишка и мается дурью; значит, надо избавить его от лишних денег... Нет, пока придется сидеть тихо. Пока сильным не стану. А потом пусть приходят – встретим.

Гюнтер набил четыре вместительные и прочные дорожные сумы желтыми кругляшами. Мы вдвоем, по одной суме, сначала вытащили все в коридор, а потом и наверх. Чуть не надорвался – по восемьдесят пять кило в каждой суме, обалдеть... Подогнали телегу и поехали в город. До собора добрались без приключений. Отец Бенедикт вышел с четырьмя здоровенными монахами. Они быстро утащили тяжелую ношу внутрь собора.

– Там ровно десять тысяч любекских гульденов, святой отец.

– Хорошо, сын мой. Сейчас помолюсь – и отправлюсь. Вместо меня останется отец Бернард.

– Охрана не нужна, отец Бенедикт?

– Не волнуйся, мы сами справимся. Недели через три готовь остальные деньги. Дня через три объяви себя графом фон Линдендорфом. Императору будет проще подписать грамоту по уже свершившемуся факту, чем придумывать, за что ему какого-то барона вдруг следует возвести в графское достоинство.

– Хорошо, святой отец, так и сделаю.

– Все, иди, сын мой. И ни о чем не волнуйся. Я все решу.

Я сел на коня и поехал в замок. Гюнтер остался в городе, а мы поехали к воротам. Не доезжая до замка, взобрались на небольшой холмик. Я слез с коня и уселся на расстеленную попону. Нужно посидеть и подумать. Так, графом я, считай, уже стал. Император не откажет. Он ведь понимает, что скоро меня будут рвать соседи, и тогда денежки достанутся им, а не ему. Так что графом я стану очень скоро. Хотя этот титул не такой уж и важный. Так сказать, дарованный, новоиспеченный. Вот барон я настоящий. Вернее, не барон. Это я себя называю бароном. В Германии нет такого титула. Есть фрайхерр, то есть свободный господин, имеющий в собственности землю и соответственно крестьян. Это и есть барон.

Линдендорфы были внесены как бароны еще в «Готский альманах», и это очень круто, намного круче, чем новоиспеченные графы. Но графом мне стать все же надо. Хотя бы для того, чтобы на законных основаниях включать в свои владения баронства. Граф может иметь неограниченное число баронств. У меня пока четыре, и это очень мало. Ничего: глядишь, и

прирасту еще баронствами. За счет тех, кто захочет схарчить меня. А таких пока двое. Герцог Юлих-Берг и граф Марк. Нет, желающих-то наверняка больше, но граничу я только с этими. А вообще-то и епископ Мюнстерский, и архиепископ Кельнский, и герцог Нассау с удовольствием бы скушали меня, такого маленького и такого вкусного. Но их ни Юлих-Берг, ни Марк через свои земли не пропустят. Сами захотят меня сожрать. Хотя граф сейчас поостережется. Три баронства он уже потерял, поэтому лишь со своими силами ко мне не пойдет. Но и союзников ему взять негде. С герцогом он постоянно на ножах и с епископом Мюнстера вечно грызется. Герцогство Вестфален – полностью под влиянием Мюнстера. Так что, вернее всего, наберет наемников, а потом уже двинет.

Как бы его придержать? Если и граф и герцог полезут одновременно, то мне хана. Тем более все мои ветераны сейчас стоят гарнизонами по баронским замкам, а в наличии только новобранцы. Что бы придумать? В интригах-то я не очень силен. А может, тупо написать графу письмо? А что – напишу, мол, по проверенным источникам (сейчас еще не понимают, что проверенные источники – это полная лажа) герцог Юлих-Берг собрался, пока мы с графом будем мутузить друг друга, вторгнуться в графство Марк и захватить его. В принципе, на герцога похоже. Он такой финт повернуть может. Думаю, это заставит графа задуматься. Но сделать это надо быстро, пока он не успел набрать наемников. Если он заплатит наемникам, то другого выхода у него уже не будет: только воевать. Решено. Сейчас приеду в замок и напишу графу. А с письмом отправлю отца Магнуса. Кирасиры доведут его до реки, а дальше уже сам. Священнику будет проще добраться до графа, и не тронет его никто.

А вот по поводу герцога буду думать. Про письмо он наверняка узнает и просто расвирепееет. Это и хорошо. Может, со злости глупости какие натворит? Вряд ли, конечно. Не тот это человек. Вот с какими силами он ко мне пойдет – это надо думать. Но вместе с Куртом. Время еще есть. Сейчас конец марта. Посевная продлится до конца апреля. Здесь не север, тепло. Так что скоро крестьяне начнут пахать. У герцога то же. Значит, ко мне он пойдет в мае. Пушек подготовим сколько надо. Мушкетов небольшой запас есть, да и Дитмар без дела не сидит. Так что вооружить еще один полк я смогу. А обучить? Придется по укороченной программе. Значит, надо гнать гонца в Этингер, чтобы всех новобранцев переводили сюда. А здесь гонять, гонять и еще раз гонять. Приставить к каждому ветерану из первых двух рот по два-три новобранца, и пусть их гоняют. За месяц хоть какое-то подобие солдат получится. И придется все-таки в Зиверсе и Этингере гарнизоны уполовинить. А вместо ветеранов отправить туда новобранцев.

Пусть из них там настоящих солдат и делают. И надо обязательно зачистить баронство Ами. Там-то до рыцарских замков мы так и не добрались. А это прекрасные базы для войск герцога. Послать туда мушкетеров? А кто молодняк учить будет? Вот ведь ерунда какая. И так плохо, и этак нехорошо. Придется ждать Курта. Ладно, поеду-ка я обедать...

Весь остаток дня провел с Ами. Все последующие дни – тоже. Нет, я не сидел целыми днями у ее ног, а так же, как и всегда, вставал рано утром, занимался часок с Эдриком, потом ехал по делам. Но обедать и ужинать возвращался в замок. И после ужина уже никуда не уходил.

Первым делом я, конечно, посетил завод. Поговорил с Хайнцем. Решили все-таки в новых баронствах заводы не строить. Слишком много у нас было секретов. А там, на отшибе, их не сбережешь. Придется здесь расширяться по максимуму. А оттуда возить руду и уголь. Накладно, конечно, но ничего не поделаешь. И нужны хорошие кони. На наших клячах много не привезешь. Можно делать большие и длинные фургоны на стальных колесах и со стальными осями, но для этого нужны настоящие тяжеловозы. И такие есть совсем рядом. Фризская порода из Голландии. Но как их к нам протащить? Ведь не пропустят же, редиски. Дал задание Гюнтеру послать кого-нибудь во Фландрию и оттуда, кружным путем, протащить к нам табун из нескольких десятков тяжеловозов и с сотню полукровок для кирасир. Потом велел Хайнцу отлить еще двадцать пушек, а Дитмару – форсировать изготовление мушкетов. И, конечно, не забывать об изготовлении картечи.

Потом побывал в лагере. Поставил перед офицерами задачу по обучению новобранцев. Осмотрел укрепления лагеря. Так и крутился целыми днями. Зашел и в цех к Эльзе. У нее, слава богу, все шло просто замечательно. Мало того, она сама придумала трубки для бомб. Сделала их на основе бикфордова шнура. Сама трубка вставлялась в бомбу, и ею можно было регулировать время подрыва заряда. Шнур поджигался пороховым фитилем. Просто и удобно. Премировал ее полусотней гульденов и велел организовать мастерскую по изготовлению таких трубок. Она опять попыталась затащить меня в свою каморку. Не получилось. Но пришлось пообещать, что вскоре мы туда попадем.

В следующий приезд на завод приказал изготовить несколько бомб, начиненных мелкими чугунными шариками и порохом именно под трубку Эльзы. На следующий день поехали их испытывать. Результат превзошел все мои ожидания. Бомбы рвались на расстоянии до тысячи метров как шрапнельные снаряды, покрывая землю под собой россыпью мелких, но очень злых чугунных шариков. Можно было стрелять и дальше, но трубок

нужной длины просто не изготовили. Велел провести испытания, откалибровать трубки по расстоянию и использовать их как стандарт. По этому стандарту и делать далее трубки.

На четвертый день после отъезда отца Бенедикта я объявил себя в своем указе графом. Без всяких объяснений. Граф – и все. И перечислил баронства, которые входят в графство. Вот так вот просто. Теперь ко мне должны обращаться «ваше сиятельство». Или «господин граф». Второе мне нравится больше. А то это «сиятельство» звучит как-то не так. Не нравится мне. Я всегда удивлялся, почему герцога величают «ваша светлость», а графа – «ваше сиятельство». Ведь герцог выше графа, значит, и сиять должен именно он. А получается, что граф сияет, а герцог только светит. Непонятно.

Через неделю после моего возвращения прибыл наконец Курт. И еще как прибыл! Уже женатым. Поступил так же, как и я. Быстро и действенно. Жену выбрал под стать себе – невысокую, крепко сбитую и довольно симпатичную дочку погибшего рыцаря. Теперь его звали Курт Эдлер фон Нотбек. Эдлер – это младшее дворянское звание безземельного дворянства. Вообще-то полное его имя было подлиннее – Курт Эдлер фон Нотбек дес Граф фон Линдендорф, то есть «дворянин графа Линдендорфа, Курт из Нотбека». Но так, конечно, произносили имена только на каких-нибудь крутых официальных приемах. А в жизни – просто Курт фон Нотбек.

Мало того, он и Гюнтеру притащил невесту. Сестренку своей жены. Та вообще была почти старой девой – уже за двадцать. Наверное, уже и не мечтала замуж выйти, а тут вдруг счастье привалило. Тоже ничего так девица. Довольно стройная, но грудь аж четвертого, если не пятого номера. Ну тут и вкусы... И вообще все лейтенанты у меня теперь были дворянами. И даже некоторые прапорщики умудрились жениться. А в оставшихся гарнизонах тоже почти все уже женаты. Уходящих-то обвенчали в первую очередь, а потом уже приступили к оставшимся. Всех девиц подходящего возраста расхватили. Остались только совсем уж малолетки. И то, это уже я приказал девиц моложе четырнадцати полных лет не трогать. Но несколько тринадцати- и четырнадцатилетних уже были обручены с моими офицерами и ждали взросления. К сожалению, некоторые девицы погибли при штурме замков. Ничего, еще баронство Кестлин есть.

А кого я в монастырь отдавать буду? Ведь скоро монахини приедут... Конечно, можно отдавать туда жен погибших рыцарей, но женушки моих офицеров вряд ли на это согласятся. Хотя офицеры как раз с удовольствием спихнули бы своих тещ в монастырь. Курту в этом повезло – его жена оказалась полной сиротой... Господи, а куда я их всех селить-то буду?

Придется строить настоящий военный городок. С домами для офицерского состава. А пока поселить их всех в городе, в гостинице. Курта с женой и невестой Гюнтера оставил в замке. На завтра назначили венчание Гюнтера. Правда, он этого еще не знал, но ничего, узнает – обрадуется. А не обрадуется – так это его проблемы. Против моей воли все равно не пойдет. В этот же день вернулся отец Магнус. Письмо он отдал прямо в руки графу. Ответа, как я и велел, ждать не стал, а сразу же уехал обратно. Ну что ж, посмотрим, как графотреагирует.

Вечером собрались все в замке. Все – это я, Курт и Гюнтер. Сначала был ужин, где все перезнакомились. Ну, Курта и Гюнтера Ами уже знала, а вот с сестрами познакомилась, и вроде они нашли общий язык. Во всяком случае, сразу после ужина она их утащила на женскую половину. Ну а мы остались совещаться, только дождались, когда посуду уберут.

Курт рассказал, что в баронствах произошло после моего отбытия. Ничего интересного. Прибыли бы раньше, но пока невест распределяли, пока венчались, пара дней и прошла.

Гюнтер сидел какой-то пришибленный. Понять его, конечно, можно: жил не тужил, а тут раз – и уже практически женат. Зато Курт светился довольством. Видно, женушка пришлась по душе. Да и дворянином стал на законных основаниях, что тоже его заметно радовало. Я хоть и назначил его прежде своим динстманом, но дворянином это его все-таки не делало. Посвящать в дворянство мог только император. Ну, иногда курфюрсты, с согласия императора же. Нет, и обыкновенные герцоги и графы давали своим людям дворянство, но это было не настоящее дворянство. То есть именно в этом герцогстве или графстве он был дворянин, но, выехав за его пределы, вновь превращался в простолюдина. А у меня все как положено. Женился на дворянке – дворянин. Вышла замуж за дворянина – дворянка. Правда, жениться на дворянке удавалось довольно редко. Для рода это было потерей престижа. Если только какому богатому купцу такое удавалось, и то за большие деньги. И то, что у меня почти все офицеры дворяне, довольно сильно повышало статус моей армии. Гюнтер тоже завтра будет дворянином. И это правильно. Все-таки казначей и ближайший помощник графа. Не хухры-мухры. Считай, министр финансов. И торговли. И экономического развития.

Курт с собой привел более двух сотен новобранцев. Еще по полсотни оставил в каждом замке, чтобы их там дрессировали. Молодец. Я только подумал, а он уже сделал. Надо только мушкетов туда отвезти с патронами. А обратно привести по половине роты ветеранов. Это ему и приказал сделать. Завтра же туда обоз послать. И еще отправить два взвода кирасир и

два взвода мушкетеров на зачистку баронства Кестлин. И чтобы рыцарские замки с землей смешали. А с девицами там поосторожнее: не побили бы ненароком. Еще распорядился, чтобы офицеры подбирали себе жен соответственно возрасту. А то нехорошо, когда сорокалетний мужик женится на пятнадцатилетней девчонке. У рыцарей ведь и взрослые дочери есть, и сестры незамужние или вдовы. Тридцатилетняя женщина для сорокалетнего мужика в самый раз будет. И главное – тогда всем невест хватит.

Потом стали решать вопрос с военным городком. Решили завтра же и начинать. Правда, лагерь придется расширить, но это ничего – особо сложных укреплений построить не успели. Обговорили еще кучу разных мелочей и пошли спать. Курт с женой – в свою старую комнату, Гюнтер – в свою, правда, пока без жены. Ами прибежала ко мне в спальню, а невеста Гюнтера осталась на женской половине со служанками Ами.

После завтрака провели ритуал венчания. Тихо, без всякой помпы. Венчал отец Магнус в нашей замковой часовне. Подружками невесты были моя и Курта жены, ну а мы с Куртом – друзьями жениха. Теперь Курт с Гюнтером родственники. Оба «фон Нотбек». Прикольно. Посидели за столом немного и разбежались. Гюнтер увез свою половину в город, в наш дом, а Курт свою оставил в замке. Ну и хорошо. И Ами веселее будет. Правда, я им обоим велел построить себе в городе дома за счет казны. Это мой им свадебный подарок. И свои комнаты в замке тоже облагородить. Чтобы если уж оставались здесь ночевать, то с комфортом. Потом Курт тоже умчался, его жена пошла наводить порядок в его покоях, а мы с Ами решили еще разок заглянуть в спальню.

Глава 6

Промчался месяц. Именно промчался. Потому что дел было жуть как много. Я носился как угорелый. Часто надо было присутствовать в разных местах одновременно. Но ничего, справлялся как-то. Неделю назад отец Бенедикт привез мне грамоту о моем графстве. Теперь я граф официально. На грамоте подпись самого императора Карла Четвертого и его же печать. И привез ее не просто отец Бенедикт за пазухой, а целый отряд имперских рыцарей. При них же, в соборе, я дал клятву верности императору Священной Римской империи. Потом они забрали денежки и укатали. Деньги мы заранее приготовили в нашем городском доме, дабы не вводить никого в искушение нашей замковой сокровищницей. Баронство Кестлин зачистили и привезли кучу невест, которые разлетелись, как горячие пирожки. Малолеток пока отдали в монастырь, послушницами. С условием, что если они не захотят стать невестами Христовыми, то их нам вернут, чтобы они стали женами моих офицеров.

Офицеров-то прибавилось. Ведь целый полк сформировали. Правда, он состоял процентов на тридцать из ветеранов, а остальные уже молодняк. Гоняли их страшно. С утра и до позднего вечера. Но и кормили хорошо. Я велел увеличить порции мяса. Да что там увеличить – каждый брал сколько хотел. Но никто не роптал. А чего роптать? Ребята-то в основном деревенские, привыкли спину гнуть с утра до вечера, да на голодный желудок. А тут еще сколько влезет, спать укладывают хоть и на лавках, но с матрасом и подушкой. Правда, не всегда так. Частенько приходилось и в поле ночевать. К одному они очень трудно привыкали – постоянно мыться. Умываться, мыть руки, чистить зубы... И ведь не отвертишься никак. Чуть что – и палкой по хребту. А палки у сержантов крепкие и больные. И пить из разных луж не разрешали, даже из речки и даже если очень хочется. За это вообще плетей получить можно было. Разрешалось пить только кипяченую воду. А ее всегда можно было набрать во флягу из бачка походной кухни. Но все равно солдаты эти были так себе. Но зато два полка. Полностью укомплектованные и вооруженные. Даже обмундирование им всем пошили. И обувь приличную. Лошадей нам, кстати, все-таки пригнали. Обошлись они нам ох как не дешево, но ничего, я на купцах тех земель, через которые мы не могли своих лошадок провести, отыгрался. Велел для них цену на нашу продукцию поднять аж на пять процентов. Месяца за три разницу отобьем.

Так что теперь постоянно ходили караваны из Зиверса и Этингера с рудой и углем. Рудники и шахты там заработали. Не на полную мощь, конечно, как у нас, но все-таки. Раньше и такого не было. В Кестлине крестьяне отсеялись. Значит, и по всему герцогству тоже. Вдоль границы с герцогством были расставлены дозорные заставы, а в его приграничных с нами деревнях имелись платные соглядатаи. Так что неожиданным нападение не будет. Да и вдоль границы с Марком наши дозорные сновали. На всякий случай. Но в графстве Марк вроде было все спокойно. Граф наемников не набирал, и это обнадеживало. И в герцогстве все спокойно. Купцы-то оттуда ходили, и с ними люди Гюнтера за кружечкой пива беседы вели. Никакого шевеления.

Это меня и настораживало. Ну не мог герцог спустить мне потерю своего баронства. Никак не мог. Тем более – хорошего баронства. По величине оно было раза в два больше моего. И урожаи там были не чета нашим. Оно одно могло прокормить все мое графство, и еще на продажу оставалось. И от такого куса герцог просто так откажется? Да ни в жизнь не поверю. Но молчит, собака. Уже май заканчивается, а шевеления нет. Одно хорошо: солдатики мои стали походить на настоящих солдат. И перестроения освоили, и стреляли теперь не куда попало, а хотя бы в направлении цели. И у меня появились аж три батареи главного резерва. Молодец Хайнц. Пушкари наши теперь стреляли хорошо не только картечью, но и бомбами тоже научились. И даже с закрытых позиций. Правда, пару раз чуть своих не побили, но обошлось. Так что и мы были более-менее готовы.

Но это ожидание и в самом деле неслабо напрягало. Я ходил и рычал на всех. Некоторые даже прятаться от меня начали. Например, Грета, жена Курта, увидев меня, сразу исчезала. Она и так-то боялась меня как огня, а тут я еще хожу на всех зубы скалю... Только Ами могла меня как-то успокоить. Она-то меня как раз и просветила насчет внутренних дел Юлих-Берга. Я-то думал, что герцогством правит крутой мужик, который может любого на завтрак схарчить, а там, оказывается, всем рулит баба. Нет, номинально герцогом считается Вильгельм Второй, но по существу всем руководит его мамаша Маргарита. Это и плохо, и хорошо. Плохо, что Маргаритка ко мне очертя голову не полезет. Сначала подготовится как следует, проверит все и вся, а потом ударит в самый неожиданный момент. А хорошо то, что руководить войсками будет наверняка Вильгельм. Ему уже под сорок, а он все еще сопровитель при своей мамаше. Вот и захочет всем показать, какой он крутой. Мамаша, конечно, приставит к нему опытного военачальника, но будет ли герцог его слушать? Тем более когда

узнает, что ему противостоит пятнадцатилетний баронишка, незнамо как пролезший в графы. Это против него, такого умного и красивого, рыцаря и герцога!.. Кровь в голову наверняка ударит, а может быть, и не кровь, а кое-что и пожиже да пожелтее. Так что глупостей натворит наверняка. И этими глупостями мне надо суметь воспользоваться. Так что будем ждать; но как же это тяжело...

Наконец аж в середине июня все зашевелилось. И еще как зашевелилось – когда я получил первые данные об армии противника, то даже не поверил. Но потом все подтвердилось. Против моего маленького графства шла объединенная армия Юлих-Берга и архиепископства Кельнского. Около трех тысяч воинов. И решили они, видно, не только со мной разделаться, но и со всем графством Марк. Теперь понятно, чего они ждали. Все просто – ждали, когда вода в реках графства спадет и откроются броды, тогда армию можно будет переправить на другой берег чуть ли не везде. Через Рур как-нибудь перескочат, если все мое графство будет у них в руках. А там рядом Хамм, столица графства Марк. И хана графству. А может, и епископ Мюнстера с запада посодействует. Они с Марком давно грызутся. И с архиепископом Кельнским мой бывший сюзерен постоянно собачится из-за куска земли, что вклинился в графство: там вроде монастырь находится, не знаю, правда, какого ордена. И город Хаген. Вот Маргаритка архиепископа к себе и пристегнула. Да, вот это баба! Здорово все придумала. И ведь все бы у нее получилось, если б на пути не стояло такое маленькое, но такое колючее графство. Правда, меня они, похоже, особо в расчет не принимают. Ну разбил я несколько баронских дружин, ну взял несколько баронских замков – мелочь какая...

Армия Берга еще даже не перешла нашу границу, а мы были уже на месте. Концентрировалась армия коалиции на границе с баронством Кестлин. Ну правильно. Встречать-то я ее по-любому выйду, а баронство для них как поле боя просто идеально. Сплошные поля, лесов почти нет. Для рыцарской конницы раздолье. В других-то моих баронствах холмы кругом, коннице не очень удобно. Вот они и решили раздавить сначала меня, потом захватить мой город, а затем спокойненько прогуляться до Хамма. Дорога от места концентрации была одна, так что как они пойдут, мы знали. Можно было идти и не по дороге, но там пришлось бы постоянно огибать овраги, небольшие леса и рощи, речки. Так что по дороге удобнее. В то, что мы их сможем задержать хоть ненадолго, они, думаю, не верили. Поэтому и пойдут по дороге. Но, к сожалению, удобных мест для их встречи на всем пути не было. Почти не было. Одно мы нашли. Не то чтобы оно было очень уж удобным, но хоть что-то. Я сам в мае

проехал весь Кестлин до границы с Бергом и ничего приличнее не нашел.

Это было поле. Ровное, как стол. Длинное, но не особо широкое. Слева проходил овраг, с ручьем на дне. Сейчас он почти высох, но грязь зато была по колено, так что для конницы он почти не проходим, да и пехоте его преодолеть будет нелегко. Справа небольшой длинный лес – даже скорее роща. А за лесом – речушка. По ширине поле – от двух с половиной до трех километров. Дорога проходила прямо по его середине. В принципе, для атаки тяжелой конницы – идеальное место. На это и был расчет. В самом узком месте мы возвели три редута^[9]. Ну не то чтобы возвели и не то чтобы редуты... насыпали валы, и все. Стальные лопаты мы прихватили с собой в обозе. Так что сделали все быстро. Под валами получились глубокие рвы, оттуда как раз на валы землю и брали. В промежутках между редутами, чуть вглубь и в тыл, поставили два люнета^[10]. Те же валы со рвами. По два фаса и по два фланка. В каждом редуте закрепилась одна мушкетерская рота. В люнетах – по два взвода. Остальные мушкетеры расположились по флангам, чуть в глубине, а кирасиры – сразу за люнетами. А вот пушки были все на редутах и люнетах. На каждом редуте по восемь пушек, а на люнетах – по шесть, тех, что из моего резерва. Вовремя я подсуетился.

Можно было не заморачиваться с редутами и построить только люнеты – это и проще и быстрее, но я опасался, что при огне из люнетов могут посечь не защищенных с тыла солдат. Но ничего, за день справились, хотя земли перекидать пришлось много.

На следующий день примчались разведчики и доложили, что противник идет уже по нашей земле и через сутки будет здесь. На их пути было всего две деревни, и крестьян предупредили, чтобы они от греха куда-нибудь спрятались. Так, значит, завтра с утра они будут здесь. Ну что ж, подождем. Весь день прошел в тренировках. Пушкари устраивали удобные места для пушек, мушкетеры – для себя, в редутах и люнетах. Пристреляли пушки и наметили ориентиры. И для картечи и для бомб. А вот мушкетерам, что оставались в тылу, пришлось побегать. Я опасался, что если у противника толковый полководец, то на редуты конницу может и не пустить. Все-таки укрепление для них незнакомое. Пустит вперед сначала пехоту. Ее мы, конечно, побьем, но конница уцелеет и уйдет. И двинется другим путем. И моя пехота за ней никак не угонится. А что может наделать двухтысячная тяжелая конница – страшно подумать. Она все мое графство в землю втопчет...

Допустить этого никак нельзя. Поэтому перед редутами я строил мушкетеров, а потом, по команде, они должны были удрать на свои места.

Но не толпой, а организованно. И так, чтобы издали казалось, что они и в самом деле удирают. Тогда уже конницу не остановить. Весь день гонял, но своего добился. Спать легли пораньше. Я, на удивление, вырубился сразу. Видно, наорался за день и намахался палкой, вот и устал. Зато утром проснулся свежим и бодрым. К сожалению, рядом даже ручья нормального не было, так что толком и не умылся. Не плескаться же в овраге в грязной воде... Спокойно позавтракали, как всегда, плотно и сытно. Не есть перед боем – глупо. При современном развитии медицины, вернее – при полном ее отсутствии, ранение в живот – это верная смерть, полный он при этом или пустой. Так зачем тогда голодать? Примчались дозорные – противник в часе пути. Выстроил мушкетеров перед редутами и разрешил им пока сидеть.

Наконец показалась колонна войск коалиции. Наглые морды, даже без дозоров идут. Проехав еще несколько сотен метров, колонна остановилась, и их войска стали растекаться по полю. Мушкетеры тоже подтянулись и выстроились в две шеренги. До первых рядов противника было метров восемьсот. Бомбами уже можно достать, но лучше подождать. А бомбы со шрапнелью прибережем для их пехоты. Во главе колонны находились самые попугаистые рыцари. Блестящие латы, яркие разноцветные сюрко, пышные султаны над шлемами. Там же, видимо, и Вильгельм со всем командованием. Ну не в тылу же им тащиться и пыль глотать... Стоят смотрят, совещаются о чем-то. Черт, ну и силища. Даже издали была видна мощь рыцарей. Огромные кони, обвешанные железом всадники. И не один, не десять, а две тысячи. А когда они наберут скорость – это будет вообще ужас.

Наконец они о чем-то договорились, и конница двинулась вперед. Сначала медленно, шагом. Тут же прозвучала команда, и мушкетеры рванули на свои места, огибая редуты. Конница пошла чуть быстрее, легкой рысцей. Тут же грянули пушки. Все двадцать четыре. Бомбами. Трубки были выставлены на тысячу метров, поэтому досталось пехоте, которая медленно шла за конницей. Да, шрапнель, хоть и мелкая, – страшная вещь. Рыцарей в хороших доспехах она, может, и не сильно посечет, а вот пехоту с ее слабенькими латами накроет как следует. Пушки стали перезаряжаться картечью, наклонять стволы. Я находился на среднем редуте и все прекрасно видел. Приказал снайперам не убивать самых расфуфыренных, а бить под ними коней. Может, кто и выживет, не затопчут же их свои... А мне они пригодятся. Выкуп за них возьму. Захватить бы самого Вильгельма... хоть полуживого. Его смерти Маргарита мне точно не простит. Пакостить будет до самой своей смерти. Или моей. На фиг, на

фиг... Но тут уж – как получится.

Конница приближалась к отметке в четыреста метров. Грянул залп. Первые ряды ее все смелó. И им пришлось слегка притормозить. Кто-то кого-то подхватил с земли и стал пробиваться в тыл, что было сделать практически невозможно через плотную стену конников. Но остальные продолжили движение. Конница стала расходиться на два потока, чтобы пройти между редутами. Тут опять грянул залп. С трехсот метров по плотной толпе чугунной картечью – это страшно. Образовался целый вал из убитых коней и всадников. Выжившим пришлось этот вал огибать, так как кони по куче из убитых идти отказывались. Пока огибали, еще время потеряли, и пушки успели перезарядиться. И опять залп. Да еще мушкетеры здорово помогали пушкарям. Стреляли, правда, не залпами, а по готовности, но тоже неплохо получалось. В промежутки между редутами прорвались тонкие ручейки конницы. И тут их встретили люнеты. Два залпа – и конницы у противника больше нет. Конечно, еще довольно много конников носились очумело по полю, и их отстреливали мушкетеры. А кто-то рванул в лес или овраг. Но таких было немного.

Пехоте хватило одного залпа картечью, и она побежала. Если бы они сообразили наступать рассыпным строем... но они не сообразили. И убило-то в общем не много, только первые ряды. С четырехсот метров – только так. С двухсот пробивало бы по несколько рядов солдат, но до двухсот они не дошли. Они вообще вперед не пошли. Получили залп картечи, развернулись и рванули назад. В догонку их накрыли шрапнелью. Я подозревал Курта.

– Курт, бери своих кирасир – и вперед. С драпающей пехотой не связывайся, попадутся на пути – руби. Главное, захватить их обоз и всех выживших расфуфыренных. В схватки с рыцарями не вступать, расстреливайте их из пистолетов издали. Постарайся Вильгельма взять живым. Вперед.

Он вскочил на коня и помчался к кирасирам. Их у меня была уже сотня. И все вооружены пистолетами. Правда, пока по одному на каждого, но и это неплохо.

Послал вперед мушкетеров. Приказал всех живых в дорогих доспехах не добивать, а тащить в средний редут. Для этого вслед за мушкетерами послал и хозяйственников. Будут таскать раненых дорогодоспешников. По одному взводу мушкетеров оставил-таки в редутах и люнетах. Ну и пушечные расчеты, конечно. Приказал одному из своих охранников сгонять в обоз и притащить мне кружку заваренного на бабкиных травках чаю. Вместе с чаем принесли также маленький столик и пару смешных

табуреток на трех ножках. Я сел на табуретку. На столик постелили белую скатерку, поставили плошку с медом и какую-то вазочку то ли с печеньем, то ли с коржиками. Ну что ж, чай с медом – это хорошо. Смотреть на поле не хотелось. Обыкновенная бойня. Шаг – удар штыком, шаг – удар штыком... Это часа на два-три. Тут примчалась полудюжина кирасир. Поперек седла у одного болталось тело.

– Ваше сиятельство, капитан фон Нотбек приказал привезти к вам.

И он сбросил тело на землю. Человек был без доспехов, в грязной одежде. И синяк на пол-лица.

– Кто такой? – спросил я кирасира.

– Говорит, что герцог Вильгельм.

Я посмотрел на тело. Оно пыталось подняться, но так как руки были связаны сзади, это у него плохо получалось. Я кивнул на него Элдрику. Тот подошел и рывком поставил пленника на ноги. Ничего особенного. Хорошего телосложения, довольно накачан. Но каждый второй рыцарь такой.

– Я герцог Вильгельм Второй! Развяжите меня немедленно. Вы не смеее так со мной обращаться! – тут же заорал он.

– Элдрик, у нас есть еще пленные?

– Есть, ваше сиятельство.

– Притащи парочку.

Он тут же подхватился и исчез. А парень все орал и орал. Я посмотрел на одного из кирасир:

– Дай ему чем-нибудь по башке, чтоб заткнулся.

Мужчина тут же замолчал. Я, глядя на кирасира, покачал головой, и он отступил от пленника. Собственно, я был уверен, что это и есть герцог, но удостовериться все же следует, а то потом в анекдотах будут рассказывать, как какой-то прощелыга обвел вокруг пальца простофилю-графа. Ничего, подождем. Привели двух пленных в богатых доспехах. Один хромотал, а у другого была перевязана голова.

– Ваша светлость... – поклонились они тут же Вильгельму.

– Уведите, – распорядился я, – а этого развяжите.

Пленных увели, а у герцога перерезали веревки на руках.

– Присаживайтесь, ваша светлость, – предложил я. – Хотите травяной сбор? Или лучше вина?

– Вина. Конечно, вина.

Элдрик тут же поставил на стол кружку и набулькал туда вина из фляги. Вильгельм залпом ее выпил. Элдрик налил еще. Вильгельм сделал глоток и поставил кружку на стол.

- Что с моей армией?
- У вас больше нет армии, ваша светлость. Кстати, почему вы в таком виде?
- Лекарь осматривал меня после падения с коня, и с меня сняли доспехи. А тут ваши разбойники налетели. Они даже не пожелали скрестить мечи с моими гвардейцами. Перестреляли их из маленьких аркебуз и захватили меня.
- Молодцы. Приказ выполнили.
- Вы приказали меня захватить?
- Нет. Я приказал спасти вам жизнь. Если бы до вас добрались мушкетеры, вас бы просто закололи.
- Ваши мушкетеры не берут пленных?
- Ну почему же, берут. Но только тех, у кого хорошие доспехи, а вы были вообще без доспехов. И слушать бы они вас не стали. Или пристрелили, или закололи бы. Так что мои кирасиры спасли вам жизнь.
- А где мои доспехи? Мой меч?
- Вам лучше знать.
- Нельзя ли за ними послать?
- Нет, ваша светлость, некого. У меня слишком мало людей, и все они сейчас заняты.
- Сколько же у вас людей?
- Девятьсот солдат.
- Солдат?..
- Кнехтов. Они сейчас вылавливают ваших кнехтов. А то еще разбредутся те по округе, крестьян обижать начнут. Да и за вашим обозом я людей отправил.
- Что со мной будет?
- Ничего. Побудете моим гостем, пока мы не договоримся с вашей матушкой.
- А если не договоритесь?
- Рядом с моим графством есть мужской монастырь. Не помню, какого ордена, но это и не важно. Из вас получится неплохой монах. А что – и в монахах люди неплохо живут. Матушка вам поможет, и вы наверняка станете со временем аббатом.

Он смотрел на меня с ужасом, открывая и закрывая рот, будто задыхаясь. Как рыба. Ага, не хочешь в монахи? Ну тогда мы с твоей мамашей наверняка договоримся, с твоей помощью, конечно... Потом мы просто сидели и болтали. Как говорится, ни о чем. Обсудили погоду. Потом он рассказывал, какие балы и турниры бывают у них при дворе. И какие

там женщины. Ну настоящие прелестницы...

Наконец появился посыльный от Курта и передал, что обоз захватили и гонят его сюда. Потом пришел один из лейтенантов и доложил, что все вокруг осмотрели и всех кого можно пленили. Всего около трех сотен кнехтов. Остальные или убиты, или убежали столь далеко, что гоняться за ними без конницы нет никакой возможности. Я приказал пленных гнать сюда, выдать им лопаты – выкопать яму подальше от дороги. И пусть кирасиры объедут ближайшие деревни и привезут сюда священников. Молитвы-то над усопшими кто-то читать должен...

Потом мы собрались и в сопровождении моих охранников двинулись в наш лагерь. Перед этим Вильгельм дал мне слово, что не совершит побег и будет дожидаться окончания переговоров между мной и своей матушкой. Лагерь только назывался лагерем, а так – просто несколько телег с боеприпасами и продуктами, выстроенных в ряд. В основном, конечно, боеприпасы, продуктов много не брали, их и у крестьян купить можно. Они уже знали, что мы за продукты всегда платим, и поэтому с удовольствием нам их продавали. А щи из свежей свининки и свежее испеченный хлеб любому лучше сухарей и сушеной конины. Почему конины? Потому что в боях гибнет очень много коней. Не выбрасывать же мясо... Вот и сегодня набили столько коней, что мяса и нам и всем окрестным деревням надолго хватит. На обед были щи из свежей капусты и свинины. А на второе, как всегда, каша с мясом. Мы с герцогом расселись за столиком недалеко от полевой кухни. Над нами мои охранники растянули тент из плотной материи. Воткнули в землю четыре пики и к ним привязали кусок тряпки, вот тент и готов. Пики были, кстати, трофейные, у нас своих не было. Так и не удалось мне сформировать отряды пикинеров. И слава богу. Так бы их ни разу и не использовал.

Нам принесли щи в глиняных мисках и хлеб на блюде. Герцогу выдали ложку, деревянную. У меня была своя, серебряная. К кухне подходили солдаты, и им в котелки наливали щи. Они отходили, садились кто где и принимались за еду. Тут же из бочки разливали по кружкам вино, разбавленное водой.

– Ваше сиятельство, вы едите из одного котла с кнехтами?..

– Ну да. А что? Вы попробуйте, ваша светлость, а потом уже кривитесь.

Мы стали есть. Миска Вильгельма быстро опустела.

– Ничего, вкусно, – сказал он, – а что это они пьют?

– Вино с водой. Хотите попробовать? – Я кивнул одному из своих охранников, который как раз сейчас бдел, пока другой обедал. Тот принес

нам по миске каши и кружку вина из бочки для герцога.

С кашей управились тоже довольно быстро. Вино Вилли, как я его про себя назвал, тоже выпил. И ничего, даже снизошел до похвалы:

– Вкус у блюд немного странный, а так ничего, для похода неплохо.

– Вкус как вкус. Просто надо класть побольше масла и мяса. Вот и будет такой вкус.

– Вы балуете своих кнехтов. У нас они питаются сами. Что себе приготовят, то и едят.

– Потому и воюют так хреново. Ну что ж, пообедали, теперь можете отдыхать.

– Где?

– Попону с коня вам сейчас принесут, ложитесь и спите.

– А где ваш шатер, ваше сиятельство?

– Какой еще шатер? Зачем он мне?

– А где вы ночью спите?

– На попоне. Ночи сейчас теплые, да и накрыться плащом можно. А если дождь, то можно под телегу залезть.

Он сидел и только головой качал. Ну да, война же для таких, как он, – это развлечение. Поэтому с собой таскают и шатры, и музыкантов, и слуг, и даже шлюх. Так, как мы сегодня, здесь не воюют. Сойдутся две армии, рыцари ударят лоб в лоб, потом пехота слегка порезвится – и расходятся, празднуя каждый свою победу. Ну, если кто считает, что его победили, тот уходит с поля боя куда подальше, желательно домой. Оставшийся тогда закатывает пир на несколько дней, празднуя свою безоговорочную победу. Сегодняшняя битва не вписывалась ни в какие рамки. Так здесь пока не воевали. Но это здесь. Французы с англичанами уже и сейчас резались не по-детски. А скоро и в Священной Римской империи начнутся гуситские войны. Вот уж где будут резаться – ни женщин, ни детей щадить не станут... Про пленных я вообще молчу. А пока здесь все чинно и благородно.

Лечь на попону, тем более – с убитой лошади, Вилли так и не решился. И остался сидеть под тентом. А я пошел и лег в тени телеги. И заснул. И поспал неплохо – больше двух часов. Потом примчался Курт. Довольный, аж глазами сверкал. Пригнали обоз. Это было что-то... Больше сотни различных телег. Были и возки, и даже что-то напоминающее кареты. И да, были там и повара, и музыканты, и шлюхи. Ну, со шлюхами я разобрался быстро. Я прекрасно помнил, что в это время по Европе уже всю гулял сифилис. Поэтому их собрали в толпу, отогнали на полкилометра от лагеря и приказали сидеть на небольшом поле. С краю его протекал ручеек, так

что от жажды не помрут. Караульным приказал стрелять не раздумывая, если кто из дамочек попробует выйти за границы поля. А солдатам объявил, что если кто до этих падших женщин хоть пальцем дотронется, того сразу повешу. Блуда в своем войске не допущу. Я, мол, за них в ответе перед Господом и так далее. Солдаты побурчали немного, но быстро успокоились. Ну вот такой у них граф зануда и святоша.

Зато не жадный. Я объявил офицерам, а они уже донесли до солдат, что половина стоимости всех трофеев пойдет на выплату премий всем, кто участвовал в битве. Кроме того, все получают по пять гульденов. Ну а офицеры будут премированы особо по возвращении в лагерь. Так что все были довольны. Кроме шлюх, естественно. Но вот только сифилиса мне и не хватало в войсках... Сейчас его лечить не могут, так что это верная и очень противная смерть. А завтра я их отправлю в герцогство, вместе с остальными пленными кнехтами. На кой они мне сдались – тюрем у меня нет, каторги какой тоже. Я их даже на рудники и шахты поставить не смогу. Те хоть и принадлежат мне, но заправляет добычей там цех шахтеров и рудокопов. А конкуренты им не нужны. Мне еще не хватало из-за них с цехом бодаться...

К вечеру все дела закончили. Общую могилу врагам вырыли, покойников закопали, молитвы по ним прочли. Похоронили и своих погибших. Были и у нас потери. Погибли больше двух десятков мушкетеров, когда гонялись за драпающими кнехтами: нет-нет да и пускал кто-нибудь из них стрелу из лука или болт из арбалета в преследователей. Потому и пленных так мало оказалось. В плен, со злости по погибшим товарищам, старались не брать. Если уж рядом офицеры находились, тогда да, пленных все-таки не убивали. И еще полтора десятка кирасир погибли в стычке с охраной обоза. Хорошо Курт догадался взять вторыми наездниками взвод мушкетеров, они здорово помогли со своими мушкетами. Иначе потеря среди кирасир было бы больше. В обозе у многих имелись арбалеты, вот от них и были основные потери. Но мушкетеры быстро перестреляли всех арбалетчиков с дальней дистанции, а потом уже порезвились кирасиры.

Вот у могилы своих погибших молитв прочитали побольше. Даже я простоял на коленях у холма минут пятнадцать, бормоча что-то себе под нос. Что бормотал – и не вспомню, но и молитвы тоже иногда читал. Потом пообещал поставить здесь надгробный камень в честь героев, погибших на этом поле, и обряд завершили. После ужина сразу пошел спать. Все дела свалил на Курта. Вилли вроде заикнулся, что ему бы хотелось лечь спать в своем шатре, на что я ответил, мол, хочешь – ложись. Только доставать этот

самый шатер будешь сам и устанавливать сам. Слуг-то нет. Их кирасиры в запале порубили, кроме тех, кто успел удрать, конечно. Вот так и пришлось герцогу спать на попоне, укрывшись плащом.

Рано утром наш караван тронулся в путь. Именно караван – повозок было столько, что солдат за ними и не разглядеть. Тем более что я одну роту и взвод кирасир отправил сопровождать пленных кнехтов и шлюх до границы с герцогством. Выделил им две телеги с продуктами из их же обоза, до границы хватит, а там их пусть Маргарита кормит.

Шли не спеша. Да и не разгонишься с таким обозом. Пленных рыцарей везли на телегах. Даже если у кого осталась живой лошадь, ее не возвращали. Да и вообще ничего не возвращали. Все это теперь наши трофеи. Во время обеденной стоянки Вилли с помощью пленных рыцарей отыскал-таки свои доспехи и меч и теперь щеголял обряженным в железо. Так он и в самом деле выглядел настоящим герцогом. Сразу как-то подтянулся, подобрался. А то был просто мужик.

Вечером, перед ужином, он подошел ко мне с несколькими своими рыцарями.

– Ваше сиятельство, разрешите ваш меч, – официальным тоном обратился он ко мне.

Я достал меч и протянул его ему рукояткой вперед. Он его взял.

– На колени, – приказал он.

Я подчинился. И примерно представлял, что сейчас произойдет. Он плоской стороной меча ударил меня сначала по правому плечу, потом по левому. Затем помог подняться и вдруг залепил мне хорошего леща.

– Будь храбр, – произнес он ритуальную фразу и вложил меч мне в ножны. – Теперь, Леонхард фон Линдендорф, вы такой же, как и мы. Поздравляю вас, теперь вы рыцарь.

Пришлось проставляться. Выкатил бочку вина. Их же вина, кстати. Рыцари начали бражничать. Одной бочкой они не обошлись, и пришлось выкатывать еще одну. Своим я пить запретил и вообще приказал усилить караулы. Всю ночь рыцари пьянствовали. Даже раненые. Я выпил кружку разбавленного вина и пошел спать. С утра Вилли был хмурым. Еще бы – выехали-то мы, едва рассвет забрезжил. Остальные алкаши отсыпались в телегах, а этот был уже в седле. Ну как же – герцог. Хотя перегаром от него несло за километр.

– Леонхард, вы как будто не довольны, что стали рыцарем?

– Ну что вы, ваша светлость. Просто мне это безразлично.

– Как это?..

– А вот так. Рыцарь я или не рыцарь – какая разница? Это для вас,

ваша светлость, важно. Одно дело, если в ваших хрониках напишут, что вашу армию разгромил мальчишка, бывший барон, и силами, меньшими ваших в три раза; и совсем другое – если напишут, что герцог Вильгельм Четвертый потерпел незначительное поражение от рыцаря графа фон Линдендорфа. А эти хроники и письма будут читать в других странах... Но я и не против. Мне тоже не нравится то, что произошло. Слишком много жертв. Я не хочу, чтобы меня боялись. Чтобы немного опасались – это да, было бы неплохо. Может, лезть не будут. А вот если будут бояться – обязательно начнут сколачивать против меня различные коалиции. А как мы можем воевать – вы, ваша светлость, видели. Значит, опять будет море крови.

Я, конечно, немного кривил душой. То, что я стал рыцарем, – это очень даже неплохо. Теперь я, как рыцарь и как граф, могу посвящать в рыцари и других. Правда, с этим были некоторые сложности. Раньше посвятить в рыцари можно было и простолюдина, а сейчас иногда требовали, чтобы и отец был рыцарем, и дед. Но мне плевать. Большинство офицеров у меня уже благородные, так что в рыцари я их посвящать буду. Вот после первого боя и начну. Ну а то, что их как рыцарей могут не признать за пределами графства, так это и лучше. Нечего им делать за пределами графства. Если только в составе моих войск. Но тогда это уже не будет иметь какое-нибудь значение. Офицер, у которого за спиной сотня мушкетеров, да еще и с пушками, не может быть никем иным, кроме как рыцарем. Но виду я не подавал и перед Вилли сохранял совершенно равнодушное лицо. Пусть не считает себя благодетелем.

Во время обеда он выхлестал целый кувшин вина с водой и, видно, окончательно пришел в норму. Мы с ним стали писать письма. Я свое, а он свое. Но одной и той же особе. Его матери, герцогине Маргарите. Я написал совсем коротенькое. Написал, что армии у герцогства больше нет. И что ее сынок гостит пока у меня. Но если мы не договоримся, то отправится в монастырь, и я уверен, что из него получится замечательный монах. А требовал я за герцога всего-то два баронства. Ну и официально передать мне мое уже баронство Кестлин. Тем более что и те два баронства уже практически мои. И что вернувшись в свой замок, я дам войскам дня три на отдых, а потом отправлюсь в свои новые баронства. И если у меня не будет по прибытии туда официальных грамот о передаче мне этих баронств, то я отправлюсь дальше, в столицу герцогства, чтобы узнать, в чем задержка. Правда, не уверен, что остановлюсь в столице и не займу все герцогство, тем более что отговорить меня будет некому, герцог-то к тому времени уже будет пострижен в монахи. Нет, потом под нажимом

императора я, конечно, верну герцогство законным хозяевам, но не все. Хотя бы половину придется оставить себе. Да и в другой половине мало что останется целым. Так что решайте, и побыстрее. Вот в таком духе. Правда, все это перемежалось кучей комплиментов, но все равно справился я намного быстрее Вилли. После того как и он написал свое письмо, мы снарядили одного из его рыцарей, наиболее целого и представительного, и отправили в сопровождении десятка кирасир к границе герцогства.

Дальнейшее путешествие прошло совершенно буднично. К концу четвертого дня подошли к городу. Туда я решил не заходить, а отправился сразу в лагерь. Надо было всем сначала помыться, привести себя в порядок. А потом уже можно и разбегаться кто куда. Солдаты, конечно, рванут в город. Надо же погулять после похода. У многих в городе были зазнобы. А некоторые пользовались услугами так называемых падших женщин. Официально их деятельность была запрещена, но люди есть люди, всегда грязь найдут. В принципе, я собирался открыть в городе пару борделей, но сделать это так, чтобы инициатива исходила не от меня. Надо будет потом наведаться к отцу Бенедикту, пожаловаться ему на приверженность людей к плотским грехам и договориться с ним, чтобы он эти заведения взял под свой контроль. Вот хохма будет, если священники во время процесса заставят обоих партнеров читать молитвы и каяться в грехах... Вот это будет цирк.

Но решать вопрос все равно придется. Слишком много мужиков. И зазноб в городе им просто не хватит. Тем более я еще не определился, можно солдатам жениться или нет. Пожалуй, что нет. Вот сержантам – уже можно. Ну и офицерам, конечно. Офицерам даже желательно. Имея семьи в городе, драться за него будут злее. Сами не побегут и солдатам не дадут. Но с борделями решать надо, и срочно. Правда, под контролем не только святош, и даже не столько их, сколько бабок-травниц. Уж они-то в женских болячках как никто разбираются. Так что придется деревни трясти и привозить некоторых, что поприличнее, сюда. Скоро все деревни без травниц оставлю. Нет, с этим тоже надо что-то делать, и не откладывая. К травницам надо определить учениц. Пусть хоть травами людей лечат. А то у местных медиков сейчас два лекарства: пустить кровь и напоить ртутью. А ведь были Гиппократ, Авиценна, да и Парацельс вроде в эти времена уже лечил людей... Нет, Парацельс родится только лет через сто. Но были ведь и еще замечательные врачи и у арабов, и в Европе. И куда это все подевалось? Я здесь не встречал еще ни одного нормального лекаря. Одни проходимцы. А ведь и я могу заболеть, и жена, и дети. А роды у женщин? Чуть ли не каждая третья при родах умирает. Нет, с этим что-то

надо решать. Ну, для начала наведуясь как-нибудь к своей знакомой бабке-травнице и поговорю с ней. Может, она что посоветует. Сам-то я в медицине дуб дубом. Обязательно на днях к ней заскочу.

Проходя мимо города, очень удивился. Чуть ли не все горожане стояли вдоль дороги и что-то радостно кричали. Некоторые уже и отплясывали – видно, уже приняли на грудь. Придется велеть Гюнтеру, чтобы выставил бочки четыре вина и столько же пива. Ну и поесть что-нибудь. Раз уж они так относятся к своей армии, то это надо поощрить... Гюнтер был тут как тут. Только о нем подумал, а он уже рядом. Важный, представительный. В дорогой и добротной одежде и на хорошем коне. Сразу видно, что женатый человек, а то раньше ходил в одной и той же застиранной котте. Я распорядился насчет праздника для людей, а его с супругой пригласил в замок. До вечера время еще было, так что в порядок привести себя успеем. Гюнтер, обнявшись с Куртом, ускакал организовывать праздник, а мы так и проследовали почти до самого лагеря под приветственные крики людей.

Лагерь уже расширили. И уже даже начали строить дома для офицеров. Скромные домики на четыре комнаты с небольшим приусадебным участком. Заодно его и укрепляли. Теперь лагерь взять приступом было просто невозможно. Пушек понатыкали где можно и где нельзя. Потом придется разбираться. Ни к чему здесь столько пушек. Надо определить правильно сектора стрельбы, и все. Ну и иметь несколько в резерве, на случай выхода из строя какой-нибудь. Ладно, время найдется – разберусь. А пушки пусть будут. Их и в другом месте всегда использовать можно. Как говорится, много не мало.

Солдатики тут же разошлись по казармам и потянулись в мыльни. Горячей воды там у них не было, так, чуть теплая, но время летнее, не застудятся. А вот в офицерской мыльне, именно мыльне, а не бане, так как парилки там не было, просто бочки с горячей водой, тазики и для желающих – холодный душ. Одежду тут же отдавали служанкам на прожарку и стирку. Мы с Вилли тоже пошли в мыльню. Он сначала выкобенивался, но я пригрозил ему, что чумазого его никто ни в замок, ни в город не пустит, и он уступил. После помывки сидели в просторной светлой комнате завернутыми в чистые простыни и пили так называемый чай. Ждали свою одежду. Через полчаса нам принесли ее, чистую и просушенную. Он с удивлением смотрел на мои штаны, но молчал. Сам-то он носил шоссy и выглядел в них довольно забавно. Особенно для меня. Мужик в чулках – разве не смешно? А если учесть еще и шелковые подвязки... Но я старался сдерживать себя и не смеялся. Правда, некоторые офицеры подхихикивали, но они здесь не задерживались, чтобы не мешать

нам. Нет, был бы я один, они бы так не смущались. А тут целый герцог, хоть и пленный.

– Ваше сиятельство, а почему вы моетесь вместе со всеми?

– Ну почему же со всеми? Солдаты моются отдельно. Здесь только офицеры. Знаете, ваша светлость, если уж я с ними в бой иду, то в мыльню сходить – ничего зазорного не вижу.

– А почему моих рыцарей в город не пустили?

– Они сейчас в пригородных тавернах. Вот приведут себя в порядок, помоются, избавятся от насекомых, и их пустят в город.

– Что за чушь?..

– Извините, ваша светлость, но в городе такой порядок. За неопрятный вид могут и оштрафовать. А если заметят насекомых на теле или в волосах, то могут и выпороть, а уж оштрафуют точно.

– Как это выпороть? Рыцаря – и выпороть? Вы в своем уме, ваше сиятельство? Это невозможно.

– Возможно, ваша светлость, возможно. В городе свои законы, и я их поддерживаю. Я и сам не люблю грязненько. Вот мы с вами съездим завтра в город, и вы очень удивитесь, увидев, как он хорош. Другие мои города не хуже, но намного меньше.

– А сколько жителей сейчас в Линдендорфе?

– Точно не знаю, но тысяч восемь, наверное, уже есть.

– Ничего себе... Это не намного меньше, чем у нас в Дюссельдорфе. А если бы не ваши драконовские законы, то было бы еще больше. Но все равно с рыцарями так поступать нельзя.

– Ничего не могу поделать. Дура лекс, сед лекс – закон суров, но это закон. А я как граф стою на страже закона. Тем более ничего сложного в том, чтобы помыться, нет. Зато как приятно ощущать себя чистым и ходить в чистой одежде – вы ведь и сами это чувствуете... Ну ладно, пора отправляться в замок, там нас наверняка уже заждались.

От лагеря до замка было совсем не далеко, и я обычно проходил это расстояние пешком или бегом, но сейчас пришлось ехать на коне. Вилли пешком ни за что бы не пошел – невместно, ну а мне что, бежать рядом с его конем? Доспехов я не надевал, даже без кольчуги сегодня обошелся. Так-то я ее всегда таскаю, но вот сегодня не надел. Наверное, чтобы позлить Вилли. Он-то был в полном доспехе, даже шлем нацепил, выпендрежник. Правда, шлем все-таки снял во дворе замка, а то выглядело совсем уж смешно. Тут выскочили и крутятся вокруг дамы в легких воздушных одеждах, а он в железном горшке... Только я слез с коня, как на меня налетела и повисла на шее Ами. Привыкла так встречать, пока мы

были одни. Вроде в приличном аристократическом обществе так не положено, но ей было все равно, а мне тем более. Я ее подхватил на руки и закружил по двору. Она счастливо смеялась, и я подумал, что ради этого смеха стоило где-то пару недель поболтаться. А уж как она ночью покажет, насколько она соскучилась!.. Я аж глаза от предвкушения зажмурил. Если б не гости, прямо сейчас бы ее в спальню потащил. Чертов герцог. На своих бы я и внимания не обратил.

Наконец она оторвалась от меня, и мы все прошли в замок. Я представил всем нашего вынужденного гостя. Людей было довольно много. Курт, Гюнтер, мои лейтенанты. И все с женами. Я на это, признаться, не рассчитывал. Думал, будут только Курт с Гюнтером. Видно, женушка подсуежилась. Ну да, из жен лейтенантов были и дочки рыцарей, и из ее баронства, и с ними она, наверное, хорошо знакома. А других притащили сестры Нотбек из своих баронств. Вот и получился целый графский двор. Придется сюда приглашать и прапорщиков с женами – те ведь тоже дочки рыцарей. Ну и толпа здесь соберется...

Сразу сели за стол. Выпили за окончание войны, за возвращение. За одержанную победу пить не стали. Из-за герцога. Он и так сидел насупившись.

На столе стояла серебряная и золотая посуда. Интересно, я ел всегда из глиняной. Хотя чему удивляться? Женщина в доме. Даже если папаша все пропил и она не нашла ничего нашего в замке, так ведь трофеев полно. Все подвалы забиты. Наверняка Гюнтер не устоял под напором моей жены, да и не только моей, скорее всего. Наверняка во всех домах посуда как минимум серебряная. Да и ладно. Мне не жалко. Сам замок тоже изменился. Стены задрапированы какими-то тканями – во всяком случае, в этом зале, в других я еще не был. Стол накрыт белой скатертью. И вообще, все выглядело как-то обихоженно, что ли.

– Хорошо я придумала? – спросила у меня на ухо Ами. – Мне Ханна с Гретой помогали. Ну и Вилда, конечно.

– А Ханна с Гретой – это кто?

– Ханна – это жена Гюнтера, а Грета – жена Курта. А вот та девушка, видишь, в голубой котте, – это Ингрид, из моего баронства, их замок был недалеко, и иногда она с отцом посещала нас. А вон та девушка...

– Все, все, все... Хватит, Ами, все равно сейчас не запомню. А со временем они примелькаются, и их имена сами в памяти останутся.

– А еще я тебе хотела сказать, что надо и других благородных девушек в наш замок приглашать. Ну и что, что у них мужья только прапорщики?

– Не девушек, а женщин. И я с тобой совершенно согласен. Можешь

приглашать всех благородных женщин. И тебе и им веселее будет.

Она с благодарностью чмокнула меня в щеку. Но тут ко мне обратился Вилли. Он сидел справа от меня. Ну да, вино уже в голову ударило, и он почувствовал себя более раскрепощенным.

– Господин граф, а что это за дама сидит недалеко от нас, в голубой котте с сиреневыми рукавами?

– Ваша светлость, будьте очень осторожны. У нас прелюбодеяния запрещены. И если муж вас не пристрелит, то повесят по суду. Помните, вы как-то называли меня святошей? Так оно и есть. Вы находитесь в графстве святош. И ваша герцогская корона вас не спасет. Дура лекс, сед лекс – помните?

Он сразу погрузился. Я, конечно, сгущал краски, и, наверное, сильно, но не хватало еще, чтобы этот почти монах приставал к женам моих офицеров... Как бы чего и в самом деле не вышло. Здесь, конечно, принято во всем уступать вышестоящим титулованным особам, но мало ли... Офицеры уже поддали, а совсем недавно столько благородных рыцарей, можно сказать, своими руками на тот свет отправили, что кто-нибудь может и не сдержаться. И я даже наказывать его не буду. Я б тоже любому башку открутил, кто б к моей Ами попробовал подкатить. Хотя сейчас даже полностью отмороженные аристократы даже если и подкатывают к чужим женам, то делают это тайно. Еще не пришло время, когда мужья сами подкладывали своих жен под королей и герцогов, чтобы добиться каких-то преференций. Надеюсь, я до такого не доживу. Во всяком случае, в своем графстве приму такие законы, что за подобные гнусности последует если и не казнь, то уж изгнание с конфискацией точно. Надеюсь, потомки эти законы не отменяют. И надо будет придумать какой-нибудь страшный закон против гомиков, а то в этой местности их расплодилось в будущем уж слишком много.

Вечер прошел не слишком весело, но вполне нормально для первого раза. Потом, я думаю, будут и музыка и танцы. И народ себя будет чувствовать более раскрепощенным. Хотя я так и не понял, нравится мне это или нет. Но женщинам понравится – это точно, а значит, они нашему брату меньше на мозги капать будут.

Вилли проводили в его комнату. В одну из лучших гостевых. С отдельным санузелом. С унитазом и умывальником. Ванны там, правда, не было, но ее и нигде, кроме как в моей спальне, не было. Но теперь, думаю, мода на ванны пойдет, даже побегит. Ами наверняка похвасталась ванной перед своими подругами, и те теперь не слезут со своих благоверных, пока не добудут себе такую же. И это хорошо. Сначала благородные, потом

богатые горожане, а потом пойдет-поедет по всей Европе. Может, и не будет всех тех страшных эпидемий и моров. Дай-то бог. Хоть одно в этом мире я сделаю хорошее.

А потом была наконец спальня. Вернее, началось все еще в ванне, а продолжилось уже в постели. Да, здорово же я по Ами соскучился... Да и она, похоже, тоже. Несмотря на мой не особо крепкий организм, мы не могли успокоиться чуть ли не до утра. Утомонились только, когда оба могли лишь чуть шевелиться. Но встал я, как всегда, до зари. И только вышел из ванной, как Ами меня опять затащила в постель. А, гори оно все синим пламенем – могу я раз в жизни поваляться в постели? Мы и провалялись до самого обеда. И не только валялись. И откуда только силы взялись... Зато на обед пошли с огромным удовольствием. Есть и в самом деле очень хотелось.

Настроение попытался испортить Вилли. Он стал требовать, чтобы я сурово наказал какую-то простолюдинку, посмевшую поднять на него руку. Это было и в самом деле серьезно. Дотрагиваться простолюдину до благородных в это время нельзя. Даже просто дотрагиваться. Если только с их разрешения. Недаром у королей там или герцогов даже горшки выносили дворяне. И как-то эти должности именовались, и ими даже гордились. А уж поднять руку на благородного, тем более аристократа такого ранга? Пришлось разбираться. Оказалось, что Вилли сунул свой любопытный нос в пороховой цех. Мало того, он еще умудрился цапнуть за задницу Эльзу. Ну и тут же схлопотал поленом в лоб. Не ожидавшего такого Вилли тут же повело, и девчонки, там работавшие, просто выпихнули его из цеха. А на прощание наградили несколькими пинками пониже спины.

Я еле сдерживал смех. Ами вообще прикрыла руками лицо и тихонько хихикала. А Грета покраснела и выскочила из-за стола. Да, нехорошо получилось...

– Извините, ваша светлость, но это я виноват. Я вас забыл вчера предупредить, что в некоторые помещения замка вам ход заказан.

– Почему?

– Там изготавливают особо ценные доспехи.

– Что за доспехи, ваше сиятельство? – тут же заинтересовался он.

– Вы, наверное, слышали, что я продал комплект доспехов королю Франции за две тысячи фунтов серебром. Вот такие доспехи там и изготавливаются. И туда вход запрещен всем под страхом смерти.

– Но там работают одни женщины...

– Конечно, одни женщины, ваша светлость. Им привозят уже готовые

детали, а они их подгоняют. Только с женской усидчивостью и аккуратностью это и возможно. Хорошо, что у них под руками не оказалось ничего острого, а то бы убили. Это ведь мой приказ, и они должны его выполнять. Придется мне с ними разобраться.

– Да ладно вам, граф, они же действовали по вашему приказу...

– Вы не поняли, ваша светлость. Им предписывается носить кинжалы, и они должны были заколоть всякого постороннего, проникшего в их мастерскую, а они вас просто вытолкнули. За это придется им всыпать плетей.

– Вы хотите их выпороть за то, что они не убили меня?

– Да при чем здесь вы, ваша светлость. Вы же помните: закон это закон. Ну ладно, давайте обедать.

После обеда Вилли отправился к себе, ставить примочки на свою шишку. Мы немного посмеялись, и я пошел в цех. Надо было успокоить Эльзу. Она, небось, и сама уже извелась, когда узнала, кого отоварила поленом.

Эльза была все такая же серьезная и строгая. Но глаза ее все-таки выдавали. Нет-нет, а там проскальзывают то ли страх, то ли какая-то беспомощность. Я ее поманил в конторку. Закрыл дверь, притянул к себе и крепко поцеловал. Она повисла у меня на руках.

– Молодец, девочка. Я очень доволен тобой.

– Ах, ваше сиятельство, как я боялась, что теперь-то вы меня точно выгоните!..

– Не волнуйся, Эльза, не выгоню.

– Я так скучаю. Хоть иногда видеть вас, хоть дотронуться...

– Я тоже скучаю, Эльза. Но такова жизнь. Может, в дальнейшем у нас и будет что, но я не хочу тебя обнадеживать.

– Ничего, я подожду. – И она счастливо улыбнулась.

– Ну все, пойдем.

Мы вышли в цех. Я походил по нему еще немного и ушел. Вот ведь черт. Люблю ведь Ами, а все равно к Эльзе тянет. Вот бы их совместить: нежную и прекрасную Ами и целеустремленную и деятельную Эльзу. Вот сплав получится... Хотя лучше не надо. Такая Ами-Эльза меня быстро в бараний рог согнет. Нет уж, нет уж. Пусть лучше они по отдельности будут. А я уж сам с собой как-нибудь разберусь.

На следующий день поехали с Вилли в город. Вот тут он полностью завис. Он крутил вокруг головой и не переставал удивляться. И было от чего. Все улицы чистые. На подоконниках и балкончиках в деревянных ящиках растут различные цветы. И пахнет – не тем, чем, по-видимому,

в его Дюссельдорфе, а цветами. Он думал, что так только в центре, но мы объехали город из конца в конец, и везде было одно и то же. Зашли в небольшой трактир. Выбрал я, конечно, самый лучший. Тихо, спокойно, белые скатерти на столах, в маленьких вазах – полевые цветы. И люди сидят. Кто-то ест, кто-то просто беседует. Выпили с ним по бокалу вина. Очень хорошего вина. Кстати, рейнского. Из его герцогства его же купцы и таскали. Посидели немного, поболтали. Он спросил, где его рыцари.

– Да я откуда знаю, ваша светлость, – я им что, нянька? Их оставили в таверне перед городом. В одной места не хватило, так что их распределили по нескольким. Деньги у них были, никто их не грабил. Доспехи и оружие отобрали, это да, а вот деньги, что у них при себе были, не тронули. Так что могли привести себя в порядок и живут, может, уже где-нибудь в городе.

– А могу я их посетить?

– Да пожалуйста. Только надо выяснить, в каких тавернах их оставили. Приедем в замок, там и выясним. Только учтите, после тех таверн опять придется и мыться и одежду в порядок приводить.

Мы еще посидели, потом еще покатались по городу. Он очень удивлялся, что на улицах так мало всадников. Когда я ему ответил, что по улицам города передвигаться на лошадях может ограниченное количество людей, да и то только по делу, он вообще обалдел.

– А как же мы?

– Нам можно. Вернее, мне можно, а вы, ваша светлость, – мой гость.

– Ох, ваше сиятельство, слишком много воли вы дали горожанам.

– А как же иначе, Вильгельм. Ведь они приносят мне достояние, а их сыновья воюют в моих войсках. И не плохо воюют. Да им и есть за что. Если бы ваши войска пришли в этот город, что с ним стало бы?

Он промолчал. А что тут говорить – иногда, при особо трудной и кровавой осаде, военачальники отдавали взятый город своим войскам на разграбление. Что после этого осталось бы от Линдендорфа – страшно представить.

– Вот поэтому, ваша светлость, прежде чем кто-то сможет захватить этот город, ему придется сначала убить всех моих солдат, потом всех горожан, а уже потом взять то, что от города останется. Но я думаю, что все споткнутся уже на моих солдатах.

– Ваше сиятельство, а вы продадите мне свои кулевины?

– Нет, конечно. Зачем мне вооружать своего врага?

– Разве я вам враг?

– Сейчас нет. А что будет потом? И вы думаете, что ваша матушка успокоится?

Он надолго замолчал. А что тут говорить-то – и так все ясно. Я, считай, уже отобрал у них хороший кусок их территории, а в том, что Маргарита отдаст мне требуемые мною баронства, я нисколько не сомневался. Если не найдет срочно очень сильного союзника. Но сильный союзник и ее может оставить без дома. Зачем ему связываться со мной, если можно взять почти на халяву такое хорошее герцогство. Нет, сил у нее еще достаточно, и отбиться от не очень сильного противника или союзника она сможет. Но зачем ей не сильный союзник? Не нужен. А сильный, получается, тем более не нужен. Поэтому она будет копить силы, потом уже заключать союзы, а уж после этого полезет ко мне. Ну и пусть пыжится. Когда еще она созреет?

А вот мне бы выйти к Рейну... Вот это было бы дело. А там через графство Клеве, через графство Гельдерн – в Голландию и к Северному морю. Вот где раздолье. Только кто меня к Рейну пустит... Хотя, в принципе, одно из моих новых баронств уже будет граничить с Клеве. Они, правда, с Бергом в каком-то родстве, но мне плевать: воевать не полезут – своя рубашка ближе к телу. А от границы моего нового баронства до Рейна – еще одно баронство. Сейчас я его отобрать у Берга не смогу – такой вой поднимут, что и императору придется вмешаться, и курфюрстам. А этого я уже не выдержу. Тем более одному курфюрсту, архиепископу Кельнскому, я по зубам надавал. Не самому, конечно. Но ведь часть армии у Вилли была как раз из архиепископства. Так что он сейчас на меня очень зол.

Поэтому высовываться особо мне ни к чему. Подожду. Все равно Маргаритка полезет. Максимум через год. Вот тогда я у нее это баронство и отберу. И не только это. И выйду на Рейн. А пройти по реке мне хрен кто помешает. Да и зачем? Я же торговать буду, а это всем интересно. Ну а на пиратов управу я найду. На речных. А в море я и не собираюсь лезть. Там пусть Ганза хозяйничает. Мне бы до Роттердама добраться – и достаточно. У меня и сейчас-то все хорошо, а уж тогда я развернусь... Не столько я, сколько мои купцы. Но хорошо-то будет всем. И им и мне. Но это все будет потом. А сейчас спихнуть бы Вилли быстрее его мамаше и зажить спокойно – а то он уже начинает напрягать.

Нет, был бы у меня нормальный замок – с пьянками, шлюхами, охотами – тогда да, время пролетело бы быстро. Но неинтересно мне. Пьянствовать не люблю. Женщины свои есть, и прекрасные. А к охоте я вообще испытываю какое-то... удивление, что ли. Зачем убивать безобидных зверей? Тот же медведь – что он сможет против пули крупного калибра? Да ничего. Тем более что мясо у него, говорят, не ахти. А уж про

разных зайчиков-лисичек я вообще молчу. Зайца хоть съесть можно, а лиса? Европейская лиса. Есть ее нельзя, шкура облезлая, только крестьянину на шапку. Так зачем на нее охотиться? Если мешает крестьянам, так они ее сами прихлопнут. Зачем на конях за ней носиться? Непонятно.

Так прошло еще четыре дня. За это время ничего интересного не случилось. Вилли скучал. Приударить здесь ему было не за кем, а связываться со служанками он считал ниже своего достоинства. Чем мои чистенькие и ухоженные служанки хуже его грязных и вонючих, но благородных дам, непонятно. Но мне же лучше. Один раз, правда, он собрался съездить на мой завод, но я его предупредил, что пустить нас туда, может, и пустят, но вот ничего интересного не покажут. Слишком уж трясутся мастера над своими секретами. А когда он у меня спросил, где мне отливают такие замечательные кулеврины, то я ему ответил. Прямым текстом. Он сначала не понял, а потом долго смеялся. Но от меня отстал.

Его рыцари так и сидели в тавернах. Некоторые, правда, все же мылись и ходили гулять по городу, но основная масса так и просидела на месте. Ну, как говорится, вольному воля. Хотя они как раз вольными и не были. Выкуп я им не назначал, так как Вилли мне обещал, что всех рыцарей выкупит его матушка, и он ей об этом написал. Ну и ладно, мне возни меньше.

На следующий день собирались выступать. Но к вечеру примчалась делегация от Маргаритки. Я тут же вызвал поверенного из города, Гюнтера, и мы с делегацией сели рассматривать документы, что они привезли. Все грамоты уже были с печатями и подписаны. Подписал их и Вилли. И печать свою поставил. Всё. Баронства Кестлин, Мезьер и Абихт теперь официально и совершенно законно мои. Даже от вассальной клятвы их освободили. Даже выполнили мое пожелание, чтобы там не осталось ни баронов, ни рыцарей. Хотя их и так не осталось – мы их всех перебили. Однако даже их семьи забрали. Но на следующий день мы все равно выступили. Все вместе. Нам ведь пока по дороге. Вилли я предупредил, что, если кто из его рыцарей сунется к моим офицерам или солдатам, того пристрелят сразу, и даже разговаривать не будут. Мы в военном походе, а во время похода всякие поединки у меня запрещены под страхом смертной казни. Он внял и пообщался со своими рыцарями. Так что, думаю, никаких неожиданностей не будет. С Ами ночью попрощался хорошо, до сих пор глаза слипаются. Она мне помахала платком с крыши донжона, я ей тоже махнул рукой – и мы тронулись.

Глава 7

Шли мы в этот раз не через Кестлин. Сначала вышли к реке Рур, а потом направились на запад вдоль нее. Правда, дороги хорошей не было, и приходилось все время останавливаться. В Рур впадало множество речек, и возле каждой мы останавливались. Отыскивали броды, а если вдруг встречали кого из местных – расспрашивали и записывали, как ведет себя эта речка летом, как зимой, а как в половодье; сохраняются ли броды, и так далее. То есть проводили обыкновенные картографические работы в этой местности. Во всяком случае, как я это себе представлял. Через небольшие овраги строили мосты. Двигались из-за всего этого очень медленно. Ну да, нам спешить некуда, а работу эту сделать надо было. Мало ли, вдруг войска с места на место перебрасывать придется. Вот тогда эта карта нам очень пригодится. Но это нам спешить было некуда, а вот Вилли весь извелся. Сначала он пытался меня поторопить, но я лишь удивленно посмотрел на него, и он отстал. Промаявшись пару дней, он пришел ко мне прощаться. Особенно мы не затягивали. Лишь на прощанье я ему сказал:

– Вильгельм, вы неплохой человек, и я буду сожалеть о вашей смерти. Я знаю, ваша матушка не успокоится и снова пошлет на нас войска, но теперь мы пленных брать не будем. Вообще. И если вы будете среди этих войск, то вы умрете. Прощайте, ваша светлость.

Отряд Вильгельма, во главе с ним, рванул в сторону герцогства. Все они были конные и с оружием. За все это заплатила Маргарита. Даже за пленных рыцарей архиепископа. Но вот доспехи им пришлось выкупать самим, на свои деньги. Если не хватало денег, то писали расписки, их с удовольствием брали купцы из Берга. Не все, конечно, выкупили свои доспехи. Некоторые были так испорчены, что дешевле купить новые, чем ремонтировать старые. Но все равно, отряд выглядел довольно внушительно. Все-таки сотня вооруженных всадников. Когда, интересно, мы снова встретимся? В том, что встреча произойдет, я нисколько не сомневался. Вот только когда? Пусть бы побыстрее, чтобы они сил много набрать не успели, но это вряд ли. Скоро начнется уборка урожая. Потом зима. По холоду и раскисшим дорогам они войска не поведут. А следом посевная...

Вот и выходит, что не раньше мая. Ну что ж, к этому времени и мы подготовимся. Главное, чтобы никто другой больше на огонек не заглянул. Хотя желающих, конечно, много. Правда, пока сидят тихо. Но это пока. Как

только почуют запах больших денег – тут же налетят. А они их почуют. Расширять-то торговлю мне все равно надо. Для чего я тогда новые рудники добываю, домны строю? Та же Ганза с удовольствием все это к рукам приберет. Тем более мои земли уже почти с ними граничат. До города Дуйсбурга от моих границ – с десятков километров. Может, чуть больше. Ему еще в 1279 году король Лотарь Второй даровал статус свободного города. Когда он вступил в Ганзейский союз – не помню, но сейчас он точно ганзейский.

Вообще, у меня с границами теперь полная кутерьма. С севера у меня графство Марк, с северо-запада – монастырские земли женского монастыря, дальше опять река, а потом кусочек графства Клеве. А потом самая длинная сухопутная граница с герцогством Берг. Ну а с юго-востока меня подпирают земли архиепископа Кельна. Там земли-то – с одно баронство, но большое баронство, как три моих маленьких, вроде того же Кестлина, что мне досталось в приданое от Ами. И городок там есть довольно вкусный – Хаген. И все это принадлежит святошам. Обидно, блин. И ни обойти этот кусок, ни объехать. Отобрать бы те земли, но не хочется связываться с этим святошей. Тем более он один из курфюрстов. Правда, я его рыцарям очень хорошо всыпал, мало кто до дома доберется, но это ерунда, это архиепископ проглотит. Рыцарей и кнехтов он всегда может набрать – богатый, сволочь. А вот земля – это земля. Тут за кусок земли любой в горло вцепится. Тем более земли здесь мало, на всех не хватает. Поэтому мне и приходится отгрызать по кусочку, чтобы не особенно в глаза бросалось. А то после такого разгрома я мог спокойно половину Берга оттяпать, но ведь не дали бы. Нет, не дали. По кусочку можно. Все так делают. А вот сожрать целое графство или герцогство не дадут. Вернее, дадут, но потребуют поделиться. И на раздел столько желающих слетится, что лучше бы по кусочкам. И больше бы получилось, и воевать меньше бы пришлось. Но если архиепископ полезет еще раз, то отберу у него, к чертовой матери, этот кусок земли, что торчит в середине графства Марк. Монастырь, конечно, оставлю, а вот землю отберу. Может, и монахов куда удастся сплавить? Ведь без земли и крестьян им ох как грустно придется. Господь хоть и всемогущ, но каждый день кормить дармоедов не будет. И я не буду. А архиепископ тем более не будет, на фиг ему это. Он привык брать, а не давать. Может, и разбегутся тогда сами монахи. Молодые точно разойдутся, а старики долго ли проживут?

Так, не спеша, и вышли к моему новому баронству. Правда, от реки пришлось отвернуть. Дальше она шла через земли женского монастыря, потом опять по Бергу, то есть по моим уже землям, а потом уходила в

графство Клеве. А на пересечении Рура и Рейна стоял Дуйсбург. Ну ничего, до Рейна я хоть и не добрался, зато оседлал Рур. Построю там небольшой городок с портом и буду гонять корабли по Рейну до моря. Чтобы выйти к Рейну, мне придется заплатить пошлины только Клеве. А это уже совсем другой расклад. Если будут очень задира́ть цены, я их прижму на Руре. То на то и выйдет. Тем более я пошлины смогу брать и с монастырских дамочек, и с графства Марк, и с Хагена, и с герцогства Вестфален. Бедная Маргаритка, как же она сейчас волосы на голове рвет – такие лакомые кусочки потеряла... Одно баронство на этой стороне Рура и еще одно – на другой. Конечно, она бы баронство, что за рекой, все равно не удержала, рано или поздно кто-нибудь оттяпал бы. Вернее всего, епископ Мюнстера и оттяпал бы. Или архиепископ. Там как раз рядышком его город Эссен. Но одно дело – им уступить, а другое – от меня плюху получить. А вот у меня теперь тоже проблемы. На ту сторону реки ведь как-то и переправляться надо. На лодках туда-сюда сновать – совсем не дело. Мост я не осилю. Нет, потом, конечно, попробую, но это дело не быстрое. И главное тут – специалистов найти. А где их найти? Да еще таких, после которых мост бы не рухнул. Жуликов и сейчас полно. Но это все потом, а сейчас что делать? Придется скупать лодки по всем окрестным деревням и строить наплавной мост. Но ведь и лодки абы какие не подойдут. Это если один раз переправиться и бросить, тогда да, тогда все равно. А вот чтобы мост постоянно функционировал, нужны плоскодонки, желательно одного размера, нужны якоря для закрепления моста и береговые оттяжки против течения реки, чтобы мост не сносило. Нужна целая команда, которая будет обслуживать этот мост. Это «не есть хорошо». А с другой стороны – люди будут при деле денежки на жизнь зарабатывать пусть и трудным, но почетным и высокооплачиваемым трудом. И еще посадить на мосту таможеню – никто мимо не проскочит. Раз в час или в два часа, или по требованию убирать выводное звено и пропускать суда. Так и сделаю. А пока будут собирать лодки и сбивать настил – попользуемся паромной переправой. Много войск за раз таким образом не переправить, но мне пока и не надо. Не война же.

Мы двинулись к замку Абихт. Шли два с лишним дня. Баронство и в самом деле было большое. Побольше даже, чем Кестлин. И такое же сельскохозяйственное. Ну, теперь хлеба на всех хватит. А когда я смогу снабдить своих крестьян стальными орудиями труда – что им там надо: сеялки, боронилки, пахалки, то есть плуги и бороны, ну и еще, наверное, что-то, – то они меня хлебом завалят. И это хорошо. С голодом в деревнях пора заканчивать.

А вот в баронстве Мезьер, что на другом берегу Рура, полно прекрасной железной руды. И как мне ее таскать на свой завод? Лучше всего по реке. Но она, прежде чем дойти до меня, проходит через монастырские земли. Как бы меня дамочки не ободрали. Ну что ж, будем разговаривать. В конце концов, у меня тоже есть женский монастырь, и монахини мои как раз отсюда. Думаю, договоримся.

Замок Абихт вызывал ощущение жалости. Хотя вроде все целое. Хозяева, когда уезжали, все ценное вывезли, но ничего не ломали. Видно, была все-таки надежда вернуться. Почему «была»? И сейчас есть. Маргарита, видно, им наобещала в скором времени все вернуть. Иначе никак. Ее бы собственные бароны не поняли. Нет, те, что были на том поле, как раз очень бы поняли. Но их осталось совсем чуть-чуть. А может, и не осталось вовсе. Я как-то не интересовался, кто из пленных барон, а кто простой рыцарь. А вот те, что оставались дома, наверное, до сих пор винят молодого и глупого Вилли, который завел войско в засаду по своей глупости. Вряд ли до них дойдет, что такое войско могло потерпеть поражение от кучки бывших крестьян во главе с мальчишкой-баронишкой, купившим себе графский титул. Поэтому, небось, требуют от Маргариты немедленно пойти и наказать зарвавшегося юнца. Но Маргарита не дура, никуда она сейчас не пойдет. Вот соберется с силами – тогда да, тогда заявится. Вот тогда лучше не зевать. И живым к ней лучше не попадаться. Одно хорошо – Вилли больше командовать не поставят. А зря. Он с нашей тактикой знаком и мог бы хоть какие-то контрмеры применить. Да хотя бы пустить пехоту рассыпным строем. Да и конницей в лоб не атаковать. Как? Не знаю. Но ведь воюют сейчас англичане с французами, а у тех как раз пушки. И ведь как-то выкручиваются. Трудно разве поинтересоваться, опыт перенять? Нет, не пойдут они на это. Они себя считают самыми крутыми. Ну и ладненько. Мне же лучше. Так, потихоньку, и до Рейна дочапаю.

Главное, чтобы Маргаритка какую гадость не придумала. Женщина есть женщина. Она и травануть может. Надо будет озаботиться созданием какой-нибудь охранной команды. Чтобы в замке всех новоприбывших трясли как следует. И за слугами приглядывали тщательнее. Да и мне надо с Эльзой поговорить. Она среди слуг своя, если что – ей быстрее шепнут о чем-нибудь подозрительном. Но это уже по возвращении в замок. Здесь, среди войск, думаю, она меня не достанет. А травить жену она не будет. Сейчас смерть жены настолько обыденный случай, что на это никто внимания не обращает. Что? Умерла при родах? Ну и царствие ей небесное... А где тут невест выдают – покрасивше и побогаче? Хотя, надо признать, невест все равно больше, чем женихов. В Германии сейчас хоть

крупных войн и нет, но военные конфликты между княжествами случаются сплошь и рядом. В одной стычке полягут десять рыцарей и пара сотен кнехтов, в другой, в третьей – а ведь это самые сильные мужчины. Да и в деревне самый тяжелый труд достается мужикам. Вот и мрут они как мухи. Так и получается, что невест много, а женихов еще поискать.

Так что Ами она не тронет. Нет, бить будет по мне и по Курту. Именно его она, скорее всего, и считает нашим главнокомандующим, который и виноват во всех их бедах. Отчасти так и есть, и потерять Курта мне никак нельзя. В принципе, он уже сейчас спокойно может командовать – если против нас будут воевать так же, как раньше. Тогда он их побьет. А вот если придумают что-то новенькое, может растеряться и подставиться. Это для меня они ничего нового придумать не смогут. Меня им ничем не удивить, а вот его – могут. И передать ему все свои знания я не могу. Они основываются чаще всего на ощущениях. Я ведь тоже историю всех земных сражений не помню. Но вот если что увижу – в голове наверняка возникнут какие-то ассоциации, и сразу весь замысел станет понятным. Сразу вспомнится где-то виденное, где-то слышанное, где-то читанное...

Боюсь, что это не надолго. Скоро местные полководцы начнут меня переигрывать. За счет опыта, знаний, своего таланта, в конце концов. Даже с Вилли уже сейчас мне было бы трудно тягаться. Нет, все равно я бы его побил. Придумал бы что-то новенькое для этого времени и побил. Но Вилли до командования теперь ни бароны не допустят, ни мамаша. Хотя она как раз понимает наверняка, что именно ему надо командовать в предстоящей кампании. Но она все же мать. И рисковать сыном еще раз не будет. Тем более если он передал ей мои слова, что пленных больше не будет...

Мы стали заселять понемногу замок. Съездили в ближайшую деревню и наняли слуг. В основном женщин. Постирать, приготовить, ну и вообще. Мужскую работу по замку и солдаты могут сделать. Приобрели у крестьян кое-какую живность. К нам они сначала относились настороженно, но когда узнали о послаблении налогов, то настороженность тут же пропала. Тем более их никто и не пытался как-то обидеть. Все необходимое покупалось. Так что через день в замок потянулись крестьяне и из более дальних деревень. Привозили продукты, всякую живность. Много было женщин и девушек, желающих наняться на работу. Ну а что? Работа не тяжелая, и, глядишь, солдатику какого подцепишь да замуж выскочишь... Стали понемногу подходить и молодые ребята, желающие завербоваться в армию. За некоторыми потом приезжали родственники, но тут уж все, обратной дороги нет. Что интересно, я даже еще не определил срок службы

в моей армии. Поговорил как-то об этом с Куртом. Он посоветовал не забивать разной ерундой голову. Из армии в деревню сам никто и никогда не уйдет. Как в армии ни тяжело, а все намного легче, чем в деревне. И сытнее. Но я все равно подумывал назначить какой-то обязательный срок службы, а потом уже – по желанию. Предположим, десять лет, а потом можно продлить срок службы еще на пять. Дальше, если будет желание, – еще на пять. А вот до скольких лет вообще служить, я так пока и не решил.

Пробыв в замке две недели, отправились в сторону баронства Мезьер. Замок укрепили как смогли и оставили там одну роту мушкетеров и восемь пушек. Остальное солдаты сами доделают. Перед уходом выстроил всех и предупредил, что они находятся как раз на направлении возможного удара. И нападение будет наверняка. Поэтому им надо быть очень внимательными и держаться настороже. И помнить, что после того, что мы сделали с рыцарями Берга, пощады от врага никому не будет. И в плен лучше не попадать. А в случае нападения им надо выслать к нам гонцов, а самим держаться до подхода главных сил. Продовольствия и боеприпасов у них достаточно. Вода есть. Так что сидеть они могут тут долго. Но чтобы опасались предательства. В замок вход воспрещен всем чужим. Потом отдельно поговорил с лейтенантом. Накрутил его так, что он и девок теперь домой отпускать не будет. Ну и правильно. Хотят родственники повидаться с кровиночкой – пусть приходят к замку, располагаются за воротами на травке и общаются там с ней хоть целый день. А в замок никому хода нет.

Новобранцев, со взводом кирасир и полевой кухни, отправили в основной лагерь. Всего полторы сотни человек. Желающих было намного больше, но брали самых молодых, до двадцати лет, и самых сообразительных. Специальные тесты придумывать пришлось. Остальным обещали, что возьмем их немного попозже. Правда, не уточнили когда. Если и в Мезьере столько желающих будет, то и не знаю, куда их девать. Солдат-то мы из всех сделаем, рано или поздно. Но если есть солдаты, то их надо применять. Что им зря хлеб-то есть... А где? Иметь большую и сильную армию – это, конечно, хорошо. Но ведь от соседей ее не спрячешь. Начнут волноваться, в союзы разные организовываться, зубы на нас точить. Оно мне надо? Но не гнать же людей обратно...

Вообще-то я планировал иметь армию в два полка. Думаю, вполне достаточно. Еще две сотни кирасир, но уже полностью вооруженных, то есть с пикой, палашом и двумя пистолетами. Пушек в полках, думаю, достаточно. Но иметь еще три или четыре батареи в резерве. Армия вроде получается не очень большая, но очень кусачая. Всего чуть больше тысячи солдат и офицеров. Против меня прошлый раз выставили армию в три

тысячи солдат, и это не предел. Собирались армии и побольше. Конечно, сотысячной армии сейчас просто не может быть – столько солдат невозможно прокормить. Да такие армии и не нужны. Насколько я помню, через лет пятьдесят, во время похода против гуситов, император смог собрать огромную по тем временам армию – восемьдесят три тысячи с лишним рыцарей и кнехтов. Но это армия всей империи, и набрана она была в очень опасный для империи период – когда уже возникла угроза ее существованию. Больше такая армия ни до, ни после в Священной Римской империи не собиралась. Ну и слава богу. Мне бы и десятой части хватило...

Но не будем о грустном. Против меня такой армии не будет. Да и не наступил я никому на любимую мозоль, кроме Марка и Берга. А они такой армии не соберут, даже если объединятся. А они не объединятся. Ни к чему им это. Конечно, щипать меня будут постоянно со всех сторон – а вдруг удастся что оторвать... Но если я выдержу очередное нападение Маргариты, то несколько лет буду жить спокойно. Так, только иногда отмахиваться от назойливых мелких наглецов. Главное, не высовываться со своим богатством. Но пока в моем подвальчике бывали только я и Гюнтер. И достаточно. Нечего там кому-нибудь еще делать. И пока мы не высовываемся – нас не трогают. А денежки будем вкладывать в производство в собственном графстве. И благоустраивать его. Пока окружающие чухнут, нас уже фиг возьмешь. Вон взять швейцарцев. Их тоже все хотели поймать. Лезли к ним, лезли – и все время получали по морде. В конце концов от них отстали, и они несколько столетий прожили мирно. Кстати, всего через девять лет тысяча двести швейцарцев вырежут четырехтысячную армию австрийского герцога Леопольда Третьего, вместе с ним самим, при Земпахе. Покруче меня ребята воевали. И без всяких пушек и мушкетов. И пленных они, кстати, не брали. За взятие кого-то в плен у них было одно наказание – смерть. Вот поэтому от них и отстали в конце концов. Вот бы и от меня отстали!.. Но для этого мне надо стать таким же жестоким и кровожадным, как и они. Пока не получается. Может, и к лучшему?

Наконец подошли к реке. Лодок мои эмиссары набрали достаточно. Но невдалеке была еще куча лодок, а на берегу сидели мужики и о чем-то судачили.

– Это кто такие? – спросил я у молодого парня, очередного помощника Гюнтера, посланного с нами.

– Да местные. Как слышали, что мы лодки скупаем, так гонят и гонят. Нам уже давно не нужно больше. Объяснил им, все равно сидят.

– Приведи ко мне кого-нибудь попрличнее из них.

Подошел мужик. Одет вроде не в рванье. Уже хорошо. Значит, за собой следит и цену себе знает.

– Откуда вы? Из какого баронства?

– Из баронства Абихт, ваше сиятельство. Но есть пара человек из баронства Мезьер. На той стороне реки, неподалеку, их деревня.

– Так вот, лодок нам сейчас больше не надо. Но вы пока не расходитесь – вдруг не хватит, тогда еще купим.

– Зачем столько лодок, ваше сиятельство?

– Мост будем строить. Из лодок. Если кому нужна постоянная работа, пусть подходят. Человек двадцать я возьму. Платить буду хорошо, но за нерадение можно не только плетей отхватить, но и на виселицу угодить, если вдруг по чьему-то недосмотру люди пострадают. Поговори со своими. Иди.

Потом стали строить сам мост. Я сначала пытался руководить, но потом отошел в сторону, когда понял, что мои команды иногда противоречат друг другу. Мостом занялся помощник Гюнтера. Толковый парень. Вроде и молодой совсем, а все у него складно и быстро получается. Умеет же Гюнтер находить людей...

Выставили лодки поперек русла, скрепили их между собой. Потом обсудили с Эрихом, так звали помощника Гюнтера, где делать выводное звено, из чего изготовить береговые оттяжки и так далее. Плохо, что материала на настил практически не было. Я-то думал сделать его из досок потолка. Ага, как же. Где ж их взять-то. Да даже если и найду, то мостик получится чуть ли не золотым. Доски сейчас очень уж дороги. Решили обойтись жердями. Не особо толстыми, диаметром от десяти до пятнадцати сантиметров. Как выразился Эрих, толщиной с руку и ногу человека. Послали людей в ближайший лес. Да, думаю, дня два тут провозимся. Можно переправиться и на лодках, благо их целая флотилия, но и самому стало интересно, что с мостом получится.

Через пару дней мост и в самом деле был готов. Даже бригаду рабочих набрали для его обслуживания. Вернее, две бригады по десять человек. Будут работать вахтовым методом, по десять дней. Начали даже строить небольшую крепостцу на этом берегу у моста. Будет таможенный пост. На ночь на мосту, через каждые два метра, зажигали масляные фонари. Проход открывался только днем. Шесть-семь раз за день. Хватит. Движение по реке было не таким уж и оживленным. Если что, подождут. Рыбаков разрешил пропускать без всяких пошлин. Конечно, будет контрабанда, ну и пусть. Важен сам факт того, что я встал на реке. Какую будут брать пошлину, я не знал, да и не интересовался. Этим заведует Гюнтер со своими

помощниками. Один как раз тут. Оставил ему десяток мушкетеров, две пушки с расчетами и отправился дальше.

До замка Мезьер добрались на второй день. По пути встретили рыцарский замок, вполне себе жилой. Послал разобраться кирасир. Минут через десять привели старика и девчушку. Хотя какая девчушка – лет четырнадцать уже. Замуж пора. Да и старик был воином серьезным. В старых доспехах. Меч, правда, в ножнах. Шлем в руках. Вид довольно грозный. Сразу видно старого рыцаря. И как его мои кирасиры не пристрелили? Из уважения к сединам, наверное.

– Кто вы и что здесь делаете? – спросил я, не слезая с коня. Не очень вежливо, конечно, но я граф, а он всего лишь рыцарь. Тем более мы на моей земле, у моего замка. Хотя понимаю, что это как раз его замок и его земля. Были. Ничего не поделаешь, так уж вышло.

– Хардвин фон Пройсс. А это моя внучка Эмма. – В глазах у него были тоска и безнадега. Видно, слышал, что я обещал перебить всех оставшихся в своих замках рыцарей, и теперь готовится к смерти. Стоит с высоко поднятой головой. Тоже мне герой. Хоть бы девчонку пожалел, старый дурак.

– Почему остались в замке?

– Нам некуда идти. Родственников не осталось, а жить из подаяния мы не будем.

– А умереть здесь с голоду – лучше? Крестьян-то и земли у вас теперь тоже нет. Ладно, старик. Я направляюсь в замок Мезьер. Обрато мы пойдем недели через две. Можешь отправиться с нами в Линдендорф.

– Зачем?

– Ты старый и опытный воин, и я могу тебя взять в свой учебный центр инструктором. Будешь из молодых оболтусов делать воинов. А внучка пойдет в свиту к моей жене. Та не намного старше, так что общий язык, я думаю, они найдут. Ну а нет так нет. Но на обратном пути мы замок разрушим. Так что решай.

Я развернул коня, и мы двинулись дальше. Думаю, старик пойдет с нами. Был бы один – попробовал бы пристроиться к каким-нибудь наемникам, а с девчонкой ему деваться просто некуда. Не то чтобы он так уж мне был нужен, но стало вдруг его жалко. И его внучку. Тем более что сын его, а может и не один, остался на том злосчастном поле, вернее всего. Там ведь наверняка были в основном вот такие, самые бедные, которые не смогли заплатить отступные и пошли в поход сами, и забрали с собой всех более-менее нормальных мужиков, чтобы сформировать копье. Никто, видно, и не вернулся. Ну что ж, бывает. Но если смогу помочь, то помогу.

А не захочет, так кто ж ему тогда злобный буратино? Его проблемы...

В замке все пошло по заведенному распорядку. Укрепление стен, строительство площадок под пушки. Оборудование стрелковых ячеек. Помощник Гюнтера, оставленный здесь, мотался по деревням и рудникам, которых было четыре: руду из них перерабатывали в небольшом городке, а основную часть продавали на сторону. Теперь она пойдет на мой завод. Руда была очень хорошая, богатая железом. Судя по разговору с местными кузнецами, железа она содержала процентов семьдесят – очень хороший показатель, даже замечательный. И главное, три рудника были недалеко от реки. Очень удобно будет возить по реке прямо к моему баронству. А четвертым рудником пусть пользуются местные. Порядок в городе я навел быстро. Просто оставил в магистрате свои указы и предупредил, что если хоть один пункт не будет выполнен, то и города не будет. Предложил бургомистру и членам магистрата съездить в Линдендорф и посмотреть, как там все устроено. Так сказать, перенять опыт. Тем более теперь, с открытием моста, – это не такая уж проблема.

Прошло две недели, и мы наконец стали собираться в обратный путь. Скорее бы уж оказаться дома... Соскучился. В замке оставили роту мушкетеров и пушкарей с пушками. Деньги и у коменданта замка и у его гражданского помощника были, так что кладовые забьют. Тем более начался сбор урожая. Да одних налоговых продуктов крестьяне натащат столько, что на пару лет хватит. Но нужно было закупать еще много чего, необходимого для жизни в замке. Старые-то хозяева все вывезли.

Старик с внучкой к нам все-таки присоединились. Видно, приперло капитально. Поговорив с ним, выяснил, что оба сына у него погибли в стычках с графством Марк. Лет десять назад. Я ему сообщил, что мой старший брат погиб приблизительно в то же время, но сражался, правда, на другой стороне. Родственников близких у них не осталось – кто погиб, кто от лихоманки какой помер, а ехать к дальним он не захотел. Вот так и получилось, что они остались в своем замке. Решили умереть дома. Ехал он на старом, но довольно бодром рыцарском коне. Внучка его ехала в большом фургоне, управлял которым старый слуга. Еще в фургоне с внучкой находились две пожилые служанки. А замок мы таки разрушили. Да и было бы что там разрушать – один залп ядрами из четырех орудий, и здание просто рассыпалось. Давненько его не ремонтировали. Теперь уже и не придется. Старик смотрел на это со слезами на глазах, а внучка просто рыдала. Я объяснил ему, что иначе никак нельзя. Оставлять базу для врагов, которые, возможно, вторгнутся в мои земли, я не могу. И держать гарнизоны во всех замках я тоже не могу – людей не хватит. Тем более что

у них за замок, он сам видел. От одного залпа рассыпался. А если бы там были защитники?

Он, конечно, все понял, все-таки старый воин, и пошел успокаивать внуку. Так мы с ним и беседовали иногда. Все-таки мои офицеры хоть и были уже дворяне, но меня почему-то ужасно боялись. Может, помнили, как я их палкой охаживал на занятиях? А старик уже ничего не боялся. Да и жил он, похоже, только ради внуки. Зато девчонка от меня шарахалась, как от черта. Вообще-то правильно. Малолетка-то она малолетка, но все, что положено иметь девушке, она имела – округлости все были на месте. А мне до дома еще недели полторы. Нет, ничего такого я даже и не замыслил, но мой взгляд говорил об обратном. Бедная девчонка, наверное, все ждала, когда же я ее изнасилую. Нет уж, нет уж. И хотя здесь за растление малолеток статьи нет, да и не считается она уже малолеткой, но у меня мозги-то не только из этого времени. Для меня она все равно малолетка. А сам я кто? Мне шестнадцать только через месяц исполнится. Да, ну и времена...

Мост уже вовсю функционировал. Сам видел, как две крестьянские телеги проехали по нему. И пара больших лодок стояла недалеко от моста у берега, видно, ждали открытия прохода.

Переправились довольно быстро и слаженно. Конечно, не очень приятно идти по качающемуся мосту, но лучше так, чем мучиться с лодками. С коней пришлось слезть и вести их в поводу, но ничего, все кони спокойно перешли. Поговорил немного с Эрихом и отправился дальше. В замок Абихт решил не заходить, а идти к себе напрямую. Много мы так, конечно, не сэкономим, но хоть день, и то хорошо. Надоело все. Надо было послать Курта. И чего я сам поперся? Все, вернусь в замок – и дальше своего города больше никуда.

До своего замка я добрался за девять дней. И вроде бы не спешили особо, но, видно, всем уже домой хотелось, поэтому так и получилось. И не спешили, а шли довольно быстро. Ну и прекрасно. Основная колонна пошла в лагерь, а я рванул сразу в замок. Прихватил только старика с его фургоном. Сегодня в замке переночует, а завтра его в лагерь отправлю. Пусть посмотрит, как внучка устроилась, и успокоится. Въехав в замок, соскочил с коня и тут же бросился в донжон. Ами перехватил на лестнице между первым и вторым этажами. С визгом она бросилась ко мне. Чуть не свалились, хорошо, что я одной рукой держался за перила. Минут пять оторваться друг от друга не могли. Потом она, как порядочная замужняя дама, оправила котту и чинно повела меня в столовую. Но вот туда мне как раз было рановато. Надо было сначала помыться как следует, поваляться в

горячей ванне. Увидев Вилду, распорядился насчет гостей. В первую очередь, конечно, отмыть. Всех. И хозяев и слуг. Будут противиться – гнать. Я по пути рассказывал Хардвину о наших порядках, и он вроде против них ничего не имел, но мало ли. Вон некоторые пленные рыцари так и просидели все время в таверне из-за нежелания соскоблить с себя многолетнюю грязь. А мы с Ами пошли ко мне. Там я сразу нырнул в ванну. Ами, естественно, за мной. Но сначала она и в самом деле меня просто отмывала, а вот после того, как мы сменили воду... к обеду вышли только через час. И то пришлось пообещать, что после обеда я никуда не исчезну и мы вернемся в спальню.

На обеде присутствовали только старик Хардвин и его внучка. Ну, внучку быстро определила на женскую половину Ами, а Хардвина я обещал отправить в учебный лагерь завтра. Или Курт его заберет, если я буду занят. А я думаю, что занят я буду. Очень даже занят. И вряд ли освобожусь всю неделю. Надоело все, отдохнуть хочу.

Вечером, после ужина, собрались уже все вместе, то есть втроем. Мы с Куртом долго рассказывали Гюнтеру о нашем походе, о новых баронствах, о замках. Но оказалось, что все это он уже знает, даже больше. Курт вылупил глаза на него и аж рот раскрыл, а я лишь рассмеялся:

– Ай да молодец, Гюнтер. И как твои помощники тебе почту переправляли?

– Да по-всякому. Как попадалась какая оказия, так и отправляли.

– Очень хорошо. Замечательные у тебя помощники. Но надо бы, чтобы твои помощники шастали не только по нашим баронствам, но и по чужим.

– Уже, ваше сиятельство. В основном с купцами, а иногда и сами, как купцы.

– Прекрасно, Гюнтер, прекрасно. Вот по этому, так сказать, деликатному поводу у меня и есть к тебе дело...

И я рассказал ему о своих подозрениях по поводу Маргариты. И об охране наших секретов на заводе тоже поведал. И вообще, посоветовал ему подобрать человека, надежного и неглупого, который бы занялся охраной всех наших объектов. Не сам, конечно, а подобрал бы незаметных и опять-таки надежных людей, желательно горожан и обязательно семейных. Для страховки, так сказать. Гюнтер все это аккуратно записал и обещал все выполнить. А на охрану моей особы уже сейчас пообещал направить пару совсем незаметных людишек. Возражать я, конечно, не стал. Потом Гюнтер доложил о хозяйственных делах. Все у нас, слава богу, было нормально. Можно было бы сказать – хорошо, но Гюнтер опять стал жаловаться на то, что деньги некуда вкладывать.

– Слушай, Гюнтер, а есть у нас где-нибудь карьер, где бы мы смогли гравий добывать? Любой. Можно гранит долбить, можно еще чего... не знаю, я гравием как-то раньше не занимался.

– Да, можно найти что-нибудь подобное, ваше сиятельство.

– Вот и найди. И отсыпь этим гравием дорогу до реки. Ведь с реки нам будут возить руду из Мезьера. А осенью и весной сам знаешь какие у нас дороги. Да и зимой не лучше. Вот и построй дорогу. И пристань, хоть небольшую, на реке поставить надо. Как же руду-то разгружать? И купцов у нас появится сразу намного больше. Хотя, конечно, лучше бы нам своих купцов поднимать. Ты бы пригляделся к нашим, может, и есть приличные и оборотистые. Таким и льготы какие предоставить можно. Даже и товар не особо дорогой на реализацию давать.

– Да есть и у нас такие.

– Вот и поработай с ними как следует. Чем больше у нас богатых купцов будет, тем богаче станет город. Вот, а ты говоришь – деньги девать некуда. А ведь можно дороги и к нашим рудникам и шахтам проложить. Это ведь все потом окупится. Древние римляне вон полторы тысячи лет назад какие дороги строили – до сих пор стоят, а мы что, не сможем, что ли? Не такие, как у них, конечно, но даже и те, какие получатся, – очень много нам дадут. Так что занимайся. И сам тоже думай. Все, засиделись мы сегодня. Меня жена ждет. И следующие дни постарайтесь меня поменьше дергать – отдохнуть хочу; если только и в самом деле что-то важное...

Я встал и ушел. Вот ведь достанется мне сейчас от Ами... Обещал на часок задержаться, а уже почти полночь.

Ами уже спала. Тихонько разделся и лег рядом. Спит и пусть спит. Но не тут-то было. Только я пошевелился, как она тут же проснулась. Думал, сейчас упреки начнутся. Ничего подобного. Сначала ощупала меня рукой, потом приподнялась на локте, посмотрела на меня и молча, ничего не говоря, впилась в мои губы. И все. Дальше только какой-то калейдоскоп в голове. Но картинки он показывал поистине прекрасные.

Утром проснулся рано, как всегда, но решил никуда не ходить. Повалился немного в ванне и опять нырнул под одеяло. Ами тут же меня обняла и даже ногу на меня закинула. Так полежал немного, полежал – и незаметно для себя уснул. Но поспать долго не получилось. Проснулась Ами и стала меня тормошить. Утомонились мы только к обеду. Когда одна из служанок пришла приглашать нас на обед, мы как раз совместно принимали ванну.

После обеда я все-таки решил сходить на завод. Прогуляться-то все равно надо. Тем более погода была просто замечательная. Для осени,

конечно. Сухо и не жарко. Совсем не жарко. Как раз то, что надо для бега.

На заводе меня порадовали. Хайнц уже заканчивал строительство третьей домны. Как раз под руду из Мезьера. И конвертер новый готовил. Черт побери, куда ж я столько стали-то дену? Нет, сколько бы я ее ни выплавил, для Европы все будет мало – но вот цены могу обрушить. Сейчас хорошая сталь шла чуть ли не по цене серебра. А уж инструментальная – как раз по цене золота. И все это порушить, да еще своими руками?.. Нет, на благотворительность я не подписывался. Поэтому цены буду держать до последнего. А лишнюю сталь лучше пущу на сельхозорудия для своих крестьян. Именно для своих. Раздам всем в кредит, в приказном порядке. Правда, без процентов. Церковь ростовщичество не одобряет. Что не мешает ей покровительствовать итальянским банкам. Лицемеры. Но мне проценты и не нужны. Главное, чтобы крестьяне привыкли к таким орудиям и повысилась урожайность. А она обязательно повысится. И крестьянский труд облегчится, и сытнее у них жизнь станет. И хорошо от этого будет не только им, но и мне. Они за меня кому угодно глотки перегрызут.

Зря здесь считают, что крестьяне – тупое и безынициативное быдло. А откуда городские жители? Не из тех же деревень? А мои мушкетеры? Процентов на семьдесят из деревенских. И вполне себе смышленные ребята. Просто крестьянам все по барабану. Что один господин, что другой. Все их только обдирают. Правда вот, с грамотностью у них проблема. В лучшем случае один из ста грамотен. С другой стороны – на фига им грамотность? Даже моим мушкетерам. Да и пушкарям она пока не очень-то нужна. Рассчитывать баллистику? А зачем? Лупим-то пока только прямой наводкой. Если только рассчитать время горения трубки в бомбе, так для этого особой грамотности не надо. До ста можешь считать – значит, командир пушечного расчета. А таких, слава богу, пока хватает.

Но вот с сельхозорудиями – это я хорошо придумал. Обязательно этим надо Гюнтера озаботить. Пусть он это поручает Хайнцу или еще кому, но сделает. Вот и будем вкладывать наши денежки в наших же людей. Что интересно, денег от этого в перспективе станет только больше. И сталь лишняя уйдет. Но надо предусмотреть драконовские меры, чтобы крестьяне не торговали этими орудиями. Сломал – отнеси на приемный пункт и получи новый. С наценкой, конечно. А если при проверке не сможешь предоставить свой стальной плуг или там мотыгу какую и не сможешь внятно объяснить, куда она подевалась, то тебе хана. Переходишь в кабальные. Без земли, без дома. Несколько таких случаев – и любой серп или лопату будут беречь как зеницу ока. И на предложение продать этой

самой лопатой и ответят. По голове. Решено. Так и поступлю.

Что бы еще придумать? Были бы свои корабли – можно торговать сталью на Востоке. Там тоже постоянно воюют, так что моя сталь очень даже к месту придется. Но кораблей нет. Эх, был бы я в прошлой жизни каким-нибудь яхтсменом... Отгрохал бы себе какой-нибудь кораблик, который хрен догонишь, а если и догонишь – то хрен потопишь. Из всего связанного с морем я хорошо помню только одно – корабли по морю ходят, а не плавают. Почему так? Фиг его знает. Даже странно. Человек по морю плавает, чайка по морю плавает, даже рыба плавает, а корабль идет. Ерунда какая-то. Но если кому-то нравится, то ради бога. Был бы у меня корабль – и плавать, ходит он или плавает. Главное, чтобы исполнял все возложенные на него требования. Но корабля у меня нет и не предвидится. Даже если я выйду на Рейн, все равно мои кораблики будут бегать в лучшем случае до Роттердама или Дордрехта. Дальше их уже хрен пустят. Нет, прорваться, конечно, можно и дальше, но куда? Нужны морские корабли, а не речные плоскодонки. Можно даже прикупить несколько морских кораблей, в том же Роттердаме. А дальше? Нет, сам я на этих скорлупках плавать не собираюсь. Или даже если ходить – все равно не собираюсь. Не морской я человек, не морской. Лучше уж я по земле, ножками. Или на лошадке.

Но до Роттердама я точно доберусь. В принципе, и сейчас уже могу отправлять речные кораблики в Роттердам или Дордрехт. Построить на моем кусочке Рура порт – и гонять корабли. Придется проходить через графство Клеве и через свободный город Дуйсбург. Но через них по-любому придется проходить, с Рура или с Рейна. И там и там по-любому придется платить проездную пошлину, так что к Рейну мне выходить, в принципе, не очень-то и надо. Но почему-то хотелось. И потом, на Рейне растет вкусный виноград. У меня в Эттингене тоже есть виноградники, но на Рейне, говорят, они лучше. А виноград я люблю. С детства. Правда, Лео и не пробовал его никогда и, честно говоря, нисколько об этом не жалел. Но я-то пробовал... Так что если Маргарита подставится, то будут у меня свои виноградники. Хотя с территорией графства надо что-то делать. Сейчас она у меня вытянутая и искривленная какая-то, как бумеранг. Это не очень удобно. Перебрасывать войска из одного конца в другой довольно долго. Надо бы ее как-то... округлить, что ли. Но для этого мне придется оттяпать у Маргариты треть ее земель. Вот тогда Вилли точно станет полноценным герцогом – боюсь, сердечко его мамы такой потери не выдержит. Да что об этом говорить... Может, и не будет никакой войны? Может, здравый смысл все-таки возобладает? Было бы неплохо. А без Рейна я обойдусь. И без винограда тоже. Закажу вон Гюнтеру, он мне этого винограда навезет

сколько душе угодно.

Я сидел на берегу реки на бревнышке и рассматривал завод. Наконец до меня добрался Дитмар. Он притащил какую-то длинную штуковину, завернутую в тряпку, развернув которую, продемонстрировал мне мушкет. Нет, это уже не мушкет – это вот как раз штуцер и есть. Ствол длиннее на целый фут. Да, знатная машинка. Хотя в будущем все было или будет наоборот. Мушкет – длинная гладкоствольная дура, а штуцер короче, но с нарезным стволом. Но я называю свои ружья как мне нравится. Мои ружья – как хочу, так и назову.

– Испытывал уже?

– Да, ваше сиятельство. С чуть увеличенной навеской пороха за тысячу шагов пробивает рыцарский доспех.

Значит, начиная с семисот метров и ближе – хана рыцарям. Очень хорошо. Подстрелить сразу самых умных и расфуфыренных, остальные бросятся на нас толпой, мстить. Прямо под картечь. И сколько бы там ни было этих «железных дровосеков», всех картечью посечем. Главное, знать, кто из расфуфыренных умный, а кто дурак. А то подстрелим дурака-командира, и командование перейдет к умному. Тот нас и раскатает. Да, тактику применения таких ружьишек надо будет еще продумать.

– Сколько уже таких сделал?

– Пока только один. Очень уж сверлить трудно. Постоянно сверла ломаются. Отец ругается, грозит, больше таких длинных сверл не делать.

– Скажешь ему, что это мой заказ – не откажет. Да мне и нужно таких мушкетов всего-то десяток. Про большее количество и не заморачивайся. Гони обычные мушкеты. Из новых баронств прибыли еще две с половиной сотни новобранцев, их еще вооружать надо. И нужен запас на складах, конечно. Что с пистолетами?

– Стабильно. Два пистолета в день.

– Нам нужно четыреста кирасирских пистолетов, ну и небольшой запас. Подсчитай сам, сколько уже выпустили и сколько еще надо. А потом делай такие же, как у меня. Пушкарей ими вооружать будем, а то у них кроме кинжалов и оружия никакого нет.

– Сделаю, ваше сиятельство.

– Все, Дитмар, работай. И еще. Спасибо тебе за такой замечательный мушкет.

Он аж рот раскрыл от удивления. Чтобы граф сказал простолюдину «спасибо» – это что-то невиданное и неслыханное. Ладно, пусть порадуется. Он и в самом деле молодец. Сколько мучился, а все же сделал. С десятком таких штуцеров я много чего могу натворить. Пока не знаю

чего, но обязательно соображу.

Я завернул штуцер в ту же тряпку, вскочил на коня, и мы направились в лагерь. Надо было найти двух моих снайперов. В походе они все время находятся рядом со мной, а сейчас должны быть в лагере. Если, конечно, не находятся в увольнении в городе. Но, к счастью, они были в лагере. Первая рота, к которой они и были приписаны, сегодня дежурила по лагерю, вот они и сидели вместе с другими мушкетерами в караулке. Вызвал лейтенанта, командира роты, и предупредил его, что забираю двух бойцов. Отошел с ними подальше, развернул тряпку и отдал им штуцер. Они по очереди очень внимательно его осмотрели, чуть ли не на зуб попробовали.

– Берите этот мушкет. Называется он «штуцер». И идите на стрельбище. Испытайте его там как следует. Заодно и пристреляете. Попробуйте различную навеску пороха, но больше чем на треть не увеличивайте. Потом доложите. Идите.

Они тут же умчались. Так, ну и мне в общем-то пора. Хотя неплохо бы с Эдрикком мечами помахать... Нет, завтра. Прямо с утра. А сейчас уже пора. Обещал же Ами вернуться до ужина. Так что вперед, господин граф.

Но вот как раз утром нам с Ами весь кайф и обломали. Ей не удалось придержать меня до обеда в постели, а мне не удалось вырваться позвенеть мечами. К нам притащились две монахини. Пришлось одеваться и идти их встречать. Одна была аббатисой нашего маленького монастыря, а другая – какая-то шишка из монастыря большого, что на реке Рур. Звали ее мать Бригитта. Что она хотела, я уже понял, но не спрашивать же ее в лоб: «Чего тебе, тетка, надо?» Придется соблюдать приличия.

Сначала они мне прочитали лекцию. Религиозную, конечно. На тему: «Как хорошо быть верующим католиком и как плохо быть еретиком». Потом местная аббатиса долго благодарила меня за помощь, что я оказывал их обители. Ничего себе помощь! Да они на полном моем содержании... И только потом, наконец, перешли к вопросу, из-за которого они тут и появились: во всяком случае, мать Бригитта – точно. Разговор зашел о пошлинах, что взимали мои таможенники на мосту через Рур. Ну, тут все разрешилось к обоюдному удовлетворению. Мы договорились, что я не беру с их кораблей пошлину на моем участке реки, а они не берут ее с моих кораблей на своем. Вот и все. Мать Бригитта была очень довольна. Естественно, ведь их кораблики по реке бегали. Не часто, но бегали. А вот мои – нет. Не было у меня корабликов. Вообще.

Ничего, посмотрел бы я на нее, когда из Мезьера сплошным потоком потянутся баржи с рудой... Поэтому я захотел оформить нашу договоренность на бумаге. Возражать она, конечно, не стала. Вызвали из

города поверенного, и он нам быстренько оформил договор в двух экземплярах. Один мне, один ей. На этом и расстались. Монахини уезжали на своем возке очень довольные. Одна думала, что облапошила глупого мальчишку, а другую при расставании я попросил принять на нужды монастыря сотню гульденов. А что делать? Девчоночий молодняк из разоренных рыцарских замков кормить-то надо... Но день все равно был испорчен. Надо же, чуть ли не до обеда с ними протрепался. Ничего, зато решил вопрос с проводкой своих барж через их участок реки. А я думал, мне самому к ним тащиться придется. Плохо, что довольно протяженный кусок моим баржам придется проходить по реке, общей с графством Марк. Как бы местные каких пакостей не придумали. Река там не широкая, метров сто всего, так что можно обстреливать экипажи барж и из луков, и из арбалетов. Придется ставить щиты и прятать за них хороших стрелков. Подстрелят десятка два-три придурков – остальные и угомонятся.

Время подходило к обеду, так что я вытащил из спальни Ами, и мы просто сидели в столовой и болтали. Ами, естественно, стала перемывать косточки всем своим дамам. И тут выяснилась интересная вещь. Оказывается, почти все дамы были беременны. И Ханна, жена Гюнтера, и Грета, жена Курта, и многие бывшие дочери рыцарей, что сейчас замужем за моими офицерами. А вот Ами никак не могла забеременеть. И это ее очень волновало. Она боялась, что, не получив наследника, я ее или выгоню, или отдам в монастырь. Вот ведь глупая. Как я мог ее выгнать – ведь тогда на другой жениться бы никак не смог. Разводов тут нет. Так что так и так остался бы без наследников. Долго ее успокаивал. Дело чуть до постели не дошло, но тут начали подавать на стол. После обеда я велел ей собираться. Элдрика попросил подобрать ей какую-нибудь смирную лошадку, хотя в седле она держалась не хуже меня. Дочь барона все-таки. Собрались и поехали в город. Я все равно хотел заскочить к бабке-травнице, вот заодно и проконсультируюсь у нее.

Бабка внимательно выслушала меня, потом осмотрела сначала меня, потом Ами. Та ужасно стеснялась, а мне хоть бы что. Подумаешь. Я и не такие осмотры, бывало, проходил. Потом усадила нас рядышком на лавку.

– И чего вы, ваше сиятельство, занятым людям голову морочите? Все с вами обоими в порядке. И детки будут. Сколько? Это уже вам решать. Живите и не волнуйтесь ни о чем. Просто вы очень молоды. Придет время, и все у вас будет. Только не ленитесь, но и не переусердствуйте. Сейчас вам этого постоянно хочется, возраст у вас такой, но постарайтесь себя иногда сдерживать. Не надо этим заниматься сутки напролет.

Ами расцвела. Стала благодарить бабку, наказала мне наградить ее как

следует. Надо же, баронская дочка, а простую травницу благодарит как ровню. Моя школа. Я, естественно, бабку отблагодарил десятком гульденов. Потом поговорил с ней по вопросу, по которому давно собирался с ней встретиться. Я стал уговаривать ее взять себе учеников. Именно учеников. Хотя и учениц не возбраняется. В войсках должны быть хоть какие лекари. Чтобы могли рану обработать, кость вправить, перевязать грамотно. Да и знание травок всегда пригодится. Можно, конечно, и девок в войсках держать, но парней все же лучше. Не то чтобы я опасался, что лекарку кто из солдат обидит – таких дураков нет, кто ж будет обижать человека, от которого, возможно, твоя жизнь зависеть будет. Но всякое может случиться. Дело-то молодое. Мне только шекспировских страстей в полках не хватало.

Бабка сначала отнекивалась, а потом все же согласилась. Я на радостях обещал ей выстроить большой дом, в котором она будет и жить, и учить. И платить я ей обещал хорошо. Но согласилась она вовсе не поэтому, а потому, что страдающих поносом в городе почти не стало. И в этом только моя заслуга. Тут она была права. В это время диарея – настоящий бич. Особенно страдали города и, как ни странно, армии. Плохая, грязная пища, грязные руки... Да какие руки – грязь была везде. Воду брали из загаженных рек, а в походе солдаты, да и не только солдаты, пили из болот и простых луж. Иногда армии поворачивали назад, так и не дойдя до противника. Воевать со спущенными штанами – не очень-то удобно. А вот у меня в войсках такого не было. Вообще. Каждый случай заболевания внимательно расследовался. И если выяснялось, а оно всегда выяснялось, что солдатик попил водички из вроде бы чистой речки или не помыл руки перед едой, то получал таких плетей, что диарея у него, конечно, сразу проходила, но спать ему еще очень долго приходилось на животе. В городе, естественно, такой строгой дисциплины не было, но и там уже поняли, что чем меньше грязи, тем меньше болезней. Потому и следили за этим так строго. И к приезжим так относились. Можно сказать, предвзято. Это приезжие так считали. А вот жители города – наоборот.

От бабки направились в мой дом. Хотя чей он теперь? У меня там только небольшая спальня. А живет там Гюнтер. Надо будет как-то это узаконить. Мне этот дом и на фиг не нужен, до замка рукой подать. Так с Гюнтером и договорюсь. Пусть весь дом отпишет на себя, а за мной оставит только мою спальню. Ну и Беату.

Гюнтера нашел в кабинете. Ами умчалась к Ханне, а мы с ним стали решать насущные проблемы. Я ему рассказал про монахинь. Посмеялись. Предположили, что скоро заявятся из герцогства Вестфален и из Хагена.

Но с ними уже должен разбираться Гюнтер. Приказал ему с кораблей графства Марк пошлину не брать. В принципе, я это уже приказывал еще таможенникам на мосту, но мало ли. Гюнтер – известный скопидом, а нам сейчас злить графа ни к чему. Рассказал ему о своей задумке снабжать наших крестьян сельхозорудиями. Долго с ним спорили по этому поводу, но в конце концов я его все-таки убедил. Приказал построить дом для бабки с парочкой комнат-классов. Еще обговорили кучу вещей. Вроде и виделись и совещались совсем недавно, а столько всего накопилось... Потом прошелся по дому и заглянул в свою комнату. У дверей, как на страже, стояла Беата. Поцеловал ее за ушком, шепнул несколько ласковых слов, хлопнул на прощанье по тугой попке – и она, счастливая, убежала. Может, зря я так? Выдать ее насильно замуж за кого-нибудь – и все, никаких забот. Как говорится, стерпится – слюбится. Но не получается как-то. Ладно, подождем. Выдать замуж я ее всегда успею. Хотя насильно – очень бы не хотелось. Вот если бы она сама попросилась... И что тогда? Отпустил бы? А фиг его знает. Ладно, пойду искать супружницу.

В замок вернулись как раз к ужину. После ужина не рванули, как раньше, в спальню, а посидели поговорили. Потом поднялись на верх донжона и полюбовались звездами. И только потом пошли в спальню. Особо ничего не изменилось, Ами была такой же ненасытной, но уgomонилась намного раньше. Так что я прекрасно выспался. Утром вскочил и помчался на занятия. Ами было попыталась меня остановить, но как-то вяло. Ну и хорошо. Пусть спит. Она-то не привыкла подниматься до зари. А я здорово оторвался. Сначала бегал с час, потом часа два занимался с Элдриком, потом столько же стрелял. И из пистолета, и из мушкета. И если в стрельбе из мушкета у нас были и получше стрелки, не много, но были, то вот с пистолетами мне равных не было. Правда, из такого пистолета в прыжке не постреляешь и в перекате тоже, но навскидку я стрелять научился. И даже попадать. Во всяком случае, с десяти метров – 10 из 10. Ну а обычно, прицеливаясь, с тридцати метров и стоя, и с коня бил без промаха. Так и провел время до обеда. Вот так теперь всегда и будет. До обеда буду заниматься своей физической подготовкой, после обеда – делами графства, а после ужина – женой.

Как решил, так и сделал. Правда, на следующий день мой график слегка поломали. Еще с вечера Гюнтер жаловался, что представители купцов города Хагена отказываются платить пошлину у моста. Целый день он с ними ругался, и все без толку. Грозятся разными карами. Ну да, они же принадлежат архиепископу Кельнскому, а имея такую крышу, можно и повыеживаться. Сам город Хаген стоял на реке Волме, притоке Рура.

Вернее, не реке, а речушке. Пройти по ней, да и то на небольших плоскодонках, можно было только весной и ранним летом, когда вода еще не спала. А в остальное время речку, как говорится, куры вброд переходили. Правда, от Хагена до самого Рура было не далеко, и они имели там небольшую пристань. А оттуда товар перевозили на телегах. Но это все их проблемы. Положено платить – пусть платят. Тем более не такие уж большие деньги. Так вот, утром, когда мы с Элдриком звенели мечами, прибежал слуга и с круглыми от испуга глазами доложил, что у ворот замка какие-то купцы требуют встречи с графом. Совсем охамели. Купцы – и вдруг требуют что-то от графа. Ну ни фиги себе...

– Пойдем, Элдрик, посмотрим, кто там такой наглый.

Даже не переодеваясь, мы отправились к воротам. У ворот стояла кучка бородатых мужичков.

– Ну и кто тут чего требует?

– Я, старшина купеческого цеха, бургомистр города Хаген, требую...

– Заткнись, – прервал я его. – Элдрик, этого требовальщика повесить, остальных выпороть. И как следует, не жалея плетей. Чтоб знали в следующий раз, от кого можно что-то требовать, а от кого нет. Выполняй.

Развернулся и ушел. Да, архиепископ и так-то меня не очень жаловал, а теперь вообще возненавидит. Эти деятели сейчас к нему помчатся жаловаться, пока поротые задницы саднят. Вот умею я врагов наживать... И главное, на ровном месте. А, и черт с ним. И я пошел на площадку. Все, теперь никаких отклонений от распорядка. До обеда занимаюсь физподготовкой, и чтобы никто меня не смел дергать. Если только война начнется. А все остальное – подождет.

Глава 8

Прошли осень и зима. Ничего особо важного для графства не случилось. Да и у меня ничего нового и важного не было. Это, конечно, не значит, что я все это время провалялся в постели. Дел было полно. Постоянно возникали какие-то вопросы, которые надо было решать. Но все вопросы решались. Войсками постоянно занимался Курт. И у него это неплохо получалось. Гонял он всех так, что даже мне жалко солдатиков становилось. Правда, это мне не мешало иногда огреть палкой какого-нибудь бестолкового увальня. В основном я занимался артиллеристами. Не всегда, а время от времени. Вот там как раз увальней хватало. И это была необходимость. Но и сообразительных и толковых ребят там тоже хватало. И надо было из сильных увальней сделать сообразительных, а из сообразительных и толковых – сильных. И палка тут здорово помогала.

Теперь у нас опять было два полнокровных полка. Даже с дополнительной артиллерией. Это если считать мои четыре резервные батареи. И группа снайперов у меня была. Вернее, две группы, по пять человек в каждой. И все вооружены настоящими штуцерами. Нет, в каждой роте были свои снайперы, но мои – это мои. Это были вообще уникалы. В минуту они могли делать почти по три выстрела. То есть в две минуты – пять выстрелов наверняка. И всегда били без промаха. На восемьсот метров. Вот так. И это из дульнозарядного ружья, пусть и нарезного. Мушкетеры тоже все как на подбор. Сейчас новичков от опытных солдат не отличить. На всех ладная, однообразная форма. Черные шлемы, кирасы с наплечниками. На руки я им ничего одевать не стал. Ни наручей, ни перчаток. Только мешать все это железо будет при зарядании. И еще одно новшество я ввел. Теперь у командира полка была своя резервная батарея, которую он мог использовать на наиболее опасном участке. И еще. В обозе возили рулоны из промасленной плотной ткани, не пропускающей воду. Это я, мотаясь каждое утро в любую погоду в лагерь на стрельбище, вдруг заметил, что в сильный дождь стрелять практически невозможно. Нет, на пушки-то дождь не влиял. Из них можно стрелять в любую погоду. Пропитанный порохом фитиль дождь не потушит, а порох в стволе пушки дождю не доступен. А вот из мушкетов и пистолетов стрелять в дождь, особенно сильный, проблематично. И при зарядании порох может намокнуть, и на затравочной полке он подмокал, несмотря на то что был прикрыт крышкой, и кремень намокал и не давал искры.

Пришлось как-то выходить из положения. Я не помнил, как в этом случае поступали там, в будущем, но сам сделал просто. Приказал каждому взводу иметь рулон непромокаемой материи для тента. Во время боя его надо было растянуть над тремя взводными шеренгами – и стреляй сколько хочешь. Запасных кремней у мушкетеров всегда был полный подсумок. Потроны тоже защищены толстой кожей подсумка. Часто проводили учения именно в дождь, благо на дворе стояла дождливая немецкая зима, и результаты были прекрасные. Осечки, конечно, случались, но редко, очень редко. Еще у меня появилось две сотни настоящих кирасир. Кирасы у них были с наплечниками и набедренниками. А главное – у каждого было по два прекрасных длинноствольных пистолета. Кони тоже были отличной мощной породы. Коней я особо защищать не стал, только налобник и нагрудник. Спину и круп коня покрывала толстая простеганная попона, так что летящие навесом стрелы сильно ранить его не могли, а с небольшим ранением конь мог и дальше участвовать в бою, а потом эти раны можно было залечить. От пик пришлось полностью отказаться. Стрелять из пистолетов и таскать пику все-таки проблематично. С кирасирами часто возился Курт. Это было его любимое детище. Он их и тренировал. Я ему рассказал о кароколировании, и он просто загонял до упаду своих конников. Зато действовать они стали столь слаженно, что хоть парады с ними проводи.

То есть с армией у меня было все в порядке. А если учесть, что свыше двух полков стояли гарнизонами по замкам и фортам, то армия у меня была на уровне крупных графств, и даже небольших герцогств. Так что в будущее я смотрел довольно спокойно. Сковырнуть меня теперь было непросто. Да и зачем? Богат – это да. Но тратить на войну со мной огромные ресурсы с неизвестным результатом – не каждый решится. Если только из мести. Вот в нападении на меня Маргариты я был уверен процентов на семьдесят. Ну а за ней маячил архиепископ Кельна. В случае чего, он ее обязательно поддержит. А вот кто к ним присоединится, я понять не мог. Граф Марк меня тоже не любит, но с этими волками он связываться не будет. А больше я вроде ни с кем рассориться не успел. Но кто-то третий должен быть обязательно. Вдвоем они уже приходили и получили по морде. Сваливать все на неопытность своего полководца Маргарита не будет, не дура. Посчитает, что сил не хватило, а значит, будет искать третьего союзника. Ладно, проживем – увидим.

С экономикой у нас все было в порядке. Я туда старался и не лезть. Там заправлял Гюнтер, и у него прекрасно получалось. Зачем мешать? Нет, совещания мы проводили регулярно, но в основном все решения принимал

именно Гюнтер, я только утверждал. Вот на помощи крестьянам стальными орудиями мне пришлось все-таки настоять. Он все время пытался их в чем-то да ущемить. Но вышло по-моему, и в этом году пахать крестьяне будут уже стальными плугами. И все остальное делать тоже с помощью стальных орудий. А как по этому поводу ругался Хайнц... Это надо было слышать. Ну никак он не мог понять, как такую прекрасную сталь пускать на изделия для крестьян. В городе открылись несколько торговых представительств. Ну как открылись... выкупили себе дома и заселились там. Вот и все. Все городские и графские законы обязаны соблюдать. И наказывать их будут, если что, как простых горожан, даже жестче. Потому как своих-то хоть жалко, а этих чего жалеть?

Первыми были, конечно, ганзейцы. Ну как же без этих проныр... Потом выкупили себе дом под представительство бургундские купцы. С ними все понятно – их герцог постоянно с кем-нибудь воевал, и оружия ему надо много. Потом были купцы из Брабанта. Их я сначала не хотел пускать. Прямые конкуренты. Они ведь нашу продукцию как раз в Роттердам и потащат. А потом махнул рукой. Когда мы еще наладим свои перевозки... Кстати, именно благодаря Ганзе мне удалось построить себе баньку. Я как-то заскочил к Гюнтеру, а у него как раз сидел ганзеец из Любека. О чем уж они там договаривались – не знаю, но мне он стал рассказывать, хвастаясь, как он плавал в далекий Новгород и как там торговал. Рассказал и о жизни там.

Одним эпизодом из его рассказа я и заинтересовался. Это когда он рассказал, как его водили в баню. Вот баня меня и заинтересовала. Я стал его расспрашивать, а потом попросил помочь эту самую баню у меня в замке построить. В качестве консультанта, конечно. Вот так у меня и появилась баня. Ганзеец мне нарисовал то, что он видел в Новгороде. Потом долго ходил по замку и разглагольствовал перед строителями. Я как бы случайно подошел к нему с отцом Магнусом, чтобы тот увидел, что идея бани пришла не от меня, а от этого нечестивого ганзейца. А остальное – дело техники. Рисунок ганзейца я порвал и выкинул, а строителям дал уже свой чертеж. Мало я бань, что ли, видел? Они мне построили очень приличную небольшую баньку. С печью и трубой, так что топили в ней по-белому. И с комнатой отдыха. Вот в конце января я ее и опробовал. Очень даже ничего. Сводил туда Ами, но она в парилке чуть сознание не потеряла и зареклась туда ходить. А вот Гюнтеру и Курту баня понравилась. Особенно пиво после парилки. Ну и я в бане от пива не отказывался. Хотя для моего молодого организма оно и вредно, но в бане без пива – это уже извращение. Что интересно, самым большим любителем

бани стал отец Магнус. Если я ее посещал обычно раз в неделю, то для него топили каждый день. Но хуже всего то, что он к этому и отца Бенедикта приобщил, так что этот хитрозадый святоша частенько зависал в замке. А уж в воскресенье после мессы, под вечер, было их время, уже чуть ли не на законных основаниях.

Больше всего времени я проводил, конечно, на заводе. Мне нравилось там возиться. Нет, ничего нового я вроде больше не сообщил, просто сидел в мастерской у Дитмара и с чем-нибудь возился. Пистолет с колесцовым замком мы с ним все-таки изготовили. Я, правда, больше мешал, чем помогал, но ему было очень лестно, что я столько времени провожу в его цехе и даже что-то делаю своими руками. Во всяком случае, пытаюсь. Но пистолет этот мне не очень понравился. Так-то вроде ничего, но ничуть не лучше моих кремневых, а возни с ним – выше крыши. На фига он такой нужен? Пушек Хайнц наотливал с запасом. Складировать их особо было негде, поэтому мы добавили пушек на все большие и малые форты и в замок. Ну и десяток пушек, покрытых слоем сала, стояли в одном из подвалов донжона.

Однажды я заскочил в цех к Эльзе за порохом для своих пистолетов. Я пользовался улучшенным порохом, с добавлением марганца, но без покрытия камфорным маслом. Мне казалось, что он самый-самый. Вряд ли, конечно, но мне так казалось, и именно таким я и пользовался. Его специально для меня и делали. Походили с ней по цехам, посмотрели, как люди работают. Потом она меня повела показывать погреба. Вот там, на коробках с патронами, все и произошло. Хорошо хоть на мне был широкий шерстяной плащ, который я бросил на коробки. Как это все случилось, сам не понимаю. Вроде вот она мне рассказывает о патронах со стальным сердечником и без него и в каких коробках какие хранятся... а потом мы уже лежим на этих самых коробках и аж рычим от страсти. Конечно, долго это не продлилось, всего полчаса. Только и хватило утолить первый порыв страсти, но на этом пришлось закругляться. Я взял с нее обещание не рассказывать о произошедшем на исповеди. Мне-то пофиг, а вот у нее могут быть неприятности. Отец Магнус может потребовать отправить ее из замка, а мне бы не хотелось терять такого работника. Про «работника» я ей, естественно, не сказал, а сказал, что не хочу терять такую замечательную, и даже прекрасную, девушку. Это она мне с радостью пообещала, только бы я хоть иногда проводил с ней время. Вот как сейчас.

Потом она отправилась к себе в цех, а я – в лагерь. Там как следует помылся в офицерской мыльне и после этого часа два палил из своих пистолетов. Что интересно – никаких угрызений совести я не испытывал.

Ну, переспал с Эльзой и переспал. Что такого-то... И об Ами вспоминал с нежностью и любовью. И в постель к ней лягу сегодня совершенно спокойно. И любить мы будем друг друга яростно и самозабвенно, как всегда. А может, наоборот, ласково и нежно. Но виноватым я себя совершенно не чувствовал. И если появится такая возможность, обязательно все повторю с Эльзой. Что это? То ли у меня с психикой что-то не так, то ли, наоборот, у меня как раз все нормально. Может, это у тех, кто в таких случаях начинает комплексовать, заламывать руки, биться головой о стену, – у них с головой что-то не в порядке? Хотя я таких ни в той, ни в этой жизни не встречал. Нет, были у некоторых какие-то переживания, но не такие уж и сильные. Ну что ж, значит, я нормальный человек и то, что произошло, тоже совершенно нормально.

А в эту ночь мы с Ами любили друг друга и в самом деле яростно и самозабвенно. Чуть ли не до утра, чего, признаться, давненько не случалось.

Так у нас все и продолжалось. Ночи принадлежали Ами, а днем я иногда, не чаще одного-двух раз в неделю, заскакивал к Эльзе. Вот, правда, к Беате ни разу не заскочил. И не потому что не хотел или опасался чего-то, а просто оказии не было.

Гюнтер послал своих людей в Дуйсбург купить речные суда. Нужны были баржи и какие-нибудь весельные кораблики, чтобы тянуть эти баржи. Можно их и по берегу тянуть, вернее, с берега. Организовать несколько бригад с тяжеловозами и тянуть. Но это надо осматривать берег на всем протяжении реки, точнее, на нужном нам отрезке. Устраивать там подобие дороги. Все это будет сделано, но потом, летом. А пока будут таскать баржи лодками. Я видел такие на реке. Типа стругов. С парусом и веслами. И довольно большие. В длину метров тридцать, а вот в ширину – не разглядел. Но довольно толстенькие. Специально для торговли на реках. Нам и такие нужны. Но сейчас нужны именно буксиры. Думаю, они не должны быть толстяками, а как раз наоборот.

Но Гюнтер это все лучше меня знает, так что купит как раз то, что нам необходимо. Рудники-то в Мезьере все это время работали, так что возить нам теперь руду – не перевозить. Тем более планируется увеличение выработки тех рудников. Руда-то там хорошая, получше нашей. Так что придется и по реке возить и по суше. А может, и не придется. Посмотрим, как пойдет торговля. Цены, во всяком случае, снижать я не собираюсь. Тем более у меня наклеиваются очень хорошие заказы от французов. От их имени с Гюнтером договаривались купцы из Брабанта. И бургундцы сделали неплохой заказ. Они еще и о своих союзниках англичанах что-то

говорили, но пока ничего конкретного. Но и так поработать придется. Часть заказа даже пришлось распределить по кузнецам в городе. Сталь, естественно, наша. Их только работа. Но все равно, весь город в шоколаде будет. А если еще и англичане разродятся... А куда им деваться? Если французы вооружаются, то и этим придется.

В марте меня обрадовала Ами. С гордым и довольным видом сообщила, что она беременна. И уверена, что будет именно наследник. Я ее, конечно, долго хвалил и поздравлял. Говорил, что мне все равно, кто родится, мальчик или девочка, главное, что это будет наш ребенок. Ну и все такое прочее, что положено говорить жене в таких случаях. Был ли я доволен? Конечно. Но отнесся к этому как-то спокойно. Ну будет у меня ребенок, и что? Я и так знал, что у меня будет ребенок, и не один. Ну и что мне теперь, напиться вдрызг? Как-то не тянет. Устроить какой-нибудь всеобщий праздник? Ну, глупо же... Ребенок еще и не родился, а уже праздник. Пусть родится сначала.

Теперь у меня в замке открылся целый женский клуб. Раньше, видно, Ами переживала от того, что не может забеременеть, но теперь-то она развернулась. Женская половина донжона всегда была забита различными бабенками. Хотя называть их бабенками было бы неправильно. Самой старшей из них не исполнилось и тридцати. Она, кстати, готовилась к венчанию. Ей подобрали прапорщика, командира хозвзвода первого полка. Мужичок был уже в годах, далеко за сорок, из цеха строителей. Был он вдовцом и жениться, в общем-то, не горел желанием. И приставка «фон» ему на фиг не была нужна, но куда-то девицу девать надо было, вот на него и пал выбор. Тем более девица была не совсем девица. Она тоже была вдова, но бездетная. Ее муженек сразу после свадьбы отправился в поход и там помер – то ли от дизентерии, то ли от какой-то еще гадости. Из замка мужа ее шуганули родственники, так как она не была матерью наследника. Вот она и обреталась у брата в его замке. А тут такая напасть, как мы. Ну, для кого напасть, а для нее – выигрышный билет. Так бы она и просидела всю жизнь приживалкой в семье у брата, а теперь у нее будет своя семья. Думаю, и дети появятся.

А в основном в этом клубе как раз беременные и обретались. Их, оказывается, было довольно много. А еще не залетевшие набирались опыта от уже залетевших. Да, с этим надо что-то делать. Как они рожать-то будут? Здесь роддомов нет. Придется ехать к своей знакомой бабке-травнице и решать этот вопрос с ней. Тридцатипроцентная смертность среди рожениц меня никак не устраивает. Мало того что и моя Ами может попасть в эти тридцать процентов, так ведь и у многих моих офицеров жизнь сломается.

Здесь к таким вещам относятся, конечно, довольно спокойно – мол, бог дал, бог взял... Но выбить из колеи может и надолго. А у меня война на носу. Нет, определенно надо ехать к бабке. Сегодня же после обеда возьму Ами и поеду.

Дом бабке уже построили. Рядом с ее прежним небольшим. В своем она так и продолжала жить, а в большом жили, так сказать, студенты и студентки. Бабке помогали две ее товарки. Такие же пожилые и наглые. Где уж она их взяла, не знаю и знать не хочу. Может, из моих баронств, может, из чужих. Мне-то какая разница... Платили им хорошо. Бабки-помощницы получали по гульдену в месяц, а наша бабка – целых полтора. Еще выделялись деньги на содержание учеников и покупку различных ингредиентов и трав, не произрастающих в наших местах.

Бабку нашел в ее старом доме. Звали ее, кстати, Агнетта – это меня Ами просветила, а я все – бабка да бабка... Посидели, поговорили. Я поинтересовался делами школы. Она слегка отчиталась, но это меня сейчас мало интересовало. Стал объяснять ей свою проблему. Она мне пообещала, что все с нашими женщинами будет в порядке. На каждые роды будет приезжать или она сама, или ее помощницы. Строго предупредил ее, что если кто сунется к роженицам с грязными руками или с не прокипяченными простынями и каким-либо их инструментом – повешу, независимо от результата. Чистота, и только чистота. Она клятвенно меня заверила, что и сама уже все прекрасно поняла. И теперь в ее школе один из основных предметов – это гигиена. Надо же, уже умных слов нахваталась, не иначе от меня где-то услышала. Потом она начала просить меня за одного своего знакомого доктора. Вернее, доктор он был так себе, как и все здесь, а вот хирург замечательный. Я дал добро на привлечение его к занятиям со студентами и зарплату ему положил такую же, как и бабкиным помощницам. Но только по хирургии. Если узнаю, что он учит студентов лечить людей сушеными лягушачьими лапками или еще какой гадостью, то повешу сразу и объяснений никаких выслушивать не буду.

Раз уж все равно в городе, то решил заехать к Гюнтеру. К сожалению, дома его не было, он что-то перетирал с членами магистрата в ратуше. Ами-то сразу умчалась к Ханне, а я расположился в гостиной. За Гюнтером послали слугу. А я посидел немного, посидел – и пошел в свою комнату. У дверей на страже, как всегда, стояла Беата. Я зашел с ней в комнату и, естественно, не удержался. Времени провел с ней совсем немного, не больше часа, но она была очень довольна, хотя чувствовалось, что это для нее только небольшая разминка. Ей бы сейчас и ночи не хватило. Пообещав Беате, что все еще будет, пошел опять в гостиную, а она осталась

приводить в порядок постель. Гюнтер меня уже ждал, и мы поднялись к нему в кабинет. Там обсудили некоторые вопросы. В основном по городу. Еще он меня обрадовал, что закупил аж восемь барж. Довольно больших. И шестнадцать двадцативесельных – в смысле по десять весел с каждой стороны – лодок. Также довольно вместительных. Руду можно возить и на баржах, и на этих лодках, хотя, в принципе, они должны только таскать эти баржи. А еще он закупил четыре кнорра. Правда, после его объяснений я понял, что ничего не понял. Кораблики почти одного размера с лодками, те же весла, тот же парус, а стоят эти кнорры как восемь лодок. Не лучше ли было и купить еще восемь лодок? Гюнтер стал мне объяснять, что на кноррах можно спокойно ходить по морю. Хотя сейчас и ходят в основном на коггах или нефах, но кнорр намного быстрееходнее и маневреннее.

– Гюнтер, признавайся, с Ханной не поладил?

– Почему это? У нас все хорошо. Скоро вот отцом стану.

– А в какие моря ты тогда собрался?

Гюнтер «завис». Потом до него дошло, и он долго сидел и скреб себе затылок.

– И какой же умник всучил тебе эти самые кнорры?

– Да в том-то и дело, что никто не всучил. Помощник отписал, что продают кроме лодок еще четыре кнорра, не новых, но в прекрасном состоянии. Вот я и написал ему, чтобы брал все.

– А по рекам они ходить могут?

– Конечно. Правда, осадка у них чуть больше, чем у лодок.

– Вообще, я где-то читал, что такие лодки у русов зовутся стругами. А голландцы такие лодки называют «струк». Так что давай их так и называть. А то у рыбаков «лодки» и у нас «лодки» – как-то не солидно. Значит, так. Раз уж у нас появился целый флот, то строй пристань на нашей стороне Рура. Хорошо бы построить порт и город у моста, но там он сейчас очень уязвим. Может быть, потом. Но порт нам по-любому нужен, если мы собираемся гонять эти твои кнорры в Роттердам. Хотя если уж когги так хороши и на них можно ходить и по рекам, то мог бы этих самых коггов прикупить хотя бы парочку.

– Я тоже так думаю, ваше сиятельство. А если что не так, то продадим, много не потеряем. А вот с портом я полностью согласен. Порт нам нужен.

– Конечно, нужен. И лучше бы на Рейне. Хотя и на Руре неплохо. Но тут нас могут просто запереть – и все. Узок он, наш Рур. А на Рейне так не получится. И товары можно возить как в Роттердам, так и вглубь империи.

– Да, ваше сиятельство – это было бы здорово. А то купцы нас все-таки здорово обдирают. Например, у тех же поляков оружие из нашей стали

продают чуть ли не по весу серебра. Мы процентов двадцать, а иногда и тридцать на посредниках теряем. А у русов и все пятьдесят.

– Ну, к русам нас Ганза по-любому не пустит, а вот по Рейну мы расторговаться смогли бы хорошо. Особенно если на наши кнорры-когги пушки поставить. Думаю, по паре хватит. И ни один супостат наш корабль тронуть не посмеет.

– Это да. Особенно если будет знать, что вслед за одним могут приплыть еще три-четыре таких же.

И мы с ним рассмеялись. Ну что ж, задумки были очень неплохие.

– И когда все эти кораблики будут у нас?

– Через неделю.

– И где они будут швартоваться?

Гюнтер задумался. Да, и на старуху бывает проруха. Это ты прошляпил.

– Ну и что ты собираешься делать?

– Будем срочно строить пристань. И небольшие верфи для ремонта кораблей и барж.

– Строй, Гюнтер, строй. И как можно быстрее. Корабли не должны болтаться посреди реки. И руду надо как-то разгружать. Но и в Мезьере надо строить пристань, чтобы грузить руду на баржи и струги. Так что действуй. И как только построишь пристань у нас, сообщи. Я закажу Хайнцу пушки для кнорров, коггов и стругов. Отвезем пушки туда и установим их на корабли. А без пристани это будет сделать очень трудно.

Тут дверь приоткрылась и показалась головка Ами:

– Лео, ты скоро?

– Все, иду, дорогая. – Я встал и пошел к двери. На пороге обернулся и сказал: – Работай, Гюнтер, работай.

Мы сели на коней и отправились в замок. Я ехал и размышлял о том, какие пушки буду ставить на свои кораблики. Существующие шестидюймовые вроде бы избыточны, да и отдача у них о-го-го. Четырехдюймов вполне достаточно. И надо бы придумать что-нибудь зажигательное. Сейчас все корабли деревянные, так что если запулить в такой что-нибудь дюже горючее и не гаснущее, то мало ему не покажется. Но что использовать? Где-то я читал прежде о «греческом огне». Но вот что именно входит в эту смесь – не помню. Кажется, там были сера, селитра, канифоль... и все это растворялось в нефти или каком-нибудь растительном масле. Может, и еще что туда входило. Все это можно достать. Правда, в каких пропорциях все это смешивать – непонятно. Надо экспериментировать. Попрошу Эльзу, она и с этим разберется. А вернее,

поручит кому посообразительнее, уж своих-то людей она хорошо знает. Эх, жаль, бензина нет. Намешал бы коктейля Молотова, и нормально. Уж если от него стальные танки горели, то деревянный кораблик так полыхать будет, что фиг потушишь.

Только подумал об Эльзе, как сразу чего-то захотелось. Ну ясно чего, вернее, кого. Вот что я за человек? Рядом прекраснейшая из женщин, а я думаю о том, как бы разложить другую. И это при том, что совсем недавно переспал с третьей. Надо будет опять к бабке ехать, только одному, без Ами. Может, она мне объяснит, что со мной происходит. Так, с этим решил, а теперь вернемся к пушкам...

На следующий день, пропустив тренировку по стрельбе, отправился к Эльзе. Нет, ничего себе с ней не позволил, так как Ами с меня всю ночь не слезала. Скоро ей уходить на женскую половину, и встречаться мы с ней будем только за завтраком, обедом и ужином. Так тут положено – беременная жена спит отдельно от мужа. Вот она и старается наверстать. Так что общался с Эльзой только по делу. Объяснил ей, чего хочу. Рассказал, что знал о составе смеси. Попросил подумать о бомбах, которые этой смесью и будут начинять. Вместе посидели и подумали обо всем этом, но единогласно решили, что без экспериментов ничего не получится. Строго-настрого запретил ей самой в них участвовать, а поставить на них пару смышленных пареньков. Если среди своих дуболомов таких не найдет, то пусть к ним пристегнет смышленную девицу, чтобы она ими руководила. Если вдруг полыхнет не вовремя, то с обожженной рожей мужик так и остается мужиком, а вот девица с обезображенным лицом уже не девица, а несчастное создание. И пару она себе уже ни в жизнь не найдет. А мне таких жертв не надо.

После обеда отправился на завод. Там долго с Хайнцем решали, какие пушки будем применять на наших корабликах. Как и чем их крепить. Конечно, не видя самих кораблей, что-то дельное придумать было сложно, но предварительно все обговорить все равно надо было. Я рассказал ему, что знал, о корабельных пушечных лафетах. И про брюк – мощный трос, проходящий через стенки лафета, концы которого крепили к бортам. Пытался что-то вспомнить о таях, которыми тягали пушки туда-сюда... В общем, рассказал все, что помнил. До остального пусть сам доходит. Но все мои кораблики должны быть вооружены. Решили отлить штук пять четырехдюймовок и подготовить для них лафеты на маленьких колесиках. И пару таких лафетов изготовить для наших шестидюймовых пушек. А когда подойдут корабли, попробовать эти пушки там установить. Все равно установим, в этом ни я, ни он не сомневались, но вот сколько

предстоит повозиться – с этим и надо было определиться. Рассказал также ему о зажигательных бомбах. Объяснил, что состав сейчас разрабатывают в замке, а вот о самих бомбах неплохо бы подумать и ему. Подумали и решили сделать их по типу шрапнельных. Чтобы бомба взрывалась в воздухе и обдавала все вокруг горючей смесью. Это был самый верный вариант. На корабль при этом попадет, может, и не так уж много горючей жидкости, но зато она туда точно попадет.

Следующую неделю носился по полям. Именно по полям. Начался апрель, и крестьяне стали вспахивать свои поля. Вот я и смотрел, как используются наши плуги и другой инвентарь. Конечно, понимал мало, но крестьяне благодарили от души. Еще бы, раньше в деревне на семью приходился нож, да иногда топор, и то из дрянного железа, а теперь столько всего, и из отличной стали. Расплатиться за все это богатство они могли года за два, а останется это все им навсегда, да еще дети и внуки пользоваться будут. К сожалению, обеспечить мы смогли только мое баронство и баронство Кестлин. Больше просто не успели изготовить. Ничего, для эксперимента и это сойдет.

А потом мне сообщили, что пришли заказанные корабли. Мы с Хайнцем загрузили отлитые им четырехдюймовки, пока только три, и две шестидюймовки на телеги и отправились к реке. Лафеты везли на других телегах. Дорогу уже начали делать. Очень хорошо получалось. Ровные, прямые, с кюветами и с небольшим уклоном от центральной оси. Довольно широкая – две телеги спокойно разъедутся. Да, что ни говори, а немцы дороги строить умеют. Даже сейчас. Правда, длилась эта прелесть всего километров пятнадцать, и столько же нам пришлось прыгать на прежних ухабах.

Кое-какая пристань уже была построена. Вернее, в реку выступали несколько мостков на крепких сваях, именно к ним и швартовались наши лодки. Правда, пришвартоваться смогли только двенадцать кораблей. Два больших струга, шесть поменьше и два кнорра. Еще два кнорра маячили возле пристани на якорях. И восемь больших стругов тащили баржи, ожидалось только к завтрашнему дню. Корабли мне понравились. Особенно большие струги. Длинной в тридцать два метра, шириной в шесть, осадка до метра, высота борта чуть больше полутора. Корабль не был обычной плоскодонкой, у него имелся киль. С обоих бортов – по десять весел. Спереди и сзади у корабля палуба. Экипаж – около трех десятков человек. Перевозить такой кораблик мог до тридцати тонн груза. Класс! Одна пушка с битюгом – полторы тонны. Это на одном струге я могу перевезти всю полковую артиллерию вместе с расчетами, и еще на

боеприпасы место останется. И струги поменьше мне понравились, точная копия больших. В длину всего метров двадцать, в ширину – пять. Хотя и жаль, что не все струги большого размера, где-то Гюнтер все-таки просчитался. У всех стругов была мачта с парусом, сейчас как-то хитро свернутым.

Мы с Хайнцем тут же отправились на большой струг. Ну что ж, пушку, в принципе, установить можно. И даже не очень сложно. Но куда она будет стрелять? Целиться придется всем кораблем. Хрен так куда-нибудь попадешь. Нет, надо думать... И все-таки мы придумали. Решили к килю в носу крепить высокий стальной стакан. Но крепить его не только к килю, а на стальных распорках – чуть ли не ко всему кораблю, чтобы при выстреле сила от отдачи расходилась постепенно по кораблю и не расшатывала различные крепления. В стакан впритирку вставлялся стальной стержень, густо смазанный салом, а уже на этот стержень крепилась площадка под пушку. Палубу придется сначала разобрать, а потом собрать. Площадка будет находиться над палубой, и ствол пушки станет выступать над бортом. Стрелять можно будет в любую сторону. Крепкий мужик с трудом, но сможет ворочать эту площадку. Для крепления пушки брюком решили приварить два рога. Да и вообще разных там крюков, рымов, gryмов и черт-те чего еще, что там необходимо. Меня это уже не интересовало. Я помог Хайнцу решить основную проблему, а дальше уж пусть он сам. Решили на больших стругах установить на носу шестидюймовую пушку, а на корме – четырехдюймовую. А на малых – и на носу и на корме четырехдюймовую. А длина ствола у четырехдюймовки – двенадцать калибров. Думаю, хватит.

Так мы и провозились на этом струге до самого вечера. Перекусили здесь же и здесь же завалились спать. Правда, вечером посидели у костра с экипажами перегонных команд, и я почти половину сманил к себе. Капитанов – так всех. И остальные бы согласились, но вот наши законы насчет мытья их почему-то здорово напрягли. Непонятно. Люди всю жизнь проводят на воде – и воду не любят. Странные какие-то. Ну да их дело. С остальными договорился, что они ко мне поступают на службу на три года. Я им даю в экипажи своих ребят, у которых каждый год принимаю экзамен. Если ребята станут моряками не хуже своих учителей, те получают премию в размере тройного оклада. К капитанам это тоже относится.

На следующий день стали осматривать кнорры. Только это оказались совсем не кнорры, а, со слов капитанов, уже моих, шнеккеры. Если кнорр – это торговый корабль, то шнеккер – чисто боевой. Да еще и морской. И на кой черт они мне сдались, на моей речке-то? Да и на Рейне они мне не

нужны. Много груза они не берут – так, тонн десяток в лучшем случае. Хотя осадка у них тоже меньше метра, и использовать их и на реках можно, но возни с установкой пушек на них будет намного больше, чем на струги. Хотел их тут же отправить обратно в Дуйсбург на продажу, но решил немного подождать. Потом с товаром и пойдут. Сколько могут, возьмут. Хоть немного себя оправдают. И гнать их надо будет в Роттердам. Там на них спрос будет, думаю, побольше, чем в речном Дуйсбурге. Потом, дав задание Хайнцу вооружить все наши струги, отправился в замок. Хайнц решил задержаться и сделать все необходимые ему замеры. Ну, вольному воля.

Так я носился до самого мая. То на завод, то в город, то на пристань. Хайнц уже вооружил почти все струги. На одном, еще не вооруженном, сходили в Дуйсбург и отвезли не оставшихся у нас моряков. Баржи уже вовсю таскали руду. Потом ее перегружали на телеги и отвозили на завод. Дорогу, кстати, достроили, так что лошадам тащить возы было не так уж и тяжело, и шли они довольно быстро. Возле пристани уже возник небольшой поселок. Но законы и в поселке и на кораблях были такими же, как и во всем графстве. Пришлось на стругах пристраивать небольшие кухни, вернее, что-то уменьшенное от наших полевых, чтобы моряки могли нормально питаться.

Но больше всего мне понравилось испытывать корабельные пушки. Отошли подальше от пристани и стали палить по берегу. Стреляли ядрами. Получалось очень даже неплохо. А вот когда стали стрелять по движущейся лодке, то получалось не ахти. Даже на реке, при почти отсутствии волны, попадали один раз из трех. И это с трехсот метров. Почти в упор, по меркам корабельного боя. Как же в море-то умудрились куда-нибудь попадать из пушек? Я приказал прогнать через стрельбы из корабельных пушек всех полковых пушкарей. Наводчиков, естественно. Самых способных оставил на кораблях. Зажигательные бомбы тоже все-таки смогли сделать. Было их еще не много, но испытания они прошли великолепно. Взрыв над лодкой – и она уже полыхает. И здесь точность уже не имела такого значения, так что умудрились сжигать лодки и на расстоянии в шестьсот-семьсот метров. Так что изготовление зажигательных бомб пустили на поток. Для обоих калибров. Стали также готовить остальной боезапас для четырехдюймовых пушек. Не в таком, конечно, количестве, как для наших основных пушек, но боекомплект на кораблях всегда был полон. И на складе в лагере всегда имелся запас.

Я тоже разок сплавал на струге до моста и обратно. Ничего, понравилось. На каждом большом струге и шнекере находилось по десять

мушкетеров, а на малых – по пять. Пришлось опять набирать новобранцев. Но сейчас было проще. Новобранцы попадали в уже сформировавшиеся отделения, то есть десятки. По двое-трое на десяток, и из них там быстро делали солдат. Занимались с ними другие солдаты по очереди чуть ли не сутки напролет. Понимаю, что тяжело, но зато через месяц, максимум два их будет не отличить от ветеранов. Так что армия практически не пострадала, зато я укомплектовал флот. Да, у меня теперь был флот. Правда, речной, но мне другого и не надо. Гюнтер потихоньку начал затоваривать склады товарами для Роттердама и юго-восточной части империи. Чем они отличались, я не понимал, сколько мне Гюнтер ни объяснял. Ну и ладно. Не графское это дело, в товарах разбираться. Вот в женщинах – это да, это графское. К бабке я все-таки съездил. Вроде как проверить обучение будущих лекарей и лекарок. Ну и, как бы невзначай, завел с ней разговор о моей неумемной сексуальности, вернее – кобелизме. Бабка только похихикала. И сказала, что все в порядке. Опять виноват возраст. Со временем пройдет.

– А что же мне сейчас делать? – спросил у нее. – Неудобно перед женой.

– Очень неудобно?

– Ну, если честно, то совсем не неудобно. Просто как-то нехорошо это. И перед девушками тоже нехорошо выгляжу. Я ведь им ничего дать не могу. Рано или поздно это закончится – и как они жить дальше будут?

– Насильно их заставляешь?

– Боже упаси. Что ты такое говоришь-то? Как можно?

– Вот это самое главное. Когда девчонки сами поймут, что у них другой путь, сами и уйдут. А гнать их не надо, только хуже сделаешь.

– И как же дальше быть?

– А живи как жил. Все само встанет на свои места. Не суетись.

Вот и поговорили... Как святоши мне отпускают все грехи, так и бабка. «Живи как жил», – и все. Ну что ж, послушаю умную и опытную женщину. Буду жить как жил. А мне и деваться некуда – меньше чем через месяц Ами уходит на женскую половину. Так что и Эльза и Беата очень мне понадобятся. Поселить Беату тоже в замке, что ли? Не мотаться же мне к ней в город постоянно... Нет, не получится. Эльза ее приберет. Ревнивая, зараза. Это к Ами она не ревнует, потому как понимает разницу между нею и собой, а вот Беату не потерпит. Тем более себя она теперь считает намного выше по социальному статусу, чем Беата. В принципе, так и есть. Она в замке очень уважаемый человек. У нее в подчинении народу даже больше, чем всех слуг в замке. Интересно, а где они живут? То, что в

замке, – это понятно, но где? Приспособленных для нормального жилья помещений в нем не так и много. Я уж не говорю о каком-то комфорте. А где живет сама Эльза? То, что не в помещении для слуг, – это точно. А где тогда? Вот же я балбес – ни разу даже не поинтересовался. Хорошо любовничек. Сегодня же зайду и выясню все.

И ведь выяснил. Оказалось, что Эльза живет в своей каморке в цеху, а остальные – кто где: кто вместе со слугами, кто в цехах... Да, нехорошо. И ведь никто слова не сказал. Я тут же вызвал Вилду и накрутил им обеим хвосты, и Вилде и Эльзе. Приказал немедленно подобрать помещение, благоустроить его, разделить на небольшие комнаты. И чтобы в каждой комнате жили не больше двух человек. Обязательно устроить два санузла, для женщин и для мужчин. И две мыльни, тоже отдельные, пусть и небольшие. Посоветоваться со строителями насчет отопления, чтобы, пока тепло, они смогли все сделать. А для Эльзы подобрать комнату в донжоне. И не конуру какую-нибудь, а нормальную комнату. Можно из гостевых, где уже закончен ремонт.

Да, в замке шел ремонт. Я решил во всех спальнях устроить небольшие санузлы. Совсем маленькие закутки. Только унитаз и умывальник. Вода была, конечно, только холодной и подавалась из бака на крыше донжона. А туда она набиралась специальными слугами. Нет, ее не таскали в ведрах по лестницам, а специальной талью бочку поднимали на крышу, выливали в бак и опускали вниз. Правда, в бочку воду из колодца приходилось таскать как раз ведрами. Но на это существовала специальная бригада слуг, которая отвечала за воду в замке. Так сказать, бригада водопроводчиков. Была и бригада сантехников. Жаль, что бригады электриков не было. И долго еще не будет. Ну и ладно. Книг тут не так уж и много, тем более что я их все уже перечитал, а чем заполнить вечера и ночи, я прекрасно знал. Да, в общем-то, на крайний случай восковые свечи светили очень даже неплохо. Правда, они были очень уж дороги, заразы, но уж я-то себе их мог позволить. Остальные пользовались масляными светильниками. Тоже ничего, но слишком уж воняли. Да и не засиживался тут народ по вечерам. Стемнело – значит, пора спать. И правильно.

В один из майских вечеров в замок приехал Гюнтер и привез не очень хорошие известия. Один из бургундских купцов ему шепнул, что Маргарита через лотарингцев наняла швейцарских наемников. Количество он не знал, да, в общем-то, почти ничего не знал – только то, что такая сделка прошла. Но это мы выясним. А я-то все гадал, кого Маргарита пристегнет к своему союзу с архиепископом Кельна... А она поступила очень просто – наняла наемников. Причем лучших. И теперь война

неизбежна. Швейцарцы стоят очень дорого, и если уж она заплатила большие деньги, то постарается их побыстрее отбить.

– Гюнтер, ты своих ребят отправил все это прояснить?

– Конечно, сразу же.

– Ну что ж, сейчас пошлю за Куртом, и будем думать. Хорошо думать. Швейцарцы – это очень серьезно.

Я отправил одного из своих кирасир за Куртом. А мы с Гюнтером сидели и молча обдумывали полученную информацию. Он-то над ней уже поразмышлял, а вот для меня она оказалась сюрпризом. Я-то думал, что Маргарита договорится с графством Клеве или с графством Гельдерн, и те и те ей родственники. Как бороться с рыцарской конницей и вспомогательной пехотой – я знаю, приходилось. А вот чего ожидать от швейцарцев – не знаю. И вообще, что я о них знаю? Прежде всего то, что воевали они баталиями. Баталии были разных размеров и представляли собой квадраты в тридцать, сорок, пятьдесят воинов в ширину и глубину. Эдакий квадрат. Первые две шеренги составляли пикинеры, облаченные в надежные защитные доспехи. Их пики были длиной три – три с половиной метра. Держали они эти пики двумя руками: первый ряд на уровне бедра, второй – на уровне груди. Третью шеренгу составляли алебардисты, которые наносили удары по пробившимся к первым рядам противникам, обычно рубящие сверху, так как алебарда – это как раз топор и есть, но на очень длинном древке. Лупили они обеими руками сверху вниз, так что удар получался такой силы, что топор прорубал рыцарские доспехи с первого раза. Естественно, вместе с тем, что находилось под этими доспехами. Затем стояли еще две шеренги пикинеров, свое оружие они держали с левой стороны, чтобы при проведении ударов их пики не сталкивались с пиками воинов первых двух шеренг. Длина пик у них была уже пять с половиной – шесть метров.

Иногда использовали и шесть шеренг. Тогда алебардисты переходили в четвертую шеренгу. Такое построение применялось против кавалерии. Первая шеренга становилась на колени, воткнув пики в землю и направив их остриями в сторону всадников. Алебардисты контролировали оборонительные функции построения, гася порыв нападающих. Ну да, топором по голове. А атаку вели пикинеры. И такой порядок повторялся всеми четырьмя сторонами баталии. Находившиеся в центре создавали давление и составляли резерв. В центре же находились и командир баталии, знаменосцы, барабанщики и трубачи, которые подавали сигналы к тому или иному маневру. И вообще боевая тактика у них была очень гибкой. Они могли вести бой не только баталией, но и фалангой или

клином. Все зависело от особенностей местности и условий боя. Обычно в бой они шли тремя баталиями. Первая баталия – форхут, идет в авангарде. Вторая баталия – гевальтшауфен, вместо того, чтобы выстроиться в линию с первой, располагалась параллельно ей, но на некотором удалении справа или слева сзади. Третья баталия – нахут, шла еще дальше и часто не вступала в бой до тех пор, пока не был ясен результат первой атаки, и могла таким образом служить резервом.

К тому же швейцарцы отличаются не типичной для современных армий жесточайшей дисциплиной в бою. Если вдруг воин в строю баталии заметил попытку бегства стоявшего рядом или даже намек на нее, он был обязан убить труса. Без сомнений, раздумий, быстро, не давая даже малого шанса на возникновение паники. И пленных они не брали.

Да, серьезные ребята. Но было у них и одно уязвимое место. Если первые две шеренги хоть как-то были защищены доспехами, то остальные обходились вообще без них. А это для моих шрапнельных бомб как раз то, что надо. Так что повоюем. Правда, сочетание такой пехоты и рыцарской конницы мне не очень нравится. Придется опять строить редуты, иначе зажмут и раздавят. Баталии-то у них на месте не стоят, а очень даже быстро передвигаются. Ну что ж, лопаты у нас хорошие, опыт есть, так что, думаю, и в этот раз отобьемся. И, даст бог, не без прибыли.

Явился наконец Курт. Мы стали обсуждать сложившуюся ситуацию. Но информации было слишком мало. Главное, определить, куда они ударят. Когда – это было приблизительно понятно. Швейцарцам топать через всю Лотарингию, потом через архиепископство Трира. Там они выходят или в архиепископство Кельнское, или сразу в герцогство Берг, переправившись через Рейн. Итого недели три. А вот ударить они могут или через Кестлин, или через Абихт. Вернее всего, через Кестлин. Так до Линдендорфа ближе всего. Если они опять что-нибудь не задумали. Но все равно. Если в прошлый раз основной их целью было графство Марк, а с нами хотели разобраться походя, то теперь основная цель – это мы. А что они там дальше задумали, уже не имеет значения. Если они разобьются о нас, то у них так и так уже ничего не получится, а если они нас сомнут, то уже нам будет все равно, что они там задумали. Мало, слишком мало у нас данных. По идее, уже должны формироваться войска из рыцарских копий. Где-то же они собираются? А мы ничего не знаем. Приказал Гюнтеру активировать своих помощников. Кровь из носу, надо узнать, где группируются силы противника, тогда хоть приблизительно можно будет понять, куда они двинутся. Все свои войска решили сгруппировать в Линдендорфе. А отсюда, если что, и на наших кораблях можно довольно быстро

добраться до Абихта, а оттуда до Кестлина. Решили провести несколько тренировок погрузки войск на корабли и разгрузки с них – как на пристань, так и на голый берег. И гонять, гонять, гонять войска. Чтобы встречи с врагом они ждали как отдыха. С этим и разошлись.

Следующие дни были заняты армейскими делами. Я постоянно носился то с одним полком, то с другим, то с артиллеристами. Провели несколько тренировок по погрузке на суда и десантированию. Если на пристань и с пристани все проходило быстро и слаженно, даже погрузка пушек и коней, то без пристани пришлось помучиться. Но ничего, сбили сходни – и все пошло более-менее нормально. Сходни в конце концов сделали разборными и держали их на каждом корабле. В принципе, нам свободно хватало шести больших стругов, чтобы перевезти всю нашу армию. Тесновато было, конечно, но хватало. Это если без кирасир. А вот чтобы погрузить и кирасирский полк и все могли расположиться довольно свободно, приходилось использовать все наши корабли. Кроме барж.

В это же время Грета как-то незаметно родила Курту сына. Мы и узнали-то об этом только на следующий день. Но даже отметить это событие как следует не было времени. Выпили по кружке вина за нового фон Нотбека, и все. Курт только сгонял в замок по-быстрому, поцеловал жену и вернулся.

И только недели через две картина немного прояснилась. Сборный лагерь войск коалиции обнаружился недалеко от баронства Абихт, километрах в десяти. Там собралось уже около тысячи человек. Было понятно, что пойдут они оттуда на нас, иначе не собирались бы так близко к границе.

Глава 9

На следующий день назначили отплытие. Большой обоз взять мы, к сожалению, не могли, возы просто загромождали все пространство стругов. Тогда их погрузили на пустые баржи и потянули те за нами. Времени у нас еще было достаточно. За два дня добрались до моста. По течению плыть было легко. Даже баржи от нас не отставали. Выгрузились и пошли в сторону противника. Все наши корабли остались у моста. Просто отошли от него метров на сто, на всякий случай. А нам еще пешим порядком чапать, целый день. Мест, где можно было бы их войска встретить, было достаточно. Я даже удивился, что они выбрали именно это направление. Мы выбрали замечательное место. Слева лес, довольно противный на вид. Видно, все хорошие деревья когда-то вырубili, и теперь на их месте вырос густой кустарник. Справа низина. Пешком по ней пройти можно спокойно, а вот тяжелому всаднику – вряд ли. Вода еще полностью уйти не успела, поэтому низина была чуть заболочена. Даже не заболочена, а просто почва была очень мягкая. Так что тяжелая конница там точно не пройдет, да и тяжелая пехота – вряд ли. Между лесом и низиной – поле, скорее луг с шикарной травой, шириной километра в два и длиной с километр. Получилось как бы бутылочное горлышко. Вот в сужении этого «горлышка» мы и встали. За нами уже начинались настоящие поля, ничем не ограниченные. Быстро возвели пять редутов, пятиугольником. В каждом засело по роте мушкетеров. В ближних к противнику редутах было по десять пушек, а в дальних – по девять. В центре расположились наш небольшой обоз и резерв – кирасиры и одна мушкетерская рота. Наметили ориентиры, замерили до них расстояние и принялись благоустраивать свое временное жилье.

Противник показался только на второй день. Они втянулись в «горлышко», прошли метров двести и остановились. Конница растянулась вширь и встала. Так и простояла весь день: ни туда ни сюда. Вечером они отошли за лес. Я послал разведчиков по лесу. Они обнаружили с той стороны «горлышка» лагерь противника. Там стояли шатры, горели костры. Народ веселился вовсю. Слышались песни, раздавались женский смех и визг. Обыкновенный лагерь современного войска.

На следующий день они опять вошли в «горлышко» и остановились. По ориентирам было видно, что до передних около семисот метров, чуть больше. И чего они ждут? Швейцарцев, что ли? Так пора бы тем уже

подойти... Но и этот день прошел так же. И следующий тоже. А на четвертый день, с утра, только они успели выстроиться, к нам на взмыленном коне прискакал гонец. Со стороны Хагена в баронство Зиверс вошли колонны швейцарцев. Вот это да!.. Вот это меня поймали... И кто же там такой умный? Как говорится, цугцванг. Что бы я теперь ни сделал, все хреново. Покинуть редуты и пойти в наступление? Они этого и ждут. Сразу растопчут. Идти к реке? Как только я покину укрепления, рванут вперед и тоже растопчут. Уполовинить свои силы я не могу, слишком нас мало. Оставаться сидеть в укреплениях – так швейцарцы вырежут все мое графство. Им ведь пленные не нужны. Короче, мне по-любому конец. Ну это вы, господа рыцари, так думаете. Мы еще поборемся.

Я вызвал к себе всех командиров батарей, срочно. Пока за ними бегали, расспросил гонца. Он покинул замок Зиверс три дня назад. Вернее, трое суток назад. Сутки он гнал до нашей пристани, напрямую. Загнал и основного коня, и запасного. Потом на лодке, заплатив рыбакам около десяти гульденов, все свои сбережения, мчался к мосту. Хорошо что рыбаки прекрасно знают реку и могли плыть и ночью. И от моста вечер и всю ночь мчался к нам. Одного коня загнал, вернее, в темноте тот ногу сломал, пришлось прирезать, второй еле дышит. Молодец парень. Я тут же вручил ему кошелек с сотней гульденов и отправил спать.

Примчались командиры батарей. Посадил их напротив и стал объяснять диспозицию. Все просто. Десять батарей, то есть сорок орудий, выставляют трубки на тысячу метров и начинают долбить задние ряды. Корректировщики должны внимательно наблюдать, и как только конница начнет сдвигаться вперед, переносить огонь вслед за ней. Восемь орудий с моего редута сначала работают вместе со всеми, а затем перезаряжаются на картечь и ждут гостей, но это по моей команде. Если оставшаяся в живых конница поперет на нас, то остальные пушки тоже перезаряжаются на картечь и помогают нам. Это уже по готовности. Скорее всего, так и получится, не привыкли рыцари разбегаться без драки. А если все же будут прорываться назад, то долбить их шрапнелью, пока будет возможность. Пусть удирают, они нам тогда уже не страшны. Огонь открываем через полчаса, по сигналу горна.

Пушкари разбежались к своим орудиям. Рыцари все так же стояли напротив нас. Было видно, как некоторые о чем-то весело разговаривают, смеясь. Думаю, в задних рядах и шлемы кое-кто поснимал – солнышко-то пригревает неслабо. Ничего, сейчас вам совсем жарко станет. А кому-то и холодно – навечно. Но надеюсь, что не кому-то, а всем.

Полчаса прошло, и я подал сигнал горнисту. И тут же грянул гром.

Залп сорока восьми орудий – это что-то... Потом пошла пальба вразнобой. Кто как успевал перезаряжаться. Я залез на бруствер подальше от пушек. В задних рядах вражеского войска творился ад. Передние ряды, ничего не понимая, крутили головами. Я подозвал своих снайперов и приказал отстреливать самых расфуфыренных в центре их построения. Защелкали выстрелы, и самые дорогие и нарядные доспехи стали валиться с коней. А некоторые просто припадали к шее своего коня и замирали. Давление задних рядов на передние все усиливалось. Естественно, в тылу – воины в самых плохоньких доспехах. Их шрапнель пачками укладывает. Вряд ли всех насмерть, большая часть просто ранены, но от этого им не легче. Я приказал двум батареям заряжать картечь. Сейчас пойдут. Пошли. А куда им деваться? На месте стоять – смерть. Рыцари валятся один за другим. Сзади еще хуже, да и не прорваться уже назад, слишком плотная толпа за спиной. Вот они и рванули вперед, тем более что остановить их, по-видимому, было некому – это уже мои снайперы постарались.

Разогнались они быстро. Очень уж хотелось уйти от того, что творилось в тылу. А там уже ничего не творилось. Пушки перезарядились на картечь и сейчас опускали и наводили стволы. Только с двух задних редутов так и продолжали сопровождать их шрапнелью. Мои восемь пушек дали залп с четырехсот пятидесяти метров. Успеет еще разок пальнуть – и все, слишком большую скорость они набрали. Но тут подключились другие пушки и мушкетеры. Мушкетеры с крайних редутов отстреливали тех, кто все-таки рванул в лес и в низину. От леса их отсекали всего две пушки, так что довольно многие сумели проломиться сквозь кусты и скрыться среди деревьев. На это только легкие конники. На тяжелых и крупных конях по лесу не пройти, а без коня воин в тяжелых доспехах и сотни метров не пробежит. Так что основная масса мчалась на нас. Но это было уже совсем не страшно. Уже ясно, что до нас не доберется никто. А если кто и доберется, то тех мушкетеры перестреляют. Еще несколько залпов – и пушки замолчали.

– Мушкетеры, вперед! – это уже Курт. Молодец, соображает.

Только хотел его похвалить, как увидел, что он несется к кирасирам. Может, хватит ума самому не лезть, а отдать приказ командиру кирасир, сам же кандидатуру подбирает... Нет, не хватило. Сам повел кирасир. Опять придется втык ему сделать. Мои снайперы с упоением расстреливали бедолаг, застрявших в низине. Некоторые соскочили с коней и вели их в поводу. Ну, у этих есть шанс смыться.

Посмотрел на наш лагерь. Вот ведь Курт, зараза, всех мушкетеров с собой забрал. А, нет, десяток оставил. Но что такое десять мушкетеров на

обоз. У нас ведь там весь боезапас... Нет, определенно, втык он заслужил. И возится долго, лагерь-то у них всего в паре километров.

Приказал чистить пушки и готовить их к походу. Пообедаем и отправимся. Зиверс я, похоже, потерял. Замок-то наверняка держится, а вот города уже нет. Гонец добирался до нас три дня, а от границы Хагена до города Зиверс два дня ходу. И деревни все пожгли точно. Может, хоть крестьяне успели разбежаться. Из замка должны были предупредить. Да и городские должны были закрыться в замке. Кто поумнее, так, наверное, и сделал. Но ведь дураков-то намного больше. Так и будут сидеть на своем добре, пока им глотки не перережут. Но до Этингера захватчики добраться не успеют, я перехвачу. Вырежу всех. А потом раздам всем сестрам по серьгам. Ну, Маргаритка, держись...

Наконец показался обоз. Довольно большой, не меньше, чем в прошлый раз. Подскакал Курт:

– Обоз взял. Всех защитников перебил. Шлюх прогнал домой, в герцогство. Тут недалеко, дойдут.

– А чего сам туда поперся? Некого послать?

Он опустил голову. Хорошо хоть не оправдывается, понимает, что накосячил.

– Смотри у меня... Ради рождения первенца прощаю. Но в следующий раз – накажу. Раз сам назначил командира, то доверяй ему. А сейчас распорядись: оба хоззвода остаются здесь и обирают покойников. Все доспехи и оружие – на телеги. На охране обоза – резервная рота. Оставь командиру десять гульденов, пусть в ближайшей деревне отдаст старосте, чтобы всех мертвяков похоронили. И чтоб с молитвой, по-людски. Как мушкетеры вернутся – обедаем и уходим.

Мушкетеров ждали еще час. Не так-то просто пройти все поле и переколоть всех на нем лежащих. Исключений они не делали, кололи всех. Мертвый, не мертвый... А кто его знает, мертвый он или нет? Ты мимо него пройдешь, а он ткнет кинжалом в спину тебя или твоего товарища. Поэтому и так долго. Пленных я приказал не брать. Некогда с ними возиться. Кто смог удрать – ладно, гоняться за ними не будем, пусть живут.

Наконец-то смогли тронуться. Время уже было послеобеденное, но я решил идти до упора. И при свете факелов тоже. Пока лошади не устанут. Остановились уже за полночь. Быстро поужинали и попадали кто где. Часа три поспали – и подъем. Запрягли и пошли дальше. Еще до обеда были у моста, а обедали уже на кораблях. Плыли без ночной остановки, благо луна была полная, да и капитаны наши фарватер изучили уже хорошо. У нашей пристани останавливаться не стали, поплыли дальше. Как только вошли в

баронство Зиверс, остановились и начали выгрузку у первого попавшегося пологого берега. Вечер еще не наступил. Слава богу, всю дорогу дул попутный ветер, да и веслами помогали. Так что добрались сравнительно быстро. Я рассчитывал выгружаться в темноте. Хоть тут повезло. В первую очередь выгрузили кирасир. Пока они водили коней по берегу, подозвал Курта.

– Пойдешь с кирасирами. Ты их гонял больше всех и знаешь лучше всех. Твоя задача – найти швисов и отправить мне гонца. Потом попытайся их задержать. Ни в коем случае не вступайте с ними в свалку – сразу порвут. Подскачили метров на сорок, разрядили пистолеты – и умчались. Зарядили пистолеты – и то же самое. Смотри, они могут быстро бегать, так что близко к ним не подступайте. И следи, чтоб не зажали тебя между баталиями. Ну, на месте сам разберешься. Удачи тебе. Мы выступим рано утром в сторону замка.

Курт вскочил в седло, и они отправились в сторону города и замка. Можно было бы и их задержать до утра, но они уже разгрузились, и еще светло. Километров десять по свету пройдут, а там и переночуют где. Не зима, не замерзнут.

Пока все разгрузились, уже полностью стемнело. Встали еще до рассвета, позавтракали и отправились. Пешим ходом отсюда до замка день, так что к вечеру, даже раньше, будем на месте. Шли как можно быстрее. Если бы не лошади, я бы вообще погнал мушкетеров бегом. Во время учений бегали день напролет, и ничего. Но лошадей гнать нельзя. Без них пушки не потащишь. И хоть лошади у нас настоящие тяжеловозы, но и они устают. К обеду пришлось остановиться, чтобы покормить их и напоить. Заодно и сами пообедали. Тут нас и застал гонец от Курта. Он сообщал, что одна баталия осталась осаждать замок Зиверс, две другие направились в Этингер. Он преследует именно эти баталии. Что ж, вот мы скоро и встретимся. Сначала разделяемся с теми, кто застрял у замка, а потом с остальными. Курт им колоннами продвигаться не даст, а баталиями они далеко не уйдут.

Опять двинулись вперед. Часа через два послышались пушечные выстрелы. Значит, уже рядом. Минут через пятнадцать выйдя из-за пригорка, увидели наконец замок. Напротив ворот, за большими, сбитыми из толстых кольев щитами стояла небольшая шеренга швисов. До ворот больше километра. Достать, в принципе, можно. Вот иногда пушка и стреляла ядром, но, видно, пока попаданий не было. Жаль, что в замке нет бомб с шрапнелью. Мое упущение. Сейчас швисам было бы намного веселее. Метрах в ста от шеренги горели костры, и вокруг них кучковались

остальные швейцарцы. От нас до них было километра полтора. Мы так же, не останавливаясь, шли к замку. Они нас, конечно, сразу заметили и стали не спеша выстраивать свою баталию. А мы так и продолжали идти. Когда до них осталось меньше километра, я приказал остановиться и строиться в боевые порядки. Хотя особого смысла в этом и не было. Ну если ради тренировки...

Установили пушки, между ними встали мушкетеры. Трубки на бомбы с шрапнелью установили на девятьсот и тысячу метров... Даже как-то скучно стало от этой обыденности. А потом пушки открыли огонь. Побатарейно. Отгремел последний, сорок восьмой выстрел. На месте баталии лежала груда тел. Только некоторые еще пытались подняться. Может, и поднимутся. Но целых там не было. Как минимум раненые.

– Первый полк, вперед. И притащите мне нескольких более-менее целых, чтобы говорить могли.

Мушкетеры двинулись спокойным шагом вперед. Пушкари стали чистить пушки и запрягать к ним лошадей. Минут через десять мушкетеры подошли к бывшей баталии метров на полста и стали расстреливать подозрительных из мушкетов. Потом пристегнули штыки и пошли делать свою грязную, но необходимую работу. Минут через двадцать ко мне подтащили троих швейцарцев.

– Элдрик, узнай у них, из каких они городов и кто заключал с ними договор.

Я отъехал чуть в сторону и стал наблюдать, как ворота замка медленно начали открываться и оттуда стали выходить мушкетеры. Рядом раздавались сначала стоны, потом визг, потом все прекратилось. Подошел Элдрик.

– Эта баталия из Цуга, а две другие – из Шаффхаузена. Платила им герцогиня Маргарита.

– Понятно. Это все, что меня интересовало. Этих можешь прирезать.

– Уже, ваше сиятельство.

– Поехали с комендантом пообщаемся.

Мы подъехали к местным мушкетерам. Выглядели они спокойно и деловито. К нам тут же подбежал офицер.

– Манфред фон Неллер, ваше сиятельство.

– Комендант?

– Так точно, ваше сиятельство.

– А где наблюдатель?

– Погиб, ваше сиятельство.

– Как это?

– Уговаривал жителей города уйти в замок. Не успел уйти, эти черти налетели внезапно, со всех сторон. Все, кто еще оставался в городе, – погибли.

– К вам подступались?

– Так точно. Пытались штурмовать, но наткнулись на залп картечью и тут же откатились. Один отряд остался здесь, а два ушли на Этингер.

– Многих ты положил?

– С сотню. Они атаковали рассыпным строем, со всех сторон, так что картечью не очень многих положили. В основном мушкетеры постарались. Но они всех своих подобрали, так что кого насмерть, а кого просто ранили – не знаю.

– Ну, это теперь и не имеет никакого значения. Все равно всех зарывать. Жителей много спаслось?

– Около двух сотен из города у нас пересидели, и еще около сотни крестьян к нам прибились.

– Что с деревнями?

– Пока они сюда шли, три деревни сожгли. Крестьян, кто не успел разбежаться, убили.

– Ясно. Займись погребением. Всех жителей похоронить, как положено. А этих закопайте где-нибудь подальше, как собак, без молитвы.

– Слушаюсь, ваше сиятельство.

– Мы скоро уйдем, а ты займись восстановлением города. Я постараюсь побыстрее прислать вам обоз с инструментом и деньгами. Объяви жителям города, что они на пять лет освобождаются от всех налогов. И сожженные деревни – тоже.

Я решил проехать в город посмотреть, что там можно восстановить. А то, может, вообще в другом месте строить. Да, сгоревший город – это впечатляет. Дома-то деревянные, только иногда первые этажи из камня. Ну и цокольные этажи все каменные. Все вокруг покрыто сажей, даже мостовые. А уж запах! Хорошо что я ел давно, а то бы точно вырвало. Воняло горелой плотью и разложением – ведь прошло уже несколько дней после гибели города, а погода-то летняя, жарко... Кругом валялись трупы. Мужчины, женщины, дети. Некоторые целые, у многих не хватало какой-то части тела. Почти все женщины были изнасилованы и почему-то с отрезанными грудями. Это у них фирменный знак такой, что ли? У какой-нибудь баталии? Мерзкий знак. Много убитых детей. Даже грудничков. Жуть. Нет, надо отсюда валить побыстрее, а то задохнусь. Развернул коня и галопом выскочил из города. А это я еще и половины его не проехал. Городишко был крошечный, но картина, конечно, впечатляет. А если эти

уроды до Линдендорфа доберутся? Нет, быстрее я до них доберусь, а потом посещу их города. Пусть на себе весь этот ужас прочувствуют.

Подскакали к замку. Мушкетеры свою работу уже закончили. Приказал лейтенантам построить роты и провести их по городу, хотя бы по окраине... Да, думаю, обедать мы сегодня не будем. Сам отправился в замок, в мыльню. Казалось, что запах прилип ко мне и, пока не помоюсь как следует, он не уйдет. В замке было полно гражданских. Люди сидели на баулах прямо во дворе. Даже дети сидели смирно рядом с родителями. Но голодных глаз не видно – значит, комендант всех кормил нормально. Молодец. Почему-то никто не расходился. Чего ждут-то? Ладно, пусть лейтенант с ними разбирается. Я прошел в офицерскую мыльню. Горячей воды не было, но и черт с ней. В большой бочке вода была, хоть и холодная. Я быстро разделся и, стоя у бочки, стал поливать себя из ковшика. Потом нашел мыло и намылился. Сполоснулся – и сразу как-то полегчало. Одежду, пропахшую смертью, одевать не хотелось, но не разгуливать же голым... Можно было бы постирать, баб-то – полный замок, но, к сожалению, некогда. Пора уже выходить. Там Курт один веселится. Как бы чего не вышло. Оделся и вышел во двор. Элдрик подвел коня.

Лейтенанта встретил у ворот.

– Мы уходим. Ты теперь здесь и за военную, и за гражданскую власть. Город начинай восстанавливать. Фундаменты везде остались целыми. Горожанам помощи, чем сможешь. Караульную службу не ослаблять, война еще не окончилась.

А когда она окончится? Здесь всегда война. Вот ведь хрень какая...

Оба полка уже были готовы к походу, ждали только меня. Про обед и в самом деле никто и не заикался. Только пушкари что-то жевали на ходу. Они-то в городе не были. Ладно, до ужина все прочухаются.

Ужин был опять в полной темноте. Сейчас от еды уже никто не отказывался. Все нервные рефлексии выбила обыкновенная усталость. Люди быстро проглатывали ужин и валились спать. В карауле стояли пушкари. Они хоть по очереди могли проехаться на телегах с боеприпасами и не так устали. Рано утром поднялись и с зарей двинулись вперед. Дорога одна, не заблудишься. Да и было ясно видно, что здесь недавно прошла целая толпа. Нарваться на засаду я в общем-то не опасался, кирасиры должны предупредить, если что. Да и услышать выстрелы мы должны еще издали. Не могли же их всех перебить... Но дозоры все же выслал. Самых молодых и легконогих.

Выстрелы слышали через час, едва тронувшись в путь после остановки на обед. Я бы и не останавливался, но лошадей все равно надо

поить-кормить. Заодно и сами поели. Услышав выстрелы, я остановил колонну, а сам помчался вперед. Только мы четверо были верхом, так что нам и разведкой заниматься.

Обогнув небольшой пригорок, увидели наконец и швейцарцев и наших. Обе швейцарские баталии шли вдоль дороги в сторону Этингера. Одна параллельно другой, с небольшим отставанием. А на них налетали аж четыре отряда кирасир. Подскачат метров на тридцать-сорок, выстрелят сразу с двух рук и тут же разворачиваются и удирают метров на триста. Там не спеша перезаряжаются и снова мчатся к баталии. В них тоже стреляли из арбалетов и, похоже, попадали – кирасир было как минимум на четверть меньше, чем раньше. Но было видно, что швейцарцы этот бой проигрывают. Если так будет продолжаться и дальше, то рано или поздно кирасиры перебьют всех. Хоть и самих едва треть останется. Однако есть одно «но». У каждого кирасира было по двадцать зарядов к пистолетам. Если применить простую арифметику, то это четыре тысячи выстрелов всей командой. Можно было перестрелять всех швейцарцев, и не по разу. Но мазали кирасиры нещадно. Я сам это прекрасно видел. После залпа с двух рук одного из отрядов упали только четыре швиса. Были, наверное, и раненые, и их увели в глубь баталии, но все равно, меткость – вообще никакая. Восемьдесят выстрелов – и только четверо убитых. А ведь бой идет таким макаром уже второй день, и кирасиры, похоже, расстреливают последние патроны. А потом что? Последняя атака с палашами наголо? Эх, Курт, Курт... Да и я тоже хорош. Мог бы сообразить и заставить их взять хотя бы двойной боекомплект. Хорошо, что мы вовремя подошли, а то потерял бы я своих кирасир.

Мы вернулись к полкам и двинулись дальше, только пригорок этот стали обходить с другой стороны. Оттуда до баталий будет как раз метров семьсот. Для шрапнели – самое то. Выскочив из-за пригорка, пушкари сразу стали разворачивать пушки. Пороховой заряд уже был в стволе, осталось только определить расстояние, воткнуть в бомбу определенную трубку и закатить бомбу в ствол. Так и пошло, как конвейер. Выскакивает упряжка, останавливается, распрягается. Пушка разворачивается и наводится. Рядом останавливается следующая упряжка – и так дальше. Кирасиры увидели нас и бросились от баталий подальше. Пушки открыли огонь побатарейно. Как только батарея была готова к открытию огня, она его и открывала. Баталии стали таять на глазах. Шрапнель – это, конечно, совсем не картечь, в лучшем случае пятая часть шариков летела в нужную сторону с достаточной скоростью, чтобы поразить даже бездеспешного человека. Но таких вот мелких шариков было много, очень много. И если

один шарик редко когда мог поразить насмерть, то несколько – наверняка. Да и раненый боец уже не боец.

Швейцарцы остановились. Что делать дальше, они не могли понять. Идти к нам – далеко. Разбежаться? Так кирасиры всех порубят. Да и не привыкли они разбежаться. Так и стояли. Потом все-таки двинулись на нас. Я решил прекратить расходовать шрапнельные бомбы и велел заряжать картечью. Баталии двигались не спеша. Триста метров они прошли минут за пятнадцать. Они уменьшились числом почти на треть, но все равно представляли грозную силу. Очень грозную. Даже какое-то уважение вызывали. И если бы они не сотворили с моим городом то, что сотворили, я, быть может, их бы и отпустил. Но теперь им пощады не будет. А я еще и в их города наведу, дай срок. Вот разберусь здесь со всеми делами – и обязательно наведу. Такое спускать я не намерен.

Когда вторая баталия приблизилась метров на четыреста – первая-то была к нам ближе и уже подошла метров на двести пятьдесят, – я приказал открыть огонь. Пушки палили опять побатарейно. Последние били уже по грудам искромсанного мяса. Мушкетеры даже ни одного выстрела не сделали.

– Мушкетеры, вперед.

Вот и все. Кончились швейцарцы. Но напакостить они успели, сволочи. А главная сволочь – Маргарита. Она ведь прекрасно знала, что эти дикари сделают с горожанами и крестьянами. И ведь рассчитала все так, чтобы они всех моих людей вырезали. Ведь любой другой на моем месте так и просидел бы в укреплениях. Пока ему не предложили бы мир – на их условиях, конечно. А вот людей бы всех потерял. Но кого волнуют какие-то простолюдины... Но у меня оказалась шрапнель. Да даже если бы ее не было, все равно бы что-нибудь придумал. Потерял бы половину армии, может быть – и всю, но закончилось бы все для них так же. Ничего, потом бы с гарнизонов людей поснимал, но армию бы восстановил. И пришел бы к ним. И сейчас приду. А начну, пожалуй, с Хагена. Все равно рядышком. Ведь именно оттуда швейцарцы пришли. Вот горожане теперь мне и ответят за то, что их пропустили.

Мушкетеры подошли к бывшим баталиям и остановились, не решаясь вступать внутрь. Я подъехал к крайней. Да, колоть кого-то здесь проблематично. Просто груда изуродованных тел. Остаться живым тут было невозможно.

Подскакал Курт. Грязный, с красными глазами.

– Спасибо, ваше сиятельство. Еще немного – и заряды бы кончились.

– И что бы делал?

– Послал бы один взвод за зарядами, а сам кружил вокруг них.

– Ну что ж, правильное решение. А вот то, что сразу не взял двойной боекомплект, – плохо. Ведь знал же, что действовать придется в отрыве от основных сил.

– Виноват, ваше сиятельство, не сообразил. Очень уж хотелось быстрее нагнать этих лихоимцев.

– Ладно, в следующий раз умнее будешь. Есть здесь недалеко какая деревня?

– Есть, ваше сиятельство. В полутора растах.

Ага, это около семи километров. Туда за полчаса доскачут, а обратно крестьяне будут часа три тащиться. Пока соберутся, пока запрягут... Придется вставать лагерем здесь до завтра.

– Пошли десяток кирасир в деревню. Пусть дадут старосте пять гульденов. Чтобы все это закопал. И что найдут на этих уродах – тоже их будет.

– Ваше сиятельство, они ж город ограбили... У них ценностей должно быть полно.

– Все самое ценное – в центре баталии, рядом с командиром. Пошли кого-нибудь поискать. А остальное пусть уж крестьяне заберут. Им ведь в этом дерьме копать.

Приказал мушкетерам возвращаться и сам тоже направился к пушкам. Артиллеристы уже вовсю драили орудия. Неподалеку виднелась рощица. Приказал всем перебазироваться туда, только оставить у каждой баталии по десятку мушкетеров, чтобы падальщиков отгоняли. Ну и на случай, если вдруг кто из швисов очухается. Ведь, может, кто и лежит под грудой тел просто контуженый или раненый. Не хватало еще, чтобы такой ухарь крестьянина из похоронной команды чем-нибудь пырнул.

В рощице, под каким-то раскидистым деревом, приказал постелить свою походную попону и завалился спать. Попона у меня была знатная. Толстая, набитая ватой и прошитая так, что вата в комки не собиралась. Коня ею, конечно, не покрывали, хотя это и была настоящая попона. Просто я решил, что раз уж мне приходится постоянно спать под открытым небом, то надо иметь хоть что-то приличное для сна. На воняющей конским потом тоже можно спать, особенно если очень хочется, но все же лучше спать на чистенькой. Граф я или не граф? Другие вон с собой шатры таскают, да еще и со слугами и шлюхами, а я – всего лишь попону. Зато спать на ней было одно удовольствие. Что я и сделал.

Разбудила меня какая-то противная пичуга, оравшая в ветвях «моего» дерева. Решил немного поваляться. Прислушался: опять эти двое ругаются.

Элдрик с Куртом. Курт у нас вроде министра обороны, а Элдрик как бы никто. Но по нынешним временам, по степени приближенности к господину, Элдрик даже главнее. Он-то постоянно рядом со мной. Да, времена... Хотя и у нас не лучше. Какой-нибудь мелкий чинуша из окружения президента плевать хотел на любого министра. А ведь у нас там вроде как демократия. Однако если от этого мелкого чинуши есть польза, то, может, и правильно, что он министров пинками гоняет. Это смотря еще какой министр. Есть у нас там и очень даже приличные. Но мало, к сожалению. Ну так и у меня приличных всего двое. Правда, больше и нету. А зачем больше? Мне и двоих пока хватает. Нет, вру. Конечно, не хватает. Мне бы еще пяток приличных людей, но где ж их взять? Пока не нашел, так что придется этим двоим крутиться. Ничего, не переломятся. А о чем шепчутся-то?

– Элдрик, ну будь человеком, мне срочно с господином поговорить надо... – Это Курт нудит.

– Не дам будить. Пусть парень отдохнет. Поимей совесть, Курт. Он ведь полностью вымотался. Ты ведь в его возрасте ни о чем, кроме сисек соседки, и не думал, а он умудрился за неделю такого наворотить, что на него молиться будут.

– Ну, кто молиться, а кто и проклинять.

– Это да. Хотя проклинять уже и некому, всех порешили. Даже хваленых швисов.

Так они еще долго шептались. Но, в принципе, можно и вставать. Все равно не усну. Да и поесть не мешает. Я скинул с себя плащ и поднялся. Элдрик сразу зашипел на Курта, тот даже отступил от него на пару шагов.

– Ну что там у тебя, Курт?

– Ваше сиятельство, тут недалеко, растах в двух, швисы своих раненых оставили, под охраной нескольких десятков кнехтов. Как бы они чего не натворили.

– Что ж ты раньше молчал? Бери срочно взвод мушкетеров, на коней – и туда. Всех перебить. Если несколько десятков этих зверей нападут на деревню, плохо будет. Вперед.

Курт умчался. Никуда они не денутся. За девять километров канонады не услышать, так что они сейчас чувствуют себя спокойно. Надо было предупредить Курта, чтобы близко не лез к ним. Наверняка в охране оставили десяток арбалетчиков. Ну, не маленький, сам сообразит.

После ужина пошел посмотреть, как трудятся крестьяне. Они только подъехали, но работы шли полным ходом. Кто-то копал яму – нашими лопатами, между прочим, кто-то крючьями вытаскивал из кучи очередной

труп и раздевал его. Потом труп оттаскивали теми же крючьями к яме. И все совершенно спокойно. Даже переговаривались друг с другом. Хорошо хоть анекдоты не рассказывали при этом. Мушкетеры, с мушкетами наготове, внимательно за всем этим следили. Темнеет сейчас поздно, так что до темноты, думаю, управятся. Тем более староста пригнал, наверное, все мужское население деревни. Ну да, пять гульденов для деревни – бешеные деньги. А еще и одежда. А в одежде наверняка припрятаны еще какие монеты. Швисы хоть и бедны, как церковные крысы, но у каждого на черный день что-то да припрятано. Хоть какая-то мелочь. Но даже мелочь, собранная более чем с тысячи ушлепков, – очень хороший куш. Деревня теперь разбогатеет. Пропивать деньги тут не принято, так что накупят разной живности, материалов на дома. Про нашу программу обеспечения всех своих крестьян сельхозинвентарем они знают, так что смогут сразу и расплатиться.

Да, кому-то подфартило. А вот тем деревням, что попались на пути этим уродам, совсем не повезло. И что мне с ними теперь делать? Там крестьян уцелело меньше половины. Захотят ли они остаться в деревнях? Можно было бы их переселить в город, все равно там жителей теперь даже на хорошую деревню не наберется, не то что на город. Можно. Но что они там будут делать? Они же ничего, кроме крестьянской работы, не умеют. И учить их некому. Нет, правильно я решил восстанавливать и город и деревни. Пять лет без налогов – это им поможет. На такую замануху к ним и из других мест сбегутся. Я ведь освобождение от налогов давал не конкретным людям, а именно городу и деревням. Так что жителей там скоро прибавится. Особенно в деревнях. Молодежь из других поселений туда с удовольствием переберется. Например, вторые, третьи сыновья. Земля-то тоже без хозяев осталась. Нет, хозяин-то у земли есть, и это я, но арендаторы выбыли, и на их место придут теперь другие, которые пять лет мне ничего платить не будут. За это время можно здорово подняться. Так что с деревнями все будет в порядке, зря я переживаю. А вот с городом...

С городом – даже и не знаю. Он и раньше был не городом, а скорее большой деревней, а теперь и совсем в деревню превратится. И ведь ничего не сделаешь. Не смогу я у них статус города отобрать. Пострадали-то они и по моей вине тоже. Ведь эти уроды воюют-то со мной, а под раздачу попали горожане. Ну, Маргаритка, погоди. Доберусь я до тебя. Лучше бы тебе смыться куда подальше. Хотя она наверняка особо виноватой себя и не считает. Ну, перебили несколько сотен простолюдинов, и что? Вот то, что я перебил столько рыцарей, – это мне в вину поставят обязательно. Уже небось на меня императору нажаловалась. А как же – вдруг война,

а воевать-то и некому. Всех бесстрашных героев-рыцарей этот нехороший человек, граф Линдендорф перебил. И что теперь делать? Дура. Да для императора чем больше мы друг друга перебьем, тем лучше. Может, и у него тогда власти побольше будет. Ведь его-то имперских рыцарей никто не трогает. Нет, император меня, конечно, пожурит. Может, даже письмо гневное отпишет. Где распорядится, чтобы я так много рыцарей больше не убивал. Чуть-чуть – можно, а много – нельзя, нехорошо это. Наверняка напишет. Да я, собственно, и не собираюсь. Нет, некоторых товарищей, которые мне совсем не товарищи, я еще к ногтю прижму. А потом обязательно успокоюсь. Если мне дадут, конечно.

Плюнул на все эти рассуждения и пошел спать. И уже сквозь сон слышал, что прибыл Курт с кирасирами. Раз не бросился меня будить, значит, все в порядке.

Утром первым делом вызвал Курта. Небольшой лагерь со швисами они нашли быстро и перестреляли их издали. Вернее, мушкетеры перестреляли. А потом докололи раненых. Об этом лагере крестьянам Курт уже рассказал. После завтрака отправились в сторону реки, к кораблям. Надо было пополнить боезапас. Все шрапнельные бомбы почти расстреляли, а картечь хоть и хороша, но не всегда ее можно применить. В замок Зиверс решил не заходить. Помочь я там ничем не смогу, а смотреть на потерявших все и убитых горем людей не хотелось. Все, что от меня зависело, я сделал.

Шли напрямую, по проселочным дорогам. Хотя чем они отличаются от основных – непонятно. Может, только тем, что колея от тележных колес не такая глубокая. Но идти можно – и ладно. Дошли за два дня. До Хагена решили идти по реке. До самого Хагена, конечно, не дойдем, речка Волме уже совсем обмелела, но до их пристани на Руре дойдем за полдня. Так и получилось. Пока разгрузились, наступил вечер. Так что решили переночевать у реки, а утром уже отправиться к городу. Местные с пристани, как только увидели корабли, тут же сбежали. Так что утром нас уже будут ждать. Каких-то воинских сил тут не было. Зато был монастырь. Большой мужской монастырь. И все земли вокруг, и город Хаген принадлежали ему. А монастырь относился к епархии архиепископа Кельнского. И вступить за него архиепископ сейчас не сможет. Некем. Всех его рыцарей, вместе с их копьями, я повыбивал в двух битвах.

Он может пожаловаться императору, но тот только порадуется неприятностям одного из курфюрстов. Ведь именно курфюрсты ограничивают его власть. Жаловаться другим курфюрстам бессмысленно – они как пауки в банке. Нет, если бы я отобрал у него все его владения, они

бы, конечно, мне это не спустили. Не из-за архиепископа Кельна, естественно, а из опасений за свои владения. А то сегодня одного прихлопнут, завтра другого – так и до каждого добраться смогут. Не я, так другие. Этого они не допустят. А вот если я откушу кусочек от владений архиепископа, то лишь позлорадствуют. И папе, который римский, архиепископ на меня жаловаться тоже не будет. Не любит почему-то папа германских архиепископов. Может, потому, что они его ни в грош не ставят. Вот и получается, что даже если я разгоню к чертям всех этих монахов, мне никто слова не скажет. Повозмущаются, конечно, такой безбожной выходкой – и всё. Но я их разгонять и не собираюсь. Пусть себе живут и молятся. Но землю отберу.

Утром спокойно позавтракали и направились к городу. Идти было не далеко, так что часа за четыре неспешным маршем мы к нему и подошли. Возле ворот нас уже встречала делегация. В основном из монахов. Вперед выступил главный святоша – наверное, аббат.

– Что привело к нам графа фон Линдендорфа? – сурово спросил он.

– Обхожу свои земли, святой отец.

– Но это наша земля.

– Нет, святой отец, это теперь моя земля. После того, как вы пропустили через свои земли этих нечестивцев из Швиса, эта земля перестала быть вашей. Эти исчадия ада сожгли мой город и несколько деревень. Убили их жителей. Всех без разбора: и мужчин, и женщин, и детей. И пришли они отсюда.

– Но как мы могли их не пропустить?

– Не знаю. Встали бы у них на пути и молитвой заставили их уйти.

– Они бы просто убили нас.

– Тогда вы стали бы мучениками и попали в рай. А сейчас кровь невинно замученных и убиенных лежит на вас. И сможете ли вы отмолить этот грех – не знаю. Мне и не дано это знать. Но я знаю одно – за все надо нести ответ. Так что и эти земли, и этот город я забираю себе. А вы, святой отец, молитесь.

– Но мы умрем с голоду!..

– Господь не допустит этого. А если допустит – значит, вы этого и заслужили.

Разговаривал я с ним даже не слезая с коня, что было верхом пренебрежения к такой особе. Но он это проглотил. Да и не до этого ему теперь. Он сейчас помчится в Кельн. Ну-ну, скатертью дорожка... Я объехал эту толпу и в окружении кирасир проследовал в город. Подъехали к ратуше. В зале заседаний никого не было. Да, интересно –

куда это все подевались? Сбежать не должны, не чувствуют они за собой вины. Пока не чувствуют. До встречи со мной. Наконец Элдрик сообщил, что все скоро будут. Они, оказывается, тоже были в той толпе, что встречала меня у ворот. А так как мы были на конях, то и добрались до ратуши быстрее. Но вот и они появились. Бургомистр и пять членов магистрата.

– Сколько всего жителей в городе? – спросил я бургомистра.

– Одна тысяча девятьсот шестьдесят три. Но это не совсем точно – последний раз я в книги заглядывал месяц назад. За это время кто-то умер, кто-то родился... Кто-то мог покинуть город.

– Ясно – около двух тысяч. Слушайте мое решение. Весь ваш город виноват в том, что пропустили швисов в баронство Зиверс. Пропустили и даже не предупредили меня. За это на весь город налагается штраф. С каждого жителя по гульдону... Не надо улыбаться, к вам это не относится. Вы как руководители города виноваты намного больше, чем простые горожане, поэтому и штраф с вас будет больше. С вас по пятьсот гульденов. Если кто не сможет заплатить штраф, то имущество его конфискуется, а сам он изгоняется из города. Все собранные деньги пойдут на строительство крепости рядом с городом и благоустройство самого города. Теперь вся эта местность называется баронством Хаген и входит это баронство в графство Линдендорф.

– А как же монастырь? – спросил один из членов магистрата.

Что интересно, спорить насчет штрафов никто не решился. Знают уже мой нрав. Ну, конечно: половина из них была порота у меня в замке, когда они там начали борзеть, а прежнего бургомистра тогда и вздернули.

– Монахам с голоду я помереть не дам, но и жировать они не будут. На моей земле уже есть один монастырь, женский. И там монахини живут вполне нормально. Законы по баронству такие же, как и во всем графстве. Учтите это. Месяц вам срока – и чтобы город блестел чистотой. Некоторые из вас уже бывали в Линдендорфе и видели город. Вот и у вас должен быть такой же. Я оставляю здесь роту мушкетеров. Если возникнут какие вопросы, то обращайтесь к ее командиру.

Я встал и покинул ратушу. Какого-то противодействия я не опасался. Народ тут понятливый – за кем сила, тому и подчиняются. А мы с лейтенантом стали объезжать окрестности города, чтобы выбрать место для крепости. Наметили пару небольших холмов. Завтра же там начнут рыть колодцы. Где найдут воду, там и будет крепость. Приказал укрепить лагерь поосновательнее. Оставил ему даже одну из своих резервных батарей. Вдруг у архиепископа ретивое взиграет и он решит отбить свой кусок

земли. Сил у него сейчас маловато – небось, едва хватает на защиту основных своих территорий, но ведь может и наемников послать... Так что зевать не стоит. Все это и объяснил лейтенанту. Потом отправились в основной лагерь. Я решил дать людям отдохнуть хотя бы сутки, а потом двигаться дальше.

В лагере ко мне сразу подошел командир первого полка с жалобой на Курта. Он переманил в кирасиры тридцать пять мушкетеров. Возразить ему комполка не мог, так как был только лейтенантом, а Курт – капитаном и моим замом, то есть заместителем главнокомандующего. Вот и пришел жаловаться ко мне. Больше всего его возмутило, что всех людей тот забрал из его полка, а второй не тронул. Я его немного успокоил, сказав, что одна рота из второго полка остается здесь гарнизоном, тем самым второй полк и так уже ослаблен. Лейтенант ушел, бурча что-то про себя.

Да, что-то я этот вопрос упустил – лейтенанты командуют и ротами, и полками. Да и в рыцари пора моих офицеров посвящать. Заслужили. Вот этим и займусь не откладывая.

Вечером, перед ужином, построил оба полка и зачитал свой указ, в котором произвел в капитаны лейтенантов Хармана фон Лейтнера и Маркуса фон Штейна. Капитан Курт фон Нотбек стал полковником. А Элдрика я произвел в лейтенанты и назначил командиром службы охраны. Потом конвейером пошло посвящение в рыцари. Все лейтенанты, капитаны и, конечно, Курт стали рыцарями. И все командиры батарей, хоть и были прапорщиками, тоже стали рыцарями. В конце расщедрился и произвел всех командиров батарей в лейтенанты. Вручение соответственных грамот и праздник по этому случаю отложил до возвращения в Линдендорф. Чтобы рядовых тоже чем-то порадовать, объявил о премии в десять гульденов всем рядовым. Сержантам и офицерам – естественно, побольше. Да, в моей армии служить было очень выгодно. И безопасно. Потерь почти не было. Единственное – кирасиры в последних боях со швисами потеряли тридцать пять человек, но тут уж ничего не поделаешь. Я опасался худшего. Молодец Курт, сумел и швисов задержать, и сохранить вполне боеспособный отряд конницы.

А ведь швейцарцы спокойно противодействуют аркебузирам. Наверное, потому, что те действуют в пешем строю и смыться после залпа просто не успевают, вот их баталия и накрывает. А против конных стрелков ничего сделать не смогли. Угнаться за конными, да еще всей баталией, – невозможно. Было бы у них больше арбалетчиков, тогда еще неизвестно, как бы все обернулось. Теперь наверняка их количество в баталии увеличится. Правда, передать опыт некому, всех этих швисов мы положили,

но и другие у них не дураки и сами догадаются. Но против арбалетчиков есть мои мушкетеры. Арбалет бьет убойно максимум на сто метров, а мои мушкеты – на четыреста. И отступить мушкетеры, если что, могут спокойно и организованно. Так что против моих полков баталии швейцарцев не пляшут. Пусть лупят всех остальных, а ко мне не лезут. Нет, ответный визит я, конечно, нанесу. Обязательно нанесу. А то одной плюхи эти козопасы могут и не понять.

Хотя почему их козопасами зовут, непонятно. Насколько я знаю, они коров разводят. Была, помнится, даже реклама такая: вроде шоколад расхваливали – корова пасется на альпийском лугу, и якобы из ее молока и делают эти вкусности. Хотя уже и маленькие дети знают, что шоколад у них там, в будущем, делают из пальмового масла и сои. Значит, швисы не козопасы, а коровопасы. Хотя «козопасы» звучит как-то интереснее. Ну и пусть будут козопасами. Города, откуда заявили ко мне эти гребаные козопасы, я знаю, так что скоро наведаюсь. Вот только с Маргариткой разберусь...

Весь следующий день отдыхали. Рядом была небольшая речка, так что все помылись, постирались. Весь день мушкетеры спали или болтали друг с другом. Пушкарям отдыха досталось поменьше. Они весь день драили свои пушки, осматривали их, особенно тщательно – лафеты. В пути их ремонтировать – одно мучение. Поэтому если замечали какую-нибудь сомнительную деталь, то меняли ее на запасную.

На следующий день собрались и потихоньку двинулись к Бергу. Спокойно и буднично перешли границу и направились в сторону Дюссельдорфа, столицы герцогства. Он стоял на Рейне, как раз напротив Хагена. Шли и шли. Никто нас не трогал. Хотя о нас уже должны были знать. Мы обошли несколько деревень, правда, не заходя в них. И грабить я запретил. У нас сейчас, конечно, война с Бергом, но крестьян было жалко. Они-то об этой войне и не знали. Да и что с них возьмешь? Нищета жуткая. Это у меня в деревнях крестьяне хоть голодать перестали, хотя до зажиточности им еще далеко. А здесь было совсем грустно. Даже купить продукты удавалось не всегда. Урожай еще не собирали, крестьяне доедали прошлый, а сколько там его им оставляли?..

Так не спеша и дошли до Дюссельдорфа. В километре от города встали лагерем. Из ворот города выехала группа всадников и направилась к нам. Я тоже в сопровождении кирасир выехал им навстречу. Ба, какие люди! Вильгельм, собственной персоной. Жив, значит. Это хорошо. Мужик он в общем-то неплохой, и я не хотел его смерти.

Мы остановились неподалеку от лагеря и стали поджидать гостей.

Хотя, если разобраться, гости – это как раз мы. Всадники подскакали к нам и остановились метрах в четырех.

– Здравствуйте, Вильгельм, – поприветствовал я его, – рад, что вы живы. Как вам удалось уцелеть?

– Здравствуйте, Леонхард. Я не участвовал в той битве. Я вообще был против этой войны и предупреждал свою мать, что этим все и закончится. Но она меня отправила навестить заболевшего тестя, курфюрста Пфальца, и напала на вас, пока меня не было. Иначе меня бы тоже не было в живых. Леонхард, вы уничтожили цвет рыцарства Берга и Кельна, разве вам этого мало? Зачем вы здесь?

– Долги надо отдавать, Вильгельм. Наймиты вашей матушки сожгли мой город и убили жителей. Сожгли несколько деревень и убили крестьян.

– Это были простолюдины, а вы перебили благородных рыцарей.

– Вильгельм, вы забываете одно: рыцари были ваши, и мне на них плевать. А вот простолюдины были мои. И город мой. И деревни, и крестьяне. Не я пришел на вашу землю, а вы на мою. И теперь за это ответите.

– Вы не сможете взять город, Леонхард. Он хорошо укреплен.

– Если бы я хотел его взять – взял бы. Но не собираюсь этого делать. Я его просто сожгу.

– Но зачем?! Зачем сжигать город?..

– А зачем сожгли мой?

– Но это сделали дикие швисы...

– Которых наняла ваша мать. Вспомните, Вильгельм: око за око, зуб за зуб. Вы сожгли мой город, я сожгу ваши.

– Как это «ваши»?

– Я сожгу все города Берга.

Он надолго замолчал. Сопровождавшие его рыцари грозно смотрели на меня, но я совершенно не волновался. Каждый из кирасир рядом со мной держал в руке заряженный пистолет со взведенным курком. Одно неосторожное движение со стороны рыцарей – и их не спасет никакая выучка. С такого расстояния промахнуться невозможно.

– Леонхард, скажите: что мы можем сделать, чтобы этого не случилось?

– Ваша светлость, а что вы можете мне предложить? Герцогство и так мое. Под давлением императора и курфюрстов я, конечно, верну часть наследникам, но то, что мне понравится, все равно оставлю себе.

– Наследникам?..

– А вы надеетесь выжить? Хотя мне этого тоже хочется... Вы хороший

человек, Вильгельм. И мы с вами успели подружиться. Я не хочу вашей смерти. Но ведь вы не побежите, а останетесь со своими воинами и, значит, погибнете. Ваши дети в городе?

— Да. И жена, и дети.

— Хорошо, Вильгельм, — сказал я после некоторого раздумья. Пока все шло хорошо, и мой блеф вроде бы проходил, только бы не переиграть... — Я не стану жечь ваши города, но у меня есть несколько условий. Первое — баронства Вольцоген, Вирт и Эбель отходят мне. Грамоты я жду утром. Второе — грамоту от архиепископа Кельнского на город Хаген и все земли, относящиеся к нему, я жду к завтрашнему вечеру. И напомните архиепископу, что война между нами еще не закончилась. Мои корабли уже на подходе, а Кельн стоит как раз на берегу и гореть будет не хуже моего Зиверса. Да и Эссен не далеко от моего Мезьера. А по реке, на хорошей лодке, от Дюссельдорфа до Кельна часа четыре, а обратно по течению — и того быстрее. Если что-то не выполните, завтра вечером я начну обстрел города из моих кулеврин. Да, грамоты на свои баронства можете привезти вместе с грамотой из Кельна. И мне нужны все грамоты, по отдельности я их не приму. И еще. Все это я делаю ради вас лично и ваших детей, но вашу мать я не прощу никогда. Предупредите ее, что если с ее стороны будет хоть малейшее поползновение как-то навредить мне или моему графству, то я вернусь. И тогда Берг ничто не спасет. И я тогда все сделаю, чтобы она умерла... А лучше отправили бы вы ее в монастырь. Пусть грехи свои замаливает. У нее их столько, что и за всю оставшуюся жизнь не отмолит. Но это уже не мое дело. Все, Вильгельм, до завтра. Какое оно будет, зависит только от вас.

Я развернул коня и отправился в лагерь. Конечно, это невежливо — поворачиваться спиной к герцогу, но мне наплевать. И это дало ему понять, что я шутить не собираюсь. Так что, думаю, все он сделает как надо. Он мог, конечно, взять детей и жену в охапку и рвануть из города, но вряд ли. Не тот человек. Рыцарский гонор из него так и прет. А вот жену с детьми он наверняка отправит. Пфальц тут не очень далеко, если по реке.

Я приказал укреплять лагерь. Только передвинуть его метров на двести ближе к городу. Как раз до того будет около восьми сотен метров. Нас ничем не достанут, а для наших бомб — как раз. Я, в общем-то, не собирался стрелять по городу, но всякое может быть. Если вдруг будет нападение на лагерь, то несколько десятков бомб, взорвавшихся в центре города, быстро отрезвят нападающих. Да и лагерь мы укрепили быстро и надежно. Небольшая насыпь вокруг, под насыпью ров. Установили пушки. Всё, теперь остается только ждать...

Ночь прошла спокойно, хоть я и опасался ночного нападения. Лично я бы обязательно так и сделал. Если не можешь победить днем, значит, надо нападать ночью. Но сейчас это не принято. Во всяком случае, здесь и сейчас, среди рыцарей. Наемники-то воюют, как им удобнее и выгоднее, и на все рыцарские выкрутасы им плевать. Но в городе остались только рыцари. Да и сколько их там? Вряд ли много. Да и то в основном такие, каким был я недавно, – младшие сыновья, которых готовили в святоши, а им пришлось взять в руки меч. Но ведь к ним может и подойти помощь. Мало ли с кем Маргаритка договорилась... Так что будем бдеть.

Весь день я пробездельничал. Зато Курт, тоже весь день, гонял наших солдатиков. Тренировал защиту лагеря при нападении. Ближе к вечеру я уже решил было дать залп из пары батарей по городу, чтоб они там не подумали, что мы сюда просто отдохнуть пришли... Но этого, слава богу, не понадобилось. Ворота города открылись, и к нам направилась та же группа всадников, что и вчера. Вильгельм со товарищи. Ну, милости просим. На этот раз я их провел в лагерь. Правда, шатра у меня по-прежнему не было. Так и расположились за столиком возле ворот.

– Леонхард, вы опять без шатра? Подарить вам один из своих, что ли?

– Вильгельм, вы же знаете – я их не люблю. Спать лучше под открытым небом, под звездами. Так спится лучше. Да и стрелять удобнее, если что.

– Вот не пойму я вас, Леонхард. То вы воин, каких поискать, то святоша из святош. Вино не пьете, шлюх не признаете... Ну ладно, давайте к делу: ваше сиятельство, прошу вас принять три грамоты от нас на три затребованных вами баронства и одну грамоту от архиепископа Кельнского на город Хаген и окрестные земли.

Он протянул мне четыре грамоты. Я их внимательно прочитал. Все верно. Три баронства от Берга и одно от Кельна. Прекрасно. Теперь у меня выход на Рейн. И до Дюссельдорфа от моего баронства километров тридцать. Соседи. А через реку – город Нойс. Правда, уже архиепископский. Ну и я недалеко свой построю. Порт. А город вокруг сам вырастет. Я кивнул Элдрику. На стол поставили серебряные бокалы, специально приготовленные для такого случая. Разлили в них вино. Я встал.

– Ну что ж, господа, берите бокалы, и давайте выпьем за окончание войны. Для вас она уж точно закончилась.

Вильгельм и его рыцари разобрали бокалы, и все выпили.

– Леонхард, вы сказали, что для нас война закончилась. А для вас?

– Для меня она продолжается.

– И с кем вы воюете?

– Швисы. Они сожгли мой город и убили моих людей. Я такого не прощаю.

– Вы собираетесь воевать со швисами?..

– Не со всеми. Я знаю, из каких городов были те баталии, и наведуясь к ним в гости. Вряд ли они этому обрадуются, но мне на их мнение плевать. И вообще, кого интересует мнение покойников?.. Ну ладно, это уже мои заботы. До свидания, Вильгельм. И дай бог нам с вами встречаться только за бокалом вина.

Глава 10

От Дюссельдорфа пошли в мои новые баронства. Надо было занять баронские замки и вообще посмотреть, что мне досталось. А графство-то растет – уже десять баронств. Среднее такое графство. Бывают и побольше, но есть и меньше. В этих трех баронствах тоже делали упор на сельское хозяйство. Теперь я спокойно буду обходиться своими продуктами и даже продавать их. Хотя с этим пока подожду. Сначала накормлю всех своих. Чтобы о голоде в моем графстве все забыли. Придется строить амбары для длительного хранения зерна. Как их строить, пока не знаю, но разберусь. И вино. Теперь у меня свои виноградники и свое вино. Научиться бы делать коньяк... А что – дубовые бочки мне изготовят. Правда, я только это и знаю, что коньяк хранят в дубовых бочках, и именно поэтому он получает свой неповторимый вкус. То, что неповторимый, – это точно. Я не только вкус, но и запах его не переносил. Когда-то. Но ведь другим нравилось? Значит, надо пробовать.

Знаю, что в бочки заливают винный спирт, а вот как его получают, не знаю. Ладно, поговорю с алхимиком, в Линдендорфе вроде есть один. Может, он что подскажет. А еще можно научиться делать ликер. Правда, тоже не знаю как. Пора создавать винную лабораторию. Пусть они там экспериментируют и придумывают разные коньяки с ликерами. Виноградников теперь завались. Найти бы еще одну такую толковую, как Эльза, она бы эту проблему быстро решила. Только вот где такую найти... Вот черт, вспомнил Эльзу – и аж корежить начало. Это сколько я уже без женщины? С ума сойти. Для моего молодого кобелиного организма это недопустимо. И ведь не сделаешь ничего. Не мчаться же в свой замок... А с этими грязнулями связываться противно. Вообще-то можно приказать отмыть служанку посимпатичнее в первом же замке. Если не отпустит, то так и сделаю. Можно, конечно, и с какой-нибудь рыцарской дочкой закрутить... Нет, это уже не прокатит. Если на служанку никто и внимания не обратит, то с благородной – это блуд на сто процентов. А с ее стороны – прелюбодеяние. И это тоже смертный грех.

Есть, конечно, такие рыцарские дочери, которым на все эти церковные заморочки плевать, но святоши-то все равно пронюхают – потом замучают своими нравоучениями и требованиями покаяться. Ну их. У меня сейчас, после Хагена, с ними отношения и так – не очень, а давать им еще и повод для давления на меня ни к чему. Так что если припрет, обойдусь и

служанкой. Тем более если их раздеть и отмыть, то отличить, кто служанка, а кто из благородных, вряд ли получится. Вон Эльза – сто очков вперед любой благородной даст... Все, все, все. Хватит о женщинах, а то свихнусь.

Подумаю-ка я лучше о том, как мне к швисам наведаться. А главное – с кем? Если я оставлю в новых баронствах по роте мушкетеров и по две батареи, то от моей армии ничего не останется. Две роты и четыре батареи. Да, к швисам с такими силами не пойдешь. Если только посмешить их, так я не клоун. Придется откладывать поход на год. Можно из внутренних баронств повыдергивать по половине роты. А откуда? Зиверс сейчас трогать нельзя, там работы полно. Хаген – тем более, там даже замка нет. Их бы хорошо усилить хотя бы полусотней кирасир. А вот с Этингера, Кестлина и Абихта по половине роты снять можно. Пусть местных набирают и делают из них солдат. И вообще надо постоянно проводить ротацию. Из полевой армии переводить в гарнизоны, а из гарнизонов – в полевую армию. А то гарнизонные скоро жиром зарастут. Так и сделаю. Издаю указ, что в гарнизоне войска находятся год, а потом возвращаются в полки. А из полков им на смену идут другие роты. Так будет правильно. Жены офицеров, конечно, взвоют, но ничего, привыкнут.

Итак, что у меня получается? Три с половиной роты мушкетеров и четыре батареи. Маловато. Пушек мне Хайнц еще отольет, да и запас есть, а вот пушкарей где взять? Правда, в Линдендорфе, думаю, переизбыток пушек. Пушкарей можно и оттуда поснимать, но опыта боев у них нет. И не будет, если они все время будут в Линдендорфе сидеть. Так что на два полка я артиллерию соберу, даже себе в резерв пару батарей найду. В учебном центре перед нашим уходом сотню мушкетеров готовили – вот и еще одна рота. Получается полтора полка. А если в новых баронствах оставить по два взвода мушкетеров и по две батареи, то освободится еще три взвода – считай, рота. А остальное добавлю новобранцами. Вот и не надо год ждать. А то за год и злость на этих сволочей притупится, и какие-нибудь новые дела подвоят, так можно вообще к швисам не попасть. А это нехорошо. Наказать их надо обязательно, чтобы больше такие зверства не творили. Ну вот и прекрасно. А пока надо быстренько пробежаться по баронствам, оставить гарнизоны и мчаться в Линдендорф формировать там полки. И надо отправлять гонцов, чтобы корабли встречали нас уже у моста, так будет быстрее. И все корабли не нужны. Хватит и шести больших стругов. А остальные пусть ждут нас на пристани Линдендорфа. А вот шнекеры пусть баржи таскают, все равно их с собой брать не буду. Мне и стругов хватит.

В мои новые земли пришли часа через четыре. То, что это мои земли,

я определил на глаз, по времени движения. Нет, каждая деревня знала границы своих земель, так что определить точные границы моих владений вполне возможно. Но это потом. Я и пограничные столбы позже поставлю. И надо бы составить карты всех моих земель, но это уже следующим летом. Организую несколько картографических экспедиций, и пусть ходят по графству. Года за два хоть приблизительная карта у меня будет. Надо найти только грамотных людей. А с этим сейчас проблема. У меня и офицеры-то не все грамотные. Ладно, вернусь от швисов, займусь и этим. Напрягу монахов. Выпишу из Хагена десяток грамотных и не таких уж фанатичных и построю школу. И пусть там моих офицеров и сержантов учат. Да и Гюнтер своих добавит. Ему ведь грамотные тоже нужны. Пусть хоть читать-писать учат. Ну и счету, конечно.

Добрались до замка Вольцоген за два дня. Замок уже был пустым. Это хорошо. Он стоял на холме, и из него было видно Рейн. Вид просто умопомрачительный. Я и не думал, что Рейн такой широкий. Километра, конечно, не будет, а вот метров семьсот-восемьсот – вполне. Да, это не узенький Рур...

На берегу стоял город. А может, крупная деревня. Но небольшая пристань была. Это хорошо. Можно и порт построить здесь же. Замок есть, с суши город прикроет, а на берегу построить форты. Они всю реку перекроют. Ядрами на таком расстоянии фиг куда попадешь, а вот моими зажигательными бомбами любую лоханку сожгут. Правда, воевать я тут ни с кем не собираюсь, но мало ли что. Да, для порта самое место. Придется Гюнтера озаботить. И когда он все это успеет? Ведь и в Линдендорфе, на Руре, надо порт строить. Пусть и небольшой, но надо. И здесь надо. А он жаловался, что деньги девать некуда. Еще и не хватит. Но место замечательное. Может, и я сюда перееду. Нет, не получится. Завод-то сюда не перенесешь... Сделаю здесь себе летнюю резиденцию. Вот это куда реальнее.

В гарнизоне оставил всю роту и взвод кирасир, с заданием обойти срочно все баронство и утвердить везде мою власть. Через месяц мы все равно здесь будем проходить и заберем один взвод мушкетеров и кирасир. А лейтенанту приказал набрать сотню толковых молодых парней. Один взвод обучить для себя, а остальных готовить к отправке в учебный лагерь в Линдендорфе. Но учить как следует всю сотню. Мушкеты и боеприпасы мы привезем.

Переночевали и отправились дальше, в баронство Вирт. Одну роту мушкетеров с двумя батареями и взводом кирасир отправил в баронство Эбель. Оно граничило с Хагеном и Вольцогеном с этой стороны. Вот

странно: баронство называется Эбель, а городишко на его территории – Эльберфельд. Ладно, лейтенант разберется, что там за город. Все инструкции он получил. Если будут слишком уж права качать, то одним городом у меня будет меньше. Ничего, переживу. У меня их и так получается до фига. А ведь мне еще на Рейне город строить. Да и на Руре два сами по себе возникнут. У порта и у моста наверняка. Прямо Гардарика какая-то, а не германское графство.

К замку Вирт подошли к вечеру третьего дня. Ворота в замок были закрыты, но стоило нам подойти, как они открылись. На ночь решили остаться перед замком. Внутри отправил только взвод мушкетеров, да и то не надолго. Что там по темноте шариться... Когда стемнело, прапорщик, командир взвода, пришел на доклад. Хозяев в замке уже не было, а вот слуги остались. Кое-кто, конечно, ушел в свои деревни, но многие не решились. Некоторые из слуг уже родились в замке, кого-то забрали из деревень еще детьми. Как жить в деревне, они не представляли, а в городишке, что стоял на берегу Рейна, тоже никому не были нужны. Вот и остались. И теперь со страхом ждали прибытия новых хозяев. Да, вот еще проблема. В замке мне они не особо-то и нужны. Если только несколько женщин. А остальных куда? Выгоню – так с голоду помрут. Интересно, а из Вольцогена всех слуг хозяева забрали с собой или, может, кого забрали, а кого и шуганули куда подальше, чтоб проклятому захватчику, то есть мне, слуг не досталось? Надо было выяснить, а я как-то не придавал этому значения. Нет никого – и ладно, нам же лучше. Ладно, завтра буду с этим разбираться.

Утром командира остающейся роты отправил в замок. Объяснил, что слуг выгонять нежелательно. Объяснил почему. Так что если есть возможность оставить их в замке, пусть остаются, прокормим. Главное, чтобы никто не бездельничал. Приказал подготовить мне купальню. Хоть бочку с горячей водой, что ли. Помыться как следует и постираться жуть как хотелось. В речках и ручьях я, конечно, купался, но это все не то. Эх, приеду в свой замок, натоплю баньку – вот уж где побалдею. После парной, да холодного пивка! Кайф... Но до этого еще далеко. Дома только через неделю будем. Да и то – в лучшем случае. Посмотрел с холма, где стоял замок, на городок у реки. В принципе, и здесь тоже порт неплохой получится. Но строить два порта в такой близости друг от друга смысла нет. Значит, или там, или тут. Ну, это пусть Гюнтер со своей шайкой разбираются. Здесь тоже вид неплохой, но там мне почему-то больше понравилось. Зато здесь Дуйсбург совсем рядом. Хорошо это или плохо? Не знаю. Да, без Гюнтера не разберусь.

Ладно, пойду к швисам – возьму его с собой. Посмотрим на оба городка. А потом он уже сушей вернется домой. По пути как раз заглянет и в остальные наши новые баронства. Может, придет что умное в голову. А то мы с Куртом только с военной стороны все оцениваем. Ну так война же... Хотя мне бы оценивать все свои владения лучше с экономической точки зрения. Быстро же я в вояку превратился. Все, пора прекращать воевать, а то совсем солдафоном стану. Тем более что война мне уже начинает нравиться. А это никуда не годится. С таким вооружением, как у меня, мне здесь равных нет. Понесет еще мир завоевывать... Нет уж, нет уж. Все завоеватели целого мира плохо кончали. Так что после похода к швисам занимаюсь только своим графством. И никуда не лезу.

Хотел спуститься в город, а потом подумал-подумал и не стал. Нет, поеду-ка я лучше помоюсь. А потом решу побыстрее все самые неотложные вопросы и махну домой. Надоело все. Эх, если бы можно было и поход к швисам переложить на Курта, а самому остаться дома... Но не получится. Даже не то страшно, что Курт может облажаться. Нет, это вряд ли. Людей, возможно, потеряет больше, чем я, но не это главное. После того что увидел в Зиверсе – это уже мое личное дело. Хотя я туда иду тоже не калачи раздавать, и погибших мирных людей будет намного больше, чем у меня. И женщин, и детей. Все это так. Но если им не преподать сейчас урок, они так и будут резать ни в чем не повинных людей. А вот когда так же поступят с их родными, близкими, друзьями – тогда наверняка задумаются.

Даже рыцари, на что уж отмороженные товарищи, так не поступают. Да, считают крестьян и горожан намного ниже себя и совершенно не будут сожалеть о гибели какого-то числа таковых, но сами просто так убивать никого не будут. А при случае и защитить могут. Не ради самих защищаемых, а ради самого себя, чтобы показать свое благородство. Часто даже не кому-нибудь, а самому себе. Ну и что? Главное, что не убивают и защищают. А ради чего – это уже не важно. Но эти вот ублюдки убивают ради удовольствия. По-другому объяснить то, что я видел, нельзя... Что-то я себя уже заранее оправдывать начал. И такие они, и сякие – а чем я буду лучше их? Не знаю. Может, и ничем. Но все равно пойду, хоть и противится все внутри – ужас как. Вот сказал бы мне сейчас кто: мол, ладно, Лео, ты и так уже отомстил. Оставайся дома. А их уже Господь покарал, когда лишил кормильцев. Ведь тысячи семей потеряли мужей, сыновей, братьев и отцов... Но ведь не скажет никто. Ведь я как бы слово дал. Перед Богом, конечно, не клялся, но вслух-то сказал – а тут за свои слова отвечают очень строго. Сказал и не сделал – все, перестанут человеком считать. Ну что ж,

если деваться все равно некуда, то надо быстрее завершить это дело и успокоиться. А уж как избежать лишних жертв, я придумаю.

Доразмышлялся до того, что даже голова разболелась. Да, здорово я себя накрутил... Ладно, пойду в бочке с горячей водой посижу – может, и успокоюсь. А ведь это не Лео так себя накрутил. Лео бы пылал праведным гневом и жаждал бы отомстить. Это я, тот, из будущего. Это мои, вернее, его комплексы. Черт, запутался совсем. Я, не я... К черту: как будет, так и будет. Лео потом свои грехи в соборе отмолит, а Юрий напьется до свинского состояния, обрыгается, проспится, потом похмелится – и ему полегчает. Только вот что сначала – молиться или напиться? Ну, думаю, с этим я как-нибудь разберусь.

Наконец дошел до мыльни. Вернее, Элдрик меня довел, сам бы я здесь заблудился. Все было как-то не так. Хотя, может, это у меня в замке не так, а здесь как раз так, как надо. Мой-то замок уже четыре века стоит, а этот, может, недавно построили, по последней моде. Ладно, потом осмотрю, если охота будет. Мыльня у них располагалась на кухне. Дикари и грязнули. Ну и черт с ними. Я разделся и залез в бочку с горячей водой.

– Элдрик, вели служанкам, чтобы постирали и высушили мою одежду. Но если хоть одно насекомое там появится, то... сам понимаешь.

– Может, вам служанку прислать, чтобы помогла?

– Которая сама ни разу в жизни не мылась? Нет уж, обойдусь.

– Насчет этого не волнуйтесь, ваше сиятельство. Командир взвода вчера всех слуг предупредил, что если господин граф увидит сегодня хоть одного чумазого или с насекомыми и в грязной одежде, то выгонит всех из замка. Так что всю ночь они мылись и стирались. Да и в помещениях более-менее порядок навели. Что успели, конечно. Тут еще работать и работать.

– Ладно, давай свою служанку. Только пусть мыло прихватит и мочалку.

Через пару минут примчалась служанка. Молоденькая девчонка, лет пятнадцати-шестнадцати. И как раз в моем вкусе. Стройная и без слишком уж выпирающих женских прелестей, то есть гадкий утенок по нынешним временам. Вот ведь Элдрик, сводник чертов... Хотя женщина мне сейчас и в самом деле не помешает, а то какие-то дурные мысли в голову постоянно лезут. Интересно, как-то это все связано? Вот сейчас и проверим. Я вылез из бочки и принялся мыться уже по-настоящему, с мылом и мочалкой. Спину мне ею терла, естественно, служанка. Потом ополоснулся чистой водой из стоящей рядом небольшой бочки. Вода уже остыла и была чуть теплой. Ну да для поднятия бодрости – самое то. Остальное было и так уже

поднято так, что служанка хихикала, когда думала, что я ее не вижу. Хотя хихиканье было какое-то неестественное. Камиза у нее намочила, и все ее прелести проступили сквозь тонкую мокрую ткань. Я снял с нее камизу. Постелил на лавку простыню и уложил девушку на нее. Она лежала сжавшись и зажав глаза. Странная какая-то служанка. Ну ничего, придется немного потрудиться...

Потрудиться и в самом деле пришлось. И применить все свои знания еще из той, прежней жизни, пока она наконец не расслабилась и не задышала прерывисто, со всхлипами. Потом уже все получилось прекрасно. Она оказалась довольно ненасытной, и хотя было видно, что это иногда причиняет ей боль, снова и снова набрасывалась на меня. В конце концов она полностью обессилела и упала мне на грудь. Я осторожно вылез из-под нее и уложил ее поудобнее. Опять придется мыться... А вода-то уже почти холодная. Посмотрел на девушку. Простыня, на которой она лежала, была вся в кровавых пятнах. Так вот почему она иногда морщилась от боли... Ничего себе: служанка в замке, в таком возрасте, и – девственница? Нонсенс. Такого не бывает. Я поднял ее с лавки, подвел к бочке и обмыл. После холодной воды девушку начало трясти. Я посадил ее на лавку и укутал другой простыней. Потом обнял и прижал к себе, сам тоже забравшись под простыню. Она наконец перестала дрожать.

– Как тебя зовут? – спросил ее.

– Ирма фон Вирт...

– «Фон»? Понятно... А сюда зачем пришла?

– Хотела тебя убить, когда ты расслабишься после моих ласк.

– За что?

– Ты убил отца и братьев. А потом отобрал мой дом, – устало ответила она, еще крепче прижавшись ко мне.

– Ну и чего ждешь?

– Уже почему-то не хочу. Да и не смогла бы все равно... – Она тяжело вздохнула. Да, в порыве злости и ярости убить можно, а вот так, спокойно – не каждый мужчина сможет, что уж говорить о юной девушке.

– И чем ты собиралась меня убить?

– Там, под лавкой, кинжал спрятан. Я еще ночью все приготовила. Я знаю, ты любишь чистоту и обязательно пришел бы сюда мыться.

– И сама напросилась мне помогать?

– Это было нетрудно. – Она наконец улыбнулась. – Надо было только постоянно крутиться возле кухни. Этот твой громила сам ткнул в меня пальцем и приказал отправляться помогать тебе.

– И что мне теперь с тобой делать?

– Не знаю. Наверное, тебе придется убить меня. Только перед смертью давай сделаем еще раз то, что сделали недавно.

– Почему не покинула замок?

– А куда бежать? В Дюссельдорф? Чтобы стать там чьей-нибудь игрушкой? Кому нужна нищая баронесса?..

– Да, проблема... Убивать я тебя, конечно, не собираюсь, но и как с тобой поступить, тоже понять не могу. Вот что: поедешь со мной в Линдендорф, а там решим, что делать.

Мы еще посидели некоторое время молча, обнявшись. Да, вот это я попал. Получается, что я совратил дочку убитого мной барона. То, что она сама, можно сказать, запрыгнула в мою постель, вернее, на мою лавку – это уже никого интересовать не будет. Если б я убил барона и женился на его дочке, как в случае с Ами, то ничего тут особенного нет. Такое частенько бывает. Если б я вместе с бароном грохнул бы и его дочку – тоже нормально. Собственно, я так всегда и поступал. Но совращать – это плохо, не благородно. Если я ей сейчас перережу горло, то все будет нормально. Я в своем праве. Но вот это я как раз сделать и не смогу. Лео бы смог, а я нет. Не так уж сильно я пропитался этим временем и его нравами. И не надо думать, что это было бы каким-то зверством. Нет, просто жестокая необходимость. Для местных это нормально. А вот то, что делаю я, – это ненормально. Перебить столько рыцарей – это не нормально. А уж добивать сдавшихся и раненых – это вообще дикость и варварство. А то, что так сложились обстоятельства и это просто необходимо сделать, чтобы спасти своих людей, – никого не волнует. Ведь здесь – рыцари, а там – всего лишь какое-то быдло.

Вот с этого всего у меня мозги и перегреваются. Был бы я только Лео или только Юрий, все встало бы на свои места. Я бы четко знал, что хорошо, а что плохо. А пока получается, что, как бы я ни поступил, все плохо. Или с точки зрения Лео, или с точки зрения Юрия. Но голова-то у них одна. Вот в ней и случаются иногда завихрения. Но мне кажется, я все больше и больше становлюсь Лео. А раз я еще не совсем Лео, то эту девочку я убивать не буду. И постараюсь ей помочь, даже во вред себе. Я думаю, Гюнтер что-нибудь придумает. И потом, в городе есть какой-то тип, вроде местного юриста, уж он-то найдет какую-нибудь зацепку в местных законах, чтобы, как говорится, и волки были сыты, и овцы целы. Конечно, можно просто постричь Ирму в монахини, но я сомневаюсь, что она обрадуется такой судьбе. Особенно если судить по тому, как она вела себя недавно на лавке. Монахиню с таким темпераментом, тем более темпераментом определенной направленности, я представить не могу.

Хотя, в самом крайнем случае, так и придется сделать. Хоть жива останется.

Я посмотрел на нее. Она пригrelась и задремала. Небось всю ночь не спала, представляя, как вонзает мне в сердце свой кинжал. Дурочка малолетняя. Я прижал ее к себе чуть сильнее, и она сразу очнулась и вопрошающе поглядела на меня.

– Значит, так. Побудешь пока Ирмой Мюллер. И чтобы никто не знал твоего настоящего имени. Я распоряжусь, что забираю тебя с собой. Скажи, слуги знали о тебе?

– Меня почти никто не видел. Знали несколько служанок. Но они думали, что я не успела сбежать и хочу только переждать, когда в замке останется меньше солдат, чтобы покинуть его. Что ты с ними собираешься сделать?

– Им придется покинуть замок. Оставлять тут преданных тебе, а не мне людей было бы глупо.

– Не выгоняй их, пожалуйста. Они ведь ничего плохого не замыслили. Просто хотели помочь своей бывшей хозяйке покинуть замок.

– Хорошо. Но поговори с ними и предупреди, чтобы они забыли о том, что ты здесь вообще была. Если кто-нибудь об этом узнает, то у них будут очень большие неприятности. Вплоть до повешенья. И иди собирайся, после обеда мы отправляемся. И еще. Когда мы одни, можешь называть меня просто Лео и на «ты», но если рядом кто-то есть – только «ваше сиятельство». А то вокруг меня в основном люди грубые, хотя и хорошие вояки; перережут глотку зарвавшейся служанке так быстро, что я и помешать не успею.

Она вскочила с лавки и присела в реверансе, а так как на ней ничего не было, то я еле сдержался, чтобы не подхватить ее. Да и она бы, думаю, не возражала, но время подходило к обеду, и скоро нам выходить. Надо же, сколько мы тут, можно сказать, мылись. Я улыбнулся, хлопнул ее по попке и сказал:

– Одевайся и беги. Как соберешься, подойди ко мне.

Она натянула уже высохшую камизу и выскочила. Ну да: я же сразу заметил тонкую и нежную материю у камизы – откуда такая могла взяться у простой служанки... Да, заметить-то заметил, но выводов никаких не сделал. Что-то я расслабился. А если бы это была настоящая специалистка, подосланная той же Маргаритой? Я бы уже лежал остывший с перерезанным горлом, а ее бы и след простыл. Да, надо улучшать службу охраны. А то начальника я назначил, а толку ноль. Нет, защитить меня от нападения в походе и даже на улицах города они смогут, а вот так, как

сегодня, – нет. Тут им еще учиться и учиться. И подсказать что-то толковое сам вряд ли смогу... Я заглянул под лавку. Там в уголке действительно лежал сверток. Осторожно развернув тряпку, я увидел кинжал в простых кожаных ножнах. Завернув его снова в материю, я его прибрал. Буду иногда смотреть на него и вспоминать, для чего он предназначался. Может, это поможет мне быть поосторожнее и поменьше витать в облаках.

Я тоже собрался и вышел из импровизированной мыльни. Благо одежда, уже выстиранная и высушенная, лежала у двери на табурете. Открывай дверь и бери. Элдрика у дверей не было. И вообще никого не было. Заходи кто хошь и бери что хошь. В моем случае – режь кого хошь. Что бы я делал, сидя в бочке, если бы ко мне ворвался хоть один убийца, – кричал бы: «Помогите!»? Здорóво. Значит, или надо налаживать службу охраны, или сидеть в бочке с мечом в одной руке и с пистолетом в другой. И не надо думать, что сейчас все такие благородные, что на тайное убийство не способны. Еще как способны. И режут друг друга, и травят, и убийц подсылают. И все это делают наиболее благородные. Короли, князья, герцоги. И особо потом не переживают. Уверен, и Маргаритка, и архиепископ тоже об этом подумывают.

А что? Наследника у меня нет, а если даже появится, то что он сможет-то, дитя неразумное... А Ами никто всерьез не воспримет. Вот и попрутся сюда все кому не лень. Конечно, даже и без меня Курт с Гюнтером им такую кровавую баню устроят, что мало не покажется. Но все равно вряд ли выстоят. Я являюсь как бы легитимным правителем, по праву рождения и по праву силы. А вот другие – нет. Моих новоявленных дворян и рыцарей никто равными себе воспринимать не будет, а малолетний наследник или наследница и помереть вдруг могут. Сейчас это с малыми детьми часто происходит. Простудился ребенок – и все, заказывай гробик. Из десяти новорожденных хорошо если двое-трое выживают. Вот и с моим наследником такая беда приключится. Уж если до меня смогут добраться, то до него тем более. И Ами для них всех – никто. Вот и перестанет существовать такое замечательное для меня и такое отвратительное для моих врагов графство. Так что меры надо принимать срочно. Как вернусь в Линдендорф, тут же и займусь. А пока придется самому побережться. Как? Не знаю. Но подпускать к себе посторонних на расстояние удара кинжалом больше не буду.

Элдрик с двумя кирасирами поджидали меня у входа в донжон.

– Элдрик, ты запомнил ту девчонку, что помогала мне мыться?

– Да вроде бы. А что? Натворила чего?

– Нет, все нормально. Она едет с нами. Определи ее в обоз. И

предупреди, чтобы не обижали. Это моя служанка.

– Хорошо, ваше сиятельство. – Он только плечами пожал. Никаких больше вопросов. Правильно, так и должно быть.

Мы выехали за ворота замка и проехали в лагерь. Там и пообедали. Потом я дал указания лейтенанту. То же, что и в Вольцогене. И людей ему оставил столько же. Потом стали собираться. Дело было привычное, так что собрались быстро. Ирмы не было. Я даже вздохнул облегченно. Хотя и появилась какая-то легкая обида. Я вроде как голову ломаю, как ей помочь, а она просто не пришла, и все. Но зря радовался и зря обижался. Не успели тронуться, как прибежала Ирма с большим узлом в руках. Как утщила-то? Наверное, там тряпки, и потому он не тяжелый.

– Ваше сиятельство... – только и смогла проговорить она.

– Элдрик, определи.

Он подхватил узел, взгромоздил его на коня и отправился к обозу. Ирма шла рядом. Я был и рад, и не рад. Черт, о самой большой проблеме я и не подумал. Что я Ами-то скажу? Ладно, расскажу как есть. Может, и пожалеет сироту. О наших занятиях на лавке я, конечно, лучше умолчу. Она беременная, ей волноваться нельзя.

До моста отсюда идти больше трех дней. Я хотел сначала пройти по той дороге, что вела к полю, где я похоронил остатки рыцарства Берга и Кельна, но пришлось бы делать крюк и терять еще день. Ну его. Потом как-нибудь поставлю там памятный знак. В память о всех погибших. Рыцарей и их людей и в самом деле жалко. Они такие, какие есть. Они привыкли к красивым битвам, к поединкам на мечах один на один. К стремительному копейному удару. А я их шрапнелью и картечью... Нехорошо даже как-то. Но ничего не поделаешь. Время идет вперед. Уже всюю применяют огнестрельное оружие. Практически везде. У меня оно более совершенное, но и не так уж чтобы очень. Пройдет немного времени, и у всех будет если и похуже, то не намного. Сколько у меня времени? Лет двадцать-тридцать. Для меня это очень неплохой срок. А для истории? Для всего человечества? Мизер. Но мне этого мизера хватит, чтобы окрепнуть, чтобы вырастить детей. Чтобы выросли дети тех, кто сейчас рядом со мной. А уж они за меня и за графство будут зубами держаться. И порвут всех, кто к нам сунется. Только надо их всех правильно воспитать. Но я уж постараюсь...

Шли мы довольно быстро. Уже июль. А воевать лучше летом. Поэтому мне надо побыстрее выходить в Швис, а я еще и до дома не добрался. В лучшем случае в конце июля сможем выйти. По реке до Швиса идти неделю. Где находятся города, я уже знал: Курт все выяснил. По реке ни до одного из них не добраться. Правда, Шаффхаузен стоит на Рейне, но

недалеко от него как раз находится знаменитый Рейнский водопад. Чем он знаменит – не знаю, не Ниагара же, но мне он здорово подгадил. Придется идти по незнакомой местности. И что там нас будет ждать и сколько нам придется идти – неизвестно. Тем более нас там наверняка будут ждать. Ну, пусть ждут. Им же хуже. Но вот сколько времени все это займет, даже не представляю. Хорошо бы до сентября домой вернуться. А то потом начнутся осенние дожди и воевать будет очень сложно. До Цуга в этом году я и не надеялся добраться. Слишком глубоко в Швисе он находится. Дойти-то, конечно, дойду, но половину армии потеряю. Ладно, в этот раз расквитаюсь с Шаффхаузенем, а там посмотрим. Но поспешать надо. Вот мы и спешили.

Остановились, только когда начало темнеть. Быстро поужинали и стали укладываться спать. Небо заволокло тучами, поэтому мушкетеры повзводно растянули тенты из своей непромокаемой материи и легли под ними. Я на всякий случай лег под возом. Не успел уснуть, как ко мне пробралась Ирма.

– Ирма, ты что здесь делаешь?

– Что что... спать собираюсь. А где мне еще спать? Я ехала на возу, на мягких тюках. Твои кнехты забрали все тюки с материей и растянули ее над собой. Мне что теперь, на голых деревяшках спать?

– Ладно, залезай под плащ. Только смотри, будем просто спать, без затей.

– Хорошо, хорошо... А насчет затей – это мы еще посмотрим.

И она тут же выскользнула из котты и камизы. Как это у нее так ловко получилось, не понимаю. В общем-то, и камиза и котта – это обыкновенные длинные рубахи, у женщин, во всяком случае. У мужчин – покороче. И снять их очень легко. Развязал пояс и стягивай через голову. Но сделать это под возом и даже под плащом – это надо очень постараться. И быть настоящим гимнастом, вернее – гимнасткой. Под камизой у нее ничего не было, даже коротеньких брэ. Ну тут уж и я не выдержал. Правда, раздевался намного дольше, даже с ее помощью. Начал накрапывать мелкий дождик, и под звук падающих капель мы любили друг друга. В этот раз я постарался быть с ней как можно осторожнее и нежнее. И удовольствия мы получили намного больше, чем утром. Может, она чувствовала себя уже более раскованно, а может, сама обстановка помогла. И дождь, и эта телега – все делало эту ночь какой-то нереальной. Перед самым рассветом я вылез из-под телеги, завернулся в плащ и пошел к полевой кухне, где добыл ведро теплой воды. Мы кое-как обмылись, тут же, за возом, потом она надела камизу и котту и полезла под воз на мою

попону – досыпать. А я оделся и пошел относить ведро к кухне, где и остался. Вода уже вскипела, и повар из хоззвода заварил мне бабкиных травок. Так я и сидел, попивая вкусный напиток и ожидая завтрака. Здесь меня и нашел Элдрик.

– А вы что не спите, ваше сиятельство? – спросил он, присаживаясь рядом.

– Ты же знаешь – я рано встаю. Тем более пришлось уступить свое место новой служанке. Ей, оказывается, негде спать.

– Зря вы так, ваше сиятельство, – слуг нельзя баловать.

– Я это понимаю, Элдрик. Но она просто девчонка, оказавшаяся в военном лагере, где одни мужики. И ей, конечно, страшно. Поэтому и уступил. Ничего, мне не привыкать. Я когда-то ночи напролет за молитвами проводил, и ничего.

– Это я еще помню, ваше сиятельство. Хотя поверить в это уже не могу.

– Я тоже. Но привычка рано вставать осталась. Ладно, скажи Курту поднимать всех, пора идти.

Солдаты поднялись, быстренько поели, и мы пошли дальше. И в этот день, и в следующий... По ночам Ирма приходила ко мне. Я укладывался спать под возом даже в звездные ночи, так что нам никто не мешал. Глупо было бы думать, что никто ничего не замечает, но с другой стороны – а что здесь такого? Ну, развлекается молодой граф с новенькой молоденькой служанкой, и что? В своем праве. А Ирма была просто ненасытной. Подозреваю, девчонка считала, что ничего хорошего ее в Линдендорфе не ждет, и старалась отхватить от жизни напоследок все что возможно. Я ее, конечно, пытался убедить, что все будет хорошо, в чем, честно говоря, и сам уверен не был. Она это, естественно, чувствовала.

Так и дошли до моста. Все десять больших стругов уже поджидали нас. Быстро погрузились, что было нетрудно. Мост выполнял роль пирса, и погрузка прошла без лишнего напряжения. На ночь решили не останавливаться. Как всегда, время поджимало. В эту ночь я спал один. На этих кораблях каюты не предусматривались, а заниматься чем-то интимным в такой скученности не очень приятно. Зато выспался. К вечеру второго дня уже были у пристани в Линдендорфе. Мчаться на ночь глядя в замок не стали, а остановились в небольшом трактире. Вокруг пристани уже вырос небольшой поселок. В основном сюда приходили купеческие суда из разных мест Германии. Да и не только Германии. Были и из Голландии, и из Брабанта. Из Лотарингии и Бургундии. Все, кто имел выход к Рейну, приплывали именно сюда, откуда была прекрасная дорога

до города. Так что купцов в поселке было довольно много. Но для них имелись довольно большие постоялые дворы. А наш трактир был только для своих. Хотя и не большой, но очень чистый и уютный. Грязнуль сюда не пускали. Я занял, естественно, самую большую комнату. Правда, большой ее назвать было трудно. Четыре на пять метров, но и то хорошо. Хотя поспать в нормальной постели...

В трактире была и мыльня, довольно большая. Вот она уже напоминала мне обычную общественную баню из моего будущего. Правда, парилки не было. Стояли бочки с горячей и холодной водой. Были и обыкновенные деревянные шайки. Но зато имелись душевые кабинки. Вода из них текла чуть теплая, но для этого времени такое было, наверное, покруче огнестрельного оружия. Видимо, подсмотрели у меня в замке и усовершенствовали. Здоровенный бак стоял на крыше, и вода нагревалась солнцем. Поэтому и была чуть теплая. Конечно, зимой душевые работать не будут, но это пока. Уверен, люди что-нибудь придумают. Ведь помыться в этой бане стоило денег – небольших, но все-таки прибыль приносило стабильную. А раз есть прибыль, то работы над этой темой не прекратятся.

И баня никогда не пустовала. Сюда приходили мыться даже местные. Из моих подданных, конечно. Совсем уж грязнуль сюда не пускали, поэтому она и была столь популярна. Для нас, само собой, баню освободили, и мы, то есть все офицеры, могли помыться спокойно. За тонкой стенкой было женское отделение, и оттуда были слышны их звонкие взвизги и смех. То отделение не закрывали, так сказать, на спецобслуживание, и там мылись все желающие. Женщины, естественно. Солдаты наши тоже помылись, но в мыльнях попроще. Здесь их хватало. Приезжие знали, что грязных и с насекомыми к городу и близко не подпустят, поэтому мылись уже здесь. Собственно, поселок и вырос на предоставлении таких вот услуг, странных для других мест. Здесь были и бани, и прачечные, и цирюльни. Даже шкафы для жарки одежды. Насекомым тут объявили настоящую войну. И люди в ней побеждали. В моем графстве, во всяком случае. Здесь располагался, можно сказать, форпост борьбы за чистоту. И не только гигиеной. Хотя уже и стемнело, но я успел заметить идеальную чистоту и порядок на улицах. И даже небольшие скверики и клумбы с цветами. И это очень хорошо. Думаю, такие городки скоро появятся и в других уголках Германии. Да и не только Германии.

Распаренный, я поднялся к себе в комнату. Вещи оставил стирать. Да, надо брать с собой запасные комплекты одежды, а то хожу как шпана какая, все время в одном и том же. Тоже мне граф – запасных штанов и то нет.

Весь поистрепался уже. Ладно, учту. Только завалился на кровать, как в комнату проникла Ирма. Отбрыкаться мне от нее сегодня не получится, да и не хочется, честно говоря. А хочется совсем другого. Она, видно, тоже была только после бани, волосы еще не успели высохнуть.

– Как тебя ко мне пропустили?

– А кто меня мог не пустить?

– У дверей нет, что ли, никого?

– Нет. Я, честно говоря, очень удивляюсь твоему безалаберному поведению. Столько сильных и владетельных людей мечтают заполучить твою голову, а тебя никто не охраняет, дверь не заперта, ты лежишь голый на кровати. Просто удивительно.

– Я в своем графстве. И у меня вон пистолеты на столе и меч в углу.

– Именно что в углу. И то, что ты в своем графстве, ни о чем не говорит. Этот городок заполнен купцами из разных мест. Купцами и их слугами. А кто там среди слуг? Вот среди твоих слуг – целая баронесса, а у них тоже, может, кто-нибудь есть. Уж охранники – это точно. И все они очень хорошо управляют с различным оружием. А ты даже на входе в трактир охрану не поставил.

Говоря все это, она разделась и запрыгнула ко мне на кровать.

– И ты не улыбайся, – продолжила она мне выговаривать, – и не думай, что я глупая баронская дочка. Я знаешь сколько книг прочла? Я как-то читала книгу, где описывалось, как охраняли сенаторов в Древнем Риме. К ним даже муха подлететь не могла.

– И все равно их, наверное, убивали.

– Убивали, конечно. Но, благодаря охране, очень редко. Я тебе расскажу, как лучше организовать твою охрану. Ой, что ты делаешь? Лео, подожди... Лео...

Какая охрана, когда рядом такая девушка? О чем тут еще можно думать...

Потом мы просто лежали, обнявшись.

– Лео, что со мной будет? – спросила вдруг она.

– Не знаю. Знаю только одно – ты будешь жива и здорова и никто тебя не посмеет обидеть.

– Но ты ведь женат. Говорят, у тебя очень красивая жена. И скоро она родит тебе наследника. Сможем ли мы встречаться? Хоть иногда?

– Не хочу врать тебе – не знаю. Мне надо поговорить со своим помощником о тебе.

– Я понимаю: ты хочешь отдать мое баронство своему человеку, и я этому мешаю.

– Ты немного неправильно понимаешь. Я никому не собираюсь отдавать твое баронство. У меня вообще нет баронов.

– Как это?.. Так не бывает. Если ты граф, то у тебя должны быть бароны.

– У меня их нет и вряд ли будут. Вся земля принадлежит мне и только мне. Вот поэтому из-за тебя и возникла такая кутерьма. Ты ведь наследница баронства. Не сама, конечно, а твой муж, но это ничего не меняет. В моем графстве наследником всех земель являюсь я один.

– Странно это как-то... Но я буду надеяться, что ты как-нибудь решишь мой вопрос. А баронство мне и не нужно совсем. Я ведь в любом случае не буду настоящей хозяйкой, даже если выйду замуж. Так что ты придумай что-нибудь, пожалуйста. А теперь иди ко мне. Неизвестно, когда я еще смогу попасть в твои объятия, так что не будем терять время.

И мы занялись более приятным делом, а то этот разговор начал меня уже напрягать.

Утром собрались и отправились домой. К городу вышли к обеду. Вся колонна повернула в лагерь, а я, прихватив Ирму, в сопровождении Элдрика и охраны направился в замок. Хотел было отправить в лагерь и Ирму, а потом передумал. Лучше сразу расскажу о ней Ами, все равно узнает. Ирму предупредил, чтобы не вздумала на исповеди проговориться о наших отношениях. Святоши быстро ее в монастырь законопатят, благо он под боком.

Приехав в замок, тут же бросился искать Ами. Но она меня встретила уже на пороге донжона. Правда, бросаться на шею мне в этот раз не стала. Шла она мне навстречу степенно и плавно. Как в наших сказках говорилось – выступает, словно пава. Точно про нее. Животик уже заметно округлился, и она несла его гордо и величаво. Да, настоящая женщина. А ведь ей еще и восемнадцати нет. Я к ней подошел и нежно обнял:

– Как же я по тебе соскучился!.. Как же я ждал этого момента...

И еще минут пять шептал ей на ушко разные глупости, от которых женщины так млеют и обойтись без которых совершенно не могут. Потом мы чинно, под руку отправились в донжон. Сразу прошли на женскую половину. Зашли в ее спальню. Я сел в кресло и усадил ее себе на колени. Обнял и прижал к себе. Так молча и сидели. Потом она наконец ожила. Стала мне рассказывать, как она скучала и как ей кажется, что малыш уже пинается ножками, хотя еще и рано. И еще тысячу разных «что». Мы даже на обед не пошли. Надо же, раньше пропускали обед из-за того, что не могли оторваться друг от друга в постели, а теперь просто не пошли, и все. Нам было и так хорошо, просто сидя вдвоем в кресле. А потом она вдруг

спохватилась:

– Я тебя совсем заговорила, а ведь ты голодный! И только с дороги, уставший. Пойдем обедать.

Мы пошли в обеденный зал. Он же пиршественный, он же столовая и гостиная. Просто самое большое помещение в донжоне замка. Стол уже был накрыт. И ничего еще не успело остыть. Так что пообедали – или поужинали – с аппетитом. Я, во всяком случае. Ами только поковырялась немного в тарелке, и все.

– Ами, помнишь, ты как-то говорила, что я из какого-нибудь похода привезу еще одну баронессу? Так вот, я таки ее привез.

– Кого?

– Баронессу.

– Как это?

– Как-как... вот так. Вон твою Эмму с дедом привез, хотя должен был просто убить. Но пожалел. Эту вот тоже пожалел. Молодая дуручка осталась в своем замке. Решила, как и Эмма с дедом, умереть дома. Ну не убивать же девчонку... Пришлось тащить сюда.

– И что теперь?

– Не знаю, Ами. Буду советоваться с Гюнтером. Может, он что подскажет. В монастырь она идти не хочет категорически. Убивать жалко. Может, ты что придумаешь.

– А где она сейчас?

– Наверное, Вилда ее куда-нибудь пристроила. Я ее вез как служанку. Не везти же ее как баронессу...

– Я ее заберу к себе, можно? Не жить же ей и в самом деле со служанками...

– Да, пожалуйста. Зовут ее Ирма фон Вирт. Она из нашего нового баронства. Но называть ее настоящим именем, думаю, пока не стоит. Пока мы не решим, как с ней быть.

– Хорошо, Лео. Ты побудешь вечером со мной?

– Обязательно. Сейчас приедут Курт с Гюнтером, мы обсудим кое-какие вопросы, и я зайду к тебе.

– Хорошо, я буду ждать. Ты знаешь, Грета родила такого замечательного малыша...

И она мне полчаса рассказывала, какой чудесный у Греты с Куртом малыш. И у Ханны с Гюнтером, оказывается, чудесный малыш. И еще семь чудесных малышей появились у моих офицеров. И что ни одна роженица не умерла, хотя одной хирург из школы врачей разрезал живот, чтобы достать ребенка. И самое удивительное, что и ребенок и мать выжили и

сейчас чувствуют себя прекрасно... Надо же, кесарево сечение умудрился сделать. Хорошо что я послушал бабку и взял этого хирурга. Одним этим он уже оправдал все расходы на него. Если он и в остальном такой спец, то надо будет отдельную кафедру для него открывать. А что? Забабахая у себя в городе университет. Медицинский. Ну и кафедру богословия, конечно. Куда ж без нее. А то инквизиция тут же примчится. Они университеты любят трясти. Сейчас, правда, не особо зверствуют, хоть и существуют уже больше полутора веков. Особый церковный суд католической церкви под названием «инквизиция» был создан еще в 1215 году папой Иннокентием Третьим. Но пока они ведут себя вполне прилично. Нет, и сейчас, конечно, и пытаются людей, и сжигают на кострах, но не особенно усердствуют. Особенно тут, в Германии. Это через сотню лет, когда трибунал испанской инквизиции возглавит в 1483 году Томас Торквемада, запылают костры. И не только в Испании, а по всей Европе. Дурной пример заразителен. Вот тогда будет «ужас-ужас». Но через сотню лет университет вполне сформируется и, думаю, святошам не удастся его задавить. Но это потом, после Швиса.

Наконец объявились Курт с Гюнтером. Ами сразу поднялась и пошла искать Вилду. Как бы она не расколола Ирму... все-таки волноваться ей сейчас ни к чему. Но нет, Ирма – девочка умная и, видя положение Ами, будет держать язык за зубами. Хотя все равно это однажды всплывет, но пусть уж Ами родит спокойно, а там уже не так и страшно все будет. Правда, здесь в этом и так ничего страшного не видят. Жена с животом, муж развлекается с другими девицами, и никто на это не обращает внимания. Но мне почему-то не хотелось расстраивать сейчас Ами. Правда, я не знал, расстроится она или нет. Она все-таки, так сказать, продукт нынешнего времени и на многие вещи смотрит совсем иначе, чем я...

– Так, господа, прежде чем начать наше совещание, хочу поздравить вас обоих с рождением первенцев. Мне Ами уже все уши прожужжала, какие у вас замечательные малыши. Так как подарками я запастись не успел, то жалую вам обоим за хорошую работу со своими женами по полтысячи гульденов. А остальным офицерам, в честь рождения у них первенцев, – по сотне гульденов. Теперь докладывайте.

После продолжительных благодарностей они принялись за доклад. Сначала, как всегда, докладывал Курт. Но это все я и так знал не хуже его, так что докладывал он скорее Гюнтеру, а не мне. Потом стал докладывать Гюнтер. Это уже было намного интереснее. Но ничего неожиданного. Да и что могло случиться за два с лишним месяца, что мы мотались по графству? Денег у нас становилось все больше и больше, но и расходы

росли день ото дня. Проплатили стройматериалы для строительства портов на Руре и Рейне. Скоро должны подвезти. Это те, которых у нас самих не было. Правда, где строить порт на Рейне, Гюнтер так и не понял. Гонец, что привез от меня письмо, так внятно и не смог объяснить, какое из двух мест лучше. И из моего письма это тоже трудно было понять. А я и сейчас не смог ему сказать, какое лучше. Но думаю, что второе. От Дюссельдорфа с бешеной Маргаритой подальше, зато к нашему городу, который наверняка появится у моста, поближе. Правда, смущает меня близость Дуйсбурга, но Гюнтер сказал, что это даже хорошо. Купцы, пришедшие с моря в Дуйсбург, обязательно заглянут и к нам, а нам будет что им предложить. Поэтому решили строить порт там. Но тут проявилась проблема, о которой я им и рассказал.

Ирма фон Вирт. Это сейчас она никто, а стоит ей выскочить замуж – и у баронства Вирт появится хозяин. А мы там уже и город отгрохаем, и порт. Вот он радоваться будет... Получить такое на халяву – я бы тоже обрадовался. Если бы она сбежала, было бы проще. Сама сбежала, значит, сама и отказалась от своих владений. Но она-то не сбежала. И сейчас находится в столице графства, у своего нового сюзерена. И хотя вассальной клятвы она не давала, но я все равно считаю ее сеньором. Так сказать, теоретически. Фактически буду, когда она, вернее, даже не она, а ее супруг, принесет мне вассальную клятву. А мне эта клятва и на фиг не сдалась. Потому как она обоюдная. То есть я еще и защищать ее должен буду. Номинально баронство будет мое, а фактически – не до конца. Взбрыкнет барон, придерется к чему-нибудь и расторгнет вассальную клятву, как я когда-то. И уйдет под крылышко к тому же Бергу, а он обязательно уйдет, потому как у меня такой воли, как в другом графстве или герцогстве, он никогда не получит. А это война. Это сейчас у Берга сил со мной воевать нет, а потом? Лет через пять? Пока суд да дело, город и порт уплывут от нас к Бергу или Кельну. Вместе со всеми нашими вложениями. И тогда опять прольется море крови. А все из-за одной молоденькой девчонки.

Курт и Гюнтер тут же дружно предложили перерезать ей тихо горло. И все сразу нормализуется. Но я был против. Я уже пообещал не убивать ее. Да и Ами про нее уже знает и, наверное, уже приняла ее у себя. Уж она-то точно не позволит ее убить. Можно постричь в монахини, но это уже крайний случай. Я ей обещал позаботиться о ее судьбе, и, в принципе, это тоже можно будет трактовать как заботу, ведь этим я спасу ее от смерти, но самому потом от такой «заботы» будет противно. Для нее это хуже смерти.

– Вот черт... Так вот что это за служанка была, – пробурчал Курт, – до меня доходили слухи, что наш граф с какой-то служанкой ночи проводит,

но я и внимания не обратил. Служанка и служанка, что здесь такого? Да, теперь ее в монастырь не очень-то и загонишь. Она уже вкусила все прелести жизни и отказываться от них не будет. Можно, конечно, и насильно постричь. Обойдется это недешево, аббатиса не упустит возможности подоить нас как следует. Но слухи все равно пойдут, и не очень хорошие слухи.

– Нет. Это не то. Надо искать другой выход. Гюнтер, у тебя ведь в городе есть какой-то стряпчий, он же в законах должен разбираться. Поговори с ним, может, он что интересное предложит.

– Хорошо, завтра же с ним переговорю. Он в магистрате и служит как раз. Парень толковый, обязательно что-нибудь придумает, ваше сиятельство; больше никаких сюрпризов не будет?

– Вроде нет. Хотя есть одна задумка. Неплохо бы у нас в городе университет открыть. База у нас уже есть – лекарская школа. Добавить пару факультетов – и все, достаточно. Зато к нам будут приезжать толковые ребята учиться, а уж выбрать потом из них самых толковых и оставить у себя нетрудно. А то ведь людей грамотных у нас, почитай, вообще нет.

– И какие же факультеты вы думаете открывать, ваше сиятельство? – заинтересованно спросил Гюнтер. Ему грамотные были еще нужнее, чем Курту в армии. И намного нужнее. Гюнтер уже второй раз переизбирался бургомистром, и, думаю, так и дальше будет, так что за город он переживал серьезно. И нехватка кадров, даже в городе, ощущалась сильно. А ведь есть и другие города, за которые Гюнтер также отвечает. И не только города.

– Я думаю, трех факультетов вполне достаточно. Лекарский, он у нас, по существу, уже есть. Там бабки-травницы преподают и один дипломированный врач. Какой он врач – не знаю, но хирург, видно, неплохой. Роженицу с ребенком спас. За это ему, кстати, премию неплохо бы выдать. Вот они и будут первыми преподавателями. А потом и другие врачи подтянутся. Только надо их тщательно проверять. Шарлатанов среди них полно. Потом будет богословский факультет. Без этого, сами понимаете, никак. Тут с профессорами проблем не будет. Отец Бенедикт и сам может преподавать, и найти кого еще. Хорошо бы не фанатиков, но об этом я с ним переговорю. Ну и третий факультет – управления. Именно гражданского управления.

– А почему только гражданского? – возмутился Курт.

– Потому что именно в этих специалистах у нас такой жуткий дефицит, то есть нехватка. Грамотных чиновников в городах, почитай, и нет. Про деревни я вообще молчу. А армейских специалистов ты и сам воспитаешь. У тебя целый учебный лагерь есть. Чем не военный

университет? Все наши офицеры оттуда вышли. И неплохие офицеры получились. А вот чиновников – тех же офицеров, но гражданских, учить негде и некому.

– И кто же их учить будет? – спросил Гюнтер.

– Ты и будешь. Да еще подберешь из своих людей несколько самых толковых, и они тебе помогать будут. И учиться в нашем университете будут бесплатно, но с обязательством отработать потом в графстве не менее пяти лет. А кто не хочет отрабатывать, тем назначить цену за обучение неподъемную. Нечего чужих людей обучать. И учить не по десять-пятнадцать лет, как в других университетах, а строго два года. И каждые полгода – экзамен. Не сдал экзамен – пинка под зад. Дураков и лодырей нам не надо. И еще. При университете следует устроить годовичные курсы по обучению грамоте и элементарным знаниям. Ведь в деревнях в основном народ безграмотный, а толковых и умных ребят и там хватает. Таких надо находить и определять на эти курсы, чтобы они через год могли поступить в университет. Одежда и питание – тоже за счет графства.

– Одно разорение получится с этим университетом... – проворчал Гюнтер.

– Ничего. Это потом все окупится. Нам уже сейчас специалистов не хватает. А у нас пока только один город более-менее развит, но ведь у нас городов много, и их тоже надо развивать. А на всех ключевых местах должны сидеть толковые, а главное – наши специалисты.

– Это придется целый университетский городок строить... – вздохнул Гюнтер.

– Не надо городок, ни к чему. Нам нужно обеспечить специалистами прежде всего свое графство, а для этого очень уж много людей и не требуется. Достаточно построить два больших дома. Один под учебные классы, а другой под общежитие для студентов. Хотя под общежитие можно переоборудовать тот дом, где сейчас лекарей обучают. Не хватит – еще один построить. А вот для преподавателей надо что-то придумывать. Тут уж сам решай. Считаю, что надо построить несколько небольших домиков и сдавать их преподавателям. Бесплатно, конечно. Но принадлежать эти домики должны университету. И выкупить их нельзя. Преподаватели будут меняться, а жить новым где-то надо...

– А кто в университете учиться будет? Только простолюдины?

– Почему это?

– Ну, ваше сиятельство, благородные не захотят учиться вместе с простолюдинами.

– Захотят, еще как захотят. Когда поймут, что неучам путь наверх

заказан, сразу же и захотят. И не надо забывать, что Господь создал людей по своему образу и подобию. Всех людей, а не только благородных. Так, с университетом решили, но это дело будущего, хотя начинать надо уже сейчас. Не спеша строить дома. Разговаривать с будущими преподавателями. А со следующего года и начинать. Что там еще у тебя, Гюнтер?

– В общем-то, все нормально и без изменений. Завод дает просто огромное количество стали. Почти все распределяем среди своих мастеров. Сейчас у нас заказ от бургундцев и французов. Пока все идет по плану. Изготавливаем понемногу и сельхозинвентарь. Думаю, зимой еще на два-три баронства наберем. Продаем и просто сталь в брусках, но не много, чтобы цены не обрушить. В основном ганзейцам. Приезжали представители Швабского союза городов. Тоже хотят качественное оружие. Но они очень хотят заполучить и наши кулеврины, а тут уж действует ваш запрет. У них там непрекращающаяся война с графом Вюртембергским. В прошлом году при Ройтлингене они его здорово поколотили, но граф все равно не успокоился. Вот они и хотят вооружиться получше.

– Нет, пушек ни им, ни кому бы то ни было не продавать. Пока это наше единственное преимущество.

– А мушкеты? – тут же возразил Курт.

– Мушкеты хороши против равного противника – по численности, я имею в виду. Даже если противник числом будет раза в полтора больше, при определенных условиях мы победим. Но вот если их будет больше раза в два-три, то одни мушкеты не помогут. Тут нужны пушки. Да ты и сам все видел.

– Видел, конечно. Но мне кажется, мы мушкеты все-таки недооцениваем. Надо будет еще поработать над тактикой их применения.

– Вот и поработай. Потом доложишь. Короче говоря, огнестрельным оружием мы не торгуем. Никаким и ни за какие деньги. Мечи, секиры, копья, доспехи. Можно продавать не просто наконечники для стрел, а целиком стрелы. Нужно только договориться с нашим цехом плотников и столяров. И им выгодно, и нам. Инструмент не пробовал продавать?

– Продавал. Очень задорого. Но все равно в очереди стоят.

– Это хорошо. Ладно, давайте закругляться. Я жене обещал пораньше освободиться.

– Так ночь уже...

– Ну, может, и не спит еще.

– Последний вопрос, ваше сиятельство, – обратился ко мне Гюнтер. Я кивнул. – Один наш городской подмастерье, из златокузнецов, обращался

ко мне насчет Беаты. Очень уж она приглянулась ему. Спрашивал насчет приданого. С Беатой я говорил, она вроде не против, если вы, конечно, разрешите.

– Ну, раз все согласны, то дай за ней гульденов сто; хватит?

– Да вы что, ваше сиятельство, – это слишком много. Полста гульденов в самый раз будет.

– Дай сто, Гюнтер, не жадничай. Ну все, я пошел. Завтра вечером заходите, еще поговорим.

Я встал и направился на женскую половину. Но Ами уже спала. Я тихо подошел к ней, присел на край кровати и поцеловал ее. Она открыла сонные глаза.

– Спи, дорогая, спи... До завтра.

Я погладил ее по нежным волосам и ушел. Пойти напиться, что ли? Нет, не хочется. Может, к Эльзе? Где ее комната, я знаю. Нет, нехорошо. Из спальни жены – сразу в спальню к любовнице. Пойду попробую уснуть. Но уснуть не мог долго. На душе было как-то мутно. Беату не хотелось терять просто жутко. Понимал, что так и должно быть, девочке надо устраивать свою жизнь. Тем более такая хорошая партия. Это не слуга и не крестьянин. Теперь Беата будет уважаемой горожанкой. А если у ее мужа хватит денег, а теперь наверняка хватит, внести первичный взнос за звание мастера в свой цех, то она будет вообще женой мастера. Но мне-то от этого ничуть не легче. И изменить ничего нельзя. Бабка же сказала, что придет время – и они сами уйдут. Вот оно и пришло, это время. Да я и без бабки все прекрасно понимаю. Беата ведь уже, считай, старая дева. Ни семьи, ни детей, ни перспектив. Я к ней наведывался два-три раза в месяц. Да и то, когда был в замке. Для молодой, здоровой женщины – это не жизнь. Теперь у нее будет нормальная семейная жизнь. Ну и дай ей бог счастья.

Так, жалея себя, я и уснул. Проснулся, как всегда, до зари. Ну что за божье наказание – когда же я буду вставать как все нормальные люди, хотя бы со светом... А то брожу в серой предрассветной мгле, как призрак. Подумал-подумал и пошел к Эльзе. Не прогонит же она меня...

Дверь в ее комнату была не заперта. Ну не замок, а проходной двор, ей-богу. Эльза лежала на кровати разметавшись, простыня сбилась на сторону и едва прикрывала только одну ее ногу, да и то не всю. Я стоял и любовался. Эх, был бы я художником... Она, видно почувствовав мой взгляд, открыла глаза. Я подошел и сел на край кровати. Ни слова не говоря, она притянула меня к себе, привстав и обхватив за плечи. И зачем я одевался?.. Я думал, она порвет мою одежду. Хорошо хоть та была еще походная, из плотной и прочной ткани. Но срывала она ее с меня аж с

рычанием. Я и сам поддался ее настрою и то и дело впивался губами то в ее губы, то в грудь. От этого она совсем потеряла голову.

Брэ она мне все-таки разодрала. И немного уgomонилась только через час. Да и то от усталости. Скакать на мне целый час – это и без ног остаться можно. Я и сам не ожидал, что выдержу столько, но выдержал. Тем более слыша ее рычание и стоны. В конце концов она свалилась без сил мне на грудь. Я перевернул ее на спину. Ноги ей мне пришлось распрямлять самому. Потом массировать их. От этого она опять начала заводиться. Но теперь все пошло намного спокойнее. Я ласкал ее не торопясь и очень нежно. Но меня и самого надолго не хватило. После того как ее начало трясти от возбуждения, я и сам потерял голову. Но в этот раз мы очнулись пораньше, минут через тридцать-сорок. Вставать ужасно не хотелось, но надо было идти мыться и завтракать. И есть здорово хотелось, и Ами не стоило обижать опозданием.

– Я вас так ждала вчера, ваше сиятельство, так ждала... Все никак уснуть не могла.

– Брось, Эльза. Когда мы с тобой вдвоем, я для тебя просто Лео. А вчера зайти никак не мог – засиделись за полночь с Куртом и Гюнтером. Я к тебе сегодня зайду в цех, поговорим.

– Хорошо, Лео, я буду ждать.

Я оделся и опять пошел к себе. Там быстро помылся, надел наконец новую одежду и пошел завтракать.

Ами уже была за столом. Я поцеловал ее и сел рядом. Вообще-то полагалось сесть напротив, но перекрикиваться через весь стол – ну его на фиг. Молча поели. Потом, как и ожидалось, Ами стала терзать меня вопросами. Я рассказал ей о нашем походе – коротко, конечно, и без всяких кровавых подробностей. Хотя она и видела своими глазами, как мы ведем боевые действия. Ей тогда это не очень понравилось. Но все это уже стерлось и сгладилось в воспоминаниях, и снова будить их я не собирался.

Рассказал ей о наших новых баронствах. Решение сделать на Рейне летнюю резиденцию у нее вызвало восторг. Мы с ней это долго обсуждали. Она расспрашивала меня о замке на реке, о городе, о самом Рейне. Она в своей жизни нигде не бывала и видела только два замка – свой и мой. А такую широкую реку, как Рейн, даже представить себе не могла. Я ей обещал, что в следующем году, весной, обязательно свожу ее в Вольцоген и конечно же покатаю на корабле по Рейну. Потом она взялась за меня серьезно:

– Лео, что ты собираешься делать с Ирмой? Ты просто обязан ей помочь. Она ведь столько перенесла. Она напомнила мне саму меня. Но

мне повезло, хотя я тогда так и не думала. А вот ей не повезло. Ничего не поделаешь, ты такой один. Но помочь ей надо.

– Ами, я и сам хочу ей помочь. И мне тоже ее жалко. Но мы пока ничего не решили. У Гюнтера есть какой-то толковый стряпчий, хорошо знающий законы империи, он должен что-то придумать.

– Даже если он ничего не придумает, не вздумай ее убивать. Вполне возможно, что она носит под сердцем твоего ребенка, а убить собственное дитя – страшный грех.

– С чего ты это взяла?.. – Неужели Ирма проболталась? На нее не похоже. Кто-то из офицеров? Могли что-то сболтнуть своим женам, но времени прошло слишком мало. Никто из офицерских жен в замок не приходил. Может, Курт своей Грете что разболтал? Нет – это вообще нереально. Вот ведь мисс Марпл...

– Лео, – продолжила она, – я тебя прекрасно знаю и поэтому понимаю, что такая смазливая служанка, коей она притворялась, в первый же вечер оказалась в твоей постели. Не волнуйся, я совсем не сержусь и не ревную. Я сама баронская дочка и прекрасно все знаю и понимаю. Ты же тогда не знал, что она баронесса. Но тем более надо что-то придумать и ей помочь. Бедная девочка, как же ей не повезло...

– Почему?

– Она встретила тебя, но ты уже оказался занят. – Она весело рассмеялась. – И потом, я ведь знаю, я чувствую, что ты любишь только меня и всегда будешь любить. И бабушка Агнетта так сказала, а она в этом разбирается – ведь все травницы немножко колдуньи, а она самая лучшая травница.

Ну, бабка, молодец. Надо будет ее премировать. И ведь не соврала ни капельки, я и в самом деле люблю Ами. Но все равно: вовремя рассказанная правда творит чудеса. Впрочем, Ами правильно сказала, она ведь баронская дочка и всего у себя в замке насмотрелась. Небось ее братики валяли служанок чуть ли не у нее на глазах. Да и папаша от них, наверное, не отставал. Так что относится она к этому и в самом деле спокойно. Ну и слава богу.

– И ты и бабка конечно же правы. Я люблю только тебя и всегда буду любить только тебя. Даже когда ты станешь такой же старенькой, как бабка-травница.

Мы вместе посмеялись. Было видно, что она по-настоящему счастлива. И я был очень этому рад. Сделать счастливой любимую женщину – что может быть приятнее и радостнее? Потом мы еще немного поболтали, и она ушла. Но на прощанье взяла с меня слово помочь Ирме.

Как будто я сам этого не хочу...

Потом решил пройтись по цехам Эльзы. Вообще-то я собирался на завод, но до обеда осталось всего ничего, и поменял планы. До обеда – к Эльзе, а после обеда – к Хайнцу. Эльзу нашел в ее каморке. Она сидела и что-то записывала. Увидев меня, просияла. Поцеловал ее, сел напротив.

– Что пишешь?

– Веду подсчет расхода пороха и патронов. Порох для пушек расходуется быстрее мушкетного, а при изготовлении – наоборот, мушкетного получается больше. А вот готовые патроны расходуются очень быстро. Склады же заполняются медленно. А ведь если будет очередной поход, то со складов опять все выгребут. Слишком много патронов расходуется на учениях.

– Ничего не поделаешь, учить мушкетеров надо. Без этого никак. Добавь людей на изготовление патронов. Если нужны люди, скажи Гюнтеру.

– Зачем? Мне и Вилда, если что, приведет сколько угодно девчонок. Ко мне желающих попасть очень много. Особенно молодых селянок. Думаешь, охота горбатиться с утра до вечера в деревне? Хотя сейчас, благодаря вам, в деревне и стало полегче. Хоть голодать перестали. Но работать приходится все равно от зари до зари. А здесь работают, только пока светло. Но в помещении-то темнеет намного раньше, чем на улице, – вот и получается, что свободного времени полно. И живут как господа, по двое в комнате. В деревне-то в одной комнате вся семья живет. Так что господина Гюнтера беспокоить ни к чему.

– Хорошо, тебе видней, но производство патронов надо увеличить. Скоро опять поход.

– Господи... – И она прикрыла рот ладошкой.

– Не волнуйся, на этот раз ненадолго. Кстати, ты знаешь, что Беата замуж выходит?

– Ну, к этому все и шло. В замке уже давно судачили о том, что к ней молодой подмастерье клинья подбивает. Счастья ей.

– Сама-то не собираешься? Невеста ты знатная, на тебя небось не только подмастерья заглядываются.

Она тут же бухнулась передо мной на колени. Я аж опешил. Тут это не очень-то принято. Тем более не ожидал такого от Эльзы. А она уткнулась мне в колени и рыдала. Я приподнял ее голову и заглянул в лицо.

– Эльза, что с тобой? Что случилось?

– Ваше сиятельство... – сквозь рыдания проговорила она, – не прогоняйте, прошу вас... Накажите, если в чем провинилась, но не

прогоняйте...

– Да с чего ты это взяла-то?

– Но вы же сами сказали, что мне замуж пора...

– Вот ведь глупая, – я поднял ее и усадил себе на колени, – да не собираюсь я тебя замуж отдавать, ты мне и самому нужна.

– Правда?

– Правда, правда.

Она тут же счастливо засияла. Надо же, только ведь рыдала, а уже радостно смеется. Я ее поцеловал и снял с колен.

– Пойдем пройдемся по цехам.

Мы походили немного, посмотрели. Люди работали споро и даже как-то весело. Хотя и молча. Но это пока. Сейчас начальство уйдет – и начнутся разговоры. Тут ведь одни девчонки. Разве они смогут молчать?

– Слушай, Эльза, а нет ли у тебя на примете толковой девушки или женщины? Мне для одного дела нужно.

– Ваше сиятельство, скажите, что за дело, – и я сама все сделаю.

– Нет, Эльза. Тебе и здесь работы достаточно. И потом, это надо делать не здесь, а в наших новых баронствах. Задумал я особое вино выделять, а виноград хороший как раз там и растет. Вот туда и надо ехать. А тебя так далеко от себя отправлять я не хочу.

Она с благодарностью посмотрела на меня. Потом о чем-то задумалась.

– Есть у меня несколько очень умных и толковых девушек. Я переговорю с каждой. Не волнуйтесь, ваше сиятельство, обязательно подберу вам кого-нибудь.

– Хорошо, Эльза. Только это не к спеху. В лучшем случае начнем это дело со следующего года. Но готовиться надо уже сейчас. Я тебе объясню потом, что я хочу, чтобы ты могла с девушками предметно разговаривать. Ну все, Эльза, мне пора.

Она пошла меня провожать. Уже у выхода я ей сказал:

– Сегодня ложись спать вовремя. Постараюсь к тебе прийти. Если приду, то разбужу. Не сиди всю ночь ожидая.

После обеда отправился на завод. Встреча с Хайнцем была очень теплой. Я был рад его видеть, а он аж прослезился. Как будто несколько лет не виделись. Он ходил по заводу и с гордостью мне все показывал. На заводе и в самом деле появилась пара новых цехов. Ну, не цехов, конечно, в нормальном, то есть моем, понимании, а пара больших сараев. Но они были утепленными, и для нынешнего времени это был просто верх комфорта. Обычно этим не заморачивались. Замерз – работай пошустрее и

согреешься. А у Хайнца в сараях с торцов стояли голландские печи. Так что даже зимой здесь будет тепло. Относительно, конечно.

В этих цехах как раз собирали различный сельхозинвентарь. Ковалось и выплавлялось все в другом месте, а здесь – только сборка. Правда, думаю, два цеха – это избыточно. Своих крестьян мы оснастим года за два, а потом куда это все девать? Из такой стали – и вдруг различные крестьянские прибабасы? У крестьян на это все денег нет. Да они и топор из нашей стали купить не смогут. А хозяева для своих крестьян ни в жизнь не раскошелятся. Так что сбыта у нашей продукции не будет. Ничего, переориентируем эти цеха на выпуск чего-нибудь другого. Хотя ничто другое, кроме оружия, сейчас спросом и не пользуется. И еще долго пользоваться не будет.

Ну что ж, будем торговать оружием. Своих оружейников в городе у нас много, а будет еще больше. Пусть вся Европа воюет нашим оружием, я не против. Все равно воевать будут. И кто-нибудь им будет делать оружие. Почему не мы? Можно будет потом и простенькие ручницы и кулеврины отливать. Как раз то, что и так сейчас повсюду уже делают. А у нас будет чуть лучше качество и чуть ниже цена. Так конкурентов и задавим. А уж за количество я совершенно не волнуюсь. Наклепаем этого барахла сколько угодно. Был бы спрос. А он будет. Англичане с французами еще больше полувека воевать станут, да и другие дома сложа руки не сидят. В Испании Реконкиста идет. Гранадский халифат испанцы только к концу пятнадцатого века завоюют. Вот там оружие всегда в цене. Правда, добраться до этого рынка мне будет сложновато. Ничего, пока можно и через посредников торговать, а потом и сам что-нибудь придумаю.

В замок вернулся к ужину. И Курт и Гюнтер были уже здесь. Их жены тоже. Так что разговор шел довольно оживленный. Вникать я не стал. Говорят и говорят. Есть много не стали – сегодня была запланирована баня, поэтому, посидев немного с дамами, потихоньку ушли. А вот в бане уже оттянулись повсюду. И попарились, и пивка попили. Там и поговорили насчет Ирмы. Оказалось, что вопрос ее решить можно, и даже без убийства ее и без заточения в монастырь. Можно было даже удочерить ее. И возраст тут не играл никакой роли. Но мне это, конечно, не подошло. Не то чтобы я на нее в дальнейшем имел какие-то виды, но ведь уже все было. А это как-то... не очень. Неправильно, в общем. Но был очень простой способ решить все проблемы. Через тот же вассалитет. Она официально, с заключением письменного договора, становится моим вассалом и передает мне все свои земли и все свое движимое и недвижимое имущество. А я обещаю заботиться о ней и защищать до конца ее дней. Или до ее замужества. Но

замуж выйти она может только с моего письменного разрешения и за того, кого найду ей я. А я ей разрешения никакого, конечно, никогда не дам. И вассальная клятва в случае моей смерти переходит на моих наследников.

Вот так. Все просто. Для меня. А для нее? Ведь это значит, что она обречена на одиночество. Нет, детей ей как раз иметь можно, но без венчанного мужа они будут считаться незаконнорожденными и прав никаких иметь не будут. Они даже баронами считаться не смогут. Да и она будет баронессой чисто номинально, только с моего согласия. Барон – это фрайхерр, то есть свободный господин, имеющий в собственности землю. А вот земли-то у нее уже не будет. Да, надо с ней разговаривать. Согласится она на такое или нет? Даже если не согласится, убивать все равно не буду. Дам денег и вышлю из графства. Пусть делает что хочет. Хоть собирает войско и идет отвоевывать свое баронство. Раз обещал не причинять вреда, значит, так и будет. Ну что ж, на этом и остановимся. Я об этом и сказал Гюнтеру. Он только посмеялся, сказав, что ничуть не сомневался, что именно этот способ нейтрализации молодой баронессы я и выберу, и поэтому завтра утром стряпчий с уже подготовленными бумагами будет в замке.

Потом Курт доложил о подготовке к походу в Швис. Здесь тоже все было неплохо. В Этингер, Кестлин и Абихт отправлены гонцы, и скоро оттуда подойдут затребованные мушкетеры. Сотня новобранцев, что проходила обучение в учебном лагере, в принципе готова. Ее влили в две ветеранские и сформировали три полноценные роты. Артиллерии достаточно. С пушкарями проблема, но учения идут весь световой день... А, вот почему Эльза жаловалась на сумасшедший расход пороха. Но на второй полк людей все равно не хватает. Стали считать вместе. Пришедшие из баронств мушкетеры составят полторы роты. По пути из Волцогена и Вирта заберем еще по одному взводу. Получается две полные роты с небольшим хвостиком. И больше людей взять негде. Наоборот, надо еще поставить гарнизон в поселок с пристанью. Пока что он совершенно не защищен. Там надо ставить парочку небольших фортов. Пушки для них мы найдем, а вот ни пушкарей, ни мушкетеров нет.

Если бы мы шли по суше, то можно было бы взять с собой сотню новобранцев и по пути хоть чему-то их обучить. Но на кораблях это сделать невозможно. Решили все-таки идти двумя неполными полками. В поселок отправить взвод мушкетеров, усиленный двумя пушками, и форсировать строительство фортов. Откуда взять взвод мушкетеров? Одно отделение – пришедшие из баронств, и еще два отделения надергать из фортов, что стоят вокруг Линдендорфа. И набрать еще две сотни новобранцев и

отправить их в учебный лагерь. Обучение ускорить, но не во вред самому обучению. Придется опять гонять ребят с раннего утра и до позднего вечера. Да и этих двух сотен не хватит. По возвращении армии из похода придется добавлять одну роту к неполному полку, и это если удастся избежать потерь. А то и все эти две сотни уйдут на пополнение вернувшейся армии. Воевать-то придется на незнакомой местности, да еще и в горах.

Там, конечно, еще не горы, а предгорья, да и то только их начало, но все равно мы к такой местности не привычны. Придется привыкать и учиться прямо на ходу. И много времени нам на хоть небольшую притирку к местности не дадут. Да нам и самим там долго маячить не с руки. Прийти, раздолбать быстро этот их город и уйти. Плохо, что довольно большое расстояние придется пройти по суше. Так что потери у нас наверняка будут. И эти две сотни новобранцев уйдут в полевые полки. Если и не все, то большинство. А ведь нужны еще солдаты в гарнизоны. Придется потом еще две сотни набирать. К сожалению, в лагере проходить обучение могли только две сотни новобранцев. Можно и больше нагнать, но тогда и условия жизни молодых солдат ухудшаются, и качество обучения падает. А это недопустимо.

Ладно, выкрутимся, не впервой. Главное, чтобы в наше отсутствие никто сюда не пожаловал. Желающих-то пограбить достаточно. Мой бывший сеньор, граф Марк, вряд ли сунется, знает, что в этом случае я по возвращении его опять на несколько баронств обдеру. Вот епископ Мюнстерский с вестфальцами сунуться очень даже может. И герцог Нассау пограбить не отказался бы. Но непосредственных границ у меня с ними нет. Это им идти через графство Марк. Пропустит он их? Если пойдут большими силами, то пропустит. Пришлет мне посланца с извинениями и оправданиями, но пропустит. Класть своих людей ради меня он не будет. Но я надеюсь, что все они просто не успеют. Я хоть и не скрывал ни от кого, что хочу отомстить швисам, но не говорил, когда я это сделаю. Вряд ли кто-нибудь может подумать, что после таких тяжелых и кровопролитных компаний я вдруг возьму и рвану в Швис.

Нет, никак они этого не ожидают. Ведь никто не поверит, что мы прошли через эти сражения почти без потерь. Поэтому отведут на формирование новых войск год, а то и два. Конечно, через некоторое время после нашего отплытия все об этом узнают, но собрать достаточно мощное войско никто просто не успеет. А там уже и я вернусь. Думаю, месяца мне хватит. А потом я уже буду готов встретить любую армию. Да и не попрется к нам никто, как только узнают о нашем возвращении. Но вот этот месяц

графству надо продержаться.

Поговорили и на эту тему. Гюнтер обещал послать своих купцов и в Мюнстер, и по городам Вестфалии, и в Нассау. Если где начнется нехорошее шевеление, то его предупредят. Хоть что-то он предпринять успеет. Но посылать какие-либо войска встречать противника я строго запретил. Набрать достаточно войск для встречи крупного рыцарского отряда Гюнтер не сможет, а посылать необученных солдат против рыцарей просто глупо. Каким бы оружием их ни снабдить, но если умения им пользоваться нет, то это просто мясо. Тяжелая конница их растопчет и не заметит. Следует закрыться в замках и ожидать нас. Линдендорф взять не сможет никто. Другие замки тоже продержатся. Жителей городов и частично деревень – укрывать в замках. Остальных разгонять по лесам. Сожженные дома потом отстроим, а вот новых людей взять негде. Но, думаю, до этого все же не дойдет.

Что интересно, они даже и слова не сказали против похода в Швис. Я думал, будут уговаривать отложить поход на год, а они воспринимали его как дело уже решенное и только думали, как бы это все повернуть наиболее безболезненно для графства. Никаких сомнений. Раз граф сказал – значит, так и должно быть. И ведь никаких финансовых дивидендов от этого похода мы не получим. Ведь идем не грабить, а мстить. Вот это тут и в самом деле не принято. Любая война должна приносить прибыль. А тащиться черт-те куда, потратив на это кучу денег и только для того, чтобы просто отомстить? Никто из власть имущих меня не поймет. Собственно, на это и расчет. После возвращения меня будут считать настолько отмороженным и неадекватным, что лезть ко мне остерегутся. Во всяком случае на несколько лет меня оставят в покое. Потом, конечно, многое из памяти выветрится и снова полезут, но несколько лет спокойной жизни у меня будет. За это время я смогу собрать графство в кулак, а то сейчас это просто разрозненные баронства, ничего общего друг с другом не имеющие. И фортов настрою по границе графства, на всех основных направлениях. А то ведь пока, смешно сказать, боюсь у себя же в графстве строить заводы и развивать какие-то производства где-либо кроме Линдендорфа.

Опять засиделись за полночь. Курта и Гюнтера уже немного повело. Пива они выпили, конечно, очень даже немало. Мне-то и пары кружек на весь вечер хватило, а вот они себе не отказывали. Их благородные женушки плебейский напиток им пить не давали и поили только вином, как и положено благородному человеку. Но пива-то охота, раньше-то только его и пили и не жаловались, вот они и налегли на него. Так что пошли по

комнатам. Курт с Гретой и так жили в замке, а у Гюнтера тут тоже была своя комната. А я пошел в свою спальню. Пришел, постоял посреди комнаты, развернулся и пошел к Эльзе. Она уже была в постели. Непонятно, спала или нет, но едва я вошел к ней в комнату – тут же вскочила и принялась меня раздевать, как будто я сам не в состоянии. Но в четыре руки и в самом деле получилось быстрее, и через какие-то мгновения мы были уже в постели. За все это время не произнесли ни слова. А и правда – зачем слова? Мы и без слов знали, что нам надо. Сегодня Эльза не вела себя, как сошедшая с ума кошка, но все равно вымотала меня здорово. Часа два с небольшими перерывами мы наслаждались друг другом, а потом просто молча лежали рядом. Мне было хорошо и спокойно. Черт возьми, и куда я прусь от такой замечательной жизни? Ну не дурак?..

– Лео, прошу тебя выполнить одну мою просьбу, – прервала мое самобичевание Эльза.

– Слушаю тебя, малышка. Что ты хочешь?

– Позволь мне родить от тебя ребенка. Я тебя очень прошу. Я не хочу ни за кого замуж, но и не хочу всю жизнь оставаться одной. Ребенок скрасит мою жизнь.

Да, интересная просьба. Она что, и в самом деле так запала на меня? Может быть. А вернее всего то, что она и в самом деле не сможет выйти замуж, вернее, не захочет. Не за кого ей выходить замуж в замке. За конюха? За слугу какого? Нет здесь для нее женихов. В городе можно найти, среди купцов или молодых мастеров. Да даже и подмастерьев. С ее деньгами он быстро мастером станет. Но она прекрасно понимает, что я никогда не отпущу ее из замка. Нет, прогуляться в город или по лавкам – всегда пожалуйста, но уйти из замка насовсем я ей позволить не могу. Слишком уж много она знает такого, что разглашению не подлежит. А выйдет она замуж за постороннего – и все мои секреты очень скоро станут и его секретами. И что ей остается? Только родить ребенка. Как говорили некоторые женщины в будущем – для себя. Именно для себя. Ведь жить и ни о ком не заботиться невозможно. Это противно природе человека. Многие люди в будущем ради этого заводят кошек, собак, разных птичек или рыбок. Здесь до этого еще не дошли. А рожать от кого-нибудь из слуг ей, наверное, не хочется, ну просто душа ни к кому не лежит, и меня потерять боится. Я ведь и в самом деле, узнав, что она от кого-то беременна, близко к ней больше не подойду. Да, ситуация...

– Хорошо, Эльза. Но давай подождем моего возвращения из похода. И готовь тогда кого-нибудь, кто временно сможет заменить тебя в цехах.

Заходить и проверять работу ты, конечно, будешь, но все время там торчать во время беременности тебе нельзя.

– Спасибо, Лео, спасибо...

Она уткнулась мне в грудь и заплакала. Ну вот, только этого и не хватало. Терпеть не могу женских слез. Но она, к счастью, быстро успокоилась.

– Не обращай внимания, любимый, – это от счастья. Я давно хотела обратиться к тебе с этой просьбой, но боялась, что ты рассердишься. Спасибо тебе. Не волнуйся, никто не узнает, что это твой ребенок. Только не отдавай его в монастырь, я сама о нем позабочусь.

В общем-то, ее опасения не беспочвенны. Бастарды были обычным явлением в замках. Конечно, с этим боролись. Служанки пили разные травки, чтобы не зачать, но не всегда это помогало. Если вовремя узнавали про беременность, то заставляли вытравливать плод. Но если уж ребенок родился, то чаще всего у него была одна дорога – в монастырь. Ну какой барон или граф, да даже и простой рыцарь, позволит своему ребенку, хоть и случайному, убирать навоз в конюшне? Ну а девочки попадали в монастырь совсем в юном возрасте. Ясно почему. Но бывали случаи, когда бастардов воспитывали вместе со своими детьми, а иногда даже и признавали. Но не всегда это хорошо заканчивалось. Объяснить маленькому человеку, что его братья и сестры лучше него только потому, что у них другая мама, – очень трудно. Человек со слабой волей просто ломался, и его в лучшем случае ждал опять же монастырь. Ну а в худшем... Всякое бывало. Времена сейчас простые, про права человека и разную там толерантность еще никто не слышал. Накосачил – получи кинжал под ребро. Так что я, в общем-то, здорово рисковал, давая такое разрешение.

Но и отказать не мог. И потому что и в самом деле она мне была очень дорога, просто как женщина. Дорога и желанна. И как специалист она для меня очень важна. Таких, как она, у меня, к сожалению, по пальцам пересчитать можно. На двух руках. И все, больше нет. Есть, конечно, преданные люди, и довольно много. Можно сказать, что вся армия мне предана беззаветно. Любой из них за меня отдаст жизнь не раздумывая. И это не преувеличение. Времена сейчас такие. Люди еще не научились предавать не задумываясь, а за предложение продать своего господина не задумываясь обнажали сталь. Конечно, в высших слоях знати всегда были и продажность, и предательство, и убийства из-за угла, но пониже, среди рыцарей, – это было редкостью. А уж простые кнехты если клялись кому-то в верности, то исполняли эту клятву не раздумывая, до самой смерти. Я прекрасно помню, как Курт со своим отрядом спокойно готовились

умереть за мальчишку-барона, которому они поклялись в верности. И никаких сомнений. Пришла пора умирать – значит, умрем. Такие же и все мои солдаты и офицеры.

Хотя среди немцев такое было всегда. Во всяком случае, современных немцев. Те немцы, которых я видел в будущем, на это уже не способны. Выродились, к сожалению. Папу с мамой теперь называют «родитель № 1» и «родитель № 2». Сейчас же за такое убили бы не раздумывая. Хорошо хоть в России еще более-менее нормально. Хотя и там гнили хватает. Но до голубых и розовых парадов, слава богу, еще не дошло, и толерантность в России понимают довольно своеобразно, и только за намеки о принадлежности к голубому сообществу вернее всего сразу получишь в морду, но все-таки, все-таки... Хотя это теперь не моя забота. Я до тех времен не доживу, так что нечего и переживать. А переживать надо о том, как из преданных мне людей вырастить специалистов. Хоть в чем, разных. Мне любые сойдут. И ведь есть такие, наверняка есть, но как их выявить и узнать, к чему у кого душа лежит, где их лучше использовать... Ведь от этого и мне и им лучше будет.

Вон Эльза. Ведь приставил ее к делу совершенно случайно, просто под руку попала. Вернее, конечно, не под руку, но это не важно. Зато теперь какого специалиста имею – что ни поручишь, все выполнит, и не как-нибудь, а с выдумкой и, как говорится, с разумной инициативой. Надо будет после возвращения из похода прошерстить все свои войска и наиболее сообразительных и инициативных ребят отобрать и направить учиться. У меня ведь народ в войсках в основном молодой, до двадцати лет. Редко кто старше. Специально таких набирал. Среди них сообразительных и с незашоренным взглядом на жизнь набрать будет проще...

Так за размышлениями и уснул. Но проснулся как обычно. Эльза сладко посапывала. Хотел ее разбудить, но пожалел. Очень уж «вкусно» она спала. Потихоньку оделся и пошел к себе. Разобрал постель и хотел лечь еще поспать, но понял, что все равно не засну. Разделся и залез в ванну. Вода была чуть теплая, но мне и такая по нраву. Закрыв глаза и представил, что я где-нибудь на юге, летом. Лежу в море. Там тоже вода не очень теплая, не кипятки, во всяком случае, но вот так лежать в прохладной воде очень приятно... Очнулся от того, что почувствовал: на меня кто-то смотрит. Открыл глаза. На краю ванны сидела Ами в одной камизе и улыбаясь смотрела на меня.

– Вот. Проснулась рано и не смогла больше заснуть. Потом вспомнила, что ты тоже рано встаешь, и пришла к тебе. А тебя нет в постели. Заглянула сюда, а ты лежишь и о чем-то мечтаешь. И о чем же ты мечтал?

– Не о чем, а о ком. О тебе, конечно, дорогая.

– Врунишка ты, Лео. Но все равно мне очень приятно. Спасибо тебе. А теперь я пойду, а то, глядя на тебя, меня аж трясти начинается от желания. Но нельзя. Встретимся за завтраком. До встречи, Лео.

Встала и ушла. И чего приходила? А если бы меня не было? Может, я у какой служанки завис? Или вообще та со мной спит? Нет, она знает, что в нашу с ней постель я никого не притащу, но все равно, могла и не застать меня в спальне. Расстраиваться бы стала, нервничать. Оно ей надо? Поговорить, что ли, с ней? Хотя зачем, все равно через недельку уйдем. Ни к чему ее лишний раз нервировать. А в спальню я могу возвращаться и пораньше. Мог бы не спать у Эльзы, а прийти к себе.

Ладно, пора собираться. На завтрак еще рано, но можно просто посидеть и попить бабкиного чая. А ведь, в принципе, и сейчас можно чай достать. Из Китая его возят. Правда, сейчас только зеленый – прожаривать чайный лист, чтобы получился черный чай, еще не научились. Вернее, никому такое в голову еще не пришло – портить столь дорогой продукт. А я вот больше люблю, вернее – любил, именно черный чай. Надо будет заказать Гюнтеру, он обязательно достанет. Ничего, буду пить зеленый чай, тоже неплохо. Хотя и бабкины травки тоже хорошо идут.

Спустился вниз и уселся на свое место. Служанка с кухни мне принесла уже заваренный бабкин чай. Сидел и наслаждался тишиной. Замок еще спал. Хотя кое-где уже раздавался какой-то шум. Ну, на кухне уже точно трудятся вовсю. Накормить такую траву – это сколько же готовить надо? А сколько у меня в замке, интересно, людей? Никогда этим не интересовался. Спросить у Ами, что ли? Она наверняка знает. А зачем? Все работает, все, так сказать, функционирует, так зачем мне лезть в этот сложный механизм?

Наконец пришла Ами.

– Давно здесь сидишь?

– Да как ты ушла, оделся и спустился. Вот сижу скучаю.

– Вы вчера что-нибудь решили насчет Ирмы?

– Да, есть один вариант. Не знаю, понравится он ей или нет, но это единственное, что я могу ей предложить.

Я рассказал Ами, что мы вчера решили насчет Ирмы, и попросил поговорить с ней и объяснить все. Если она согласится, то скоро приедет стряпчий из города, и тогда мы все официально оформим. А потом я еще этот договор для верности зарегистрирую в магистрате. Если же не согласится, то я выдам ей гильденов двести и отправлю или в Дюссельдорф, или в Дуйсбург, на выбор. Ами обещала поговорить с ней и

даже уговорить, потому что ни в Дюссельдорфе, ни тем более в Дуйсбурге ее ничего хорошего не ждет. Ну и ладно, мне же лучше. А то говорить такие неприятные вещи девушке, с которой был близок, не очень легко. Попросил Ами прислать Ирму, после разговора с ней, ко мне в кабинет.

После завтрака поднялся в свой кабинет, вернее, кабинет моего отца. Сам я здесь почти не бывал. Когда-то я попросил Гюнтера, чтобы он разобрался с отцовскими бумагами. С тех пор здесь царил идеальный порядок. Даже пыль кто-то периодически вытирал. Сел в кресло. Оно было неудобным и жестким. Какое-то все угловатое: как ни повернись, все равно неудобно. Надо будет вызвать кого-нибудь из столяров и заказать нормальное кресло. После похода мне много времени придется проводить в кабинете, а долго я в таком кресле не высижу. Да, сразу видно, что старый барон был не любитель бумажной работы. Проверил ящики в столе. В одном из них лежали листы хорошей и дорогой бумаги. А чем писать? Ага, свинцовый карандаш... Вообще-то сейчас пишут гусиными перьями. И чернила уже давно придумали. Но ни перьев, ни чернильницы на столе не было. Ну и ладно. Все равно мне привычнее карандашом.

Пришла наконец Ирма. Я указал ей на стул напротив меня.

– Здравствуй, Ирма. Как ты?

– Здравствуйте, ваше сиятельство. Спасибо, все хорошо.

– Брось мне выкать, Ирма. Мы не на официальном приеме. Ами говорила с тобой?

– Да, Лео, говорила. Я согласна.

– Ирма, подумай еще. Вопрос очень серьезный. Обратной дороги ведь не будет. Может, тебе в самом деле лучше отправиться в Дюссельдорф? Там Вильгельм выдаст тебя замуж. Какой-никакой, а муж у тебя будет. Может, и дети появятся.

– Нет, Лео, это очень плохая мысль. Замуж меня никто не возьмет. И не принимай это на свой счет. Девственница я или нет – это не имеет никакого значения. Даже если бы за мой подол держалась куча детей, но у меня было бы баронство – женихи бы в очереди стояли. А так я никому не нужна. И заставить на мне жениться Вильгельм никого не сможет, да и не захочет. Кто ему я? Никто. И что я там буду делать? У меня три пути. Или тот, что предлагаешь ты, или в монастырь, или головой в омут. Так что я согласна с тем, что ты предлагаешь. Не такой уж плохой вариант – быть на полном обеспечении у самого богатого графа в империи... И еще, Лео. Я ни слова не говорила твоей жене о нас, но она, похоже, все знает. И все равно относится ко мне, как к сестре. Мне очень неудобно, Лео. Хотя я ни о чем не жалею. И предупреждаю тебя сразу, – она лукаво улыбнулась, – как

только у меня появится возможность попасть к тебе в постель, я этой возможностью тут же воспользуюсь. И меня ничто не остановит, хоть я и отношусь к Амалии очень хорошо. И я уверена, что полюблю ее, как сестру. И мужа отбирать у нее не буду. Но хоть немного ласки для себя я все равно урву.

– Ирма, я не буду возмущаться и кричать: «Никогда и ни за что!» Жизнь есть жизнь. Если получится так, что мы никому своими встречами не причиним вреда, то почему бы и нет. Но что-то обещать я тебе не буду. Договорились?

– Договорились. Но сегодня ночью жди меня в гости.

– Нет, Ирма. Лучше уж давай я к тебе приду. В своей спальне я сплю только с женой, не обижайся. Просто это принципиально. Для меня, во всяком случае.

– Хорошо. Я согласна. Зови своего стряпчего.

Я встал и выглянул за дверь – никого. Да, хреновато у нас тут с безопасностью. Хотя, с другой стороны, что мне может угрожать в собственном замке? Но хоть бы слуга какой находился поблизости... Придется самому идти. Я повернулся к Ирме и развел руками. Она только рассмеялась. Я, чертыхаясь, пошел вниз. Гюнтер со стряпчим сидели в зале. Я им махнул рукой. Они встали и подошли.

– Ваше сиятельство, что, послать, что ли, некого? Почему сами нас зовете? – спросил Гюнтер.

Я только махнул рукой, улыбнувшись. Он тоже рассмеялся. Вот ведь ехидны... Что та, что этот. Поднялись в кабинет. Все бумаги оформили минут за двадцать, и то только потому, что я их внимательно перечитывал. Ирма подписывала не глядя. Потом собрались и все вместе отправились в город, регистрировать все это в ратуше. И еще я хотел, чтобы вассальную клятву Ирма мне принесла в соборе, тогда уж вообще ни у кого никаких вопросов не возникнет. Хорошо что стряпчий приехал в небольшом возке, и было куда усадить Ирму. Обрато ему тоже придется с нами ехать. Ничего, не переломится. В городе управились часа за два. Потом вернулись в замок. Гюнтер с нами не поехал, сославшись на дела, но он мне, в принципе, пока и не был нужен. Все равно я день решил провести в лагере.

Приехав в замок, поднялись в кабинет. Элдрика я позвал с собой. Зайдя в кабинет, уселся в свое кресло. Ирма опять села напротив, а Элдрик остался стоять у дверей.

– Элдрик, познакомься – это баронесса Ирма фон Вирт. С сегодняшнего дня она мой секретарь.

Они оба, выпучив глаза от удивления, уставились на меня. Ирма еще и

рот открыла.

– Госпожа баронесса, не удивляйтесь, но у меня в графстве принято всем трудиться. Бездельников сразу выпроваживают за пределы графства, а особо настырных – вешают. Оплату мы потом с вами согласуем. И вот вам первое задание. Помнится, вы как-то говорили, что читали книгу об охране сенаторов в Древнем Риме? Вот здесь бумага и карандаш, попрошу вас записать все, что вспомните. Потом все вместе это обсудим. Элдрик – начальник моей охраны, поэтому ему тоже будет полезно поучаствовать в обсуждении. Может, что-нибудь и возьмем на вооружение. Все-таки древние римляне были не глупыми людьми. Все, госпожа баронесса, садитесь и работайте.

Я встал с кресла и вышел из кабинета. Элдрик последовал за мной. Ну что ж, пусть девочка немного встряхнется и почувствует себя не приживалкой, а нужной и полезной помощницей. Думаю, это ей понравится.

Мы спустились вниз. Я приказал Элдрику дожидаться меня с лошадьми у ворот замка, а сам пошел к Ами. Нашел ее в небольшой комнате, где женщины обычно собирались посплетничать. Они сидели вдвоем с Эммой и о чем-то беседовали. Эмма как увидела меня, тут же вскочила и чуть ли не вылетела из комнаты. Я подошел к Ами и поцеловал ее.

– Что это она меня так боится? Что я ей сделал-то?

– Она сама не понимает. Говорит, с первой встречи так. Как увидит, так от страха ноги отнимаются.

– Врет. Вон как шустро рванула. Так что с ногами у нее все в порядке. Ну это ее дело.

Я рассказал Ами, как все прошло и что назначил Ирму своим секретарем. Пусть трудится. Потом приказал не ждать меня к обеду, а может, и к ужину. Хотя на ужин я и постараюсь успеть. Объяснил, что хочу проверить готовность молодых мушкетеров, побегать и пострелять вместе с ними. Поцеловал ее и ушел. По пути к воротам заскочил в цех к Эльзе и предупредил ее, что сегодня к ней не попаду, так что она может выспаться. От нее пошел к воротам.

Прибыв в учебный лагерь, приказал построить новобранцев. Хотя они и были распределены по ротам, но тренировались пока отдельно, с большим напряжением. Уже все были в новой, еще не успевшей истрепаться форме. Доспехи тоже новенькие и, казалось, даже блестящие. Хотя как могут блестеть черненые кирасы? Подошел ближе, присмотрелся... Ба, масло! Натерли обыкновенным растительным маслом,

вот они и блестят на солнце. Да, кто-то сегодня получит втык. Ну а пока побегаем. Отсюда и до вечера. Я вызвал сержанта, временного командира этой сотни. Сержанты менялись каждый день, и их действия тоже оценивались. Кто-то так и оставался сержантом, а кто-то становился прапорщиком.

Я приказал выводить сотню из лагеря и выходить на маршрут номер три. Это был маршрут средней тяжести, довольно протяженный, с оврагами и ручьями, но доходили до конца обычно все. Вот четвертый, а особенно пятый – это да, это что-то запредельное. Постоянно по лесу и холмам, с многочисленными оврагами, и даже одной довольно глубокой речкой. И практически все время бегом, только иногда разрешалось переходить на быстрый шаг. Я этот маршрут на своих двоих ни разу не прошел. На более-менее открытых местах всегда садился на коня. А третий маршрут проходил, и не раз. Поэтому за воротами лагеря соскочил с коня и присоединился к солдатам. Правда, на мне не было кирасы и в руках я не держал мушкет, но моя кольчуга была не намного легче кирасы, а на поясе из кобуры торчал пистолет. Но хватило меня только километра на три, а потом ноги начали подгибаться, да и дышалка стала подводить. Чтобы не оконфузиться, я подозвал взмахом руки Элдрика с моим конем и вскочил в седло. Слава богу, получилось быстро и непринужденно. Но прошло минут десять, пока я смог нормально разговаривать.

– Черт, раньше я этот маршрут в числе первых пробегал...

– Так по ночам спать надо, ваше сиятельство, – съехидничал Элдрик.

– Откуда знаешь?

– А кто не знает?

Вот так. Конспиратор хренов. Все всё знают. И Ами наверняка знает. Но ведет себя совершенно спокойно. Может, и в самом деле не переживает? Ладно, сейчас ничего менять не стану, а вернусь – поговорю с ней. Срок у нее будет как раз критический, и если ей окажутся неприятны мои похождения, то все прекращу. Буду терпеть.

Проскакав еще километра два рядом с сотней, поравнялся с сержантом:

– Движение продолжать до конца. Темп увеличить. Если будет хоть один отставший, не важно по какой причине, тогда всей сотне – ночной марш-бросок по второму маршруту. Выполнять.

Сержант что-то прохрипел в ответ. Да, не завидую теперь солдатикам. Но отставших наверняка не будет. На себе, если что, дотащат. И хотя второй маршрут – довольно простой, но бежать по нему ночью? Брр.

Мы развернулись и поскакали в лагерь. Там погонял немного одну из

рот с перестроениями на ходу и пообедал вместе с ней. После обеда часа три палил из пистолетов и мушкета на стрельбище. Хотя душу отвел. Потом тщательно почистил свои пистолеты. Все, пора в замок.

Ужинали, как всегда, вдвоем с женой.

– Ами, пока меня не будет, ты не ешь одна. Приглашай своих подруг. Да и все, кто живет в замке, – и Грета, и Эмма, и Ирма... – могли бы составлять тебе компанию. Так хоть повеселее будет.

– Спасибо, Лео. Я давно хотела попросить тебя об этом, но боялась, что тебе будет неприятно их присутствие за столом.

– С чего бы это? Я в походе всегда ем вместе с мушкетерами или пушкарями, и ничего.

– Ну это же в походе... А в замке это как-то не принято. За столом сидит обычно только семья. Лишь по праздникам – все вместе.

– Брось, Ами. Принято, не принято – какая разница. Плюнь. Делай как тебе нравится, я свою жену никогда осуждать не буду, а на других плевать.

Она весело рассмеялась. Наконец-то, а то какая-то хмурая была. После ужина еще часа три сидели с ней и весело болтали. Я, естественно, не уставал повторять, как сильно ее люблю. И всегда буду любить только ее. Она просто млела от этих слов. Наконец проводил ее в спальню и даже уложил в постель. Посидел с ней, пока она не уснула. А сам думал – идти к Ирме или не идти. С одной стороны, от жены сразу к любовнице – не очень-то хорошо. А с другой – обещал ведь... Девчонка ждет. Да и самому хочется. А, гори оно все синим огнем... Поднялся и отправился к Ирме. Ее комната была в этом же крыле, совсем недалеко.

Она и в самом деле ждала.

– Наконец-то... – прошептала она, – я уж боялась, что ты не придешь...

Да, темперамент, конечно, сумасшедший. А может, это от долгого воздержания? Хотя какого «долгого»? Только неделя прошла. Трудновато ей будет. И мне тоже. Выдержал я только часа два. Потом полностью выдохся. Правда, и она еле шевелилась. Я стал одеваться.

– На ночь не останешься?

– Я бы с удовольствием, но Ами по утрам иногда заходит ко мне. Не хотелось бы ее расстраивать. В ее положении это ни к чему. – Я поцеловал ее. – Перед уходом постараюсь навестить тебя еще раз. До завтра.

Отправился к себе. Вот ведь... Опять завтра буду как сонная муха. А ночью к Эльзе идти. Скорее бы в поход, а то надорвусь. И ведь самого тянет, как магнитом. Верно в Писании сказано, что женщина – это сосуд греха. Но до чего же сладкого... И отказаться от него невозможно. Для

этого надо быть святым. Но я-то не святой. И все же как-то ограничивать себя придется. Буду ходить к ним с утра, все равно просыпаюсь до зари. Пусть лучше они весь день зевают, чем я.

Завтракали большой компанией. Были и Грета, и Ирма, и Эмма. Ну и конечно Ами. Девчонки весело о чем-то щебетали, только Эмма от моего взгляда как-то сжималась. Ну, это ее проблемы, в конце концов. После завтрака я пригласил Ирму к себе в кабинет. Сегодня мы были одни, так что обошлись без выканья.

– Ирма, мы скоро уйдем, ты это знаешь, конечно. Так вот, я хочу, чтобы за время нашего отсутствия ты разработала систему охраны замка и всех значимых людей графства. Когда вернусь, обсудим. Но ты, как мой секретарь, какие-то элементы этой системы можешь вводить и до моего возвращения. Обрати особое внимание на Ами и на патронный и пороховой цеха. И еще. Присмотри за Эльзой. Она иногда ездит в город. Так вот, ее всегда кто-то должен охранять. В городе слишком много посторонних, и вполне возможно, что кто-нибудь из них пронюхает, чем она занимается в замке, и захочет пообщаться с ней поближе. Этого не должно произойти. Посоветуйся с Гюнтером. В городе у него достаточно агентов, пусть и с тобой иногда делится информацией. Той, что касается непосредственно замка. Я его предупрежу. Всех слуг перепиши, и о каждом и каждой ты должна знать все. В общем, работай, а я потом оценю. Да, и насчет твоего содержания. Как мой секретарь и мое доверенное лицо, ты будешь получать пятьдесят гульденов в месяц. Все, можешь идти.

Ну что ж, посмотрим, на что ты способна. Один раз я не ошибся и теперь имею отличного спеца-производственника. Может, и с тобой повезет. Вроде ты девочка шустрая и пронырливая – вон как ко мне по ночам пробиралась... Так, а теперь опять в лагерь. Проверим, как вчера сотня новобранцев провела марш-бросок.

Следующая неделя пролетела как-то незаметно, в постоянной беготне. Я метался между лагерем, заводом, городом и замком. Хотя по утрам не забывал посещать Эльзу с Ирмой. По очереди, конечно. Хоть выспаться стал. Один раз даже пробежал с мушкетерами половину четвертого маршрута – даже не очень-то и запыхался. Мог бы и еще пробежать, но до конца маршрута меня бы все равно не хватило. Ничего, восстановлюсь. Во время плаванья по реке делать все равно нечего будет, так что и отдохну, и мечами с Элдриком позвеню.

И вот наконец погрузка на корабли. Я брал с собой все струги, и малые и большие. Боеприпасы распределили по всем кораблям, так что в любом случае без них не останемся. И взяли их столько, что и на две компании

хватит. Ничего, если что – обратно привезем. Все погружено. Со всеми я еще в замке попрощался, на пристани нас провожают Гюнтер и Хайнц. Я уже на корабле. Вот и отплытие. Я помахал им рукой. Ничего, скоро встретимся.

notes

СНОСКИ

Военная служба вассала своему сеньору в течение 40 дней в году. Повинность эта соблюдалась не всегда. Можно было отдать деньгами, а то и просто пренебречь, если сеньор не очень силен. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Динстман в иерархии средневековой Германии стоял выше горожанина, но чуть ниже свободного рыцаря. Военное сословие.

Штукофен, как и блауофен, – предтеча доменной печи. Но если в домне получали только чугуны, то в штукофене – и чугуны, и сталь, и мягкое железо. Правда, все отвратительного качества. Чугуны вообще только на выброс. Железо и сталь приходилось очень долго проковывать, чтобы выбить все примеси.

Министериял — то же, что и динстман, но больше все-таки с гражданским уклоном. Хотя тогда четкого разделения между гражданскими и военными не было. Каждый должен был уметь защитить свою жизнь. А уж благородный, не умеющий владеть мечом, вообще нонсенс.

Камиза – нижняя рубаха с длинными рукавами. У женщин она доходила до щиколоток. Котта – туникообразная верхняя рубаха с рукавами. Одевалась поверх камизы. У женщин – до самых пят. Вместо котты можно было надеть котарди – удлиненную куртку с короткими или длинными рукавами и застегивающуюся спереди, но она была дороже котты. Сюрко – длинный и просторный плащ-нарамник типа пончо. Надевался чаще всего на доспехи. Но зимой надевался просто для тепла.

Цапфа – ось для крепления пушки к лафету. Обычно на «единороге» значительно выдвигались вперед для удобства придания необходимого положения стволу, для стрельбы по нависающей траектории.

Эскарсель – крошечный портфельчик из крепкой кожи, прикреплявшийся к поясу несколькими застёжками.

Обращение к незамужней женщине, девушке в Германии.

Редут – полевое укрепление сомкнутого вида, с валом и рвом, предназначено для круговой обороны. Может быть четырехугольным, шестиугольным и так далее.

Люнет – то же, что и редут, но открытое с тыла.